

ГУМАНИТАРНЫЙ ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(г. Гродно)

ЕВРОПЕЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(г. Вильнюс)

Д.В. Карев

**Белорусская и украинская
историография
конца XVIII –
начала 20-х гг. XX в.
в процессе генезиса
и развития национального
исторического сознания
белорусов и украинцев**

ВИЛЬНЮС
ЕГУ
2007 г.

УДК 930(476+477)
ББК 65.04(4Бел)
К21

Рецензенты:

Голенченко Г. Я., главный научный сотрудник Института истории
Национальной академии наук Беларуси, доктор исторических наук;
Масненко В. В., заведующий кафедрой истории и этнологии Украины
Черкасского национального университета им. Богдана Хмельницкого,
доктор исторических наук, профессор;
Нечухрин А. Н., профессор кафедры всеобщей истории
Гродненского государственного университета им. Я. Купалы,
доктор исторических наук

Карев, Д. В.

К21 Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг.
XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания
белорусов и украинцев. – Вильнюс: ЕГУ, 2007. – 312 с.

ISBN 978-9955-9878-5-7.

В монографии впервые в отечественной исторической науке исследуется проблема рождения и становления белорусской национальной историографии конца XVIII – начала XX вв. в сопоставлении с аналогичными процессами становления украинской национальной историографии этого периода.

Судьба белорусской и украинской историографии раскрывается на базе широкого круга опубликованных источников, впервые вводимых в научный оборот из архивов Восточной Европы. Прослеживается тесная связь развития исторических знаний в Великом княжестве Литовском и Белоруссии (XVIII – начала XX в.) с украинской историографией, социокультурным и политическим контекстом эпохи, влияние белорусской и украинской историографии на процесс становления исторического сознания белорусского и украинского этноса.

Для студентов, аспирантов, преподавателей истории и культурологии, всех интересующихся историей белорусской культуры.

УДК 930(476+477)
ББК 65.04(4Бел)

Издание осуществлено в рамках проекта
«Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова»
при поддержке фонда Карнеги (Нью-Йорк)

ISBN 978-9955-9878-5-7

© Д. В. Карев, 2007

© Европейский гуманитарный университет, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПРОБЛЕМЫ	18
1.1. Изучение белорусской и украинской историографии конца XVIII – начала XX вв. в исторических трудах отечественных исследователей новейшего времени	18
1.2. Источники по истории белорусской и украинской историографии XVIII – начала XX вв.	34
ГЛАВА 2. У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИОГРАФИЙ (XVII – НАЧАЛА 30-х гг. XIX вв.)	54
2.1. Формирование исторической науки Великого княжества Литовского и Украины в период раннего нового времени (основные тенденции)	54
2.2. Начало белорусского и украинского источниковедения	76
ГЛАВА 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА БЕЛОРУССИИ И УКРАИНЫ И ГЕНЕЗИС ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ И УКРАИНЦЕВ в 30-х – НАЧАЛЕ 60-х гг. XIX в.	109
3.1. Политика российского царизма и формирование образа исторического прошлого Белоруссии и Украины в российской историографии дореформенного периода	109
3.2. Вильно, Харьков и Киев как центры исторических и архивно-археографических исследований Белоруссии и Украины 30-х – начала 60-х гг. XIX в.	148

ГЛАВА 4. БЕЛОРУССКАЯ И УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ПЕРИОД ПОРЕФОРМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ (1860–1920-е гг.).....	169
4.1 Западноруссизм и его представители в белорусской и украинской историографии пореформенного периода.....	169
4.2.Формирование либерального и демократического направлений в белорусской и украинской историографии 70-х гг. XIX – начала XX вв.	206
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ	253
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	260

ВВЕДЕНИЕ

Современному читателю не надо рекомендовать блестящие работы по истории России XIII–XIX вв. А.А. Зимина, историка и писателя Н.Я. Эйдельмана, исследования по истории Французской буржуазной революции А.З. Манфреда, «Блокадную книгу» А. Адамовича и Д. Гранина. [Ш, 60–63, 164, 385, 386]. Их читают, спрашивают, спорят, их трудно, невозможно найти на прилавках книжных магазинов. Свообразным ответом на этот читательский голод в исторической литературе можно считать произведения литераторов и историков Белоруссии: В. Короткевича, К.И. Тарасова, А. Мальдиса, С.А. Подокшина, В.П. Грицкевича, В.С. Поссе, В.С. Клейна, Н. Ермоловича и др. [Ш, 54, 55, 71, 130, 151, 152, 197, 206, 240]. И хотя сделано уже немало, но в целом и сейчас спрос, как говорится, намного превышает предложение. Неисследованными остаются целые пласты яркой и драматичной (а порой и трагической) исторической судьбы белорусского народа, «вылепившей» его национальный характер и сформировавшей его исторических деятелей (Ф. Скорины, С. Будного, Л. Сапеги, М. Смотрицкого, С. Полоцкого, К. Лыщинского, И. Хрептовича, М. Огинского, А. Мицкевича, И. Даниловича, К. Калиновского, А. Дунина-Марцинкевича, Е.Ф. Карского, М.В. Довнар-Запольского, А. Луцкевича, Я. Купалы, В. Ластовского, А. Цвикевича и др.). Будущего историка Белоруссии еще ожидает огромная работа как по дальнейшему изучению событий белорусской «старины», так и расшифровке их

смысла. Предстоит воскресить еще немало исторических лиц и событий, чтобы «лики» прошлого проявились из тьмы столетий со своими контрастно очерченными, индивидуальными чертами. А сложные исторические явления предстали во всем своем историческом разноцветье и были увидены сквозь призму диалектики жизни, а не с позиций очередного цехового «парикмахера» от истории, любителя «причесывать» ее под бытующие или заданные «свыше» трафаретно-гладкие лобовые оценки и схемы.

Современная ситуация в науке с ее нарастающим дроблением на все новые и новые направления и отрасли имеет не только положительные, но и негативные стороны. Одна из них – формирование ученого, слабо представляющего, что делается на сопредельной территории. Подобных специалистов еще в XIX в. Ф.М. Достоевский едко охарактеризовал как «специалистов по одной ноздре». К сожалению, такой тип ученого не является исключением и в Белоруссии. Локализация в одной узкой проблеме не позволяет не только видеть то целое, частью которого она является, но и мешает верному определению места исследования, которому иной ученый посвящает всю свою жизнь. И все же налицо сегодня и новые веяния.

В развернувшихся ныне ожесточенных, острых баталиях за новое видение прошлого, как в публицистике, так и в исторической науке республики, разумеется, не все версии выглядят достаточно доказательными. Но само наличие и не самых сильных звеньев в цепи новых исторических реконструкций может сослужить хорошую службу историку, желающему дойти до сути в изучении ряда важных и сложных проблем истории Белоруссии, до сих пор являющихся «белыми пятнами» отечественной историографии. К таким неизученным или мало изученным местам, требующим своего осмысления и специального обстоятельного исследования, относятся проблемы: исторической географии Великого княжества Литовского, где одним из главных является вопрос о роли географического фактора в истории белорусско-литовской государственности; особенностей этнической психологии жителей феодальной Белоруссии; потерь и приобретений белорусского народа в ходе своего исторического развития в XIII–XX вв.; роли православной, католической и униатской церковью в истории белорусской культуры XVI–XVII вв.; истории формирования исторических знаний в Белоруссии XVI – нач. XXI вв., как фактора национального самосознания и др. [III, 102–125].

История Белоруссии, яркая и многострадальная, сегодня, как никогда ранее, приковывает к себе внимание не только историков-профессионалов, но и людей из самых различных социальных слоев нашего общества. Страстные споры о нашем «былом» в связи с современными «думами» – характерная примета времени. Времени жарких споров до хрипоты, болезненной ломки привычных схем, понятий и образов прошлого. Переломное для общества Время всегда усиливает в нем температуру исторической рефлексии, вновь поднимает «проклятые» вечные вопросы, заставляет круто менять устоявшиеся оценки и само видение «Прошлого – Настоящего – Будущего», корректирует характер исторического зрения. Как следствие, общество открывает для себя не только «белые пятна», а и целые «белые зоны» такой, казалось бы, обжитой и понятной до недавнего времени отечественной истории. В чем причины, как будто бы вдруг образовавшихся информационных лагун в нашем знании о своем же прошлом. Только ли закрытость ряда источников, технологическое несовершенство профессиональной кухни цехового историка, равнодушие общества к своим историческим корням, неуважение к сохранению своей исторической памяти? Возможно частично и это, но лишь частично! Главная вина в повальной амнезии исторической памяти, все же лежит на той тоталитарной системе, которая жестко определяла более 70 лет, «как надо видеть и как надо писать историю», что в ней истинно, а что ложно, что «добро», а что «зло». Именно она в конечном итоге определяя силовыми методами характер и фокусировку исторического зрения ряда поколений, помогла этим поколениям создать фальсифицированный дубликат реального Прошлого, чудовищно деформировала структуру исторического сознания народов Российской империи и бывшего СССР. Путь, пройденный белорусской историографией в рамках «российско-имперского» и «союзного» периодов, красноречиво и доказательно подтверждает, как нам представляется, этот исходный тезис.

Изучение объективных (природо-вещных, политических и социокультурных) факторов формирования исторического сознания белорусов в ходе основных этапов их исторического развития в XVIII–XX вв., исследование специфики проявления исторической памяти на каждом из этих этапов, раскрытие ее структуры и закономерности развития, выявление степени влияния исторического сознания на процесс этнической консолидации белорусского этноса и специфики его проявления в

различных социальных и конфессиональных группах слабо изучались в отечественной историографии XX в. Правда, отдельные источниковедческие аспекты проблемы звучали в историографической традиции конца XIX – XX в. (работы А. Пыпина, А. Шахматова, С. Пташицкого, М. Довнар-Запольского, А. Цвикевича, А. Шлюбского, В. Чемерицкого, Н. Улашика, А. Резника, А. Мальдиса и др.) [III, 76, 89, 239, 240, 245]. Однако весь богатейший комплекс источников историографической информации не стал еще объектом исследовательского внимания. Опираясь на эти информативно-представительные виды источников (фольклор, публицистика, правительственный официоз, мемуары, исторические изыскания историков XVIII–XX вв., архивы учреждений идеологического характера и др.), современный исследователь может предпринять первые попытки реконструкции исторической памяти белорусов в рамках рассматриваемого периода.

Именно в XVIII–XX вв. историография приобретает статус главного орудия государственной политики в сфере идеологии. Становится важнейшим элементом коммуникативного механизма передачи информации между поколениями или института этнизации, основу которого составляет: тиражирование текстов в СМИ, система государственной политики в сфере культуры, образования, художественная литература.

Как справедливо отметит известный белорусский исследователь В.П. Грицкевич: «Цікаваць да гісторыі заўсёды натуральная. Гэта не толькі цікаваць да яшчэ не вядомых фактаў, але і патрэба пераасэнсаваць ужо вядомыя. Гэтая цікаваць і патрэба залежаць ад культуры, з пазіцыі якой адбываецца такое пераасэнсаванне. Найчасцей увага да гісторыі ўзмацняецца ў часы ўзрушэнняў і благіх прыкмет, няўпэўненасці і змен, калі гісторыя здаецца людзям настолькі неабходнай і карыснай, што яны падаюцца спакусе пераглядзець яе нанова. У многіх народаў, не выключаючы і беларусаў, цікаваць да гісторыі выклікаецца балючай стратай спадчыны, упэўненасці і даверу, крызісам самасвядомасці і нацыянальнай і гістарычнай» [III, 54. С. 203]. В истории Белоруссии XVIII – начале XX столетий таких изменений, кризисов, активного сознательного манипулирования исторической информацией было более чем достаточно.

Разумеется, говоря о факторах и источниках формирования исторического сознания белорусов (в том числе и интеллигенции, профессионально занимавшейся историей в период формирования нации), нельзя сводить их только к каналам идеологического воздействия. Огромную

роль в формировании нового видения настоящего, а вслед за ним и исторического прошлого у населения Белоруссии играла сама бурная социально-экономическая и политическая действительность эпохи. Но влияние последней, в отличие от факторов идеологического воздействия, в белорусской историографии изучено гораздо более полно и конкретно (работы В.В. Чепко, А.М. Лютого, С.М. Самбук, В.Г. Гневко, И.М. Игнатенко, Н.В. Каменской, В.А. Круталевича, Я.Ю. Нестеровича, П.Т. Петрикова, П.В. Селиванова, Н.С. Сташкевича, С.В. Талашиной и др.). В намеченной же области исследования необходимо заштриховать немало «белых пятен». Еще предстоит исследовать: 1) степень эффективности различных идеологических течений в формировании исторического сознания различных социальных групп населения Белоруссии; 2) причины выбора той или иной ориентации этими группами; 3) соотношение предшествующих идеологических традиций с новыми идеологическими установками; 4) формы и методы конструирования исторического и политического сознания масс и национальной элиты, специфичные для этого периода развития белорусского этноса, и др. Без конкретно-исторической и историографической разработки этих проблем трудно надеяться не только на возможность расшифровки «формулы» исторического сознания белорусского народа в частности, но и на возможность воссоздания полнокровной достоверной картины этапов формирования белорусской культуры в целом.

Начало 90-х гг. – время третьей попытки национального возрождения белорусов в XX в. – характеризовалось очевидным подъемом интеллектуальной активности белорусских гуманитариев (историков, философов, социологов и политологов). Свидетельство тому – крупные международные конференции начала 1990-х гг., на которых были предприняты небезуспешные попытки развязать некоторые тугие «узлы» белорусской истории. 1990 год, Гродно – Международная конференция «Витовт Великий и его эпоха», в рамках которой проводился и первый международный семинар по белорусско-литовской генеалогии. 1991 год – учредительный конгресс белорусистов и создание своей международной ассоциации в Минске; в Гродно – впервые в истории Белоруссии международная конференция «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии. XIII – нач. XX вв.»; 1992 год – в Минске проводится международный «круглый стол» «Беларусь в составе Великого княжества Литовского»; в Молодечно – международная кон-

ференция «Формирование и развитие национального самосознания белорусов»; в Гродно – международная конференция «Церковь и культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии XIII – нач. XX вв.»; 1993 год – в Минске проведена I Всебелорусская конференция историков; в Витебске – международный форум «Нации. Границы, судьбы»; в Бресте – международная конференция «Белорусско-польское взаимодействие в общественно-политической, культурной и общеобразовательной сферах. «В июне 1993 г. в Гродно провела свою работу международная конференция» Рим-IV», посвященная вопросам истории взаимоотношений народов Беларуси, Украины, Литвы и Польши в «зоне пограничья». [Ш, 21–25, 161, 165]. Похоже, что историки Беларуси выходят из состояния долгого летаргического сна. Предпринимаются интенсивные, но пока еще поверхностные публицистические попытки создания концептуальной модели исторического прошлого белорусского этноса, национальных программ исторического образования, учебников по истории Беларуси и формирования нового исторического менталитета нации. Страницы республиканских периодических изданий пестрят «стреляющими» заголовками «Адрадзімся ці загінем?», «Мифы еще не история», «Забывтая слава», «Чему учит история», «Адкуль і куды нам ісці?», «Беларусы–славяне–балты?», «Великое княжество Литовское. Федерация или унитарное государство?», «Симон Будный и белорусский менталитет» и т.д. и т.п. Сама по себе активность поиска своих исторических корней, выход историков на широкую массовую аудиторию, разбудивший ее интерес к богатой истории белорусов, ликвидация монополий на историческую истину, разрушение многих историографических мифов – моменты, несомненно, позитивные, очевидность которых не замечает только «не желающимий видеть». И все же... Успех или неудача в реализации новых попыток переосмысления истории Беларуси будет зависеть от доказательности и сбалансированности подходов к решению важнейших проблем белорусской «мінуўшчыны» (в частности, от корректности и основательности их методологической и историографической проработки). К сожалению, этого сегодня как раз катастрофически не хватает многим историческим трудам белорусских исследователей. Разнобой мнений в оценках ключевых явлений, периодов, личностей белорусской истории от «неозападнаруссизма» (Славянский Собор, современная клерикальная историография РПЦ) до «неонародничества» (сторонники национальной концепции) вещь для нынешнего

дня нормальная и естественная. В этой ситуации «чересполосицы» историографических контроверз чрезвычайно возрастает роль аналитической историографии, способной системно разобраться в существующей ситуации, объективно взвесить научную доказательность старых и новых версий, подсказать выход из возможных тупиков.

В контексте современной историко-культурной ситуации в республике – история исторических знаний и исторической науки в Белоруссии XVIII – начала XX вв. далеко не лишний механизм в формировании реестра «белых пятен» белорусской историографии. В значительной мере те успехи, которые были достигнуты в изучении прошлого исторической наукой нынешней Белоруссии, обусловлена тем источниковым и историографическим наследием, которое досталось нам от предшественников – отечественных ученых XIX – начала XX в. Обогащенное новыми наблюдениями и открытиями, это наследие и сейчас «работает» в исследованиях историков, оказывает порой существенное воздействие на характер концептуального решения важнейших проблем истории Белоруссии дооктябрьского периода. Вполне объяснимой и закономерной поэтому является настоятельная необходимость специального историографического анализа творческого наследия и жизненного пути тех представителей белорусской историографии XVIII – начала XX вв., которые оказали наиболее существенное влияние на процесс ее становления и развития в дооктябрьский период, на формирование исторического сознания рождающейся белорусской нации. Изучение сильных и слабых сторон работ предшественников, а также причин, их обуславливавших, поможет современному историку не только увидеть «корни» ряда нынешних решений истории дореволюционной Белоруссии, но и позволит избежать многих ошибок методологического и методического характера.

Приходится констатировать, что историография советской Белоруссии до последнего времени уделяла разработке этой проблеме недостаточное внимание. Хотя нельзя сказать, что попытки исследований в этом направлении прежде не предпринимались (работы В.И. Пичеты, М.И. Касперовича, В.К. Щербакова, В.Н. Перцева, А.П. Игнатенко, Н.Н. Улащика, В.К. Алексеева, Г.А. Кохановского, Г.В. Киселева, З.Ю. Копысского, А.М. Лютого, В.Н. Михнюка, П.П. Петрикова, В.В. Чепко). Однако настало время для системного изучения данной проблемы. Очевидно, что «перестроечные» процессы в бывших республиках СССР, обострившие харак-

тер межнациональных отношений и проблемы национально-культурного развития входящих в него народов, придают особую актуальность той тематике, где на первый план выходит исследование вопросов формирования исторического сознания белорусского этноса, образующих его механизмов, вариантов и форм реализаций в историческом процессе. Достоверная и объективная информация, полученная в результате подобного исследования, будет иметь практическое значение для формирования научно обоснованной политики в такой чрезвычайно деликатной и сложной сфере общественного бытия, как национальные отношения. Драматическая история формирования коллективной исторической памяти белорусского народа представляет богатейшие, но практически не используемые до последнего времени возможности для проведения исследований подобного рода.

Целью этих исследований («Историческая память белорусов XII – XX вв.»), начатых в ГрГУ им. Я. Купалы с 1992 г., является изучение: историко-культурной почвы и механизмов, формирующих историческую память белорусов в процессе их многовекового этнического развития, анализ характерных особенностей ее «видового» (этнического) своеобразия в контексте историко-культурного развития наиболее родственных по исторической судьбе славянских культур (украинской, русской, польской).

Поставленная цель может реализоваться только решением следующих конкретных исследовательских задач: 1) изучение объективных (природно-вещных) и социокультурных факторов формирования исторического сознания белорусов в ходе основных этапов их исторического развития (XIII – XV вв., XVI – XVIII вв., конец XVIII – начало XX вв., 1917 г. – начало XXI в.); 2) изучение и определение специфики проявления исторической памяти белорусов на каждом из этих этапов исторического развития белорусского этноса; 3) раскрытие структуры исторического сознания белорусов, закономерностей его развития; 4) выявление степени влияния исторического сознания белорусов на процессы их этнической консолидации в различные исторические эпохи; 5) изучение степени и специфики проявления особенностей исторического сознания в различных социальных, профессиональных и конфессиональных группах белорусской нации [III, 112].

Настоящая работа, выполненная в рамках реализации заявленной программы и являющаяся его частью, предпринята как попытка запол-

нения лакуны в этой важнейшей сфере исследования белорусской культуры. Сейчас определенно можно говорить о том, что отечественная историческая литература (20-е гг. XX в. – начало XXI в.) сформировала значительную историографическую традицию в разработке проблемы (неплохо изучены ее археографо-источниковедческие ракурсы; определены наиболее видные представители отечественной исторической науки, оказавшие на процесс становления белорусской историографии XVIII – нач. XX вв. существенное влияние; сделаны первые шаги в изучении деятельности центров исторической науки края тех лет; предприняты попытки выявления социально-политической «почвы», на которой выросла белорусская историография; начата работа по созданию серии «портретов» наиболее видных деятелей исторической науки, занимавшихся историей края XIX – нач. XX вв. и др.) [III, 5, 6, 7, 19, 21, 36, 43, 59, 67, 87–89, 101–129, 142, 145, 162, 194, 199–201, 246, 249].

Однако обращает на себя внимание то, что в работах 20-х – начала 30-х гг., где была предпринята попытка создания обобщающего «образа» белорусской историографии, характеристики собственно белорусской историографии занимали «периферийное» место по сравнению с тем вниманием, которое уделялось в них великорусской, украинской и польской историографии Белоруссии. Характерен в этом отношении тот факт, что даже в вышедшем недавно учебном пособии «Историография Белоруссии: эпоха феодализма» его авторы З.Ю. Копыцкий и В.В. Чепко, [III, 142] не выделяют собственно белорусскую историографию XVIII – начала XX вв. из общего историографического «русла» российской историографии того периода. При этом не проанализирован механизм взаимодействия традиций «летописной» историографии и историографической парадигмы эпохи XVIII – начала XX вв.

Не разрабатывались и фактически даже не затрагивались такие важнейшие аспекты развития исторической науки Белоруссии дооктябрьского периода как влияние политики на историографическую ситуацию тех лет; историческая периодика и ее влияние на формирование исторического сознания белорусского народа; историческое образование и преподавание истории в учебных заведениях края [III, 102, 105, 123, 218, 224, 244, 256]; характер взаимоотношений «местных» белорусских историков и историков «центра» и Украины (представителей университетской и академической науки крупных городов в Российской империи); методологические принципы и уровень профессионализма белорусских

историков XIX – начала XX вв. (последний аспект частично прозвучал лишь в работах Н.Н. Улащика – Д.К.).

Не выявлены в полной мере источники по истории белорусской историографии дооктябрьского периода. До сих пор не определена однозначно и доказательно национальная принадлежность ряда видных историков, занимавшихся историей Белоруссии в XIX – начале XX вв. (И. Данилович, И. Ярошевич, И.Ж. Онацевич, Т. Нарбут, К. и Е. Тышкевичи и др.). Слабым местом советской исторической литературы является плохо изученные на монографическом уровне биографии и творческое наследие наиболее крупных отечественных исследователей Белоруссии рассматриваемого периода. Историографам хорошо известно, что лишь детальная, тщательная проработка историографического персонала подводит под здание историографической концепции истории исторической науки определенного периода надежный фундамент. Игнорирование этого момента в историографической практике приводит к схематизму, нередким ошибкам концептуального плана, а в конечном итоге и к быстрому моральному старению схематичной концепции, ее научной недолговечности и несостоятельности.

Закономерным итогом рассматриваемой проблемы можно считать отсутствие в настоящее время в белорусской исторической литературе системной концептуальной картины развития белорусской историографии XVIII – начала XX вв., раскрытой в компаративистском ключе, в сравнении с аналогичными процессами наиболее близкой к белорусской, украинской национальной историографии этого же периода.

Необходимость форсированного изучения рассматриваемого вопроса в настоящее время определяется не только тем, что стирание этого «белого пятна» белорусской историографии подведет более прочные и надежные основания для тех белорусских и украинских историков, которые исследуют процесс становления и развития исторической науки Белоруссии и Украины в XIX – XX вв., но она позволит внести значительный вклад и в изучение важнейшей научной проблемы – формирования национального сознания белорусов и украинцев этих столетий.

Историческая наука играла и играет существенную роль в становлении национального сознания современного исторического сообщества. Взаимодействие истории, историографии и национального сознания имеют достаточно сложную и неоднозначную природу. Следует выделить по крайней мере два уровня их взаимодействия. Первый можно на-

звать собственно научным–теоретическим. Он влияет на формирование нового способа мышления – генератора и транслятора исторической мысли. Другой уровень предусматривает воздействие исторической мысли на массовое сознание.

К сожалению, сегодня такого рода исследования, в котором было бы проанализировано влияние историографических факторов на процесс становления национального исторического сознания белорусов и украинцев в компаративистском ключе, ни в белорусской, ни в украинской историографии фактически не проводились. В конкретно-исторической плоскости исследование этой проблемы позволяет выявить ряд важных аспектов содержания этнополитических и социокультурных процессов нациогенеза как белорусов так, и украинцев к началу XX в. В таком контексте выяснение состояния и определения характера белорусской и украинской исторических наук позволяет определить, насколько они отвечали социальным запросам и потребностям национального становления своих обществ. Важно также проследить, какие научные и социальные перспективы открывает историческая мысль, когда она оказывается в фокусе нациотворящих процессов.

Исходя из такого понимания проблемы, объектом нашего исследования становится историографический процесс в Белоруссии, рассматриваемый в тесной связи и в сравнении с аналогичным процессом в Украине в контексте эпохи зарождения и становления белорусской и украинской нации, в рамках которой происходило рождение и социальное признание национальной модели научного исторического знания. Предметом исследования является раскрытие механизма становления и функционирования белорусской и украинской исторической мысли в период их генезиса и наиболее интенсивного формирования национально-ориентированных элит (XIX – начало XX в.).

Цель этого исследования – определение на основе комплексного, сравнительного анализа характера развития исторической мысли в Белоруссии и Украине и его влияния на процесс формирования исторического сознания национально-ориентированных элит белорусов и украинцев в период радикальной социально-политической трансформации, через которую проходят народы Российской империи XIX – начала XX в.

В соответствии с ней определяются и основные задачи исследования:

– проанализировать уровень разработанности проблемы, выявить перспективы ее научного исследования;

– раскрыть информационные возможности источниковой базы по истории белорусской и украинской историографии XVIII – начала XX вв.;

– показать влияние социально-политического и социокультурного контекста эпохи на ход и характер формирования белорусской и украинской историографии того времени (в раскрытии данного вопроса особое значение имеет исследование проблемы влияния царизма на характер и направленность исторического видения белорусского и украинского прошлого как в российской, так и в белорусской и украинской историографии);

– обозначить механизм и направление влияния исторической науки на формирование национального исторического сознания у белорусов и украинцев;

– определить основные этапы развития исторической мысли, исторической науки и национального исторического сознания белорусов и украинцев в рамках социокультурного контекста Российской империи (конец XXIII – начала XX в.) и гражданской войны в России;

– выявить специфику проявления «общего и особенного» в воздействии белорусской и украинской историографии на процесс нациогенеза и формирования национально-исторического сознания у белорусов и украинцев к началу XX в.

В определении методологических принципов исследования мы исходим из широкого понимания историографического процесса, который включает не только генезис научного знания, но и его общественную рефлексию на уровне элитарного и массового исторического сознания.

Методы исследования определяются характером темы, целью и особенностью источниковой базы, которые положены в основу проекта. Используются комплексный междисциплинарный подход; системный анализ исторических и историографических фактов; историко-сравнительный метод, широко применяемый в историко-культурологической компаративистике; методы источниковедческого характера.

Этим же объясняется и композиционное решение темы, выделение в качестве исследовательской доминанты – белорусской историографии («текста») как фактора формирования исторического сознания бело-

Введение

русской национально-ориентированной элиты. Изучение украинской историографии выполняет функцию ближайшего, сравниваемого, историографического «контекста», который позволяет более глубоко и рельефно понять специфику самого основного «текста».

ГЛАВА 1.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПРОБЛЕМЫ

1.1. Изучение белорусской и украинской историографии конца XVIII – начала XX вв. в исторических трудах отечественных исследователей новейшего времени

Знакомясь с работами отечественных ученых, так или иначе затрагивавших эту тему, приходится констатировать тот факт, что историография проблемы сравнительно невелика по объему. В российской историографии дооктябрьского периода обобщающих работ о белорусской историографии XVIII – начала XX вв. не было. За исключением уже названного исследования А.Н. Пыпина, подавляющую часть литературы этого времени составляли публикации «некроложно-юбилейного» характера, статьи и заметки о краеведческих учреждениях, небольшие работы по истории школы Белоруссии, рецензии и дискуссионные статьи. Представляя достаточно информативные историографические источники, они не ставили задач создания «обобщающего» портрета белорусской историографии как особого явления в исторической науке России (работы М.В. Довнар-Запольского, Я.Ф. Головацкого, А.Н. Пыпина, А.М. Миловидова, П.О. Бобровского, Д.Я. Самоквасова, В.А. Лялина, М.Ф. Фурсова, Н.И. Костомарова, Д.И. Довгялло, Ю.Ф. Крачковского, В.К. Стукалича, И. Филевича, М.О. Кояловича, В.К. Голуба, Н.Я. Горбачевского, И.Я. Спрогиса, А.Ф. Кони, М.К. Любавского, М.С. Грушевского, И.С. Пальмова, Л.С. Паевского, С.М. Середонина,

В.С. Иконникова, В.И. Пичеты, П.Н. Жуковича, И.И. Лаппо, К.Н. Бестужева-Рюмина, Н. Григоровича, Е.Ф. Орловского, Н.А. Янчука, Н.Г. Маслаковца, А.П. Сапунова, С.В. Рождественского, Е. Крыжановского и др.) [11, 27, 29, 57-59, 62, 65, 68, 75, 89, 112, 136, 152, 160, 165, 171, 178, 187, 190-195, 216, 221, 222, 229, 244, 245, 251, 260, 268, 283, 296, 302, 341, 342].

На характер освещения белорусской историографии в дооктябрьский период самым существенным образом повлиял социально-политический контекст XX в.

Первое двадцатилетие XX в. – это время создания национально окрашенных концепций прошлого Беларуси и первых попыток их привнесения в сферу массового сознания (М. Довнар-Запольский, В. Ластовский, братья Луцкевичи, М. Богданович, В. Ивановский, Е. Канчер, В. Игнатовский, А. Цвикевич, «Наша ніва») [11, 31-32, 52, 82, 210; 111, 85, 98, 99, 253]. Основные постулаты на историческое прошлое Белоруссии сводилось к следующим моментам:

1) тезису о незрелости классовых противоречий в белорусской нации;

2) абсолютизации самобытности социально-экономического и культурного развития Белоруссии;

3) идеализации ее исторического прошлого в эпоху феодализма;

4) преувеличению заслуг Белорусской социалистической громады, эсеров, в революционном движении края;

5) гипертрофированной оценке революционности белорусского крестьянства, самостоятельности роли интеллигенции и др. Учитывая тот факт, что многие представители подобных воззрений играли видную роль в культурной жизни республики после окончания гражданской войны (в 20-е гг. – Д.К.), можно понять, почему эти идеологические стандарты оставались действенными факторами в формировании исторического сознания населения Белоруссии и после разгрома военно-политического блока антисоветских сил в гражданской войне. Они явственно проявились в работах по истории права, белорусской литературы, краеведения, историографии 20-х гг. XX столетия.

Оттепель 20-х гг., внушившая белорусской интеллигенции иллюзорную надежду на вторичное возрождение белорусской культуры, завершилась репрессиями тоталитарной системы новой империи. Они принесли с собой не только новый произвол, но и новую, а точнее – слегка обновленную сталинским марксизмом идеологию имперского велико-

державия, чудным образом совпавшую в трактовке истории Белоруссии с идеологией «западно-руссизма». Белорусское прошлое вновь на долгие шесть десятилетий было представлено историческими мифами в духе «а ля Коялович», что вынудило нынешнее поколение белорусских историков заново открывать Беларусь.

Творцам и идеологам нового политического режима, победившего после Октябрьской революции и гражданской войны, надо было противопоставить «уходящему миру» свое видение не только настоящего, но и исторического прошлого России. Поэтому не случайно в орбите внимания политических вождей «на ниве» официальной идеологии (принявшей к 30-м гг. сакрализованную форму новой религии – ДК) как в центре, так и на местах (в частности, Белоруссии) оказались практически все основные компоненты социально-политического и идеологического характера, влияющие на характер историографической ситуации в Белоруссии рассматриваемого периода. Социальный «казак» на историческую трактовку прошлого Белоруссии в классово-непримиримом духе «Краткого курса», особенно жестко и директивно звучащем в 30-х – начале 50-х гг. XX в., был сформулирован в решениях партсъездов, партконференций, открытых и закрытых пленумов ЦК по идеологическим вопросам, докладных записках и высочайших указаниях партийных вождей тех лет (И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, А.А. Жданов, В.Г. Кнорин, А.С. Щербаков, П.К. Пономаренко, М.А. Суслов и др.). Сложность и нередко трагизм исторических условий, определявших развитие советской Белоруссии в то время, отразились как на (с 30-х гг. XX в.) темпах формирования этнического и исторического сознания белорусов, так и на вызревании собственно белорусской национальной историографии, осмысления ею своего исторического пути. История Белоруссии до недавнего времени осмыслялась и писалась как некий вариант великорусской, а точнее общеимперской историко-концептуальной модели. Нельзя не признать, что в создании поддельного дубликата подлинной истории Белоруссии официальной советской белорусской историографии, трудившейся по директивным указаниям влиятельного цензора, принадлежат воистину исторические заслуги.

Разумеется, степень зависимости белорусской историографии от господствующей политической и идеологической парадигмы в рамках послеоктябрьского семидесятилетия варьировалась. Но в целом это все же были вариации в рамках одного качества. Можно, вероятно, выделить

четыре основных этапа в ее развитии, когда под влиянием прежде всего меняющегося политического контекста советской действительности менялись (в пределах, в целом, старого «качества») историографическая ситуация и определяемый ею «образ прошлого»: 1-й этап – 20-е гг. XX в.; 2-й – 30-е – середина 50-х гг.; 3-й – вторая половина 50-х – середина 80-х гг.; 4-й – вторая половина 80-х – 90-е гг. Уже на первом этапе становления историографии советской Белоруссии наряду с приобретениями (активное изучение проблем истории народных масс, социальных и национально-освободительных движений, социально-экономических отношений и др.) наметилась очевидная догматизация в историческом видении историков, сужение их исторических горизонтов. Нередко нигилистическое отношение к достижениям дворянской и либеральной историографии понижало профессиональный уровень исследовательской разработки проблем истории дореволюционной Белоруссии, а тесная связь наиболее активных участников культурного строительства в БССР 20-х гг. с национально-освободительным движением конца XIX – начала XX вв. привела к заметной идеализации самого этого движения в историографической традиции тех лет. Любовь к широким социологическим построениям, зачастую переходящая в вульгарное социологизирование истории, приводила к пренебрежительному отношению к историческому факту, которым нередко жертвовали в угоду предвзятой схеме. Сам идейный плюрализм 20-х гг., нередко отмечаемый исследователями, был все же плюрализмом в «известных рамках», допускавшим для историков «социалистической ориентации» [111, 119].

В эти годы наиболее серьезные попытки нового обоснования белорусской общенациональной идеологии предприняли В. Ластовский и А. Цвикевич. Первый положил в ее основу «кривичскую теорию», где главную роль в самоопределении белорусов играли национально-исторические традиции («вечевой» уклад, децентрализация государственной власти). Эта теория, которая создавалась не столько в научных, сколько в пропагандистских целях, уже не могла ответить на «вопрос времени» – каким образом можно было средневековые идеалы перенести в 20-е гг., примирить с действительностью? А. Цвикевич был наиболее последовательным оппонентом «кривичской» и других теорий национальной самобытности. Обосновывая недостижимость абсолютной независимости страны, он сосредоточился не на поисках романтизируемого прошлого, а на трезвом учете конкретно-исторических условий, при ко-

торых могла развиваться белорусская государственность (федерализм). 20-е гг. XX в. – время политики «белоруссизации», характерных попыток реанимировать историческое сознание белорусской нации через проведение активной, но кратковременной национальной политики в сфере культуры наиболее сознательной частью белорусской интеллигенции (впоследствии почти полностью репрессированной в 30-е гг. – Д.К.) [111, 212].

Пришедшая на смену «социалистическому плюрализму» 20-х гг. волна директивной сталинской историографии 30–50-х гг. не только покончила с этой специфической его разновидностью, но и предельно жестоко детерминировала историческое видение историков Белоруссии ГУЛАГом и пророческими «откровениями от Иосифа» в формулах «Краткого курса». Катехизация сталинской разновидности марксистской методологии истории и превращение историков в услужливых дьячков при «новой церкви» привели к резкой профессиональной деградации исторической науки, следы которой ощутимы и в наше время.

Вторая половина 1950-х – начало 1980-х гг. – время известной либерализации общества административного социализма отчасти положительно сказалась на состоянии белорусской историографии. Появились более сбалансированные концепции истории дореволюционной Белоруссии, учитывающие «старое» историографическое наследие. Правда, при этом нередко забывали называть имена дореволюционных предшественников (в частности, Довнар-Запольского) и определять меру заимствования. Робко стали выходить из подполья до этого крамольные области белорусской историографии (политическая история и история культуры). Сама марксистская методологическая парадигма стала использоваться при трактовке исторических событий более широко и гибко, «политеистично», не только по весьма «усеченному» Ленину, но и более «полным», чем прежде Марксу, Энгельсу и даже Плеханову с Каутским. И все же качественного перелома, прорыва к честному толкованию истории Белоруссии не произошло. По-прежнему мешала политическая узда директивной идеологии, которая при вольном толковании некоторых «букв» ортодоксального, «классического» марксизма твердо стояла на охране откристаллизованного в 1920-е – 1950-е гг. его подлинного духа – идеи классовой борьбы (как альфы и омеги «человеческой истории») и ее апофеоза – диктатуры пролетариата. Деформированное восприятие истории Белоруссии, работ дореволюционного

поколения белорусских историков в трудах исследователей этого периода было в значительной степени predetermined и существенной деформацией самой личности пишущих историю исследователей, когда на смену сломленному физически и интеллектуально в 30-х – начале 50-х гг. поколению историков пришло конформистское поколение с устойчивой психологией мелкого государственного служащего и хорошо укорененной «внутренней цензурой».

Вторая половина 1980-х гг., открыв новую широкую полосу реформирования в СССР, объективно не только создала благоприятные предпосылки для реанимации честного, не конъюнктурного и «объярличеного» подхода к изучению прошлого Белоруссии, но и для воскрешения старых историографических мифов. В частности, изучение белорусской историографии и историографии Беларуси начиная с конца XVIII в. и до дня нынешнего (это разные вещи) показывает, что наша историография очень политизирована. Сегодня нередко пишется о том, что в 30–50-х гг. была реанимирована матрица «западно-русизма». Пишется совершенно верно. Но сейчас есть тенденция и к реанимации народнической историографической версии, традиции начала XX в. со всеми их сильными и слабыми сторонами.

К чему это приводит, можно видеть хотя бы на примере ряда концептуальных положений такой программной публикации начала 90 гг. XX в., как «100 вопросов и ответов из истории Беларуси» (Мн., 1993). Знакомство с ней показывает, что многие из этих вопросов, несмотря на категорично высказанные мнения, так и остались без ответов. Поражая полетом фантазии и восхищающим сердце невежеством в вопросах этнологии, гносеологии и теории исторического познания, политической истории феодальной Белоруссии, ряд «ответов» порождает новые вопросы, например такие, как о профессиональной компетенции и элементарной добросовестности некоторых их авторов по отношению к историческим фактам. Чтобы не быть голословным, достаточно привести небольшой реестр новых исторических «открытий». В него входят положения о том, что: 1) летописные «грады» (родовые укрепленные поселки – ДК) и племенные «княжения» – не что иное как «города» и «государства»; 2) с VIII в. у белорусов возникают «государства»; 3) о полной самостоятельности Полоцкого княжества в «древнерусский» период; 4) о Рогволоде как «первом белорусском князе»; 5) о происхождении русских, украинцев и белорусов с VI–VII вв.; 6) о Великом княжестве Ли-

товском, как «белорусской державе и унитарной империи» (не ясно, куда в таком случае деваться украинцам и литовцам – Д.К.); 7) вече – объявляется институтом «средневековой демократии» (а не реликтом догосударственной цивилизации, как это принято в современной этнологии); 8) «никакого завоевания Беларуси Литвой не было – наоборот» (а как же объяснить преобладание среди панов-рады до середины XVI в. феодалов с литовской родословной – Д.К.); 9) о линии противостояния «Москвы и ВКЛ с конца XV в. – как противостоянии «различных политических систем, разных цивилизаций, разных миров – демократического европейского и деспотического восточного». Опять же неясно из трактовки авторов, почему в ВКЛ – этой части «европейской демократии» в XVI в. оформляется крепостное право, в то время как в большинстве стран Западной Европы оно уже к этому столетию становится «вчерашним днем»; 10) явно тенденциозно трактуется Кревская и Люблинская унии как выгодные по преимуществу только Польше; 11) «народным» объявляется восстание 1794 г.; 12) Россия и Польша тракуются как «очевидное», почти «абсолютное» зло для Беларуси. Такая узкая тенденциозная трактовка сложных проблем взаимодействия близких культур ведет не только к выпадению положительных моментов в истории культурных, политических взаимодействий народов-соседей, но и ощутимо обедняет само восприятие закономерностей развития белорусской культуры. Создаваемый на столь зыбком, сомнительной прочности основания миф может привести в исторический тупик, и никуда больше!

Сказанное выше отнюдь не означает, что в рамках советского периода истории Белоруссии изучение дооктябрьского периода прошлого белорусской историографии не имело каких-либо положительных результатов. Нет, они были, и нередко значительные. Но результаты эти, как и сам процесс исследования истории исторической науки досоветской Белоруссии, оказывались, как правило, деформированными под влиянием жестких, официальных идеологических установок тех лет. И достигались с большими потерями для самой исторической науки. Так, вышедшее после Октябрьской революции, в 1929 г., глубокое исследование А. Цвикевича «Западно-руссизм», [111, 253], посвященное анализу идеологии и практики русификации в Белоруссии, пошло «под нож» бдительных цензоров и не успело оказать значительного воздействия на характер представлений белорусских историков советского периода по изучаемой проблеме. Как и при изучении ряда других важнейших во-

просов истории Белоруссии, в роли первопроходца здесь еще в 20-е гг. выступил выдающийся историк, первый ректор Белорусского госуниверситета В.И. Пичета. В изданной в 1922 г. работе «Введение в русскую историю» (Источники и историография) [111, 201] В.И. Пичета в трех ее разделах («Собрание и издание источников. Белоруссия», «Источники Белоруссии», «Историография Белоруссии») поднимает важные вопросы истории изучения региона и исследованиях дворянских и буржуазных историков XIX – начала XX вв. Он отмечает степень и характер разработки источниковой базы по истории Белоруссии в те годы, дает краткую характеристику российских исторических, археографических центров изучения Белоруссии XIX в., исторических школ (виленская, киевская, московская, петербургская) и их наиболее видных представителей (И. Данилович, И. Ярошевич, Т. Нарбут, В.Б. Антонович, А.С. Грушевский, М.В. Довнар-Запольский, М.К. Любавский и его ученики, М.О. Коялович и его ученики). Обратив внимание на очень медленное развитие собственно белорусской историографии, В.И. Пичета справедливо отмечает специфические ее черты (ориентация на источниковедческие исследования и тесную связь с польским национально-освободительным движением до 60-х гг. XIX в., большое влияние на процесс формирования белорусской историографии в пореформенный период украинских исследователей из школы Антоновича).

Уровень профессиональной культуры оцениваемых историков-исследователей фиксируется четко и конкретно. Когда же анализ наталкивался на необходимость объяснения причин тенденциозности этих историков, В.И. Пичета оказывается не в состоянии объяснить политическую основу их взглядов. В вышедшей в 1924 г. статье, посвященной национальному движению белорусов конца XIX – начала XX вв., Пичета предпринял попытку дать характеристику белорусской историографии (демократического направления) в контексте эволюций национально-культурного и революционного движения в регионе [111, 205].

При всей тезисности и несовершенстве оценок белорусской историографии XIX – начала XX вв. эти работы В.И. Пичеты сыграли значительную роль в изучении рассматриваемой проблемы в довоенный период.

В значительной степени представление о характерных особенностях белорусской историографии, намеченное в исследованиях ученого 20-х гг., было дополнено ценной информацией о местных исторических

краеведческих центрах Белоруссии XIX – начала XX вв., которая содержалась в книге М.И. Касперовича [111, 126]. Выступая с позиций идеализации национально-культурного движения в Белоруссии и деятельности «Нашай Нівы», автор в духе М.Н. Покровского, рассматривавший Белоруссию как колонию, выделяет три основных потока в краеведческом изучении региона (польское, русское и с конца XIX в. – собственно белорусское, особенно ярко проявившееся в деятельности «Нашай Нівы»). Польское краеведение, по его мнению, проявило себя в деятельности Виленского музея древностей, Виленской Археологической комиссии, Виленского товарищества любителей наук; русское – в деятельности Северо-Западного отдела РГО, церковно-исторических и церковно-археологических комитетов, архивных комиссий (Витебской и Смоленской), обществ комплексного краеведческого характера (Минского, Могилевского), белорусское – в краеведческой и культурно-просветительской работе «Нашай Нівы» и тесно с ней связанных «Белорусского научно-литературного кружка студентов СПб университета» и «Студенческого кружка для изучения Белоруссии и Литвы» (в Новой Александрии) [111, 26; с. 13, 16, 17, 20, 24, 30, 38, 43, 57].

Острая идеологическая борьба, которая велась в конце 20-х – начале 30-х гг. Коммунистической партией с т.н. нацдемовскими, троцкистскими и бундовскими течениями в республике, обострила потребность настоящего «разбора» исторической части их программ. Изданная в 1934 г. книга академика АН БССР В.К. Щербакова [111, 284] в значительной мере была ответом на эту потребность. Отличительной особенностью его работы явилось стремление вскрыть классовый, политический облик оцениваемых историков и их концепций исторического прошлого Белоруссии. Достаточно убедителен его показ великодержавной официальной историографии Российской империи XIX – начала XX вв. (П.Н. Батюшков, М.О. Коялович, К. Говорской, П.В. Кукольник, С. Щербальский и др.), работающей по прямому заказу царского правительства [111, 284, с. 20–30, 46–48, 57–59]. Одним из первых в советской исторической науке он дал характеристику т.н. «национал-демократическому» направлению в белорусской историографии дооктябрьского периода (в работе В. Ластовского). Справедливо отметив в качестве одной из главных черт, характеризующих трактовку национального вопроса в русской либеральной и польской историографии Белоруссии – великодержавность, В.К. Щербаков в конкретной оценке вклада виднейших ее представите-

лей в историческую науку (М.К. Любавский, М.В. Довнар-Запольский и др.) нередко допускал неверные оценки. Они были следствием как одностороннего, вульгарно-социологического подхода к творческому наследию историков, довольно распространенного в работах тех лет, так и недостаточного конкретного знания личности оцениваемого историка и его творчества. Категоричность многих оценочных формулировок автора в силу небольшого объема раздела книги, посвященного историографии XIX – начала XX вв. (около 35 страниц – ДК), не всегда сопровождается доказательствами. Работа В.К. Щербакова была в историографии Белоруссии первой работой, где с марксистских позиций принималась попытка концептуального осмысления ее дооктябрьского прошлого.

После выхода книги В.К. Щербакова проблема изучения белорусской историографии XIX – начала XX вв. не рассматривалась фактически в течение 20 лет. Лишь в вышедших в 1955 и 1960 гг. первом и втором томах «Очерков истории исторической науки в СССР» она вновь была поднята видным белорусским историком В.Н. Перцевым – автором разделов, посвященных историографии Белоруссии XIX – начала XX вв. [111, 199, 200]. В рамках сравнительно небольшого объема (около 1,6 а.л.) историк наметил основные моменты, характерные для изучения Белоруссии отечественной наукой в XIX – начала XX вв., дал очень краткую характеристику некоторых ее представителей (историков Н.Г. Устрялова, М.О. Кояловича, Л. Рыпинского, П.Н. Батюшкова, П.Д. Брянцева, М.Ф. Владимирского-Буданова, В.Б. Антоновича, М.В. Довнар-Запольского, М.К. Любавского, В.К. Стукалича и др.; этнографов и археографов П.М. Шпилевского, И.И. Носовича, П.В. Шейна, П.Я. Никифоровского, Е.Р. Романова, П.А. Бессонова). Новым моментом, не встречающимся в работах предыдущих исследователей, выглядит попытка В.Н. Перцева выделить «революционно-демократическое направление» в историографии Белоруссии (К. Калиновский, Ф. Богусевич, Э. Ожешко).

В 1960-е – 1980-е гг. впервые в белорусской историографии появились монографические исследования Л.В. Алексеева, Н.Н. Улащика, В.А. Чемерицкого, В.К. Бондарчика, М.Ф. Пилипенко, Г.А. Кохановского [111, 7, 8, 38, 126, 201, 248, 249, 270], где были детально и на солидной источниковой базе изучены исторические пути формирования «отраслевых» разделов историографии – источниковедения, археологии и этнографии Белоруссии. Удачная, сбалансированная попытка исследования становления этнического сознания и самосознания белорусов была

предпринята молодым поколением белорусских этнологов (И.В. Чаквин, П.В. Терешкович) [111, 243, 268] под руководством В.К. Бондарчика, создавших содержательную коллективную монографию «Этнаграфія беларусаў» [111, 289]. История формирования археологии и краеведения Белоруссии в XVI–XIX вв. явилась предметом специального изучения в статьях Л.В. Алексеева и интересных, насыщенных богатым фактическим материалом работах Г.А. Кохановского. Они – свидетельство, прежде всего, возрастающей ценности в глазах историков, этнографов и археологов историографического ракурса исследований в процессе изучения своих наук, признание его практической полезности в деле совершенствования «орудийного» арсенала специалистов-обществоведов. В то же время наблюдения и ценный фактический материал, приведенный этнографами и археологами в вышеназванных работах, раскрывают многие ранее неизученные грани белорусской историографии того периода, поскольку для историографической ситуации, например XVIII–XIX вв., не было исключением, а правилом наличие у историков «универсальных» исторических интересов в смежных областях не только исторического, но общегуманитарного знания. Когда часто один и тот же человек мог заниматься одновременно филологическими, этнографическими, археологическими, конкретно историческими изысканиями, причем вполне профессионально и в научном плане продуктивно.

Всплеск интереса у научной общественности Беларуси к своим историческим корням, ярко проявившийся с конца 80-х – начала 90-х гг, привел и к заметному оживлению собственно историографических исследований [111, 145, 147, 155, 175-177, 250, 273], к трудам незаслуженно «забытых» белорусских историков. Активизация исследовательских усилий в этом направлении принесла уже сегодня значительные результаты. Переизданы популярные в начале XX в. труды В. Ластовского и В. Игнатовского, опубликована, наконец, долго хранившаяся на полках архивов работа М.В. Довнар-Запольского [111, 60, 85, 152]. Но и ныне существующая монографическая литература не ставит перед собой цель – создание комплексного, синтезного исследования процесса формирования белорусской историографии XVIII – начала XX вв. и ее влияние на характер формирования национального исторического сознания белорусов (и это, заметим, при сравнительно хорошей проработке «отраслевых» отделов исторической науки – археологии, этнографии, краеведения). В 90-е годы XX – нач. XXI в. автор этого исследования

предпринял первую в белорусской историографии попытку синтезной реконструкции «образа» белорусской историографии конца XVIII – нач. XX в. в цикле из более чем 50 статей и монографии. Концептуальную схему развития белорусской историографии в XIX – нач. XX в. предложил в одном из первых томов «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» известный белорусский историк М.О. Бич. Однако эта схема не опиралась на собственные профессиональные, исследовательские наработки автора по этой проблематике и имела явную печать политической ангажированности, типичной для национально-демократического направления белорусской историографии первой половины 90-х гг. XX в. В 90-е г. XX – нач. XXI в. интересные и в достаточной степени документированные попытки исследования идеологии «краевцев» (представителей полонизированной элиты Беларуси и Литвы конца XIX – нач. XX в.) предпринял гродненский исследователь А.Ф. Смоленчук. Он издал целую серию содержательных статей и две монографии по этой проблематике. Вопросы формирования национальной идеологии белорусской элиты начала XX в. и особенности ее исторического сознания поднимались в эти годы на страницах «Гістарычнага альманаха», выходившего в Гродно. Однако формирование национального исторического сознания белорусской интеллектуальной элиты не вписывалось ни в общероссийский культурный и научный контекст, ни в общеевропейский. Принципиально новых подходов и решений в оценке национально-демократического направления белорусской историографии конца XIX – нач. XX в. по сравнению с нашими версиями 90-х гг. XX в. они не предложили. Крайне редки еще работы, в которых проблемы нациогенеза белорусов в XIX–XX вв. рассматривались с учетом наработок современной европейской и американской нациологии и этнополитологии (работ Дж. Хатчинсона, Э. Смитта, Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Д. Келласа, К. Дойча, М. Гроха, Р. Радика, Дж. Броили, К. Гирц, А. Хастингса, Х. Кона, Л. Гринфелда, и др). Первой удачной сбалансированной попыткой в этом направлении можно считать вышедшую в 2004 г. монографию П.В. Терешковича «Этническая история Беларуси XIX – начала XX вв.». В целом, все же в современной белорусской историографии сложилась уникальная ситуация, когда отечественная историческая наука до сих пор не имеет своего национального учебника по историографии отечественной истории. Это явный признак слабости историографической рефлексии как по отношению к созданному белорусскими историками

XIX–XX вв. творческому наследию, так и по отношению к проблеме его влияния на формирование национального исторического сознания белорусов.

По сравнению с белорусской историографией украинская историческая наука держит эту проблему в фокусе своего внимания уже с конца XIX в. Начиная с первых научных разработок украинской историографии, их авторы достаточно часто связывали становление исторической мысли в Украине с развитием национального сознания. В частности, элементы такого подхода можно видеть уже в ранних работах М.С. Грушевского, Д.И. Дорошенко, М.П. Драгоманова [IV, 20, 21, 25, 28, 40–44, 45]. Основы научного исследования нациотворческой функции украинской исторической науки, по мнению современного украинского исследователя В.В. Масненко, были заложены М.П. Драгомановым. В резонансной для своего времени работе «Чудацькі думки про українську національну справу», увидевшую свет в Львовском журнале «Народ» и переизданной в 1892 г. И.Я. Франко во Львове отдельным изданием, он излагает свое видение общего состояния и перспективы эволюции украинских научных исследований в контексте национального и общеевропейского развития [IV, 79, с. 16]. Как справедливо замечают современные украинские исследователи В.Л. Смелянская и С.О. Екельчик, тут Драгоманов фактически формулирует программу исследования истории Украины, определяет задачи создания целостной концепции национальной истории. М.П. Драгоманов зафиксировал тесную связь между исторической наукой и нациотворением, и на основе этого сформулировал общие принципы развития краиноведения.

Отличные от Драгоманова акценты в оценке национальной ориентации украинской истории поставил Б. Гринченко. Он рассматривал ценность исторической науки прежде всего в контексте реализации ее общественно-политической функции, оставляя вне поля своего внимания сциентистские аспекты. [IV, 19, с. 35–145]. В 1907 г. в статье «Справа українських катедр і наші наукові потреби» свое видение важности этнополитической функции исторической науки обнарудовал М. Грушевский.

В 20–30-е гг. XX в. в украинских социогуманитарных науках в целом, в историографии в частности, происходит дальнейшее переосмысление и разработка проблемы социокультурных функций украинской исторической мысли в национальном контексте М. Грушевским, В. Липинским,

В. Старосольским, С. Томашевским, О. Бочковским, Д. Дорошенко, Ю. Бочинским [IV, 3, 4, 5, 28, 32, 35, 44, 75, 99–101].

Отдельного внимания заслуживает раскрытие нациотворческой функции исторической науки в украинских историографических трудах, которые появились на свет в послеоктябрьский период. Институциональное и методологическое становление украинской историографии как отдельной исторической дисциплины было самым непосредственным образом связано с процессом украинского нациогенеза 20-х гг. XX в. Наиболее крупными историографическими достижениями этого периода можно считать работы Д. Дорошенко и Д. Багалея [IV, 2, 41]. Практически все украинские историки этого периода придерживались мысли, что самосознание национальных общностей невозможно без актуализации исторической памяти, выявления общих этногенетических истоков, самобытного исторического пути и др. Рассмотрение исторической мысли в тесной связи с формированием национального сознания позволило дать украинским историкам этого поколения достаточно адекватную оценку украинского исторического процесса XVIII – начала XX вв.

В 30–50-е гг. XX в. исследования подобного рода на территории СССР были практически свернуты в связи с эпохой сталинских репрессий, уничтоживших большую часть украинской национальной интеллигенции. Нормальный научный поиск на основах естественной научной этики продолжался лишь в украинской эмигрантской историографии. Для украинских зарубежных исследователей 30 – 90-х гг. XX в. вопрос национального сознания был предметом пристального научного исследования. Здесь прежде всего следует выделить работы И. Лисяка-Рудницкого, которые касались как общих теоретических проблем становления украинской нации и украинской исторической мысли, так и ее конкретно-исторических сюжетов. В частности, ученый обращал специальное внимание на отраженное влияние национального сознания в эволюции исторической науки. Он выделял особую роль в формировании украинской национальной историографии двух таких ее ключевых фигур, как М. Грушевский и В. Липинский [IV, 76].

Формирование украинской национальной исторической науки, ее достижения, особенно в 1920 г. и дальнейшая трагическая судьба анализировалась представителями государственного управления А. Оглобли-

ным, Н. Полонской-Василенко, Б. Крупницким, Л. Окиншевичем [IV, 70, 71, 82, 83, 87, 88].

Очень интересные, творческие интерпретации процесса формирования украинской национальной историографии XVIII–XX вв. содержатся в научных исследованиях Л. Винара, З. Когута, Р. Шпорлюка, Б. Кравченко, П. Могочи, Я. Пеленского [IV, 9, 10, 57, 85, 110]. В целом украинская зарубежная историография второй половины XX в. сумела достаточно продуктивно исследовать роль исторической мысли в нациогенезе украинцев. В ней, как правило, большое внимание уделялось национальной идентичности и важной ее составной части – историческому сознанию. Включенность этой проблематики в контекст западноевропейской и североамериканской послевоенной историографии способствовала более полному, адекватному отражению проблем украинской национальной истории в западном научном сообществе. Методологические принципы, положенные в основу этих исследований, стали основополагающими для разработки этой проблематики в украинской историографии последнего двадцатилетия. Однако слабым местом украинской зарубежной историографии была фрагментарная источниковая база.

В рассмотрении современного состояния этнополитической функции исторической мысли и становления украинского национального сознания современные украинские исследователи – гуманитарии выделяют два уровня. Первый – теоретический, позволяющий определить общие методологические подходы к проблеме, и второй, который охватывает конкретные исторические и историографические исследования с их истолкованием фактического материала источников.

Проблемы теоретического осмысления роли исторического компонента в развитии национального сознания применительно к украинским реалиям рассматриваются в исследованиях В. Жмыра, О. Забужко, И. Кресинной, Г. Касьянова, Л. Нагорной, В. Попика, М. Рябчука, О. Удада, Н. Яковенко [IV, 47, 49, 56, 69, 90, 93, 116]. Примером синтезной историографии, где украинской конкретно-исторический материал XIX–XX вв. подается в последовательно этнонациональном контексте является работа Я. Грицака [IV, 38].

Большое значение для выяснения процесса институционального становления украинской исторической мысли имеют работы, посвященные общественным организациям ученых, в том числе и историческим. Среди них явно выделяются исследования Исторического общества

Нестора – летописца – М. Колесника, Харьковского историка – филологического общества – В. Сарбея, Украинского научного общества в Киеве – Т. Щербань, З. Зайцевой, В. Ляхощкого. Большое число работ современных украинских историков посвящено творчеству классиков украинской исторической науки: М. Грушевского, М. Слабченко, А. Оглоблина, Д. Багалея и их историческим школам [IV, 12, 17, 52, 61, 62, 72, 86, 92, 94, 95]. В концептуальном плане взаимосвязи украинского национального возрождения и развития украинской историографии наиболее рельефно и доказательно исследуются в работах В. Кравченко, И. Колесник, М. Дмитриенко, Л. Зашкильняка, Ю. Левенца, В. Масненко, П. Радько, В. Потульницкого, С. Стельмаха и др. [IV, 39, 50, 52, 58, 59, 60, 67, 73, 79, 91, 92, 96]. Современная украинская историческая наука имеет уже сегодня в своем арсенале более десяти учебников и учебных пособий [IV, 7, 50, 51, 52, 55, 59, 62, 63, 64, 67, 104] по истории украинской историографии от средневековья до конца XX столетия. Далеко не все из них выполнены на должном научном и дидактическом уровне. Вместе с серьезным научным подходом наблюдается и заметная склонность к описательности, облегченности в истолковании сложных общественных и историографических явлений. Велик удельный вес компилятивности. И все же, сравнивая уровень осмысления и исследования проблемы влияния исторической науки на формирование национального исторического сознания в белорусской и украинской историографии, нельзя не отметить, что историческая наука Украины опережает своих белорусских коллег по интенсивности и глубине ее освоения как минимум на порядок. Даже чисто количественный показатель – число монографических исследований, посвященных этой проблеме в украинской историографии (около сотни монографических работ на Украине против 5-6 в Белоруссии), не может не впечатлять. Контраст разителен и очевиден. К заслугам современной украинской историографии следует отнести и возвращение в научный оборот практически в полном объеме творческого наследия классиков украинской историографии XIX – начала XX вв. Современная белорусская историография в возвращении своего историографического наследия стоит пока «у подножья горы». Но практически и в белорусской и в украинской историографии проблемы сравнительно-историографические исследования отсутствуют, что создает иллюзию ощутимой (порой иллюзорной) самобытности отечественной исторической науки, или позволяет декларативно утверждать об ощутимых «внешних влияниях».

Практически (за исключением монографии С. Стельмаха в Украине) неисследованной остается и проблема интеграции белорусских и украинских историков в европейское научное сообщество XIX – начала XX вв. В значительной мере такое соотношение белорусской и украинской историографических традиций исследуемой проблемы и определило композиционное ее решение в нашей работе.

1.2. Источники по истории белорусской и украинской историографии XVIII – начала XX вв.

Очевидно, что степень реализации намеченных в работе цели и задач будет во многом определяться как **информационными возможностями** его «источникового поля», так и **эффективностью исследовательских методов и приемов, корректно применяемых в работе с источниками**. Каковы в этом отношении потенциальные ресурсы исследуемых нами основных видов источников для реконструкции изучаемых исторических явлений? С первого взгляда, картина представляется достаточно благополучной. Основной источниковый фонд во всей его видовой, структурной разноликости (белорусско-литовские и украинские летописи XVIII–XIX вв., общественно-политическая и религиозная публицистика XVIII–XX вв.: эпистолярный, исторические сочинения белорусских и украинских историков XVIII – XX вв., записи богатого белорусского фольклора, законодательство в сфере культуры, периодическая печать XVIII – XX вв., библиотечные и рукописные собрания цельных исторических комплексов документов, сложившихся в процессе деятельности граждан и учреждений, изучавших историю ВКЛ, Беларуси и Украины), начиная с XVIII в. и до наших дней, все интенсивнее входит в научный оборот историка-исследователя белорусского и украинского прошлого. В этом легко убедиться, ознакомившись с библиографическими источниками информации и публикациями по научно-справочному аппарату архивов [11, 11, 226, 254, 111, 27–30, 33, 47, 64, 74, 131, 140, 141, 189]. Изучение некоторых из этих видов источников сформировало в российской, белорусской и украинской историографии XIX–XX вв. уже весьма значительную традицию (летописи-работы А.И. Барбашева, Ф.П. Даниловича, Ф.П. Сущицкого, А.А. Шахматова, М.С. Грушевского, И.П. Крипьякевича, Н.Н. Улащика, В.А. Чемерицкого, А.И. Рогова; законодательство – исследования Ф.И. Леонтовича,

И.А. Юхо; история архивов и рукописных коллекций – труды Е.Ф. Карского, С.Л. Пташицкого, В.С. Иконникова, А. Миловидова, Л.С. Паевского, П.В. Владимирова, П.А. Гильгенбрандта, Н.Г. Бережкова; мемуары – монография А.И. Мальдиса, периодика, делопроизводственная правительственная документация – статьи Н.Н. Улащика и др. [11, 14, 48, 54, 70, 125, 173, 189, 221, 240, 241, 303, 304, 331; 111, 31, 161, 213, 246-249, 270, 291]. При всей относительной многочисленности в отечественной историографии исследований такого рода нельзя не отметить, что степень внимания к историографическим источникам у ученых XIX – XX вв. к различным их видам разнится, и очень существенно. Многие виды источников, причем не только «традиционных» для историографа – письменные (мемуары, периодика), но и фольклорные, произведения художественной литературы и искусства – остались вне поля зрения исторического знания и источниковедов. Но в ракурсе задач нашей проблемы даже не это главное! Самое существенное то, что анализируемые источники не интересовали наших предшественников как источники и факты историографические, как эвристические информационные «ниточки», позволяющие распутывать «узелки» исторической памяти белорусов и украинцев ушедших веков. И, наконец, еще один, на наш взгляд, существенный пробел, присутствующий в работах наших предшественников – ими не была предпринята попытка взглянуть на **появление новых видов источников как на закономерный процесс смены различных модификаций форм исторической памяти** в ходе «кристаллизации» новых типов культур в Восточной Европе. Отсюда вытекает, как минимум, два важнейших следствия: 1) необходимость разработки типологии историографических источников, образующих информационное «пространство» нашего исследования и выявление их информационных возможностей для реконструкции основных явлений нашей проблемы; 2) активное привлечение профессиональной технологии, отработанной в сфере исследования социальной исторической психологии. Ибо первое, с чем сталкивается историк при изучении источника, – это связанность с личностью его творца. Взгляды человека на мир налагают ощутимый отпечаток на текст источника. Обращение с ним требует от исследователя серьезных усилий по расшифровке структуры мышления, чувств, мировосприятия создателя источника и той социально-культурной среды, в которую он был «включен». Поскольку то, с чем встречается в историческом источнике современный исследователь, – не вещи, явле-

ния и события, а представления о них определенных людей, их образы, переработанные в соответствии с правилами определенной культуры, постольку речь может идти о выяснении универсального мироощущения этих людей [111, 20, 56, 57]. В соответствии с таким пониманием природы исследуемого источника и должна проводиться его историографическая «расшифровка» или, как справедливо заметил А.В. Михайлов, историк культуры должен учиться «переводить назад» и ставить вещи на свои первоначальные места [111, 172; С. 58]. В противном случае неизбежен грех исторического «модернизма» надления исторического сознания человека атрибутикой, присущей сознанию нашего современника. К сожалению, этот грех не изжит многими белорусскими и украинскими историками и в наши дни.

Какие группы источников могут представлять для исследователя этой темы наибольший интерес в плане их информационных возможностей? Или, как говорят источниковеды, какие из источников будут в этом отношении наиболее **репрезентативны**? Наш опыт работы по изучению белорусской историографии XVIII – начала XX вв. привел к выводу о том, что максимальный эффект «информационной отдачи» историограф получит от пяти основных видов источников, сгруппированных близостью происхождения, функциональной ролью в социально-историческом и текстовом пространстве, видовыми особенностями: 1) периодическая печать; 2) мемуары и близкие к ним дневники; 3) документация по делопроизводству XIX – начала XX вв.; 4) фонды лично-семейного происхождения (в особенности архивные фонды историков и людей с ярко выраженным интересом к истории и исторической рефлексией); 5) «собственно историографические» источники (труды историков, научных учреждений и обществ исторического «профиля» и др.).

Более двух веков отечественные журналы, газеты и другие периодические издания публикуют исторические документы, их описание, исследования по широкому кругу проблем археографии, статьи об археографических находках и т.п. С XVIII в. и до наших дней обнаружено огромное количество документальных памятников. По подсчетам С.С. Дмитриева, с 70-х гг. XVIII в. и до 1917 г. выходило более 100 органов отраслевой исторической периодики. К этому числу нужно добавить советские исторические издания, а также общественно-политические и литературно-художественные журналы и газеты, публиковавшие исторические документы. В периодической печати России только за 1801–

1932 г. (кроме газет) выявлено более 1500 исторических источников [111, 12, с. 132; 62, с. 282]. Масштабы этой публикаторской работы сейчас еще трудно оценить. Публикации и статьи рассеяны по страницам многочисленных периодических изданий, их выявление и изучение затрудняется отсутствием сводных библиографий [111, 170]. Многие из этих публикаций не потеряли практического значения для современных исследователей, так как подлинники документов нередко утрачены или не найдены. В свою очередь, количество публикаций прошлых лет является одним из важных источников для изучения процесса распространения исторических знаний в обществе, истории исторической науки (самой археографии и др.) [111, 12, 17, 281, 282].

Специфика журнальной археографии обусловлена самой природой журналистики как общественного явления. Печать, по образной характеристике К. Маркса, это «говорящие узы, соединяющие отдельную личность с государством и целым миром». Особенно характерна функция общения, связи – коммуникации – для периодики. Она реализует систему функций социальной информации: коммуникативную, управленческую, отражательную (познавательную) – и множество их разновидностей – политическую, правовую, научную, философскую, эстетическую и др. [111, 251; с. 220–221].

В истории науки появление периодической печати считается важнейшим после изобретения книгопечатания рубежом. С XVIII в. с выделением переднего края науки книги передают свои коммуникативные функции журналам [111, 207; с. 96]. Осуществляя связь и общение между отдельными членами научного сообщества, периодика играет ведущую роль в сохранении целостности научных дисциплин, противопоставляет рассредоточенному в пространстве и во времени процессу функционирования дисциплинарного знания. Журналы признаются важным элементом научной коммуникации, которая, в свою очередь, занимает центральное место в социальной системе науки. Совокупность журнальных публикаций отражает состояние и динамику переднего края дисциплины. Эти выводы распространяются и на археографическое сообщество и на археографию, как на одну из научных дисциплин [111, 174; с. 135, 144–145].

Но публикации документов, статьи археографического содержания как в прошлом, так и в настоящем появляются не только в специальных научно-исторических периодических изданиях. Они являются неотъем-

лемым элементом общественных газет и журналов. Периодика – один из каналов распространения исторических знаний среди больших социальных групп общества. Но процесс этот не является односторонним. Такое явление, как «обратная связь» между органом печати и читателем, позволяет периодике «легче выявлять любимые темы общества и точнее отвечать интересам его», чем в формате книжных изданий. Читательские запросы во многом определяют тематику публикаций источников в периодической печати, отбор видов документов и т.п. Сами типы периодических изданий складываются в единстве трех важнейших (родовых) признаков: издателя, целевого назначения (функции) и читательской аудитории, [111, 143]. Историческая тематика, естественно, составляет содержание отраслевой, специальной исторической периодической печати. Российская журналистика знает специальные историко-археографические издания – «Русский архив» П.И. Баргтенева, «Красный архив», «Исторический архив», «Археографический ежегодник» и др. Крупнейшие журналы второй половины XIX в. «Русский архив», «Русская старина», «Киевская старина» во многом выполняли функции и научно-популярных журналов. Но популяризация истории и ее документальных памятников в периодике, рассчитанной на широкий круг читателей, в традиции отечественной журналистики, берущей начало в XVIII столетии, ведется периодикой общего типа (общественно-политической, литературно-общественной и т.п.). В ней принимают участие все журналы, начиная с «Вестника Европы», «Сына Отечества», «Московского телеграфа», исторические документы были широко представлены в XIX в. в губернских и епархиальных ведомостях. В науке, по мнению исследователей, механизм управления и организации научного знания состоит в том, что журналистика на начальном этапе (прием к печати) производит отделение более значимых текстов от менее значимых, исходя из представлений о развитии данной области науки, что позволяет читателю ориентироваться в современной научной и актуальной проблематике [111, 15].

При отборе исторических документов для публикации в периодике (в специальной и научно-популярной, массовой) оценивается актуальность, научная и культурная значимость потенциальных публикаций, учитывается целый комплекс политических, эстетических и других факторов.

В источниковедческой литературе высказывается мнение о необходимости различения первичной «служебной» функции документа, его «свойств», возникших в процессе создания, и «вторичных», проявившихся при обращении к нему историка. Установлено, что источник несет в себе «двойную информацию»: в нем отражается реальность и субъект, его создавший. В публикации источника отражается еще и позиция издателя. В литературе отмечалось привнесение личных своих «особенностей» редакторами и издателями журналов при издании исторических документов [111, 77, 168, с. 19, 189; 242, с. 177].

Полифункциональность, оперативность и периодичность выхода (и воздействия на читателя), наличие «обратной связи» составляют важнейшие отличительные черты журнальных публикаций исторических источников по сравнению с «книжными» формами (отдельными изданиями, неперiodическими сборниками, сериями). Журнальная публикация изначально рассчитана на более широкий круг специалистов-историков или на массового читателя.

Журнальные публикации, особенно в общей, научно-популярной периодике, более связаны с краткосрочными, изменчивыми общественно-историческими интересами, в научно-исторических журналах – с актуальными научными интересами. Более долговременные сложившиеся потребности науки и общества призваны обслуживать «книжные» публикации. Степень соответствия общественным интересам, естественно, убывает с увеличением временного интервала выхода издания (номера, тома, выпуска). Журналы часто выступают как бы «разведчиками» для будущих публикаций.

В дореволюционной периодике особенно велика была роль редактора-издателя частных журналов. Он нередко предпринимал специальные, целенаправленные попытки для обеспечения журнала (портфеля редакции) необходимыми документами. Практическая потребность и личные склонности способствовали тому, что многие издатели-редакторы в России стали крупными коллекционерами. Известно немало случаев, когда издатели-редакторы выступали и «организаторами» создания источников написания мемуаров.

Все сказанное выше в значительной мере относится и к периодике ВКЛ, Украины и Белоруссии XVIII – начала XX вв. Зарождаясь как жанр оперативного реагирования на текущие события, в течение двух столетий она эволюционировала от нерегулярно издаваемых в XVIII в. в

Вильно, Гродно, Полоцке, Харькове «календарей» до полифонических, универсальных изданий 30 – 50-х гг. XIX в. («Атенеум Виленский», «Тека Виленска», «Визерунки Розрывкове», «Рубон» и др.) и затем официальных «губернских ведомостей». Последние начавшие издаваться регулярно с 1838 г. при Витебском, Гродненском, Киевском, Могилевском, Минском, Харьковском губернских правлениях имели два отдела: официальный и неофициальный. И если в официальном отделе помещались постановления, распоряжения, известия центральных и местных властей, то в неофициальном – довольно часто публиковались исторические документы и историко-краеведческие исследования по региональной истории. И хотя в этих изданиях не допускалась публикация оригинальных статей на политические темы, фельетоны и сатирические материалы, трудно согласиться с суровой оценкой, данной им журналом «Современник» как «мертворожденных детищ губернских правлений». Конечно, они были лишены возможности отражать живую жизнь в такой же мере, как это разрешалось петербургским и московским «толстым» журналам. И все же как летопись местной (белорусской и украинской) «истории современности» XIX – начала XX вв., истории политики царизма в области культуры на территории Белоруссии и Украине они являются источниками первостепенной важности. Тем более что с течением времени «Губернские ведомости», как и их клерикальный собрат по разряду официальной прессы – «Епархиальные ведомости» – заметно эволюционировали к концу XIX в. в сторону этой самой «живой жизни». К началу XX в. в этих изданиях под влиянием резко возросшей политизации российского общества стали печатать значительно больше материалов по истории, археологии, этнографии, экономике Белоруссии и Украины, шире освещать местную жизнь. Сам политический спектр белорусской, украинской и виленской периодики в 60-е гг. XIX – начала XX вв., несмотря на жесткий контроль правительственной России, в значительной мере расширился и представлял все основные оттенки отношений к белорусскому и украинскому прошлому и настоящему (от «Вестника Юго-Западной России» и «Вестника Западной России» верно-подданного «западнорусса» К. Говорского в 1860-е гг. до либерального «Минского листка» в 1880-е гг., неонароднической «Нашай Нивы», социал-демократического «Северо-Западного края» и сепаратистских изданий виленских «краевцев», либеральной и демократической «земской» прессы Украины в начале XX в.).

Анализ информации из белорусской, украинской и виленской периодики XIX – начала XX вв., дополненный информацией, добытой в результате систематизированной обработки столичных российских изданий Петербурга и Москвы («Вестник Европы», «Сын Отечества», «Северная Пчела», «Северный Архив», «Современник», «Отечественные записки», «Москвитянин», «Русский Инвалид», «Русский архив», «Исторический Вестник», «Былое», «Журнал МВД», «Журнал МНП» и др.), позволяет увидеть историографу не только «репертуар» приоритетных исторических тем, интересовавших белорусское, украинское и российское общество, но и живое разноликое отношение этого общества к проблематике истории Белоруссии и Украины, тайные и явные политические пружины механизма этой разноликости.

Источниковедческая литература о мемуарах огромна. В последнее двадцатилетие интерес к мемуарам заметно возрос, что вызвано усилившимся в нашем обществе вниманием к социально-психологической стороне истории, проблемам ее «личностного» проявления. Начавшееся в 1976 г. издание фундаментального библиографического указателя «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П.А. Зайончковского способствовало привлечению к мемуарам еще большего внимания [111, 40, 42, 61, 94, 95, 171, 241, 269].

Мемуары дают нам уникальную возможность увидеть прошлое «изнутри» – глазами живших тогда людей, подышать воздухом другой эпохи. Сама субъективность мемуариста для исследователя исторической психологии из информационного «минуса» (в плане точности и достоверности отражения фактов эпохи) превращается в этом случае в «плюс». Мемуарист волей-неволей запутывает нас оценками, в которых он заинтересован, и пристрастными суждениями, стремится убедить в своей версии, превратить в союзников. А потомкам, владеющим разнообразными источниками исторической информации и вооруженным современными методами исторического исследования, важны не только голые факты, но их трактовка, интерпретация событий современниками. Для нас существенно даже то, кто и о чем жлет, что пытается утаить и в каком виде представить. Эти факты в источнике способствуют лучшему пониманию социально-психологических, идейных, политических и других аспектов мотивации исторических поступков» живых деятелей истории, ее сотворцов и участников. Мемуарное «пространство» Беларуси и Украины конца XVIII – начала XX вв. не назовешь ни скудным, ни

монотонным. Государственные, церковные деятели России и администраторы западных и юго-западных ее губерний (С. Богуш-Сестренцевич, Г.Н. Добрынин, Н.П. Румянцев, А. Чарторыйский, М. Огинский, М.Н. Муравьев, Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, Д.Г. Бибииков, митрополит И. Семашко, гр. Канкрин, гр. фон дер Пален, гр. Д.А. Толстой, П.А. Муханов, Ф.Ф. Берг, И.П. Корнилов, Г. Конисский, А.Н. Мосолов, С.А. Маслов, Н.А. Черевин, И. Захарьин, Н.В. Сушков, фон Валь и др.) [1, 4, 22, 28, 77, 78, 79, 107, 113, 127, 136, 140, 146 и др.; 111, 74, 116, 140, 208, 369], литераторы и ученые (В.Н. Севергин, Ф.В. Булгарин, И.Н. Данилович, З. Доленга-Ходаковский, А. Мицкевич, М. Максимович, П. Кулиш, А. Киркор, А.Н. Пыпин, М.О. Коялович, Н.И. Костомаров, Н.Г. Устрялов, В.А. Спасович, Н.А. Янчук, П.В. Кукольник, Ф. Бохвиц, А. Снядецкий, Е. Китович, В. Антонович, М. Грушевский, Д. Дорошенко, Д. Багалеи и др.), военные, революционеры и путешественники сохранили в своей памяти немало такой информации о культуре Беларуси и Украины конца XVIII – начала XX вв., о политике правительственной России на их землях, об уровне и характере исторической памяти белорусского и украинского общества, которую трудно найти в источниках официального государственного делопроизводства. Мемуаристы, писавшие о Беларуси и Украине той эпохи, были людьми разного жизненного опыта, ума, образования, политических и научных взглядов. И оценки, которые давались ими в воспоминаниях одних и тех же событий белорусского и украинского прошлого, были нередко диаметрально противоположными. Но в сумме своей они воскрешают ту духовную ткань белорусской и украинской культур, то панорамное восприятие минувшей жизни, которое труднодостижимо при изучении других видов источников. Приходится констатировать тот факт, что, к сожалению, такая золотоносная «жила» по истории белорусской и украинской культуры как мемуаристика до сих пор крайне слабо подвергалась специальному изучению историками Белоруссии и Украины. Впрочем, подобное замечание будет уместным и относительно источниковедческого изучения, а точнее неизученности периодической печати России, формировавшей в XIX – начала XX вв. у просвещенной части российского общества «образ» Беларуси и Украины и их истории (журналы и газеты Вильно, Киева, Харькова, Петербурга, Москвы, губернских центров Белоруссии, Украины и Литвы).

Из богатейших документальных комплексов государственного делопроизводства, хранящихся в фондах архивов госучреждений досо-

ветской России, для исследования нашей проблемы, несомненно, наибольший интерес представляют те из них, где в максимальной степени отражается политика царизма по отношению к Белоруссии и Украине и их культуре. Здесь исследователь располагает обширнейшим кругом репрезентативных источников [111, 41, 274]. Это законодательные материалы, содержащиеся в Полном Собрании Законов Российской империи, в сборниках постановлений и распоряжений Министерства народного просвещения, МВД, циркуляров, докладных записках, донесениях, агентуры III отделения и Департамента Полиции, Главного Управления по делам цензуры, документах архивного делопроизводства: центральных управленческих структур конфессиональных учреждений империи, Комитета Министров, Государственного Совета, Комитета Западных губерний, I, II, III отделений с.и.в. канцелярии, Генерального штаба России и др. [1, 20, 21, 31, 32, 119, 128, 132, 133, 137, 139].

Эти фонды хорошо известны исследователям социально-экономической и социально-политической истории России, Белоруссии и Украины, но в гораздо меньшей степени используются историками культуры и практически не привлекаются историографами. На наш взгляд, не привлекаются совершенно напрасно. Ибо политика и деятельность правительства России являлись неперенным условием существования науки в стране в XIX – начале XX вв. Они не только оказывали влияние на весь ход научной жизни и научных исследований, но и отражали попытки правящих кругов направить в нужное самодержавию русло развитие самого организма науки, скорректировать внутренние закономерности и потребности этого развития. Правительственная политика и деятельность в области науки была мощным каналом воздействия на все российское общество. В наибольшей степени несли на себе и ощущали правительственную нагрузку гуманитарные науки, и в особенности исторические, поставляя материал для идеологической и воспитательной работы самодержавной власти и правительства в регионах с ярко выраженными национально-культурными особенностями.

В отечественной историографической литературе, несмотря на еще встречающиеся попытки ряда авторов сводить историю исторической науки к истории исторической мысли, все же утвердилось определение науки как сложного общественного организма. Процесс развития исторической науки как историографический процесс в этом плане выглядит многообразно, охватывая такие направления как формирование

источниковой базы и археографическая работа, организация и финансирование научных учреждений, система подготовки кадров и творческая лаборатория отдельных ученых, их исторические труды, взгляды и идейно-методологические позиции, распространение добытых наукой знаний о прошлом в обществе и т.д. Все это и позволяет привлечь фонды госучреждений в качестве полноценных историографических источников. В числе наиболее репрезентативных историографических комплексов по данной проблеме представляются фонды учреждений системы народного просвещения. В числе первых 8 министерств, учрежденных в 1802 г., было, как известно, Министерство народного просвещения (МНП). С его созданием впервые управления народного просвещения сосредоточились в особое самостоятельное ведомство.

В народное просвещение, на которое распространило свои функции МНП в XIX – начале XX вв., вкладывалось широкое содержание. Главная цель ведомства просвещения в Манифесте о министерствах определялась как «воспитание юношества и распространение наук». В 1810 г. к просвещенческому ведомству были отнесены «все ученые общества, академии, университеты, все общие учебные заведения, исключая духовные, военные и подлежащие ведению какой-либо отдельной части управления» (Синод, Военное Министерство, МВД). Уже к середине XIX в. МНП в сфере своей деятельности далеко вышло за пределы управления собственно народным образованием от начального до университетского. В его ведении оказались главнейшие направления и центры отечественной науки. Работа по «воспитанию юношества» переросла в регламентацию практически всей духовной жизни общества, многих сфер его культурного развития. МНП воздействовало на идеологический климат страны не только осуществляя контроль за религиозно-нравственным состоянием общества, но и занимая ведущие позиции в формировании идейных начал официально-охранительной системы и продвижении их в народную среду через АН, учебные заведения, публичные и народные чтения, научные учреждения и общества, музеи, библиотеки, печать. Не случайно вплоть до 1862 г. на МНП лежали обязанности государственной цензуры. С 1817 по 1824 гг. в сферу его управления входили и духовные дела, а с 1866 по 1880 гг. ведомством просвещения руководил министр, одновременно являвшийся обер-прокурором Синода. Хотя по сравнению с III отделением МВД, Военным Министерством, МНП не обладало большими средствами (1-2% государственного бюджета), но оно

успешно охватывало вполне своеобразную область государственного развития и общественной жизни, опираясь не столько на выделенные ему средства, сколько на развитой и опытный аппарат исполнителей-чиновников и разнообразные административные и идеологические способы воздействия на учебное дело и науку.

Социальные функции МНП, как важнейшего идеологического органа в правительственном аппарате, фокусировались на защите политических и идейных устоев самодержавного режима. Работу в этой области ведомство скромно именовало как недопущение «вредных» идей в просвещение, научную и культурную сферы. На самом же деле оно было органом активного идейного наступления, старательно приспособляющим доверенную ему систему науки, образования и культуры к воспитанию в верноподданническом духе. В разные времена при разных министерствах эта коренная цель министерской деятельности то звучала открыто, то вуалировалась фразеологией о «чистых» знаниях, науке и культуре.

МНП сосредоточило в своем ведомстве ключевые участки научно-исторической жизни страны и исторического образования. По положению за 1864 г. его управление простиралось на историческую науку в историко-филологическом и II (русского языка и словесности) отделениях АН, Азиатском и Этнографическом музеях. Под ее контролем велась исследовательская работа и подготовка историков на историко-филологических и частично юридических факультетах университетов Москвы, Петербурга, Харькова, Киева, Дерпта, Вильно. Министерская регламентация распространялась на работу в области истории Археографической комиссии, архивов древних актов, в Киеве и Вильно и действующих на их основе Комиссий для издания древних актов, ОИДР, Русском и Московском Археологическом обществе, обществе Нестора-летописца.

Подобная концентрация функций неизбежно вела к специальной разработке проблем правительственной политики в области исторической науки и образования, в сфере, где мотивы правительственной деятельности были самым непосредственным образом переплетены с политикой и идеологией. Без тщательного изучения механизма, направлений и методов этой политики, источников, ее отражающих, нельзя до конца разобраться в истории научной, культурной и идейной жизни Белоруссии и Украины XIX – начала XX вв.

В меньшей степени, но все же достаточно представительными в указанном (историографическом – Д.К.) ракурсе выглядят и документальные источники, сформированные в канцеляриях и архивах МВД, Военного Министерства и Генерального Штаба, Синода, III отделения с.и.в. канцелярии. Во-первых, ряд из них имели свою сеть учебных заведений с определенной программой исторического образования; во-вторых, в архивы этих учреждений активно поступали изъятые и конфискованные библиотеки, отдельные рукописи и целые рукописные собрания (запрещенного, нелегального и «крамольного» характера). В-третьих, практически все они в своей структуре имели подразделения исследовательского характера, занимавшиеся историческими изысканиями (в МВД – Центральный статистический комитет; в военном ведомстве России – Военно-топографическое дело, Департамент Генерального Штаба, Военно-ученый архив; в III Отделении – специальный «исторический» отдел [1, 20, 21, 31, 119-125, 133, 139]). И, наконец, архивные фонды этих учреждений содержат ценнейшую информацию о биографиях (прежде всего служебных – Д.К.) многих историков Белоруссии и Украины XIX – начала XX вв. Ведь многие из них состояли на государственной гражданской или военной службе (И. Григорович, И. Данилович, М. и П. Бобровские, М. Максимович, В. Антонович, Н. Костомаров, А. Киркор, М. Коялович, М. Довнар-Запольский, И. Лаппо, Д. Багалеи и др.).

Архивные источники биографических сведений могут быть разделены на четыре группы:

1. Источники конфессиональные, связанные с рождением и крещением данного лица, а также его бракосочетанием и разводом. В основном они сохранились в метрических книгах соответствующей конфессии. Но выписки из книг, представляющиеся в те или иные учреждения, оседали в архивах этих ведомств. Как правило, источники этого рода, кроме даты и места события, содержат сведения о социальном положении лица или его родителей, чине или должности, девичьей фамилии жены (матери), сведения о родственниках, когда они выступают в качестве восприемников или свидетелей и т.д.

2. Источники генеалогические. Это погубернские дворянские родословные книги и огромный архив Департамента герольдии Правительствующего Сената. Специфика архива Департамента герольдии заключается в том, что там сохранились дела и тех лиц (фамилий), которые так и не были утверждены в дворянском достоинстве, а следовательно,

не были внесены в дворянские родословные книги. Дела герольдии содержат сведения о предшествующих поколениях и родственниках лица, ходатайствующего об утверждении в дворянском достоинстве и потому зачастую в таком деле могут быть сведения более чем о сотне лиц. Значительная часть архива относится к жителям именно западных губерний России (белорусских, литовских, украинских), от которых после восстания 1831 г. требовалось документальное подтверждение их дворянского происхождения. Последнее было настолько усложнено и затруднено, что многие оформляли свое дворянство по чину кого-либо из предков или собственному.

3. Источники о служебной деятельности. В первую очередь это формулярные списки, которые могут быть как в архивах ведомств, в которых проходила служебная деятельность данного лица, так и в других учреждениях, куда копия такого списка представлялась (например, в Герольдии при утверждении в дворянстве по чину или в архиве учебных заведений, куда определялись его дети). Формулярные списки, как правило, кроме сведений о прохождении службы содержат также сведения о семейном положении, происхождении, имущественном положении и возрасте.

4. Судебно-полицейские материалы. Эти материалы откладывались в местных и центральных органах только при сопричастности данных лиц к любому виду антигосударственной деятельности (политические преступления, участие в революционном или национально-освободительном движении, раскол или соращение из православия и т.п.), реже сохранялись материалы о лицах, совершивших уголовное преступление. Из центральных ведомств наибольшее количество подобных материалов отложилось в архивах III отделения (позднее департамента государственной полиции и департамента полиции), военно-судебной части военного министерства и в департаменте полиции исполнительной (ДПИ МВД). В департаменте исполнительной полиции трижды (в 1856, 1866 и 1875–1879 гг.) компоновались общие списки всех поднадзорных в империи на основе сведений, сообщаемых из губерний. Несмотря на разную степень полноты этих списков по разным регионам, они имеют несомненную ценность, так как дают возможность увидеть единовременные срезы по всей империи (за исключением Царства Польского и Великого княжества Финляндского, которые находились вне юрисдикции МВД). В этих списках зафиксированы две категории лиц, отданных под надзор не за какие-либо конкретные преступления, а в общем порядке: медики,

обучавшиеся в Виленской медико-хирургической академии, и военные из числа уроженцев западных и юго-западных губерний и вышедшие в отставку до получения капитанского чина.

В III отделении собственной Его Величества канцелярии откладывались материалы как досудебного, так и послесудебного периода жизни лиц, попавших в поле зрения этого учреждения. Однако массовость материала не столь всеобъемлюща, как в архиве ДПИ. В то же время в III отделении могло быть заведено дело, не отраженное в архиве МВД (помилование до осуждения, оставление без последствий и т.п.). Точно так же сведения об эмигрантах, наблюдение за ними, разрешение на их возвращение и т.д. не всегда передавались в МВД, если, по мнению III отделения, в этом не было необходимости.

При всей разнохарактерности перечисленных групп источников сведения об одном и том же лице могут быть отражены (хотя и с различной полнотой) во всех группах.

Для исследователя, выявляющего и анализирующего информацию по истории исторической науки Белоруссии и Украины XIX – начала XX вв. в фондах госучреждений Российской империи, крайне желательно не ограничивать свои архивно-археографические поиски только столичным звеном иерархической цепи управления государства. А привлекать аналогичные фонды системы местного управления, архивы канцелярий генерал-губернаторов из белорусско-литовских и украинских губерний. К счастью для исследователей, фонды этих учреждений дошли до нас в неплохом состоянии (архивы канцелярий: Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора, генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского; Виленского, Киевского, Витебского, Минского, Гродненского и Могилевского, Харьковского гражданских губернаторов; губернских правлений этих губерний; их статистических комитетов, губернских жандармских управлений; управлений попечителей Белорусского, Виленского и Киевского учебных округов и др. [1, 10, II, 13, 15, 38, 39, 41–45, 47, 49, 156–159]. Если фонды центральных ведомств империи, как правило, наиболее полно отражают иницилирующий аспект той или иной правительственной акции в сфере культуры и полученный из губернии («исполненный на местах» – Д.К.) «готовый», «сводный» информационный «продукт», доводящий до сведения Петербургского начальства о блестящем исполнении его воли, то фонды местных учреждений, как правило, раскрывают механизмы реализации

предначертаний правительственной бюрократии. Они не только взаимодополняют друг друга, но и позволяют историку провести источниковедческую проверку документальных источников на достоверность содержащейся там информации.

В значительной степени детальную «расшифровку» этим громадным документальным комплексам центральных и местных госучреждений Российской империи дает работа с лично-семейными фондами государственных деятелей России XVIII – начала XX вв. Коллекции исторических документов, собиравшиеся многими образованными и «зараженными» историей представителями царской сановной бюрократии, позволяют более реально представить не только «кухню» готовившихся относительно Белоруссии и Украины политических решений, но и проследить теснейшую связь формирования «исторического образа Беларуси и Украины» с политической конъюнктурой XVIII–XX вв. Хранящиеся в архивах Москвы, Петербурга, Вильнюса, Киева, Минска, Харькова лично-семейные фонды гр. Блудовых, гр. Паниных, гр. Румянцевых, П.Н. Батюшкова, П.О. Бобровского, гр. М.Н. Муравьева, гр. Толстых, И.П. Корнилова, В.Ф. Ратча, гр. М.М. Сперанского, Д.В. Дашкова, Н.В. Сушкова, кн. А.М. Горчакова, кн. М.Д. Святополк-Мирского, гр. Бенкендорфа, Луниных, Осоргиных, Кречетниковых, В.В. фон Валя и др. [1, 22, 28, 29, 32, 34, 74–79, 113, 127, 136, 142, 146, 149] еще не стали объектом исследовательских интересов белорусских и украинских историков. Эта не поднятая источниковая целина, на наш взгляд, обладает потенциально огромными информационными возможностями для новых открытий и находок в сфере не только достаточно изученных сюжетов политической истории Беларуси и Украины, но и истории культуры их народов.

Все вышесказанное в большей степени может быть отнесено и к «собственно историографическим» источникам по истории белорусской и украинской историографии (это в равной степени касается как изучения опубликованных работ историков Белоруссии и Украины XVIII – начала XX вв., так и сохранившихся до нашего времени их личных и творческих архивов). Из хранящихся в архивах Европейской части бывшего СССР фондов более чем 150 историков ВКЛ, Украины и Белоруссии (фонды З. Доленги-Ходаковского, П.И. Кеппена, В.Г. Анастасевича, М. Балинского, А. Киркора, М. Максимовича, бр. К. и Е. Тышкевичей, Н.Г. Устрялова, М.П. Погодина, И.С. и К.С. Аксаковых, В.Д. Спасовича, И.П. Корнилова, М.О. Кояловича, М.К. Любавского, И.И. Лаппо, М.В. Довнар-Запольского,

А. и И. Луцкевичей, Е.Ф. Карского, В.Ф. Ратча, М.К. и П.О. Бобровских, Н.И. Петрова, еп. Доброхотова, А.Е. Преснякова, В.И. Пичеты, М.С. и А.С. Грушевских, В.Б. Антоновича, С.А. Бершадского, Г.Ф. Карпова, Я. Карловича, Н.Н. Бантыш-Каменского, К.Н. Бестужева-Рюмина, М. Огинского, А.С. Будиловича, С.Т. Голубева, И.И. Григоровича, А.П. Заблоцкого-Десятовского, В.С. Иконникова, Д.И. Иловайского, Е.П. Карновича, С. Косаковского, Н.И. Костомарова, И. Лелевеля, А.Ф. Малиновского, Р. Меницкого, Д.Л. Мордовцева, П.А. Муханова, Т. Нарбута, Н.А. Попова, С.Л. Пташицкого, А.Н. Пыпина, С.Г. Рункевича, О. Сенковского, К.С. Сербиновича, И.Я. Спрогиса, В.В. Харламповича, П.В. Шейна, Н.А. Янчука, М.Н. Ясинского и др.) [11, 5, 6, 8, 9, 35, 36, 51–60, 62–66, 68–69, 73, 76, 80, 81, 87–104, 134, 135, 141–150, 152–153, 168, 171, 189–193 и др.] в активном исследовательском обороте находятся едва ли более 20 «персоналиев».

По характеру содержащейся информации источники этих фондов условно можно разделить на две группы. К первой относятся **исследовательские работы историков** ВКЛ, Белоруссии, Украины и подготовительные материалы к ним. Вторая группа источников представлена материалами **«биографического» комплекса (это прежде всего материалы по делопроизводству:** протоколы, заседания, формулярные списки о службе, дела об утверждении и назначении в должности; эпистолярный; изредка дневники и воспоминания. Оценка творческой личности дается обычно по двум направлениям: «что сделал» (оценка творческого наследия) и «как жил». Если в первом направлении историографией при изучении творчества историков ВКЛ, Украины и Белоруссии достигнуты определенные успехи, то второе, по существу, остается еще слабоисследованным. Биография ученого, на наш взгляд, должна быть в значительной степени биографией «деятельности». При этом целесообразно не ограничиваться рассмотрением только общественно-политической и научной «сфер» жизни историка, но и показать его индивидуальную психологию. Изучение личной жизни ученого поможет раскрыть сущность комплекса идей, представлений и чувств, получивших с легкой руки Е. Топольского удачное название «внеисточникового знания». (Это та приобретенная в процессе жизни и известным образом интерпретированная информация о прошлой и настоящей деятельности, которой историк руководствуется в своей работе, независимо от того, сознает он это или нет – Д.К.).

В случае дефицита значимой информации в источниках «биографического комплекса» в процессе реконструкции биографий историков ВКЛ, Украины и Белоруссии целесообразен «вторичный» анализ их творческого наследия, но не в историографическом, а в «биографическом» ракурсе. Такой анализ позволит выявить «мотивационно-целеполагающий» каркас деятельности историка, определяющий подлинный «стержень» личности.

Хотя непосредственным объектом биографии является жизнь отдельного человека, однако предметом, на который направлено основное исследовательское усилие биографа, каждый раз оказывается социальная и культурная ситуация, по отношению к которой описываемая жизнь приобретает значение истории. Относительно периода конца XVIII – начала XX вв. она изучена достаточно хорошо. Это создает еще одну возможность заполнения «белых пятен» в биографии исследуемых историков за счет привлечения информации об их социальной «микросреде»: друзьях и врагах, коллегах по работе, учителях и учениках, родственниках и т.д. Оценки, которые давались историкам XVIII – начала XX вв. их современниками – «представителями этой «микроседы», помогут выявить характерные контуры личности «изучаемых». Разумеется, в этом случае исследователь должен обладать достаточным минимумом информации о личности самого характеризующего.

Своего рода промежуточное положение между личными фондами государственных деятелей России конца XVIII – начала XX вв. и личными фондами историков занимают в этой видовой источниковой нише лично-семейные фонды магнатории и шляхты ВКЛ, Украины и Белоруссии. Не занимая часто официального государственного поста, ведя только частную жизнь, многие представители родовитых фамилий «литовской» и украинской аристократии, как люди широкой европейской образованности и многосторонних интересов, хорошо знали историю, пристально интересовались, а иногда и сами ею занимались. Написание и хранение мемуаров и дневников, личных архивов по политической и генеалогической истории «фамилий», сбор коллекций исторических раритетов, хроник, летописей, исторических сочинений XVI–XVIII вв., покровительская, меценатская помощь в издании сборников исторических документов были в XVIII–XIX вв. для этой среды явлением нередким. Поэтому архивы белорусско-литовской и украинской аристократии и шляхты (Слизней, Быховцев, Радзивиллов, Тышкевичей, Янковских,

Врублевских, Нарбутов, Друцких-Любецких, Сапег, Массальских, Пляте-ров, Огинских, Потоцких, Сангушек, Разумовских, Скоропадских и др.) не только концентрируют первоклассные источники историографического характера, но и сами по себе являются ценнейшими «историографическими комплексами», свидетельствующими об уровне и характере исторического сознания их владельцев [1, 17, 18, 40, 83, 90, 94, 97, 167, 171, 177, 178, 180, 183, 185].

Из обзора основных групп источников по исследуемой проблеме видно, что информационное «поле» белорусской и украинской историографии XVIII – начала XX вв., даже с учетом огромных документальных потерь, связанных с войнами и революциями XIX и XX столетий, выглядит весьма представительным и перспективным как в плане его исследовательской разработки, так и в возможности реализации ряда исследовательских проектов историографического характера. **Первым** среди них следует признать проект создания серии публикаций под общим названием «**Белорусика, Памятники исторической мысли**». (о чем мы уже писали выше – Д.К.). **Вторым** – формирование и публикацию сводного каталога документального (архивного) наследия историков ВКЛ, Украины и Белоруссии XVIII–XX вв. **Третьим** – создание и публикацию био-библиографического исследования «Историки ВКЛ Украины и Белоруссии. XVIII – начала XX вв.», с максимально полным учетом как опубликованных трудов этих ученых, так и работ, посвященных их личности и творческому наследию. И, наконец, **четвертый** – разработка типологии историографических источников с целью выявления их источниковедческой, информационной репрезентативности. Успешная реализация последнего проекта позволила бы внедрить в учебный процесс и практику историографа-профессионала Беларуси и Украины новое научное направление – «Источниковедение историографии».

Таким образом, можно сказать, что представленный комплекс историографических источников имеет достаточно богатые и перспективные возможности для реконструкции исторических взглядов не только историков-профессионалов Белоруссии и Украины XVIII – начала XX вв., но и характерных черт исторического сознания интеллектуальной и политической элиты украинского и белорусского народов. Однако «эфф-фект трансляции» исторического менталитета элиты и профессионального исторического сообщества на массовое историческое сознание украинского и белорусского этносов сквозь призму этого комплекса пока

Историография и источники проблемы

прослеживается слабо. А сама проблема типологии и репрезентативности основных видов источников, которые позволяли бы достоверно реконструировать характерные черты исторического сознания «низших слоев» белорусского и украинского общества, еще не разработана ни в украинской, ни в белорусской историографии.

ГЛАВА 2. У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИОГРАФИЙ (XVII – НАЧАЛО 30-х гг. XIX вв.)

2.1. Формирование исторической науки Великого княжества Литовского и Украины в период раннего нового времени (основные тенденции)

Изучение роли и места истории в культуре Великого княжества Литовского (XVI – XVIII вв.) и Белоруссии, в отличие от ситуации с изучением украинской историографии XVI – XVIII вв., не получило должного системного освещения как в российской, так и в советской исторической науке. Даже в наиболее фундаментальных исследованиях историков дооктябрьской России и СССР эта проблема находилась явно на периферии исследовательского внимания. К числу редких исключений можно отнести, пожалуй, только серию фундаментальных, содержательных статей литовского исследователя А.И. Шидлаускаса [III, 275 – 278]. Такой пробел особенно досаден, если учесть, что указанная проблематика давно и небезуспешно разрабатывается начиная с XIX в. нашими польскими коллегами (работы В. Смоленского, С.Л. Пташицкого, Т. Мандыбура, Г. Ловмянского, М. Серейского, Т. Курцыбахи, Я. Лехицкой, И. Шибака, Е. Матерницкого, М. Топольской).

Вполне очевидно, что изучение этой проблемы позволяет историку найти информацию для ответов на важнейшие вопросы, без которых немислимо изучение исторического сознания восточнославянских народов Великого княжества Литовского (белорусов и украин-

цев). Такие, например, как **механизмы** формирования исторической памяти общества, **историческая изменчивость** ее **форм; каналы и характер** передачи, исторически значимой для людей определенной исторической эпохи информации роль **политических и идеологических факторов** исторического процесса в рождении и распространении историко-мировоззренческих и историко-концептуальных «клише» различных социальных групп, процесс **десакрализации** исторического видения и др. Попытаемся определить основные вехи «легитимизации» истории в рамках системы исторического видения в формировании образованной восточнославянской элиты ВКЛ.

I период (20 – 90-е гг. XVI в.)

Именно в этот период развития культурно-исторического процесса у восточнославянских народов ВКЛ (белорусов и украинцев) и Речи Посполитой (с 1569 г.) под влиянием таких мощных движений как Возрождение и Реформация происходит интенсивное приобщение к западноевропейской культурной традиции. Люблинская уния 1569 г., создав новый политический контекст в Восточной Европе, усилила тенденции «вестернизации» белорусской культуры, заложила предпосылки для развития все более унифицируемой в будущем культуры господствующей политической элиты единого «народа – шляхты» Речи Посполитой. Реформация, католическая и униатская церкви, как отмечают современные белорусские и украинские исследователи, способствовали рецепции определенных форм польской и западноевропейской культуры, распространению новых культурных тенденций в Белоруссии, Литве и на Украине. «Новый синтез» местных культурных традиций с новоевропейской культурой латинского Запада сопровождался дезинтеграцией прежней этнокультурной общности белорусского и украинского народов, кардинально менял культурную, языковую и церковно-религиозную ситуацию [Ш, 51, 124, 136; 195]. В обстановке интенсивной религиозной, идейной полемики сторонников традиционной и «западной» культурных ориентаций резко возрос общественный интерес к истории, как к сфере знания, позволяющий иметь убедительную аргументацию в борьбе за «истинное» понимание «своей правды». В историографии ВКЛ прочно утверждается **жанр** хронографов, связывавших историю белорусского и украинского народов с всемирной. История, истори-

ческая аргументация занимают видное место в публицистике (сочинения П. Скарги, И. Потяя, М. Литвина, П. Грабовского, Я. Кохановского, С Ореховского) религиозных и политических трактатах (К. Базилика, А. Фрич-Моджевского, С. Будного, Я. Вислицкого, А. Волана, А. Мелешки, А. Рымши). Хроники М. Бельского, А. Гваньини, М. Стрыйковского включили историю ВКЛ в орбиту западноевропейской историографической традиции. В лице Стрыйковского историография ВКЛ имела уже не средневекового хрониста, а исследователя, создавшего свои труды на основе тщательного изучения первоисточников, ученого, у которого в качестве движущей силы исторического процесса выступает уже не столько Бог, сколько человек, деятельность которого обусловлена «мирскими» мотивами [III, 27, 131, 196, 197, 245, 270, 297, 332].

II период (XVII – 40-е гг. XVIII вв.)

В это время история еще не является единым, последовательно преподаваемым предметом. Главными генераторами и популяризаторами исторического образования в ВКЛ и Правобережной Украине являлись **иезуитские школы**.

Опираясь на мощные рычаги политического, экономического воздействия, гибкие и эффективные формы идеологической работы среди населения восточных областей государств, иезуиты сумели, в целом, до середины XVIII в. успешно решить свою главную задачу: создание нового типа преданного папству и ортодоксальному католицизму молодого поколения через системы хорошо продуманного школьного образования и воспитания. За малым исключением почти все наиболее видные представители политической и интеллектуальной элиты ВКЛ и Украины прошли через систему иезуитского образования и «воспитания» (М. Даукша, Я. Альбертранди, А.В. Коялович, Ст. Нарушевич, М. Сарбевский, М. Почобут, Б. Хмельницкий, И. Мазепа и мн.др.) [II, 73, 288, 343; III, 106].

Создание на территории Великого княжества Литовского и Правобережной Украины широкой сети учебных заведений объективно, вне зависимости от вполне определенных целей их создателей (формирование ортодоксально мыслящего и фанатично верующего католика в крае) позволяло знакомить население региона с европейской культурой в целом. Разумеется, знания эти давались в препарированном виде и строго дозированных долях, подчиненных задачам создания богослов-

ски образованного бойца-полемиста за «истинную веру Христову». Но в самой системе воспитания и подготовке кадров имелась ощутимая антиномичность. С одной стороны иезуитская коллегия должна была подготовить образованного католика, фанатично преданного идеям ортодоксального католицизма и воле вышестоящего иезуитского начальства. Отсюда – система изошренной муштры, слежки, взаимного шпионажа, ломавших психику и волю части учеников, делавших из них «послушное орудие» в руках Ватикана и генерала ордена. С другой стороны эта система должна была воспитать не только «законопослушного» сына католической церкви, но и умелого, знающего богослова-полемиста, который в спорах с инакомыслящими и инаковерующими сумел бы доказательно и красноречиво убедить их в правоте своих слов. А это требовало в свою очередь от выпускника иезуитского коллегияума солидных знаний в области гуманитарных наук (истории, филологии, философии, логики) и умелого владения этими знаниями в деле обращения «заблудшей» паствы (протестантов и православных) на путь «истинный». Иезуиты не только бесплатно и хорошо учили, но и умело отбирали добротный «человеческий материал». Брали детей не только из шляхетских фамилий, но и из простонародья, но при одном обязательном условии – ребенок должен был обладать хорошими физическими данными, психическим здоровьем и сообразительностью. В итоге обучения из такого контингента слушателей выходили не только конформисты, но и бунтари, сумевшие не сломаться и с пользой употребить полученные у иезуитов немалые знания в своей дальнейшей борьбе со своими же бывшими «духовными» наставниками. Обладая не только обширными познаниями и полемическими навыками, но и знанием истинной природы своих «учителей», они становились в глазах ордена наиболее опасными врагами. Таким был Вольтер, таких людей выпускала Виленская иезуитская академия, из стен которой в XVII – XVIII вв. вышло немало ученых-вольнодумцев. Все это определяло не только роль ордена как одной из влиятельнейших политических сил Речи Посполитой в XVII – первой половине XVIII вв., влиявшей на ход и характер многих ключевых событий политической истории в Восточной Европе, но и его значение, как доминантного фактора, формировавшего духовный каркас светской культуры рассматриваемой эпохи.

К тому же, если в XVII в. исключительное положение иезуитов давало им возможность довольствоваться существующим уровнем в образова-

нии и не заниматься совершенствованием учебного процесса в учебных заведениях, то в XVIII в. в связи с социально-экономическими и политическими переменами в Речи Посполитой, а также под влиянием веяний новых просветительских идей, иезуиты вынуждены были улучшить процесс обучения, что наблюдается уже в 20 – 30-х гг. XVIII в.

Во второй половине XVIII в. иезуиты утрачивают монополию на образование. Это было связано с распространением в этот период католического ордена пиаров, осуществивших в своих учебных заведениях реформу на основе просветительских идей публициста и педагога Станислава Конарского. Этот факт также послужил стимулом к улучшению иезуитами процесса обучения в их школах [III, 104, 105]. Во многих областях был достигнут значительный прогресс. Подготовленные Виленской и Замойской академиями высокообразованные люди вносили свою лепту в развитие в крае просвещения, науки и культуры. Иезуиты в целях возвращения монополии на образование вынуждены были приспособлять свою систему обучения к новым условиям, применяя новейшие достижения науки и техники. Поэтому, несмотря на многочисленные препоны и запреты, в академию пробивались научные открытия в сфере естествознания и техники, передовые идеи в области философии, истории, литературы и других наук.

В XVIII в. меняется роль школьных иезуитских театров и общественной жизни Великого княжества Литовского и Правобережной Украины. Под влиянием Просвещения иезуиты вынуждены были принципиально изменить отношение к театральным представлениям. При написании сюжетов местные иезуиты-драматурги обращаются не к божественной тематике, как это было в XVII в., а к **отечественной и античной истории**. В соответствии со взглядами эпохи Просвещения иезуиты в своих постановках провозглашают иные, чем в XVII в. добродетели: патриотизм, гражданственность, самопожертвование во имя общественного счастья и др. [II, 248].

Уделяя большое внимание изучению античного (латинского) наследия, преподаватели-иезуиты прекрасно понимали необходимость **исторического и географического его комментария**. Философско-историческая идея провиденциализма и схоластический метод исследования – главные составляющие исторического credo отцов-иезуитов от К. Бартольда и А.В. Кояловича до А. Нарамовского. Для комментирования сочинения различных авторов использовались исторические

сочинения, в которых материал систематизировался не по хронологическому, но и по энциклопедически-предметному принципу. В качестве учебника такого типа в ВКЛ и Правобережной Украине использовалась книга итальянского иезуита Мусантия. В 1706 г. профессор Виленской академии Я. Дреус издал учебник по истории, являвшийся сокращенным вариантом Мусантия (он издавался за первую половину XVIII в. 9 раз – ДК.). В иезуитских учебниках XVIII в. доминировал стиль компилятивных хроник. Таким, к примеру, трудом была и «История Литвы» А. Кояловича, в значительной мере являвшаяся беллетристской переработкой «Хроники» М. Стрыйковского. А спустя сто лет появились **«Ведомости о Великом княжестве Литовском с приложением истории его народа»** – сокращенный вариант «Истории» Кояловича. В трудах иезуитских историков ВКЛ и Речи Посполитой XVII – первой половины XVIII вв. просматривается явное **стремление использовать данные истории в целях религиозной пропаганды**. В школах литовской иезуитской провинции история, как самостоятельный предмет была введена К. Бартольдом в 1741 г. Во второй половине XVIII в. в качестве основного учебника по истории ВКЛ и Речи Посполитой использовались труды Ф. Папроцкого и К. Вирвича. Последний, учитывая «веяния» эпохи Просвещения, помимо политической и церковной истории уже обратил внимание на хозяйственные и культурные проблемы государства (под влиянием идей Ш. Монтескье, Ж.Б. Боссюэ). В XVIII в. ученые-иезуиты Виленского университета издали и ряд оригинальных произведений (Хроника рода Сапег, сочинения Я. Пашковского о протестантизме в ВКЛ, «История Виленской академии» Я. Прошгайфа, «История Литовской провинции ордена иезуитов» Ст. Ростовского). Но в целом в понимании места истории как сферы человеческого знания у иезуитов первой половине XVIII в. сохранялось ее восприятие как части католической теологии [III, 346; III, 28, 29, 275–276, 296].

Наряду с драматическими изменениями судьбы государства XVIII в. для культуры восточных воеводств Речи Посполитой был ознаменован яркими и интересными явлениями в ее культурной жизни, изменившим социально-психологический и бытовой облик правящих социальных групп. Со второй половины XVIII в. таким наиболее значимым явлением было Просвещение. Осью миропонимания Эпохи Просвещения является осознание природы человека, богатства и бедности, справедливости, прав и обязанностей, обычаев и морали. Отношение к крепостным

крестьянам становится пробным камнем социальной позиции имущих и мыслящих представителей «просвещенных людей». В орбиту социальной мысли втягиваются тысячи представителей шляхты, поддерживающих позиции тех или иных магнатов [II, 348; III, 65, 139].

III период (50 – 90-е гг. XVIII в.)

В это время под влиянием пиарской доктрины образования в школах ВКЛ и Речи Посполитой наблюдается ощутимое движение в сторону секуляризации просвещения в целом, и исторического в частности. Идеи Вольтера и французских энциклопедистов, активно переводившихся при содействии участников Эдукационной комиссии, определили поворот от истории, «согласованной» со Священным Писанием, к истории десакрализованной. При покровительстве графа И. Потоцкого новые учебники по истории были написаны братьями Ю. и В. Скжеутскими («Политическая история для дворянской молодежи» Ю.К. Скжеутского, «Заметки по всеобщей истории для народных училищ»). Новый взгляд на понимание объекта истории сказался в идее разделения сферы разума и веры, в ставке на здравый смысл в поисках причинно-следственных связей описываемых исторических событий, осознанием роли истории, как воспитательницы гражданских добродетелей. К учебникам братьев Скжеутских близки по духу книги по всеобщей истории М. Вольского и пиара Д. Шибинского («Краткие сведения о важнейших монархиях мира, древних королевствах и республиках») [III, 29, 277, 278]. Д. Шибинский одним из первых среди историков Речи Посполитой попытался внести свою периодизацию истории, основанную на событиях всеобщей, гражданской истории, отделить историю церкви от гражданской истории. Эдукационная комиссия после ознакомления с преподаванием разных дисциплин в школах Речи Посполитой в целом, и ВКЛ в частности потребовала, чтобы при преподавании истории первое место отводилось бы истории Польши. В Главной Литовской школе (будущем Виленском университете) с 1783 г. профессор Т. Гусажевский стал преподавать историю как отдельную дисциплину [III, 346]. В целом, можно сказать, что к концу XVIII в. в столичном центре образования ВКЛ были заложены те мировоззренческие предпосылки в осмыслении объекта истории, которые подготовили рождение «новой» исторической науки в Виленском университете первой четверти XIX в. Эта историческая наука имела под

собой надежные основания: философский методологический арсенал эпохи Просвещения и богатейшие комплексы исторической информации, собранные в государственных и частных архивах ВКЛ [III, 279]. На фоне этих ясно определившихся тенденций «летописная» традиция к концу XVIII в. стала выглядеть явным анахронизмом.

Рождение исторической науки нового времени в ВКЛ и Правобережной Украине явилось результатом воздействия трех основных факторов: коренных сдвигов в социальной психологии образованной шляхты Речи Посполитой, новых документов, как явлений культуры и исторической памяти, и воздействия на менталитет образованного меньшинства идей и этики европейского Просвещения. Все эти три явления ощутимо про- жили себя уже к середине XVIII столетия.

Бурная, насыщенная событиями общественно-политическая жизнь ВКЛ и Правобережной Украины второй половины XVI – XVIII вв. формировала новую традицию осмысления роли личностного «Я» в истории, влияния, говоря сегодняшними словами, роли «человеческого фактора» в историческом процессе. Это стимулировало его участников и свидетелей братья за перо и рассказывать своим современникам и потомкам обо всем пережитом в «записках для памяти» (дневниках и мемуарах). Создателями мемуаров были в основном образованные представители шляхетского сословия. Памятники мемуаристики позволяют нам не только увидеть галерею социальных «портретов» магнатории и шляхты, но и позволяют разглядеть существенные сдвиги в социальной психологии, историческом сознании этого сословия, происходившие в течение двух с половиной столетий. И если для XVI – первой половины XVIII столетия наиболее характерны дневники (диариуши: Ф. Евлашевского, А. Филиповича, Я. Храповицкого, Б. Маскевича, А. Дирнина), то с середины XVIII в. они все более активно вытесняются воспоминаниями, где «былое» (внешняя история судьбы) органично соединяется с «думами» (рефлексией по поводу прожитого и переживаемого). Мемуары Яна Цедровского, С. Незабытовского, С. Пильштыновой, И. Турчиновского, М. Матушевича, М. Залеского и др. пронизаны чувством открытия человеческого «Я», его самоценности в истории [III, 27-29, 33, 162, 322].

Коренные изменения в сфере исторической ментальности образованной элиты ВКЛ и Речи Посполитой обусловили и появление историографа нового типа – «прагматичного моралиста», искателя земных, человеческих, а не только теологических механизмов исторических

событий. Среди генерации историков новой «формации» второй половины XVII – XVIII вв. заметно выделяются три колоритных фигуры: А.В. Коялович, М. Догель и А.С. Нарушевич.

Первый из них – Альберт Виюк Коялович (1609–1677) был уроженцем шляхетской фамилии из-под Ковно. Он рано связал свою жизнь с орденом иезуитов и до конца своей жизни оставался ревностным и умелым защитником его интересов в ВКЛ. Получив образование в Несвижском и Смоленском коллегиях, а затем и Виленской академии (1629–1633), Коялович затем в течение ряда лет преподавал в академии уже в должности профессора полемической теологии курсы логики, метафизики и схоластическую теологию (1641–1653). Выделяясь выдающимся талантом полемиста и эрудита-богослова он исполнял должности цензора книг, казначея, советника Виленских епископов, а в 1653 г. стал ректором Виленской академии. С 1667 г. и до последних дней своей жизни работал в Варшаве как префект высших иезуитских школ и опекун дома профессоров. Человек блестяще образованный, обладающий живым умом он сумел основательно реализовать себя и в сфере исторической науки. Его наиболее фундаментальный исторический труд «История Литвы» (часть I доводила события до Кривской унии, часть II – до Люблинской – Д.К.) был первой попыткой построения систематизированного курса по истории ВКЛ. Написанный на латинском языке труд сделал возможным знакомство с ним западноевропейской науки (А.Л. Шлецер в своей «Всемирной истории» использовал «Историю Литвы» Кояловича – Д.К.). Коялович подготовил и ряд основательных генеалогических и геральдических исследований, посвященных роду Радзивиллов и Ходкевичей, активно собирал материалы по истории белорусско-литовской шляхты [II, 358; II, 199, 295, 296].

Историческая наука ВКЛ Речи Посполитой, благодаря творческой деятельности М. Догеля (1715–1760) и А.С. Нарушевича (1733–1796), приобрела прочный источниковедческий и методологический фундамент. Уроженец Лидчины, связанный в своей профессиональной и просветительской деятельности с орденом пиаров Мацей Догель, заложил основы археографии и источниковедения ВКЛ. Во время своих многолетних зарубежных поездок (куда он сопровождал своего воспитанника графа Кампо – Д.К.) Догель выявил и собрал в фамильных и государственных архивах и библиотеках Польши, ВКЛ, Германии, Франции и Голландии множество оригинальных, исторических и дипломатических

документов и часть из них издал под названием «Дипломатический кодекс Польского королевства и Великого княжества Литовского» и в ряде других работ [II, 350]. Неизданные документы поступили в королевскую библиотеку в Варшаве, затем в Виленский университет. Ими широко пользовался белорусский и польский историк, уроженец Пинщины А.С. Нарушевич. Воспитанник пинской иезуитской коллегии, ставший впоследствии видным поэтом и деятелем эпохи Просвещения Речи Посполитой, Нарушевич в конце 1760-х – начале 1770-х гг. сближается с польским королем Станиславом Августом и по его предложению пишет в 1780–1786 гг. «Историю польского народа» [II, 367]. Взгляды ученого на предмет, методы и цели истории изложены в «Мемориале» [III, 368], посланном королю в 1775 г. А.С. Нарушевич противопоставил старой («теологизированной») историографии теоретические основы рационалистического понимания истории, отрицал непосредственное влияние провидения на ход исторических событий, рассматривал историю как светскую науку, имеющую познавательные и морально-политические цели. Он впервые в белорусской и польской историографии разработал методы критики источников. Нарушевич собрал ценнейшую коллекцию источников для изучения истории ВКЛ, Украины и Польши эпохи феодализма.

Деятельность историков и археографов этого поколения привела и к существенному изменению взглядов на архивные документальные собрания как на собрания именно исторических источников. До начала XVIII в. архивисты и управленческая элита имели дело с двумя совокупностями: династийными документами и документами текущего делопроизводства. Если отношение к первой группе из понятных соображений было однозначным, то документы второй группы целенаправленно хранились в основном до тех пор, пока их регулятивные и утилитарно-полезные свойства окончательно не утрачивались. Историческая и культурная ценность последних осознавалась крайне слабо и очень немногими, несмотря на то, что они могли длительное время храниться. Документы обеих групп все еще непосредственно регулировали текущие социальные отношения, хотя и в разной степени. Их оберегали не как орудия памяти и ее восстановления, а как средства управления. Иначе говоря, архивы тех времен представляли собой текущую политическую «память» сменявших одна другую династий.

Реформы 60 – начала 90-х гг. XVIII в. в Речи Посполитой привели к появлению значительных массивов документов, утративших оперативное значение. Необходимо было выработать отношение к этим документам. Однако на протяжении почти всего XVIII в. документы ликвидированных ведомств все еще рассматривались как приделки текущего делопроизводства, которые необходимо было держать «под рукой» для памяти. Здесь, вероятно, можно говорить о документальной памяти отдельных ведомств.

Со второй половины XVIII столетия, когда уже начала складываться публикационная деятельность, а историческая наука все более выделялась в самостоятельную отрасль знания, встал и вопрос об исторической, научной ценности отдельных видов документов (главным образом, династийного, дипломатического и юридического характера). Это позволяет говорить о появлении зачатков документированной социальной памяти, с характерными для нее признаками: целенаправленным и осознанным сбором не только древней, но и текущей информации для познания прошлого и оценки его через призму настоящего. Информационная основа этой памяти была еще крайне узка и контролировалась верхушечной элитой правящего сословия [III, 86, 295, 315, 323, 324].

В конце XVIII в. архивы центральных ведомств ВКЛ, рукописные собрания католической и униатской церквей и магнатов восточных воеводств Речи Посполитой после ее разделов достались новым хозяевам в «блестящем состоянии» [III, 217, с. 7–8]. К концу XVIII в. Российской Империи перешли архивы таких центральных учреждений ВКЛ как канцелярия ВКЛ (Литовская Метрика), маршалкового суда, Литовского Трибунала, Литовского задворно-ассессорского суда, Комиссии Скарбовой, Комиссии Войсковой, Высшей Радзивилловской комиссии, Тарговицкой конфедерации. Из богатых местных архивов – архивы воеводств: Виленского, Троцкого, Полоцкого, Новогрудского, Витебского; Брестского, Мстиславльского, Минского, Смоленского. В этих воеводствах и их поветах сохранились архивы: судов земских, подкоморских и коморских, комиссарских, таксаторско-эксдивизорских; архивы комиссий гражданско-войсковых и локальных конфедераций 1792–1793 гг. Большой частью судовые «книги» этих архивов по системе, практиковавшейся в Речи Посполитой, делились на 3 вида: индикты, протоколы и реестры. Состав вошедших в общероссийское архивное «пространство» архивов ВКЛ, вследствие естественных причин (войны, изменения системы

управления, концентрация и «выемка» отдельных групп источников в силу их политической значимости и т.д.) претерпел к началу XIX в. существенные изменения [III, 315, с. 505].

В первую очередь перемены коснулись главного государственного архива ВКЛ – Литовской Метрики. Протерпевшая уже немало ударов и потерь в событиях XVII–XVIII вв. (особенно в результате знаменитого потопа XVII в. – *Дж.*), лишившаяся многих подлинных актов XVI – первой половины XVII вв., она в середине 1740-х гг. была перевезена из Литвы в Варшаву. В этот период было проведено описание и созданы Регесты Литовской Метрики. В 1786 г. по инициативе А.С. Нарушевича книги Литовской Метрики были заново переплетены и пронумерованы внутри отделов, на которые был разделен весь комплекс документов [III, 3, с. 105–110].

Похожая судьба постигла и другой важнейший документальный комплекс ВКЛ, так называемый Несвижский архив Радзивиллов. «Собрания» Радзивиллов в Несвиже имели характер частично общегосударственный, частично лично семейный. Они состояли из архива, библиотеки, кабинета монет и медалей. Публично-правовой характер имел архив, возникший в XVI столетии. В 1551 г. согласно привилею польского короля и великого князя литовского Сигизмунда-Августа Николаю Радзивиллу были переданы для хранения «литовские» привилеи. В Несвижском архиве Радзивиллов находилась и коллекция государственных актов ВКЛ эпохи Сигизмунда Старого, так называемая «*Tomiciana*» – 17 томов архивных документов в твердых переплетах, которые размещались в отделе рукописей Несвижской библиотеки. Радзивиллы уделяли своему архиву большое внимание и содержали его в порядке. При архиве всегда работал архивариус, который имел одного, а иногда и нескольких помощников. На документы имелись описи. Само Несвижское архивное «собрание» концентрировало документы всех представителей рода Радзивиллов – жалованные грамоты русских царей и привилеи польских королей Радзивиллам на имения и различные льготы, статуты и привилегии княжеских городов, богатейшая переписка служебного, военного и личного характера, биографические источники (родословные книги, генеалогические таблицы, брачные контракты), имущественно-хозяйственные и финансовые документы имений и фольварков рода. Такие же архивы имелись у Сапег, Пацев, Хрептовичей, Плятеров и многих других магнатов края [III, 241; III, 156], что создавало потенциально большие

возможности молодой исторической науке ВКЛ для разработки проблем отечественной истории на солидной источниковой основе.

Характерно для второй половины XVIII в. и то, что документ, осознаваемый представителями образованной элиты уже как важное свидетельство о прошлом, стал активно включаться в ткань мемуаров и политической публицистики. Жизнь и деятельность правящего сословия Речи Посполитой XVIII в., описываемая современниками, в основном выходцами из этого же сословия (М. Матушевич, Станислав Август Понятовский, М. Мошченьский, Я. Охоцкий, А. Китович, Е. Булгак и др.), дается на почве часто применяемого сравнения «своего» и «чужого», «прошлого» и «настоящего». Из «чужого», существенно повлиявшего на круг исторических интересов, на сам исторический менталитет образованной части белорусско-литовской и украинской шляхты второй половины XVIII в., самым заметным было влияние философских и социально-политических идей западноевропейского Просвещения. Исследователям хорошо известно, что в социальной философии, как правило, отсутствует тот уровень теоретической отчужденности от социального бытия, который имеет место в профессиональной философской мысли (онтологии, гносеологии, метафизике и т.п.). Жизнь, отражаемая во взглядах на социальное бытие в таких оппозиционных понятиях как жизнь-смерть, справедливость-несправедливость, равенство-неравенство, богатство-бедность, господство-подчинение, счастье-несчастье, правда-неправда, честность-бесчестие, их «вечный» характер трактуется по-разному различными социальными группами и сословиями. В сферу исторических исследований XVIII столетия активно включились мировоззренческие основы идеалов, устремлений, настроений различных социальных групп.

В ВКЛ и Правобережной Украине широко распространялись произведения французских материалистов XVIII в., вокруг этой литературы развернулась идейная борьба. Главными врагами просветительской философии были консервативные представители духовенства. А магнаты были не прочь приобрести произведения просветителей, блеснуть знакомством с ними, поставить на собственной сцене комедии и трагедии Вольтера. Отношение к просветителям было связано с сословными интересами и личными устремлениями. Материалистической и атеистической мысли и смелых выводов из нее аристократы избегали. Нередко авторитет видного писателя использовался представителями различных политических группировок (Руссо – барской конфедерацией и сторон-

никами Станислава Понятовского, а идеи физиократов привлекались и сторонниками и противниками феодализма). Отношение И. Массальского, М. Огинского и других светских и духовных магнатов к философии Просвещения – явно следовало моде, более того, они пытались найти в Просвещении опору традиционному обществу, отсюда акцентирование на абстрактно-гуманистические стороны Просвещения (ценность разума, учения, науки), для них характерно неприятие материалистических и атеистических идей просветителей, во всяком случае публично эти идеи не только не поддерживаются, но и порицаются. Поддержкой просветительских идей можно считать переводы и комментирование тех произведений просветителей, в которых содержится их идеологическая концепция, например, перевод И. Хрептовичем главного произведения А. Тюрго «Размышления о создании и распределении богатств».

В ВКЛ и Правобережной Украине получили распространение произведения польских писателей-просветителей, их антиклерикальные, просветительские идеи. В рукописных списках распространялось остро сатирическое произведение Игнатия Красицкого «Монахомахия, или Война монахов» (1778), вызвавшее многочисленные подражания. В произведениях Станислава Трембецкого (1739–1812) и Томаша Каэтана Венгерского (1756–1787) встречаются не только антиклерикальные, но и атеистические идеи. Т.К. Венгерский, уроженец деревни Сливно (около Бреста), из обедневшей шляхты, ученик А. Нарушевича, истинный сторонник вольномыслия, переводчик Руссо и Монтескье, английского поэта А. Попа, последователь Эпикура и Вольтера, остроумно разоблачал иллюзорность религии, а также Бога, никчемность духовенства. С. Трембицкий долгие годы жил и творил в Гродно, им созданы яркие антирелигиозные сочинения, проникнутые материалистическими и вольнолюбивыми идеями, а также ненавистью к религии вообще, ко всякой поповщине, бескомпромиссным отрицанием их. В распространение духа вольномыслия в наших краях существенный вклад внесли произведения Адама Нарушевича (1733–1796).

Из французских просветителей наибольшее распространение получили Монтескье, Вольтер и Руссо (меньше – Дидро), их активно переводили и печатали.

Антифеодальным и антиклерикальным произведением, распространяемым в Белоруссии и Правобережной Украине (возможно, изданным в Супрасле), была книга «Поддержка Размышления над жизнью Яна За-

мойского» (автор неизвестен), явившаяся одним из откликов на идеи видного польского просветителя С. Сташица. Заметную роль в распространении идей Просвещения сыграл уроженец Минщины Игнатий Быковский (1750–1817). Борьба просветительской и антипросветительской идеологии достигла в этот период высокого накала. Исходными принципами социальной философии и гуманизма просветителей явились «природа человека» и «естественное право». Природа мыслилась как вечная, неизменная сущность человека, в основе своей представляющая совокупность его биологических потребностей и интересов, нередко противопоставляемая «искусственным» законам и установлениям. Из этого исходного принципа вытекала концепция «естественного права», согласно которой каждый человек имеет право на жизнь, собственность и счастье. Абстрактно-просветительский характер этих исходных понятий нередко конкретизировался историческими условиями данной страны. В Белоруссии, как части Речи Посполитой, социально-философские воззрения просветителей определялись во многом поиском путей выхода из хозяйственного и политического кризиса крепостного строя (сочинения И. Хрептовича, М. Массальского, П. Бжостовского, И. Карпа, И. Стройновского, Ю. Павликовского, И. Еленского) [III, 29, 49, 65, 66, 139, 157, 293, 295].

Эпоха бурного кипения страстей, реформ и революций «лепила» неординарные человеческие судьбы с универсальным кругом гуманитарных интересов и гражданским темпераментом. Одной из таких выдающихся личностей был уроженец Вилькомирского повета Виленского воеводства Ф.К. Богуш (1746–1820). Философ, теолог, историк, писатель он получил образование в иезуитском коллегииуме и Виленской иезуитской академии. Оставшись без занятий после ликвидации ордена иезуитов в ВКЛ (1773) он принял предложение графа А. Тызенгауза и в качестве домашнего учителя объездил с ним Германию, Францию и Италию. После отставки А. Тызенгауза Ф. Богуш уехал в Вильно, недолгое время занимался наукой, а затем принял активное участие в Барской конфедерации (в качестве ее генерального секретаря – Д.К.) и восстании Т. Костюшко, за что был интернирован в Смоленск. После возвращения в Вильно он стал прелатом, а затем переехав в Варшаву и целиком посвятил себя научной работе и активному участию в деятельности Общества любителей наук. Ряд его исследований увидел свет в конце XVIII – начале XIX вв. («Философ без религии», «О начале народа и языка литовского»,

«Литературная жизнь М. Почобута», «Похвала Иоахиму Хрептовичу», «Воспоминания об Антонии Тызенгаузе» и др.). Однако немало важных работ так и остались неопубликованными («История Барской конфедерации», «Путешествие за границу», несколько томов «Актов Виленского капитула») [Ш, 346, т. 1, с. 379].

В целом во второй половине XVIII столетия среди просветителей ВКЛ и Правобережной Украины при обращении к истолкованию прошлого Речи Посполитой сформировалось два основных способа его видения, отвечающих двум главным политическим ориентациям. Значительная часть историков и публицистов, опираясь на авторитет Ж.Ж. Руссо, была склонна трактовать историю государства в республиканском духе, идеализируя политическое устройство «давней» Речи Посполитой, а ее упадок приписывать моральному разложению общества (М. Виельгорский, С. Ржевусский, Я. Выбицкий). Другая группа (С. Сташиц, Г. Коллонтай, А.С. Нарушевич) – видела причину кризиса Речи Посполитой в отсутствии традиций сильной централизованной королевской власти.

Несомненно позитивными моментами молодой исторической науки в ВКЛ и Правобережной Украины были определенное расширение источниковой базы (публикации М. Догеля, «Теки» А.С. Нарушевича), начало использования новых методов исторической критики, обогащение истории новыми проблемами (история права, культуры, этногенеза «литвинов»). Утилитаризм, дидактичность рассмотрения истории в аспекте теории «естественного права», определяя облик историографии этого времени, сочетались с началом внедрения элементов историзма в рассмотрении исторического процесса (сочинения Г. Коллонтая, С. Сташица, А. Нарушевича) [Ш, 305, т. II, с. 450–451]. Представления ученых и мыслителей XVIII столетия об истории как процессе и истории как науке реализовались в самых разнообразных жанрах и формах выражения: научных трактатах, одах, предисловиях к историческим и философским трудам, похвальных словах, речах и лекциях с университетских кафедр, мемуарах, письмах, публикациях исторических документов.

Сравнение развития исторических знаний в Белоруссии, Литве и Правобережной Украине XVI–XVIII вв. с более ранним периодом (второй половиной XIII–XV вв.), изучение и анализ источниковой историографической информации позволяют говорить о трех основных этапах в становлении исторического сознания белорусов и украинцев в рамках всего периода существования ВКЛ и Речи Посполитой.

I – XIII – XV вв. («летотисный период»)

– время господства регионального, «земельного» историзма, относительной близости устной народной (фольклорной) исторической ментальности и исторической ментальности светских феодалов. В исторической «культуре письменной традиции» господствующее положение занимает провиденциалистская христианская философия истории, творцами и пропагандистами которой являлись на восточнославянских землях ВКЛ клерикальные круги, связанные, по преимуществу, с православной церковью.

II – XVI в («Эпоха перехода»)

– период формирования идеи гражданского патриотизма, существенно отразившейся в сфере исторического сознания народов ВКЛ, начало формирования светской феодальной (шляхетской) и городской исторических версий «видения» своего исторического прошлого, время активного проникновения в сферу исторической ментальности восточнославянской интеллигенции ВКЛ интеллектуального инструментария деятелей европейского Возрождения и Реформации.

III – XVII – XVIII вв.

(«Время становления истории как науки»)

– эпоха прогрессирующего процесса секуляризации светской исторической мысли и «светского» типа сознания из недр клерикальной историографической традиции и традиционного христианского средневекового понимания предназначения истории. Источники этого периода дают основание фиксировать процесс «кристаллизации» и отпочкования в рамках светской культуры двух типов исторического менталитета – шляхетского, образованного меньшинства (сформировался под определенным воздействием идей Просвещения) и традиционного народного (фольклорного). Необходимо отметить, что в рамках изученного периода идея этнического «Я» не занимала господствующего места в системе исторических представлений населения ВКЛ (в гораздо большей степени на характер исторического мышления влияли факторы социальной и конфессиональной идентификации). В процессе

превращения исторических знаний в историческую науку XVIII в. для ВКЛ и Речи Посполитой был определяющим. Эта наука к концу XVIII столетия говорила, писала и думала на польском языке. Преобладание польской культурной доминанты ощущалось не только в сфере шляхетской культуры ВКЛ, но и униатской. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные инвентари библиотек базилианских монастырей и учебных заведений в городах и местечках восточных воеводств Речи Посполитой (Супрасли, Вильно, Львова, Жировичах, Бытени и др.), где среди книг XVII–XVIII вв. преобладала продукция типографий Польши (Кракова, Люблина, Варшавы) и Италии (Рима, Венеции, Ферары, Неаполя) [I, I, 16, 82, 133; II, 212]. Причин этому явлению немало. Это и массовая полонизация белорусско-литовской шляхты и шляхты Правобережной Украины через «канал» католизации в XVII–XVIII вв. и прямая зависимость руководства униатской церкви от Ватикана и иезуитов, и, наконец, целенаправленная, последовательная политика правящих кругов Речи Посполитой на свертывание сферы применения белорусского, украинского языков и «русинских» культурных политических традиций в общественной и государственной жизни державы (запрет применять белорусский язык в официальном делопроизводстве (1696), превращение Речи Посполитой в унитарное государство по конституции 3 мая 1791 г. и др.). В контексте этих обстоятельств «литвинский», равно как и украинский патриотизм не мог вызывать энтузиазма и рассматривался правительственными кругами государства и просветителями реформаторами скорее как проявление местного, регионального сепаратизма – помехи в деле реформирования Речи Посполитой. Поэтому истории ВКЛ, Белоруссии и Украины в тот период не могли стать основным объектом исследования ученых-историков, а рассматривались как некий «региональный» вариант общей судьбы и общего Отечества – единого «польского народа-шляхты». Разделы Речи Посполитой открыли новую полосу в существовании белорусской и украинской культуры и ее составной части исторической науки. Началась ее постепенная переплавка в «тигле» российской государственности и культуры.

В то же время в рамках XVI–XVII ст. развитие исторической украинской мысли даже в рамках Речи Посполитой имело свои существенные особенности, которые отличали ее от эволюции исторической мысли и исторической науки на землях ВКЛ и Белоруссии. Создание Речи Посполитой в 1569 г. и связанная с этим политика открытой экспансии

Польша относительно Украины, как и геополитические планы Московского государства конца XVI–XVII в., натолкнулись на сопротивление этой экспансии. Это привело к осязаемому росту этнического сознания украинского народа, осмысления своей исторической самобытности. Рубежными явлениями здесь стали следующие: создание Запорожской Сечи (во второй половине XVI в.); становление Киево-Могилянской Академии (первая половина XVII ст.) – основного центра подготовки интеллектуальной образованной элиты Украины до конца XVIII в., межконфессиональная конфронтация, порожденная Брестской церковной унией 1596 г. Все эти факторы активизировали духовное, национально-культурное пробуждение украинцев, рост интереса к истории как средству защиты своей самобытности и православия, стимулировали церковную светскую историческую мысль, деятельность братств, школ и книгопечатания в Украине [IV, 55, с. 113–127].

На основе экспансионистской политики Речи Посполитой в Украине выросло мощное движение против полонизации и католицизма. Движение это нашло поддержку со стороны части влиятельных светских магнатов и крупных церковных иерархов Киевской митрополии, украинских гетманов (кн. К. Острожский, Г. Смотрицкий, гетман П. Сагайдачный, митрополит П. Могила и др). Польско-украинская конфронтация конца XVI – первой половины XVII в. привела к открытому вооруженному конфликту 1648–1654 гг. и русско-польской войне 1653–1667 гг. Итогом этих военно-политических событий стала Переяславская Рада и вхождение земель Левобережной Украины в состав Российского государства. Таким образом, значительная часть украинского этноса и его культура во второй половине XVII–XVIII вв. вошли в сферу прямого воздействия геополитического и социокультурного пространства Российского государства [IV, 55, 57, с. 11–26; 59, с. 3–17].

Видные церковные и политические деятели Украины XVII–XVIII вв. (Е. Плетенецкий, К. Сакович, братья Л. и С. Зизани, И. Вишенский, П. Могила, П. Беринда, И. Борецкий, И. Мазепа, П. Орлик, и др) способствовали расширению понятия «русский народ» на все население этнической территории Украины, а не только на православных Речи Посполитой. Политико-риторическая и полемическая литература этой эпохи актуализировала проблему исторических знаний о Киевской державе, истории казачества, роли православной церкви в истории Украины и Белоруссии, формировала чувства причастности политических элит

украинского общества (шляхты, представителей княжеских родов, казачьей старшины) к традициям «своего» (самобытного) прошлого. Что в перспективе имело важное значение для формирования национальной идентичности украинцев. Межконфессиональная и политическая конфронтация XVII–XVIII вв. отразилась на характере и содержании не только монастырских (Густынская летопись) или казачьих летописей (летописи Самовидца, Г. Грабянки, «Синопис» И. Гизеля и др.), но и на характере светской украинской историографии второй половины XVIII в. [IV, 32, с. 215–223; 57, с. 80–101].

Восстание украинского казачества 1648 г., переросшее в национально-освободительную войну под руководством Б. Хмельницкого и его преемников, создание казацко-гетманской державы стали вызовом украинской исторической мысли для выяснения исторических корней украинской государственности, обоснования исторических условий государственной идеологии, способствовали появлению новых форм исторического творчества и обогащению его содержания (казацко-старшинское летописание конца XVII–XVIII вв., мемуары, дневники «кройники» и «синописы» и др.). Генератором историко-философского осмысления событий XVII–XVIII вв. в органической связи с историческим прошлым, создания исторических работ и подготовки профессиональных историков стала Киево-Могилянская Академия. Труды ее профессоров и воспитанников: П. Могилы, Ф. Прокоповича, И. Гизеля, С. Яворского и др. наметили новое понимание истории и направления развития исторических знаний в Украине, Белоруссии и России. В исторической мысли Украины второй половины XVII–XVIII вв. уже рельефно заявили о себе автономистские и антиимперские мотивы (как антипольские, так и антимосковско-петербургские), что отражало особенности процесса создания украинцами своей государственности и их реакции на имперскую политику в украинских землях. Практически все исторические произведения этой эпохи проникнуты идеями украинского патриотизма, сохранения ее самобытности в форме автономии [IV, 32, с. 215–223; 57, с. 80–101; 78, с. 53–126].

Как и на белорусских землях ВКЛ XVIII столетие стало рубежным этапом в развитии украинской исторической мысли, главными признаками которой были: 1) появление новых политических идей на основе рациональной этики и историософии Просвещения; 2) постепенная трансформация хроникально-описательного казацкого летописания в

исторический научный нарратив Нового времени; 3) создание первых работ исторического характера, подготовленных исследователями, которые могут квалифицироваться уже как научно-исторические работы; 4) зарождение «антикварной» и археографо-документальной деятельности в области украинской истории, начало активного коллекционирования и издания источников, их комплектование, документализация исторических знаний [IV, 32, с. 215–223; 59, с. 3–47; 67, с. 7–9].

Определяющей тенденцией этого этапа развития украинской исторической мысли стало утверждение в ней этико-гуманистического направления. Эта тенденция через общественный идеал, проводимый в жизнь украинскими просветителями (Г. Сковородой, Г. Конисским, В. Рубаном, Г. Полетикой и др.), дала активный толчок обогащению исторических знаний и историософии в Украине второй половины XVIII в. [IV, 55, с. 131–150].

На развитие исторических знаний существенно влияли как характер национально-освободительного движения на Правобережной и Левобережной Украине, так и широкое распространение автономистских настроений украинской элиты в эпоху правления И. Мазепы и ликвидация гетманского управления Украины (работы Г. Грабянки, С. Величко, В. Рубана, С. Лукомского, П. Симановского и др.). Автономистская направленность украинской исторической мысли XVIII в. сталкиваясь с великодержавной идеологией российской историографии, усиливала в общественном сознании украинской интеллектуальной элиты как антироссийские, так и антипольские настроения. Казаческие исторические летописи и исторические работы украинских историков XVIII в. содействовали утверждению в сознании элиты украинского общества и в научном «обороте» таких понятий, как «Украина», «украинский народ», которые наряду с понятиями «Малороссия» стали широко применяться на всей этнической территории Украины. Важным фактором усиления научности украинской исторической мысли стало собирание предметов старины, книг, родовых реликвий, документов, начало публикаций документальных памятников. В украинской историографии второй половины XVIII в. историкоописание и «антикварная» деятельность, сливаясь в органическое целое, знаменуют рождение украинской исторической науки. Повышается роль личности историка как собирателя и хранителя исторической памяти общества, возрастает осознание им значения своей деятельности перед будущими поколениями [IV, 55, с. 151–153; 59, 67. с. 55–108].

Таким образом, мы видим, что к концу XVIII в. украинская историография, в отличие от белорусской, на «старте» процессов нациогенеза имела ряд существенных преимуществ, которые позволяли ей решать проблему формирования национального исторического «проекта» в XIX в. с гораздо более солидной политической и идеологической оснащённостью (сохранение этноориентированной православной элиты из среды казачьей старшины; наличие сохранившейся сети конфессиональных учебных заведений – кузницы кадров украинской образованной политической элиты XVII – XVIII вв.; традиция автономного политического существования в рамках российского государства (Гетманщина); сохранение в качестве основного транслятора украинской культурной традиции – украинского литературного языка и др.). Все это во многом предопределяло уже к концу XVIII вв. доминирующую ориентацию украинской историографии на исследование проблем этнополитической истории украинского народа. Ведущие тенденции политического и социокультурного развития белорусского общества и его политической элиты – шляхты (доминирование полонизации и католизации через последовательно проводимую политику правящих кругов Речи Посполитой во второй половине XVII – XVIII вв. в восточнославянских воеводствах государства; массовая и успешная униатизация подавляющего большинства податных сословий белорусского общества; господствующие позиции католической церкви как главного официального проводника культурной политики на землях ВКЛ в XVII – XVIII вв.; целенаправленная политика на свертывание православных русинских традиций и др.) – привели к стиранию исторической этнической памяти белорусской элиты, к глубокому разрыву между белорусской элитой и основной массой (крестьянской в своей основе) белорусского общества. Этот ощутимый разрыв был замечен не только на уровне социально-политического («политический народ» – шляхта; крестьянство – подневольное «быдло») или конфессионального (шляхтич – католик; крестьянство и горожане – униаты и православные), но и этнического сознания (белорусский шляхтич ВКЛ – «поляк»; крестьяне и мещане – «русины», «литвины», «белорусы»). Все это отодвинуло процесс открытия своих этнических корней у белорусской элиты к середине XIX в. и определило у белорусов вслед за украинцами темп и характер формирования национального исторического сознания в XIX – начале XX в. в режиме «постоянно догоняющего развития».

2.2. Начало белорусского и украинского источниковедения

Вхождение земель Белоруссии и Правобережной Украины в состав Российской империи вследствие трех разделов Речи Посполитой предопределило начало нового этапа в истории белорусского и украинского народа. Это историческое событие оказало мощное, но противоречивое влияние на их социально-экономическое, общественно-политическое и культурное развитие. Изменения были существенными. Новое административное деление, введение единиц податной системы, реформа судебных учреждений по общеимперскому образцу, ликвидация таможенных барьеров между Белоруссией, Правобережной Украиной и Россией создавали благоприятные предпосылки для развития товарно-денежных отношений, вхождения экономики новых регионов во всероссийский рынок. Несомненно, прогрессивным явлением была ликвидация былых привилегий земельной магнатории края, в том числе права иметь собственные вооруженные силы и крепости [III, 186, с. 267–279; 298 с. 142].

Однако одновременно с этим царизм – верный страж крепостнического строя, не только оставил социальным «собратьям» русского помещика-крепостника белорусской и украинской колонизированной и окатоличенной шляхте в качестве бесправного «быдла» его «хлопа», но и значительно расширил масштабы распространения крепостничества в крае. За 1772–1801 гг. щедрой рукой «августейших особ» Екатерины II и Павла I в крепостное ярмо было раздарено русским помещикам около 269 000 «ревизских» душ [II, 99].

Под влиянием новых исторических условий серьезные перемены происходили и в социально-экономическом облике самого господствующего класса – быстром обеднении основной массы шляхты Белоруссии и Правобережной Украины, значительная часть которой уже к середине 30-х гг. XIX в. лишилась своих земельных владений. Именно из этой количественно преобладающей массы обеднелого белорусского и украинского дворянства вышла большая часть мелких чиновников, учителей, адвокатов, врачей и др. Изменение этой социальной группы белорусского и украинского общества делало ее наиболее активной в политических событиях дореформенного периода. Преимущественно шляхетский «профиль» белорусской и украинской интеллигенции обуславливал и многие особенности духовной культуры, общественной мысли Белоруссии и Правобережной Украины первой половины XIX в.

(ощутимая полонизация этнического самосознания; преобладающая в сфере политической мысли ориентация на восстановление «старой Речи Посполитой» в границах 1772 г.; в области мысли исторической заметная ностальгия и попытка идеализации «старого доброго прошлого» и др.).

В немалой степени закреплению этих черт в общественном сознании местной интеллигенции способствовала, как это ни парадоксально может показаться на первый взгляд, сама непоследовательная политика царизма на землях Белоруссии и Правобережной Украины в конце XVIII – 30-х г. XIX вв. Попытки социального лавирования, достижения политического компромисса с полонизированной шляхтой и католическим духовенством вновь приобретенных территорий с «дней Александровых прекрасного начала» и до 20-х гг. XIX в. сменялись волной репрессивного «кнута» в годы правления Николая I. Особенно ощутимо эти перепады проявились в решении религиозного вопроса и в области культуры. Борьба с революционной «французской заразой» в конце XVIII – начале XIX вв. толкнула царизм на поиски союза с одной из влиятельнейших сил европейской клерикальной реакции – орденом иезуитов. В начале XIX столетия деятельность католического духовенства в крае существенно не ограничивалась. Указ Павла I 1797 г. о запрещении «обращения» православных в католицизм выполнялся далеко не везде. А после открытия в 1812 г. в Полоцке иезуитской академии Белоруссия стала своеобразным учебным округом ордена иезуитов. При содействии ордена базилиан иезуиты подчинили своему влиянию большую часть униатского духовенства. Оба ордена контролировали значительную часть учебных заведений. Такие влиятельные центры культуры и науки Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, какими были в первой трети XIX в. Виленский университет и Кременецкий лицей, находясь (в первой четверти столетия) под попечительством одного из «молодых друзей» Александра I кн. А. Чарторыйского, ревностного поборника возрождения независимой Польши, также внесли свой немалый вклад в дело успешной полонизации сознания населения Белоруссии и Правобережной Украины. Неудивительно поэтому, что по сравнению с концом XVIII в. тенденции полонизации и окатоличивания белорусской и частично украинской элиты к 30-м гг. XIX в. не только не ослабели, но укрепились и расширились [II, 17, с. 334; 159, с. 15–19; 255, с. 34; 288].

Восстания декабристов и восстания в Польше, Литве, Белоруссии и Правобережной Украине в 1830 – 1831 гг. заставили царское правительство не только круто изменить курс при проведении политики в конфессиональном вопросе. Начались массовые репрессии и «перебор» мелкой шляхты. В 1830-е гг. было запрещено употреблять польский язык в делопроизводстве, закрыт Виленский университет, полицейскими мерами ликвидирована уния, отменена деятельность Литовского статута в западных районах Белоруссии. А в 1840 г. Николай I запретил использовать название «Белоруссия», взамен которого вводился термин «Северо-Западный край» [Ш, 203, с. 59; 298, с. 148].

Однако ни политика «пряника» (в конце XVIII – 20-х гг. XIX вв.), ни политика «кнута», серьезным образом деформировавшая характер культурного развития Белоруссии и Украины в этот период, не смогли в конечном итоге сломить рост оппозиционных настроений местной интеллигенции. Более того, она приводила нередко к результатам, прямо противоположным целям и желаниям правительства – росту «полонофильских» и «сепаратистских» настроений и взглядов шляхетской интеллигенции края не только по отношению к современному ей «настоящему», но и через него по отношению к историческому прошлому Белоруссии и земель Правобережной Украины (ее истории до конца XVIII в.).

Пороховая бочка для самодержавия, опасный и активно действующий канал проникновения из Западной Европы революционной «заразы» нуждались, с точки зрения правительства, в постоянном и жестком надзоре. Для политической борьбы с врагом «внутренним» и «внешним» в белорусских губерниях и на Волыни размещались войска отдельного Литовского корпуса и жандармские команды, но для борьбы с крамольными идеями этого было недостаточно. Надо было противопоставить свои идеи, свои версии не только «настоящего», но и исторического прошлого края. Поэтому не случайно в орбите внимания царской администрации с начала 30-х гг. XIX в. оказались практически все основные компоненты социально-политического и идеологического характера, непосредственно влияющие на историческую ситуацию в Белоруссии и Правобережной Украине рассматриваемого периода (политика в области гуманитарного образования; создание и контроль за деятельностью центров исторической науки, периодическая печать и цензура; целенаправленная кадровая и финансовая политика по отношению к

учреждениям исторического профиля и отдельным историкам, непосредственно выполнявшим социальный заказ правительства).

Этот социальный заказ на историческую трактовку прошлого Белоруссии и Украины, в весьма определенном, великодержавном и монархическом духе был сформулирован в решениях различного рода «секретных комитетов», докладных записках видных царских сановников (Д.Н. Блудова, А.Н. Голицина, М.Н. Муравьева, Д.А. Толстого), церковных иерархов (И. Семашко), непосредственных пожеланиях и указаниях самих «августейших особ» (Екатерины II, Александра I, Николая I).

Сложность исторических условий, определявших развитие края в это время, отразилась и на замедленности темпов формирования этнического самосознания белорусов и украинцев, а через него и на замедленность процесса вызревания собственно белорусской и украинской историографии со своими предметно очерченными объектами исследований – историей Белоруссии и Украины. В этом отношении весьма показателен тот факт, что даже в середине XIX в. в белорусской этнонимике название «белорус» было преимущественно распространено в восточных районах края, для населения западных и центральных его областей господствующим было название «литвин», а в Полесье – «полешуки» и др. [III, 289, с. 150]. Характерно, что «открытие» белорусского и украинского народов и их истории в дореформенный период быстрее всего совершалось той частью передовой белорусской, украинской, русской и польской интеллигенции, которая более отчетливо осознавала мысль о невозможности без пробуждения дремлющих сил народа добиться успехов в борьбе с царизмом за национальное освобождение. Огромную роль в пробуждении интереса к историческому прошлому Белоруссии и Украины, их народов сыграло такое мощное идейное течение эпохи как романтизм.

После вхождения в состав Российской империи Белоруссия и Правобережная Украина фактически до середины XIX в. не рассматривались ни царским правительством, ни дворянской российской историографией как отдельные исторически сложившиеся этнические единицы, а как часть более широкого территориального комплекса, именовавшегося «губерниями от Польши возвращенными», «Западным краем», «Юго-Западным краем», «Западной Русью» и, наконец, «Литвой» [III, 249, с. 7]. В этот период, как и ранее, не было взгляда на белорусские и украинские земли как на нечто единое, самостоятельное и целостное. Белой Русью

традиционно называлась только территория от Смоленщины до Березины. Положение о том, что язык жителей Белоруссии является самостоятельным, промежуточным между русским и польским широко бытовало до середины XIX в. как в русской, так и в польской научной среде (Ю. Крашевский, Ю. Немцевич, В. Севергин, А. Бошняк, Н.М. Карамзин и др.) [Ш, 55, с. 157, 161]. Подобные «клише» были характерны для восприятия научным сообществом России и Польши, украинцев и Украины.

Такое положение было следствием не только крайне плохого знания истории этих народов, но и вполне сознательного стремления с явной политической подоплекой представить, с одной стороны (польской – Д.К.), недавно вошедшие в состав Российской империи земли Правобережной Украины, Белоруссии и Литвы как «польские». С другой (правительственной, русской) – приобретение новых территорий официально рассматривалось при Екатерине II как воссоединение с Россией ее древней части Белой и Малой России [II, 231, с. 362–364; III, 9, с. 96]. Сама деятельная императрица еще в период подготовки разделов Речи Посполитой, в тайных наказах дипломатическим агентам, вопреки своим официальным заявлениям о сохранении всех особенностей вошедших в состав империи земель, выражала настоятельное желание, чтобы между Белоруссией и Россией «исчезла грань инородия», чтобы эти «древнерусские» территории «сделались русскими не одним только именем, но и душой и сердцем». Вопрос о том, насколько далеко шли в этом направлении планы «августейшей особы» (относительно Белоруссии – Д.К.), в историографии практически не разработан, однако свидетельства ряда источников той эпохи позволяют сказать, что проблема русификации края была для Екатерины II далеко не безразличной. Еще в 1764 г., занимаясь вопросами о «диссидентах» в секретном наказе кн. Вяземскому, она думала о том, как полонизированных белорусских шляхтичей «нужно легчайшим способом привести к тому, чтобы они обрусели и перестали глядеть, как волки в лесу». В деле предлагаемой русификации края Екатерина II обращается к истории, подбирая в ней исторические аргументы, оправдывающие приобретение новых земель [III, 274, 277]. Прекрасно понимая ценность исторических документов, как весомого оружия в политической и идеологической борьбе, руководитель внешнеполитического ведомства империи Н.И. Панин перед первым разделом Речи Посполитой в свой «Проект плана относительно образа действий трех уполномоченных министров в Польше» считал

необходимым включить пункт 5, в котором говорилось: «Полномочные министры (послы Австрии, Пруссии и России – *Д.К.*) ходатайствуют, чтобы им были выданы из всех архивов документы и бумаги, принадлежащие областям, которые им уступлены» [II, 256, 1871 г. № 11, с. 1798]. О правительственной трактовке белорусского «вопроса» свидетельствует и одна из первых, если не самая первая русская книга о Белоруссии – официальный путеводитель, изданный по случаю путешествия Екатерины II по краю в 1780 г. Историческая судьба его там трактуется следующим образом: «Некогда эта страна (Белоруссия – *Д.К.*) принадлежала русским великим князьям, потом Россия была расхищена на части, но русские государи, начиная с Ивана III, «начали паки присоединять оторванные части» (княжества черниговское, северское, Смоленск), наконец, в 1772 г. «все, обстоятельства времен потерянное, приобщено и утверждено под державу Екатерины II». По мнению составителей путеводителя, ее «Премудрые узаконения», утвердившие в России «правосудие» и показавшие «всякому состоянию прямой свой долг, прямые свои выгоды и прямые свои упражнения» и, между прочем, доставившие «обществу дворян существенные их преимущества», теперь, оказывается, «озарили и новоприобретенные области», внутренняя жизнь которых под прежним владением изображалась мрачными красками [II, 311, с. 38–41, 42, 43, 46]. Насчет «правосудия», которое санкционировало практически неограниченную власть дворян-крепостников над их крестьянами и доставило дворянству «весьма существенные преимущества» превращать русского, а теперь и белорусского, украинского мужика в полураба, как говорится, возразить нечего. Но в вопросе об «озарении» мнения белорусского и украинского «хлопа» (около миллиона которых стали теперь «быдлом» для новых господ – *Д.К.*) – и апологета самодержавия Зоричей, Зубовых, Потемкиных, Михельсонов, думается, принципиально расходились. Впрочем, при проведении тех внешнеполитических акций, которые завершились присоединением Правобережной Украины, Белоруссии и Литвы, ни царское правительство, ни царские дипломаты, по оценке Энгельса, нацию не спрашивали. Голос народа, который нельзя было не учитывать, доходил до правящей верхушки лишь в периоды грозных народных бурь и возмущений – крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева или восстания под руководством Т. Костюшко.

В связи с разделами Речи Посполитой по непосредственному указанию Екатерины II в 70-е – начале 90-х гг. XVIII в. работал над архивным

материалом видный русский дворянский историк и археограф, управляющий Московским Архивом Коллегии Иностранных Дел Н.Н. Бантыш-Каменский (1737–1814). Он подготовил целый ряд фундаментальных сборников, предназначенных для «служебного пользования» правительства. В 1780–1784 гг. было осуществлено «дипломатическое собрание дел между русским и польским дворами» (изданное под названием «Переписка между Россией и Польшей до 1700 г.» в 1848 и 1861 гг.) [II, 13, с. 59–86]. В 1794 г. императрица, через обер-прокурора синода гр. А.И. Мусина-Пушкина, сделала историку запрос о присылке ей сведений об «униатах польских». Труд этот, оперативно подготовленный к августу 1794 г., был внимательно прочтен и одобрен [II, 121, с. 27–28], но лишь спустя 10 лет после смерти царицы последовало «высочайшее разрешение» на издание этой работы Бантыш-Каменского по истории унии, с одновременным пожалованием бриллиантового перстня от императора [II, 338, т. III, с. 12]. Смерть Екатерины II, изменившиеся внешнеполитические обстоятельства и внутривнутриполитическая ситуация в стране на время отложили реализацию ее программы в отношении Белоруссии и Правобережной Украины. Тем не менее, план официальной историографии в трактовке истории недавно приобретенных земель был дан весьма однозначно и на долгое время. Не случайно второе издание книги Бантыш-Каменского об унии вышло в Вильно сразу, после подавления восстания 1863 г. (в 1864 г. – ДК).

В целом же, в конце XVIII и первой четверти XIX вв. вопросы истории Белоруссии, Правобережной Украины, особенности быта и языка их населения мало интересовали широкие слои русского образованного общества и их идеологов. Более того, среди многих из них существовало убеждение в том, что эти регионы – фактически польский край. Только отдельные русские историки в лице Н.М. Карамзина, выступавшего сторонником «твердого курса» в западных губерниях России, в конфиденциальной записке Александру I, осмелился высказаться против политики «заигрывания» царя с полонизированной и польской шляхтой Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы [III, 151, с. 27].

Последняя четверть XVIII – начало XIX в. были для русского ученого мира периодом «первого знакомства» с Белоруссией и Правобережной Украиной. Поэтому не случайно научные экспедиции русских исследователей в крае (И.И. Лепехина в 1773 г., В.И. Севергина в 1802 г.) имели по преимуществу ознакомительный естественно-научный характер. Между

тем земли Белоруссии и Правобережной Украины хранили в своих библиотеках, государственных и частных архивах и собраниях рукописей богатейшие исторические источники, позволявшие создать полнокривую синтетическую картину бурной и драматической истории. Сознательным коллекционированием памятников материальной культуры и исторической документации в восточнославянских землях ВКЛ еще со времен средневековья занимались представители знатнейших магнатских фамилий – Радзивиллы в Несвиже (ставшем уже в XVIII в. важнейшим хранилищем документов Великого княжества Литовского), Сапеги в Деречине, Хрептовичи в Щорсах, Тышкевичи в Логойске, Острожские, Браницкие, Потоцкие, Вишневецкие, Сангушки – на Волыни, Подолье и др. У многих из них (как у Радзивиллов) были свои частные историографы [Ш, 127, с. 17–22].

Однако «чужаков» сюда пускали неохотно, а своих надежных людей из местной шляхетской интеллигенции, способных провести крупномасштабные исторические изыскания в нужном для правительства духе, у него практически в XVIII в. не было. Пожалуй единственное исключение из этого правила представляла собой незаурядная и талантливая личность С.И. Богуш-Сестренцевича (1731–1826), ученого, литератора, крупного церковного деятеля последней четверти XVIII – начала XIX вв. Уроженец деревни Занки Волковысского повета он прожил бурную и насыщенную жизнь. В молодости кальвинист, учившийся на деньги общины в Кенигсберге, университетах Франкфурта, Амстердама, Лондона, затем офицер в прусском гусарском полку, учитель у Радзивиллов (где он принял католицизм), Богуш-Сестренцевич, закончив Варшавскую главную школу пиаров, делает стремительную духовную карьеру. С 1770 г. по личному распоряжению покровительствовавшей ему Екатерины II возглавляет Белорусскую епархию, становится архиепископом, главой католической церкви в Российской империи. Временная опала при Павле I, когда Богуш-Сестренцевич был сослан в Буйничи (под Могилев), а затем в имение Малаты (на Полесье), сменилась при Александре I «государственной милостью» и возвращением всех регалий. Если бы его жизнь ограничивалась только этими событиями, то личность Сестренцевича могла бы привлечь внимание лишь специалистов в области социально-политической истории. Однако жизнь этого человека, круг его духовных интересов далеко выходили за рамки церковно-политической деятельности. Гуманист и просветитель, ставший в 1813 г. президентом

Вольного Экономического Общества, Сестренцевич был ревностным собирателем и любителем белорусской и украинской старины. В 1793 г. в Могилеве он издает свою историческую работы «О Западной Руси», где пристально исследует вопросы славянского этногенеза, он же создал «Литовскую грамматику», которая, по мнению А.И. Мальдиса, была, по-видимому, грамматикой белорусского языка. Кроме того, Сестренцевич был членом Российской Академии наук, почетным членом нескольких научных обществ [II, 284; III, 127, 162, с. 83–84].

Не сумев создать в последней четверти XVIII – начала XIX вв. убедительную или хотя бы правдоподобную версию исторического прошлого «губерний от Польши отошедших», и тем более не обладая в то время достаточно эффективными средствами переориентации массового шляхетского сознания, царизм тем самым объективно отдавал на откуп дело формирования исторического сознания населения Белоруссии и Правобережной Украины (во всяком случае образованных слоев общества, их элит) представителям шляхетской идеологии бывшей Речи Посполитой. Хочется отметить, что к концу XVIII в. престиж истории как науки, как средства воспитания молодого поколения в широких слоях белорусской и украинской шляхетской интеллигенции края сильно вырос. Этому способствовал ряд объективных причин как общественно-политического, так и идеологического характера.

Как известно, последняя четверть XVIII в. в Речи Посполитой в целом (и в тех ее районах, которые по второму и третьему разделам отошли к Российской империи) стала временем широкого общественного движения. Его главной целью было изменение сложившейся формы государственного устройства и улучшения всего общественного организма. Понимание необходимости серьезных социальных реформ отчетливо осознавалось даже среди определенных кругов средней шляхты, в массе придерживавшейся старых порядков. Но только представители радикального крыла движения, под влиянием событий и идей французской революции 1789–1793 гг., подняли вопросы об освобождении крестьянства, свободе предпринимательства и труда, сословного равенства (Г. Коллонтай, С. Сташиц) [III, 311, с. 174–178]. Препятствием для реализации плана реформ стала политика правительств Австрии, Пруссии, России, осуществивших второй и третий разделы Речи Посполитой и подавивших восстание Т. Костюшко. Но последовавшие за разделами политические репрессии не уничтожили духа реформ, свободомыслия

в общественном сознании полонизированной, католической интеллигенции Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы. Одна ее часть, наиболее активная, отправилась добывать свободу погибшей Польше в «польские легионы» Домбровского, другая – многочисленная, оставшаяся на родине, сделала ставку на возрождение государства, на Просвещение, сохранение языковых, бытовых и исторических традиций. Громадное значение истории как средства сохранения «социальной памяти» народа отчетливо осознавалось многими шляхетскими идеологами в XVIII – начале XIX в.

История Речи Посполитой, еще недавно ютившаяся на задворках преподавания базилианских и иезуитских школ Белоруссии и Правобережной Украины, излагавшаяся по переизданию архаичной уже книги М. Бельского или «Истории княжат и королей польских» Т. Ваги [Ш, 349, 362, с. 47], приобрела чрезвычайную политическую актуальность.

Поэтому разделы Речи Посполитой отразились на истории, пожалуй, более чем на какой-либо другой науке, вследствие теснейшей ее связи с политической жизнью края, а также ее роли в формировании и утверждении национального самосознания. В этом плане падение Речи Посполитой в определенном смысле стало поворотным моментом в истории не только собственно польской историографии, но и польскоязычной, по преимуществу, белорусской историографии дореформенного периода. Это не только отразилось на направлении и формах ее развития, но и в значительной мере обусловило то место, которое она занимала в общественной жизни края. По представлениям полонизированной белорусской шляхетской интеллигенции история должна была служить борьбе за сохранение национальной культуры, ее традиций и своеобразия [Ш, 301, с. 11; 305, с. 645–646]. В силу чего интеллигенция Белоруссии и Литвы (в лице различных ее социальных групп: магнаты, шляхта, часть мещанства) оказалась очень восприимчивой к исторической проблематике и историческим исследованиям. Сохранение остатков прошлого, их поиски, сбор, описание, публикация источников, понимаемые в разных случаях как долг перед Отчизной, своего рода «моду» на старину, или средство прославления собственного рода – в конечном итоге привели в первой трети XIX в. к ситуации если не источниковедческого, то уж во всяком случае «источникового» бума. Спрос рождал предложение, а практика широко распространенного в Белоруссии и Правобережной Украине частного коллекционирования настоятельно

требовала осмысленного, рационального, критического подхода к изучению и оценкам письменных свидетельств сегоднего прошлого.

Наиболее мощным генератором и пропагандистом рационалистических, прогрессивных общественно-политических, философских, исторических идей эпох Просвещения и Романтизма Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы первой трети XIX в. был, несомненно, Виленский университет. Ведущий учебный и научный центр края, он вбирал в себя наиболее любознательных, ищущих знания и самосовершенствования представителей шляхетской и разночинной молодежи Белоруссии, Литвы и Украины, во многом определяя их духовный, идейный облик чел. и гражданина. В формировании гражданских качеств учащейся молодежи огромное значение придавалось воспитанию историей. (III, 166, с. 3; 191, с. 3–16].

В изучении истории своего края ученые и воспитанники Виленского университета нередко выступали в роли первопроходцев на малоосвоенной еще тропе находок, открытий и изучения документальных сокровищ минувших столетий.

Цикл гуманитарных (в том числе и исторических) дисциплин в университете читался на двух факультетах: наук нравственных и политических, литератур и свободных искусств. И хотя их обслуживала лишь одна «чисто» историческая кафедра (всеобщей истории), но практически исторический компонент, формирующий историзм мышления, в значительной мере присутствовал и на большинстве кафедр права первого факультета (естественного права, политического и государственного права, гражданского и уголовного права древних и современных народов; гражданского и уголовного права Империи и Польши).

В руках университета находилось еще одно очень важное средство пропаганды исторических и общественно-политических взглядов и идей – цензура всех книг, выходивших на территории 9 подведомственных губерний Украины, Белоруссии и Литвы, входивших в состав Виленского учебного округа. Он являлся основным поставщиком образованных кадров учителей для школ округа. Отсюда понятно то огромное воздействие, которое оказывал Виленский университет на характер и «температуру» общественного сознания интеллигенции края. XII, 232, с. XXVII; III, 250].

Направление и качество этих идей во многом определялось содержанием курсов, читаемых либерально и демократически настроенным

профессорско-преподавательским корпусом вуза. В числе главных архитекторов исторического мышления интеллигенции Белоруссии и Литвы, той эпохи, несомненно, следует назвать И. Лелевеля, И. Даниловича, И. Ярошевича, И. Онаевича, И. Лобойко (уроженца Украины – Д.К.) – наиболее авторитетных знатоков истории края и памятников его исторического прошлого.

Выдающийся польский историк и «патриарх» польской демократии И. Лелевель (1786–1861), воспитанник, а затем адъюнкт (1815–1818) профессор кафедры всеобщей истории Виленского университета (в 1821–1824 г.) внес огромный вклад не только в польскую историографию, но и историографии Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы. Мать И. Лелевеля была родственными узами связана с Белоруссией. Сам Лелевель шутиливо писал о том, что его отец был сыном прусака и саксонки, а дед Шалюта был «русином», а может и москалем. Вот такая смесь получилась... как горох и капуста, а ляха нет» [III, 19, с. 7]. Он первый в Вильно преподавал историю с позиций требований так называемой «новой школы», выступал поборником широкого применения критических методов в изучении источников и историко-сравнительного метода в изучении исторического прошлого. В разрыве с предшествующей ему историографической традицией А. Нарушевича он излагал историю средних вв., историю Польши и Речи Посполитой не как историю королей и князей, а как историю государств, социальных отношений, и культуры народов. Уже в свой «адъюнктский» период преподавания в университете он создает ряд серьезных исследований по истории средних вв. и исторической географии. В 1818 г. он дополнил известную книгу историка Т.Ваги «История польских князей и королей», которая тогда использовалась в качестве учебника, разделами по истории Белоруссии, Литвы и Украины, более подробно изложил историю уний между Польшей и Великим княжеством Литовским. А в 1822 г., когда он снова после непродолжительного трехлетнего перерыва вернулся из Варшавы в Вильно, теперь уже в должности профессора, издает свой известный курс источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин («Науки, позволяющие изучить исторические источники»), разработал и читал курсы по методологии истории и историографии. 1821–1824 гг. – самая блестящая пора Лелевеля-лектора. Лекции его пользуются огромной популярностью не только у студенческой молодежи университета, но и широких кругах образованного Виленского

«общества» [III, 346, т. III, с. ХСІ]. Над историей Великого княжества Литовского (ВКЛ) Лелевель продолжал работать и после того, как вынужден был (в 1824 г.) оставить кафедру в Виленском университете. По словам Г. Ловмянського, «в научной обработке прошлого Литвы и Руси сыграл он (Лелевель – Д.К.) роль, можно сказать, пионерскую, как первый историк на этом поле, который соединил эрудицию и критицизм с глубиной научных взглядов с широкой синтетической трактовкой». Хотя до сих пор нет убедительных доказательств активного участия историка в конспиративных молодежных организациях 1817 – 1824 гг., однако в факте его огромного влияния на молодежь сомневаться не приходится. Все то, что говорил и писал ученый о роли народных масс в истории, о преимуществах республиканского строя, о значении политических свобод, находило отклик не только среди радикально настроенной молодежи 20-х гг. («филоматы» и их лидеры: Т. Зан, Я. Чечот, А. Мицкевич, Ю. Ежовский, И. Ковалевский и др.), но и у поколений 30–40-х гг. (Т. Лада-Заблоцкий, Ф. Савича) и 60-х гг. (В. Сырокомля, К. Калиновский, З. Сераковский) [III, 128, с. 30; 129, с. 21].

Приятели И. Лелевеля и коллеги по университету И. Данилович и И.Н. Лобойко способствовали популяризации сочинений историка в России. Весной 1821 г. Данилович послал для публикации одну из работ Лелевеля известному библиографу и историку, уроженцу Украины В.Г. Анастасевичу. И.Н. Лобойко был посредником в отношениях Лелевеля с гр. Н.П. Румянцевым. Лобойко, Лелевеля и Даниловича связывали глубокий интерес к исторической науке и планы совместных публикаций источников по истории ВКЛ. Весной 1824 г. они собирались вместе с М. Бобровским и И. Онацевичем издать «Волынский летописец» [III, 41, с. 37].

«Охота» за историческими источниками, желание превратить Виленский университет в центр собирания ценнейших письменных раритетов по истории захватили даже ректора вуза – математика и естествоиспытателя Я. Снядецкого. Снядецкий деятельно собирал в библиотеку университета рукописи из собраний («тек») М. Догеля, Альбертранди, копии документов из библиотеки гр. Залусских. После смерти основателя знаменитого Кременецкого лицея на Волыне, видного польского просветителя и историка Т. Чацкого Снядецкий предпринял энергичные усилия для приобретения в библиотеку Виленского университета богатейшего собрания книг и рукописей из его родового имения в Порицке.

Оценивая их значимость, он писал попечителю Виленского учебного округа кн. А.Чарторыйскому: «Могу ручаться Вам, что, если бы посторонние знали об их содержании, то не остановились бы ни перед какими средствами, чтобы вырвать их у поляков и уничтожить. Боюсь, чтобы об этом не узнал канцлер Румянцев, который, конечно, дал бы за них дорого». Чарторыйский вступил в переговоры с вдовой Т. Чацкого и продажа состоялась, но только Порицкая библиотека перекочевала не в Вильно, а в...Пулавы, резиденцию князя [III, 373, с. 563, 777].

Среди виленских знакомых Лелевеля, «выводивших» его на русскую историческую науку, пожалуй, первое место принадлежит И.Н. Лобойко (1786–1861), профессору российской словесности (с 1821 г.) Виленского университета, периодически читавшего там курсы по истории России. Сын губернского секретаря, окончивший Харьковский университет, человек доброжелательный и контактный, он быстро установил дружеские связи с местной интеллигенцией, рекомендовал гр. Н.П. Румянцеву многих любителей «литовской» старины. Помимо своей преподавательской деятельности, он энергично занимался в Виленском университете палеографией, археологией, поиском памятников славянской письменности. Лобойко сообщал гр. Н.П. Румянцеву об историках Белоруссии и Литвы: И. Даниловиче, И. Онацевиче, М. Бобровскоом, Т. Нарбуте, содержании архивохранилищ и наиболее интересных частных коллекций рукописей. Под руководством И.Н. Лобойко студенты университета составили большое описание 80 местечек и городов Западной Белоруссии и Литвы, он был одним из ревностных поборников организации археографических экспедиций на территории края [I, 148; II, II, с. 367; 6, с. 186–187; III, 41, с. 31, 32, 72].

В Вильно сотрудничал с Н.П. Румянцевым крупнейший в то время знаток истории ВКЛ И.Н. Данилович (1787–1843) – сын белорусского униатского священника, студент, а затем и профессор права Виленского университета, получивший солидную подготовку в области истории законодательства в Варшаве и Петербурге. Первый исследователь белорусско-литовского летописания, он был энергичным и удачливым археографом, одним из основателей источниковедения Белоруссии [III, 245, с. 9–16; 249, с. 259–261]. Уроженец д. Гриневичи Бельского повета Подлясского воеводства (ныне ПР – ДК), он первоначальное свое образование получил под руководством дяди, ксендза-пиара Михаила Даниловича (в конце своей карьеры Супрасльского бискупа-номината). Дядя

Игнатия Николаевича оказал огромное влияние на выбор жизненного пути племянника. Затем последовали годы учения в Ломжинской пиарской школе, белостокской гимназии и на юридическом факультете Виленского университета, где Данилович получил степень магистра права. Во время войны 1812 г. молодой историк некоторое время служил секретарем при французском губернаторе Белостокской области Ферье. После изгнания армии Наполеона за пределы России более десяти лет преподавал «местное» право в Виленском университете. Во время археографических поисков в архивах Западной Белоруссии, Варшавы, Петербурга и Москвы он активно собирал материалы по истории «древней Литвы». Виленские студенты привозили своему профессору целые груды пергаментных рукописей, преимущественно из униатских церквей и монастырей.

По инициативе своего приятеля И. Олдаковского, историк обратил свое внимание на изучение Литовских Статутов XVI в. После приезда в Вильно И. Лелевеля у И. Даниловича и М. Бобровского возник проект издания древнейших памятников законодательства ВКЛ. При университете был создан даже специальный комитет для издания Литовских Статутов (1821 г.), однако после судебной расправы с «филоматами» «подозрительную» профессуру (в число которой входил и «сепаратист» И. Данилович) «попросили» из «польских губерний» для продолжения своей службы в менее крамольные. В начале 1825 г. ученый был назначен в Харьковский университет профессором российского и провинциального права. Ко времени пребывания в Харькове относится издание, подготовленное еще в «виленский» период «Статута Казимира IV» (Вильно, 1826) и летописца Литовского («Хроника Русская», Вильно, 1827), найденного историком во время архивно-археографических экспедиций по Белостотчине.

Еще в студенческие годы Данилович, изучавший право, серьезно интересовался вопросами изучения письменных памятников старины. В то же время в Вильно образовался кружок молодежи (из сыновей униатских священников), хорошо знавшей церковнославянский и белорусский языки (М. Бобровский, А. Мартиновский, И. Онацевич, П. Сосновский и др.), в которых Данилович разбудил охоту к поискам древних старославянских книг и рукописей. А когда при университете была создана Главная Духовная семинария (в 1816 г.), которая дала краю несколько хорошо подготовленных (и в научном отношении) молодых униатских

священников, поиск славянских рукописей распространился на обширные территории Литвы и Белоруссии, начал приобретать характер систематических археографических экспедиций. По-видимому, здесь надо искать источники тех богатых собраний, которыми располагал И. Данилович к началу 40-х гг. XIX в. Активно помогали ему в этих поисках как польские и белорусские (И. Лелевель, М. Бобровский, Г. Бандтке), так и русские ученые и собиратели старины (гр. Н.П. Румянцев, В.Г. Анастасевич). Огромные собрания рукописей, приобретенные ученым в период его работы в университете (до 1824 г.), он умело классифицировал и критически разбирал. Слава его как археографа и источниковеда была так хорошо известна, что в университетских городах (Киеве, Харькове, Москве и Петербурге) многие архивы, собрания, музеи, государственные библиотеки были ему легко доступны. В библиотеке гр. Н.П. Румянцева он нашел Судебник Казимира IV, а в Супрасльском монастыре ему повезло обнаружить замечательный памятник белорусско-литовского летописания – так называемую Супрасльскую летопись [II, 346, с. 155–156].

В 1830 г. И.Н. Данилович был «откомандирован для занятий» во II Отделение собственной е.и.в. канцелярии. Здесь в Петербурге под общим руководством М.М. Сперанского он занялся составлением «Свода местных прав западных губерний», так и оставшийся в проекте [II, 147, д. 223; ф. 7311, дд. 965, 2051]. Восстание 1830 – 1831 гг. круто переменяло правительственный курс в западных губерниях России и привело к распространению на этих территориях общероссийского законодательства. В 1836 г. ученый назначается профессором уголовного права Киевского университета. Он был первым деканом юридического факультета и помимо уголовного права читал лекции по «местному праву». По поручению М.М. Сперанского Данилович продолжал поиск и изучение актовых источников ВКЛ и в период своего преподавания в Киевском университете, готовил издание I Литовского Статута. Не имея на публикацию собственных средств, Данилович тщетно обращался за помощью в С.-Петербургскую Археографическую комиссию. В 1839 г. после временного закрытия Киевского университета служившие в ней преподаватели «поляки» и «литвины» были вновь «раскассированы» по различным университетам империи. Игнатий Николаевич был переведен в Москву, на кафедру законов благоустройства и благочиния, но и здесь он к главному своему курсу добавил чтение лекций по истории «местных зако-

нов западных губерний». В 1842 г. из-за болезни Данилович оставляет преподавание и уезжает на лечение в Графенберг (чешский Есеник – Д.К.), где в 1843 г. умирает. Как отмечали современники, Данилович был «патриотом-литвином, по преимуществу гражданином государства давно исчезнувшего (ВКЛ – Д.К.)... Он желал бы возродить к жизни язык Статута 1588 г.» [II, 110, с. 169]. (Старобелорусский – Д.К.). Выдающийся знаток и исследователь права ВКЛ Данилович первый выдвинул идею создания истории «общеславянского права», опубликовал многие важнейшие его источники (Статут 1529 г.), был пионером в разработке ряда первостепенной значимости проблем истории ВКЛ («Обзор исторических известий о составлении свода местных законов западных губерний» 1837 г.; «О Литовском Статуте» – ЖМНП, 1838, № 2; «О Литовских летописях» – ЖМНП, 1840, № 11; «Взгляд на литовское законодательство и Литовские Статуты» – В кн.: Юридические записки изд. П. Редкиным. Т. I. – М., 1911, «Исторический взгляд на древнее образование городов славянских до XIII столетий» – Сб. ОИДР, 1841, кн. IV и др.) [II, 338, т. X, с. 81–82]. В 1840 г. он сообщил из Москвы известному виленскому издателю И. Завадскому, что готовит из материалов своих находок большой документальный сборник (около 2 500 источников) под названием «Сбор дипломатув по истории Литвы». Однако болезнь и смерть ученого помешали закончить задуманное и практически уже завершённое дело [III, 313, с. 263]. Рукописи ученого были приобретены в 50-е г. XIX в. Виленским Музеем Древности и при деятельном участии его сотрудников под названием «Скарбец дипломатув...» были изданы в 1860 и 1862 гг. [II, 110, с. 147 – 174].

Большое значение для развития исторической науки в Белоруссии, Правобережной Украине и Литве в 20-х – начале 30-х гг. XIX в. имела деятельность адъюнкта, а затем профессора статистики Виленского университета И.Ж. Онацевича (1780–1845). Сын униатского священника из Гродненской губернии, воспитанник, а затем и преподаватель университета И. Онацевич был известен современникам прежде всего как выдающийся археолог, источниковед и архивист, который одним из первых занялся описанием интересовавшего его края в историко-топографическом отношении. Будущий известный историк, издатель и профессор Виленского университета родился в м. Малая Берестовица, учился в школах Волковыска (1789–1793) и Гродно (1796–1797). После окончания школьной учебы недолгое время работал губернатором

на Сувалкшине, обучался в учительской семинарии Элка (1801–1802). Университетские годы странствий начались с Кенигсберга, где молодой И. Онацевич, стипендиат прусского короля, участвовал в тайных обществах немецких студентов. В эти годы пришел к нему интерес к истории Пруссии и ВКЛ. Исследование архивов исторических прусских родов сориентировало на изучение тайного архива крестоносцев, познакомило с богатыми книжными собраниями кенигсбергских библиотек. После окончания учебы молодой исследователь некоторое время работал преподавателем польского и русского языков, а затем – королевским переводчиком. В 1807–1808 гг., во время переговоров русских купцов с военными французскими властями стал известен российскому канцлеру Н.П. Румянцеву, который пригласил его к себе в Гомель. Пребывание в Гомеле позволило поближе познакомиться с обширным собранием книг и рукописей графа Румянцева. Приезд в Вильно (1810 г.), вызванный продолжением учебы на отделении этики Виленского университета, дал не только степень магистра, но и возможность начать в университете преподавательскую карьеру в качестве лектора: по всеобщей истории, естественному и политическому праву. После окончания войны 1812 г. историк переехал в Белосток, где в местной гимназии преподавал всеобщую историю, «древние» и новые языки, право. С белостокским периодом связано начало знакомства с И. Лелевелем, переписку с которым Онацевич вел до конца своей жизни. Вернувшись в 1818 г. в Вильно, он занимает должность помощника профессора и читает курсы по всеобщей и «местной» истории (до 1821 г.). Неудачи в попытках получить профессорскую кафедру в университете, а затем должность директора Виленской гимназии, заставили уже в который раз «переиграть» судьбу и уехать в Петербург. С помощью секретаря Н.П. Румянцева В.Г. Анастасевича, который ввел его в столичный ученый мир, круг петербургских библиотек и архивов, историк собирал материалы по истории ВКЛ. По возвращении в Вильно (с 1822 г.) Онацевич начинает свои знаменитые архивно-археологические экспедиции по Западной Белоруссии. Практически каждое лето он совершал специальные археологические поездки по белорусским и литовским губерниям края, осматривая все встречающиеся ему государственные и частные архивы и библиотеки. Он описывал их и делал многочисленные выписки. Информация о его экспедициях нередко публиковалась в ведущих русских журналах: «Северной Пчеле», «Северном архиве», «Вестнике Европы». Хорошо извест-

ный ученым России, Польши, Украины, Белоруссии, Литвы он вел оживленную переписку с гр. Н.П. Румянцевым, П. Кеппенем, И. Лелевелем, Т. Чацким, Ч. Дмоховским, М. Балинским и др.

Плодотворная работа в качестве адъюнкта, а затем и профессора кафедры статистики Виленского университета была прервана в 1828 г. Конфликт с ректором университета В. Пеликаном и рядом приближенных к нему профессоров, которых Онацевич обвинил в злоупотреблениях и казнокрадстве, закончился встречным контробвинением в полонофильстве, вольномыслии и революционной пропаганде, и, как итог, ... удаление из университета. На этот раз навсегда. Только благодаря заступничеству гр. Н.П. Румянцева и петербургских друзей ученый был оправдан и смог продолжить свои исследования в Петербурге в качестве помощника библиотекаря Румянцевского музея и действительного члена Археографической комиссии. Из-за бурных и частых перемен в судьбе, отсутствия возможностей сконцентрировать свои усилия на длительной «синтезной» работе по созданию истории ВКЛ ученых трудов его в печати появилось немного. Главная работа жизни – «История Литвы» осталась неопубликованной. Но значение его в историографии основывалось не на публикациях. Опытный и талантливый археограф он собрал богатейшие коллекции документов в период архивных и археографических разысканий в хранилищах Кенигсберга, Польши, Белоруссии, Литвы и России. Тесно контактировавший с гр. Н.П. Румянцевым и его «ученой дружиной», он особое внимание обратил на поиск и исследование старинных документов. Количество документов, собранных Онацевичем, было громадным. К сожалению, уникальные рукописи и редкие книги, собранные историком и перешедшие после его смерти коллекционеру К. Свидзинскому, впоследствии оказались «распыленными во времени и пространстве» [II, 257, с. 262–263; III, 249, 250; 323, т. XXIV/I, 100, с. 63–64].

Видным историком Белоруссии и Литвы тех времен был сын судебного писаря из Бельска также воспитанник, а впоследствии профессор (1827–1832) уголовного и гражданского права Виленского университета И. Ярошевич (1793–1860), преподававший не только историко-правовые дисциплины, но и курс статистики российской империи. На исследования Ярошевича в области истории и источниковедения ВКЛ большое влияние оказал Лелевель, с которым он в 1817–1826 и 1827–1830 гг. вел интенсивную переписку. Независимо от этих личных обстоятельств на

направленность его исторических исследований оказала влияние сама атмосфера среды культурного обитания. Ярошевич вместе со своими коллегами по университету вел активные поиски в библиотеках и архивах Белоруссии и Литвы, тщательно изучал эти источники и на основе их исследования, подобно И. Даниловичу, И. Онацевичу, М. Балинскому, Т. Нарбуту, подошел к 30-м гг. XIX в. к созданию систематического труда по истории ВКЛ, фрагменты из которого часто публиковались в виленских и варшавских изданиях («Знич», «Бирута», «Атенеум», «Варшавская библиотека» и др.). Вершиной творчества Ярошевича стало его фундаментальное (3-томное) исследование «Образ Литвы». Работа эта в свое время была отражением существенного прогресса в исторической науке Белоруссии и Литвы. Здесь он первый из польских и местных историков выдвинул концепцию существования феодального строя в ВКЛ, в образовании которого на первый план Ярошевич выделял внутренние причины. Многие из работ историка, созданных в 20–40-е гг. XIX в., так и остались в рукописях (лекции по истории права ВКЛ, исследования об иезуитах, об адвокатах в Западных губерниях и др.) [III, 193, с. 626].

Одним из наиболее блестящих представителей «униатского» поколения белорусских историков первой трети XIX в., несомненно, был и М.К. Бобровский. Видный белорусский богослов, палеограф, историк славянской культуры, удачливый собиратель славянских древностей, памятников старославянской письменности. Родился в семье униатского священника из старинного белорусского шляхетского рода, владевшего имениями на Подляшье (с. Вольки, Бельского повета). Отец М. Бобровского – Кирилл был настоятелем Вольковской церкви. Первоначальное образование получив от отца, М.К. Бобровский в 12 лет поступает в Дрогичинское училище пиаров, а затем завершает образование в Белостокской гимназии (1804–1806). Награжденного серебряной медалью юношу оставили преподавателем гимназии. В белостокский период своей биографии Бобровский, пользуясь расположением жившего в Супрасльском монастыре еп. Духновского, приступил к чтению и изучению старобелорусских рукописей. В 1808–1812 гг. Бобровский учился в Главной Духовной семинарии при Виленском университете. Получил степень магистра богословия и изящных искусств. После возобновления лекций в университете, в связи с окончанием войны 1812 г. молодой ученый слушал лекции по гражданскому и уголовному праву. И в 1814 г. он получил степень магистра гражданского и уголовного права.

В 1815 г. Бобровский рукоположен в сан иерея и избран преподавателем отделения нравственных наук для преподавания Священного Писания (экзегетики). С 1816 г. – доцент Главной духовной семинарии. В 1817 г. после возведения в сан брестского каноника отправлен в заграничное путешествие для изучения восточных языков, славянских рукописей и совершенствования в богословских науках в Вену, Прагу, Рим, Париж. В годы заграничных путешествий Бобровский посещал Словению, Долмацию, лужицких сербов. В Германии ученый познакомился с гр. Н.П. Румянцевым, переписка с которым и деловые связи завязывались надолго. В Риме он изучает старославянские рукописи Ватиканского архива, делает копии со старославянских рукописей в Париже. В период зарубежных путешествий (1817–1822) Бобровский знакомится с выдающимися европейскими славистами Е. Копитаром, В. Ганкой, И. Добровским. Е. Копитар и И. Добровский оказали значительное влияние на славистические занятия и интересы Бобровского. После возвращения в Вильно ученый занял кафедру Священного Писания в качестве э.-ординарного профессора, преподавал арабский язык. В 1823 г. получил степень доктора богословия и был назначен ординарным профессором. Профессором экзегетики и герменевтики Бобровский проработал на богословском факультете Виленского университета до 1833 г. (за исключением 1824–1826 гг., которые провел в ссылке в базилианском монастыре в Жировичах).

Летом 1823 и 1824 гг. Бобровский вместе с И. Даниловичем, с которым он познакомился еще в 1810–1812 гг., совершает археографические экспедиции по монастырям и архивам Подляшья и Западной Белоруссии. В ходе этих экспедиций были найдены и атрибутированы «Хронограф» и один из древнейших памятников кирилловской письменности – Супрасльская рукопись. Обе рукописи были изданы Даниловичем при содействии Бобровского под заглавием: «Хронограф еже есть летописец» (1824) и «Летописец Литовский» (1827). В эти годы историк переписывался с П.И. Кеппеном и даже думал одно время переехать в Петербург. Весной 1826 г., после возвращения из ссылки, ученый возобновляет преподавание на кафедре Священного Писания «славянских наречий», а затем и библейскую археологию. Им были разработаны и написаны курсы: библейской археологии, герменевтики, славянской библиографии, описаны собранные при университете богатые собрания медалей и монет ВКЛ. После преобразования Главной Духовной семинарии в Римско-ка-

толическую духовную академию Бобровский выходит в отставку (1833) и поселяется в м. Шерешево (Пружанского уезда Гродненской губернии). В 1841 г. назначенный Пружанским благочинным Бобровский до конца жизни сохранял большое влияние в культурной и церковной жизни Белоруссии (его учениками и младшими коллегами были: А. Зубко, И. Семашко, А. Тупальский – Д.К.). Загадочна и до сих пор не изучена судьба богатейшего собрания книг и рукописей Бобровского. Около 2 000 книг его собрания еще в 1824 г. приобрела Главная Духовная семинария, но более ценные, преимущественно старославянские рукописи оставались у ученого до самой кончины. В 1848 г. они достались известному библиографу В. Трембицкому, а через него попали в Варшавское книгохранилище гр. Замойских. Одна часть собрания Бобровского разошлась среди местных коллекционеров древних раритетов славянской письменности, но то, что было известно современным исследователям, – лишь небольшая часть утраченного или скрытого. Поэтому научная деятельность Бобровского, особенно в области славистики, до сих пор еще не нашла должной историографической оценки.

Однако и то, известное науке, что сделано Бобровским для изучения старославянской и старобелорусской письменной культуры, позволяет с полным основанием назвать его одним из основоположников восточнославянской палеографии, археографии и источниковедения Белоруссии, который вместе с И. Даниловичем, И.Ж. Онацевичем, И. Григоровичем стоял у истоков белорусской национальной историографии. Бобровский первым из белорусских ученых нового времени предпринял путешествие по славянским землям, где ознакомился с древней и новой литературой разных славянских народов. Удачливый и ревностный собиратель памятников древнеславянской письменности, он был превосходным знатоком старославянского языка. Ему принадлежит описание славянских рукописей и старопечатных книг Ватиканской библиотеки, вошедшее в издание А. Мая. Он перевел с итальянского языка на польский сочинение Матвея Савича, «Исторические сведения о Виленском университете» (1828), «Библейскую археологию» и множество мелких статей в «Дзеннике Виленском» в 1824–1826 гг. За свои научные заслуги М.К. Бобровский был избран членом ОИДР при имп. Московском университете (1828), Археологической академии в Риме, Парижского и Лондонского Азиатских обществ [I, 66, 104; II, 29, 30].

Энергичная и плодотворная деятельность поколения историков, трудившихся в стенах Виленского университета в 10-х – начале 30-х гг. XIX в., оказала ощутимое воздействие на дальнейшее формирование белорусской и литовской историографии в последующие периоды ее развития. Она заложила фундамент критического научного изучения истории ВКЛ и документальных памятников его исторического прошлого, ввела в научный оборот огромные, дотоле неизвестные пласты исторической информации, воспитала плеяду историков и писателей, игравших ведущие роли в изучении ВКЛ и формировании исторического сознания, исторических «горизонтов» интеллигенции Белоруссии и Литвы в 30–60-х гг. XIX в. (М. Балинский, А. Мартиновский, Н. Малиновский, А. Киркор, А. Зданович, А. и Л. Ходько, братья К. и Е. Тышкевичи и др.). Импульс, данный историками Виленского университета развитию исторической науки в крае, сказался в 40-х – начале 50-х гг. на развитии исторической журналистики Белоруссии и Литвы, которая после разгрома Виленского университета (в 1832 г.) взяла на себя его функции по формированию исторического самосознания у населения края в условиях репрессивного николаевского режима [III, 324, с. 122, 159, 164–166].

Но в первой трети XIX в. Вильно не было единственным центром, определявшим состояние исторической науки в Белоруссии. В восточных ее областях активные исследовательские усилия в деле поиска и изучения исторических источников предпринимали любители старины и ученые, жившие в Гомеле и Полоцке. Огромную роль в стимулировании этой исследовательской работы сыграл видный государственный деятель России начала XIX в. граф Н.П. Румянцев, известный в стране покровитель и организатор широких научных поиска [III, 108]. Живя после отставки (с 1814 г. – *Д.К.*) в родовом имении в Гомеле, он развернул с помощью белорусских членов своей «ученой дружины» энергичные поиски древних славянских рукописей и предметов «западно-русской» старины. В этих местах еще в 1814–1817 гг. многочисленные поручения Румянцева, связанные с археологическими раскопками и описанием памятников, выполнял будущий министр финансов Е.Ф. Канкрин.

Одним из ближайших сотрудников графа стал родоначальник белорусской археологии И.И. Григорович (1792–1852). Выходец из многочисленной семьи священника гомельской усадьбы Румянцева, он стал «пансионером» графа в Петербургской духовной академии и уже в студенческие годы подрабатывал у своего мецената разнообразными пе-

реводами. С Григоровичем Румянцев связывал немалые и, как показало будущее, не напрасные надежды. Устроившись в Гомеле после окончания академии, Григорович серьезно занялся изучением истории родного края. Уже первое его знакомство с архивами городов восточной Белоруссии оказалось успешным. Найденные материалы стали ядром задуманной им трехтомной документальной публикации. Работа над ней велась Григоровичем при постоянной поддержке Н.П. Румянцева. Первая часть задуманного издания под названием «Белорусский архив древних грамот» увидела свет в Москве в 1824 г. Это было первое археографическое издание, в котором размещенные документы касались только Белоруссии [III, 249; с. 17]. Если первая часть публикации, содержащая 57 актов (преимущественно из архивов Могилева – ДК), была укомплектована документами, найденными самим Григоровичем, то для второй и третьей частей документы искали и присылали новые белорусские сотрудники графа: архивариус полоцкой греко-униатской консистории Кунцевич, Полоцкий архимандрит И. Шулякевич, переводчик могилевского магистрата Н.Г. Горатынский (Гортынский), смотритель полоцких уездных училищ А.М. Дорашкевич (Дорошенко) и др. [II, 64, 65]. После выхода первой части Григорович с удовлетворением писал брату, что теперь «и наша Белоруссия не совсем исчезнет с лица земли, но да ведет свет, что были времена, когда она была славнее и добродетельнее нежели ныне» [I, 108, д. 50, л. 184]. К сожалению, продолжить выполненную на высоком археографическом уровне публикацию не удалось. Вторая часть «Белорусского архива» осталась в рукописи [I, 152, оп. I, д. 14]. Попытки Григоровича после смерти графа заинтересовать изданием второй части митрополита Е. Болховитинова, Академию наук, продать право ее публикации или же собрать средства на издание по подписке успехом не увенчались. Частично подготовленные к публикации материалы были использованы Григоровичем в 30–40-е гг. XIX в. уже при подготовке Археографической комиссией «Актов Западной России» [II, 113, т. I, с. 484]. При всем несомненном положительном значении для дальнейшего развития молодой белорусской историографии выхода в свет первого белорусского документального издания нельзя не отметить и то, что публикация «Белорусского архива» обнаружила вполне ощутимый идеологический характер. Она выявила, по мнению Григоровича, «дух папизма» и те притеснения от него, которые пришлось вынести в

Белоруссии православным. С этим соглашался и Румянцев [I, 108, д. 50, л. 80–82].

Судьба разночинца И. Григоровича, в отличие от его «униатских» со братьев (И. Даниловича, И. Онацевича, И. Ярошевича), сложилась более благополучно благодаря опеке Н.П. Румянцева. Сын православного священника, по окончании курса учения в Могилевской семинарии «вступил в службу» преподавателем Могилевского духовного уездного училища (1811). Учился и успешно закончил С.-Петербургскую духовную академию (1815–1819). Был рукоположен в священники и «произведен» в протоиереи (1820). С августа 1820 г. стал ректором Гомельского уездного (по август 1829 г.) и Витебского уездного училищ (1829). Служба священником в лейб-гвардии Финляндского полка (1830) и затем придворным протоиереем до конца жизни связали его с Петербургом и правительственной Россией. Но главным делом его жизни стал поиск и публикация источников по истории горячо любимой им Белоруссии. После издания своего знаменитого «Белорусского архива древних грамот» он составил по поручению Синода «Дополнения к истории Российской иерархии», касающиеся белорусского региона (1824). Перевел с латинского и опубликовал: «Переписку пап с российскими государями в XVI в.» (1834) и собрание сочинений Георгия Конисского (1835). Составил «Словарь западнорусских говоров» и «Собрание слов литовско-русского говора» и как главный редактор Археографической комиссии (с 1838 г.) подготовил и частично издал фундаментальную серию «Актов, относящихся к истории Западной России» (1845–1853) [I, 152, дд. 42]. Не будет преувеличением сказать, что во многом благодаря его подвижническому труду были открыты глаза на Белоруссию у видных представителей политической элиты России (кн. А.Н. Голицина, адмирала Н.С. Мордвинова, А.С. Шишкова, кн. Н.С. Мещерского и др.) [I, 108, д. 21, лл. 3, 4, 11–11 сб]. Лишь очень немногие из них, как граф Н.П. Румянцев, имели в это время ясное представление о белорусском прошлом и активно собирали драгоценные рукописные и книжные раритеты Белоруссии в церковных, государственных и частных архивах Полоцка, Витебска, Мстиславля и Минщины, через своих ученых «корреспондентов» [I, 108, дд. 21, 37, 44, 48, 61].

Сравнительно благополучная судьба И. Григоровича скорее является исключением для поколения белорусских историков первой трети XIX в. Жизнь, полная трагизма, бурных взлетов и падений, – это правило

для многих неординарных личностей тридцатилетия наполеоновских войн, революций и европейского романтизма. Такой она была и у родоначальника научной археологии в России, выдающегося этнографа и слависта Зориана Доленги-Ходаковского (Адама Чарноцкого) (1784–1825). Сын мелкого белорусского шляхтича, родившийся в фольварке Подгайная Минского воеводства (недалеко от Несвижа – ДК), рано потерял мать и воспитывался у родственников в Лецишине (под Клецком). Учился в Слуцком поветовом училище и Кременецком лицее. С 1803 г. работал адвокатским практикантом в Новогрудке и Минске, а в 1807 г. стал управляющим у И. Неселовского в Воронче. После неудачной попытки побега в армию герцогства Варшавского (1809) был арестован и после недолгой отсидки в тюрьмах Гродно, Петербурга и Новогрудка лишен прав дворянства и осужден на пожизненную службу в русской армии в звании рядового. Подневольная служба длилась недолго. В 1811 г. Адам сбежал из обоза под Бобруйском, прихватив с собой план крепости, в Варшаву. Вступив в армию герцогства как Зориан Чарноцкий, он неоднократно привлекался кн. Понятовским и маршалом Даву для исполнения разведывательных заданий. В войне 1812 г. принимал участие в звании подофицера-адъютанта 5-го полка пехоты. После войны, не получив амнистии, под именем З. Доленги-Ходаковского, на время скрывается в Ворончине – имении генерала Л. Кропиньского, в Порыцке и Кременце у Т. Чацкого. В 1814–1818 гг. он совершает научные этнографические экспедиции по Вольни, Полесью, Малой Польше, работает в Пулавах – библиотеке кн. А. Чарторыйского. По протекции А. Чарторыйского Доленга-Ходаковский обратился к Виленскому университету с просьбой о финансовой поддержке своей работы, представив университету исследование «О славянах». Получив отказ от критично настроенного ректора Яна Снядецкого, Зориан обратился за помощью к русским научным кругам. В 1819 г., предварительно побывав у Н.П. Румянцева в Гомеле, поехал через Могилев, Витебск, Полоцк и Псков в Петербург. Столица империи встретила ученого гостеприимно. Он был избран почетным членом имп. Академии наук и Вольного общества любителей российской словесности. Представленный Доленгой-Ходаковским министру народного просвещения план четырехлетних исследований получил в июле 1820 г. утверждение Александра I. За 16 месяцев 1820–1821 гг. он исследовал 6 северо-западных губерний России (Новгородская, Ижорская, Вологодская и др.), около 1 000 городищ,

топонимику этих территорий. На основе своих экспедиций составил четырехтомный «Словарь названных городищ и урочищ» [I, 77, л. 18, д. 30]. Создал оригинальную концепцию происхождения славянства, оставил богатое рукописное наследие. После неожиданной смерти историка в с. Петровском в 1825 г. (возле Твери – Д.К.) его рукописи перешли сначала историку и журналисту Н. Полевому, а затем М.П. Погодину, который и издал значительную их часть [I, 81; II, 244; III, 127, с. 28–36]. В белорусской историографии З. Доленга-Ходаковский выступает и как родоначальник и выдающийся исследователь исторической географии, активно собиравший информацию на Виленщине и Гродненщине для составления своей «Славянской географии» [I, 147, д. 308; 148, дд. 4, 13].

Ориентация подавляющего большинства историков Белоруссии и Литвы первой трети XIX в. на «крамольный», зараженный идеями европейского Просвещения, Запад обернулась стремлением российского правительства противостоять вольнолюбивой исторической мысли либеральной общественности края через поддержку в 10–20-х гг. XIX в. «просветительской» деятельности центра католического обскурантизма в Белоруссии Полоцкой иезуитской коллегии (с 1812 г. – академия с правами университета). Покровительство самодержавия этому центру образования объяснялось весьма прозаическими политическими причинами – он нужен был как противовес «крамольным» идеям и учениям, исходящим из стен Виленского университета [II, 265, 288]. Полоцкая иезуитская академия имела три факультета. На первом изучались «языки», на втором – «свободные искусства, философские и другие, как естественные, так и гражданские науки», на третьем – «Богословие и прочие науки до веры касающиеся». В репертуаре образовательной программы отцов-иезуитов значилась «история всеобщая» и «священная история». Характер преподавания оставался схоластическим. Но вспомогательными учреждениями Полоцкая академия была оснащена превосходно. Две библиотеки редких книг и рукописей (одна – литература на европейских языках – 30 000 томов, вторая – на польском – 10 000 томов), ценные нумизматические коллекции и коллекции медалей, галерея «образов» – все это представляло хорошие возможности для серьезных научных исследований. Но в отлично оснащенном учебном учреждении не было главного – творческого духа научного поиска. Профессорам всеобщей истории вменялось в обязанность ниспровергать «бредни» Вольтера, Дидро, Фонтенеля, «рассеянные в зараженной тлетворным ду-

хом Просвещения» истории. При изложении основных аспектов всеобщей истории иезуитским наставникам предписывалось показывать, как много содействовали римские папы «общему благу Европы», развитию искусства и науки, доказывать, что Ян Гус сожжен правильно, опровергать «ложные сказания» по поводу мыслей Г. Галилея, Варфоломеевской ночи, действий инквизиции. На своих «ученых» заседаниях профессора академии часто выбирали темы политического характера, а главным врагом ученых членов «Общества Иисуса» являлась ненавистная им философия истории в лице Вольтера и Руссо [II, 232, с. XLVI]. Правда, особой научной продуктивности профессура академии не отличалась, но не учитывать того большого значения, которое она имела в деле подготовки преподавательских кадров для базилианских и иезуитских школ и училищ, в контроле за программой исторического образования в школах Белоруссии первой четверти XIX в., было бы неправильным.

В целом, в первой трети XIX в. белорусская историография, несомненно, развивалась по восходящей линии. Успешно формировалась источниковая база для исследования исторического прошлого Белоруссии и Правобережной Украины (особенно относительно их совместного пребывания в составе ВКЛ), выдвигались первые концепции важнейших проблем исторического развития, происхождения славян, государства и права ВКЛ, появились первые научные центры, занимавшиеся историческими исследованиями. В немалой степени поступательное развитие историографии в этот период объяснялось быстрым формированием той социальной среды, которая была чрезвычайно отзывчива к исторической проблематике, вопросам, ставившимся или разрабатывавшимся исторической наукой первой трети XIX в. Всеобщим интересом к истории, памятникам отечественной старины были охвачены многие представители различных социальных и профессиональных групп интеллигенции Белоруссии и Правобережной Украины. Аристократы братья К. и Е. Тышкевичи и граф А. Платер; Т. Чацкий, кн. А. Чартгорыйский; помещики – Л. Корсак, В. Орда, Я. Юндзил, В. Пусловский; чиновники – Я. Юшневич, И. Кулаковский; преподаватели учебных заведений края – И. Бошковский, Я. Хандзинский; Ю. Олдаковский; врачи – Ф. Горбацевич, К. Вольфганг; представители духовенства – М. Бобровский, П. Сосновский, архимандрит Коложанского монастыря Игнатий и, наконец, известные литераторы – уроженцы Белоруссии – А. Мицкевич, Т. Зан, Я. Чечот, Ю. Немцевич [I, II, оп. 21, д. 344, лл. I – I сб; III, 127,

с. 25–37]. Все они своим активным интересом к истории, собирательной деятельностью создавали ту благоприятную «питательную среду» – молодую интеллектуальную элиту Белоруссии и Правобережной Украины, на основе которой в первое тридцатилетие XIX в. формировались первые «завязи» белорусской историографии эпохи «западно-русских будителей».

Несколько главных историографических достижений приходится именно на этот период времени: 1) введение в научный оборот корпуса источников, на базе которого историческая наука Белоруссии, Украины и Литвы смогла начать создание в 40–60-е гг. XIX в. первых синтезных концепций ВКЛ; 2) выделение истории этого государства в **самостоятельный**, «самодостаточный» объект исследования; 3) выяснение ведущей роли восточнославянских народов (белорусов и украинцев) в формировании его политических и культурных традиций XIV – XVI вв. В историческую науку вошло «разночинское» поколение сыновей униатского и православного духовенства, которое и сумело открыть эту восточнославянскую (белорусскую в своей основе) природу Великого княжества Литовского. Не разрывая окончательно с польской культурной традицией, эти «литвины-патриоты», как их называли современники, внесли в историческую ментальность интеллигенции края ощутимые элементы «билингвизма», по-иному, не по «шляхетски» начали осознавать проблему народа. Это было особенно важно в тот период, когда полонизация шляхетской интеллигенции Белоруссии не только не прекратилась, а приобрела второе дыхание. Благодаря руководству Виленского учебного округа, князя А. Чарторийского и его единомышленников – первого ректора Виленского университета, ксендза И. Стройновского, Т. Чацкого, Ю.У. Немцевича сфера польского и католического влияния в Белоруссии ощутимо расширилась. Возрождение Речи Посполитой, сохранение исторической памяти о ней, как своей единственной Отчизне являлись главными задачами многочисленных масонских и тайных культурно-просветительских организаций Белоруссии и Литвы 10 – 20-х гг. XIX в. (филареты, филматы, лучистые, кружки Свислочской гимназии, общество шубравцев и др.) [I, 10, оп. 2, д. 246; 58, 59, 86, 567, оп. 2, дд. 1169, 1318, 1335; II, 232, 373; III, 191, 206, 301, 304]. Восстание 1830–1831 гг. определило ту грань, за которой формирование культуры и историографии Белоруссии оказалось в совершенно ином политическом и культурном контексте.

Конец XVIII ст. стал периодом кардинальных геополитических изменений не только для Правобережной, а для всех крупных культурно-исторических субрегионов Украины (Левобережная Украина – Гетманщина и Слобожанщина; Галиция и Буковина). Как отмечают украинские исследователи, экспансионистские устремления российского царизма объективно совпали с интересами «разделенного» между российской и австрийской империями украинского этноса. Новая расстановка сил в Восточной Европе после «эпохи разделов» определялась исчезновением на политической арене двух государств, которые на протяжении веков оказывали большое влияние на жизнь украинского этноса – Речи Посполитой и Крымского ханства. В то же время укрепилась Российская империя, которой удалось объединить большую часть украинских земель. Укрепилась политически, в том числе за счет присоединения Галиции и Буковины и Австро-Венгерская монархия. По мнению Р. Шпорлюка, разделы Польши изменили соотношение сил на геополитической арене как раз тогда, когда украинцы интересовались уже не столько выяснением своего регионально-административного статуса в рамках Российской империи, сколько своим местом среди других народов и в международной системе государств [IV, 110, с. 256]. Россия рассматривала новоприсоединенные земли, как часть своего возвращенного наследия, а украинцев как возвращенную часть единого «русского мы». Это, по-видимому, объясняет тот факт, что украинское население Галиции стало «украинским Пьемонтом» с сильными русофильскими настроениями в первой половине XIX в. в значительной мере благодаря усилиям российского имперского правительства. Игра на галицийской «карте» приносила российской правящей бюрократии немалые политические дивиденды, поскольку в Австрийской империи Габсбургов в первой половине XIX в. политика властей направлялась на подчинение украинцев поляками. Впоследствии это стало причиной острых противоречий и конфликтов. Конкуренция с польским национализмом способствовала радикализации галицийского регионализма. Выразительную специфику сохраняли в составе Российской империи: Левобережная Украина (бывшая Гетманщина), Правобережная Украина (по Российской терминологии – Юго-Западный край), Слободская Украина.

Осмысление того нового положения, в котором оказался украинский этнос, стало одним из приоритетных заданий нарождающейся украинской национальной историографии. На ликвидацию царизмом

остатков украинской автономии украинская элита отреагировала четкой артикуляцией национальной идеи. Историческая традиция в этих условиях сыграла роль катализатора процессов национального самосознания. Казацкие летописи и историческая литература XVIII указывали на корни исторического обоснования Малороссии как автономного региона Российской империи, поэтому ликвидация этой автономии в значительной мере перенаправила украинское историописание в русло нового оппозиционного империи направления. Важнейшим историографическим памятником начало XIX в. стал анонимный антироссийский историко-политический трактат «История Русов». Его основная мысль заключалась в том, что Украина имеет естественное, моральное и историческое право на собственное политическое развитие. М. Грушевский не случайно назвал «Историю Русов» золотой книгой тогдашнего украинского общества, а ее выход в свет «патриотическим подвигом со стороны издателя» [IV, 34, с. 20].

Казацкие летописи и «История Русов» имели огромное влияние на дальнейшее развитие украинской историографии. Перед угрозой навязывания взглядов, которые отрицали самобытное украинское прошлое, эти произведения изображали Украину как субъект исторического процесса, не зависимо от того, входила ли она в состав Польши, России или Австрийской империи. Они утверждали, что Украина имеет собственные «права и вольности». Более того, «История Русов» подчеркивала, что россияне присвоили украинскую историю. Поясняя разницу между россиянами и украинцами существованием рабства в России и любовью украинцев к свободе, «История Русов» выдвигала исторические аргументы, которые впоследствии будут развиты в народнической украинской историографии второй половины XIX в. и в творчестве М.С. Грушевского [IV, 57, с. 195–196]. Это историческое произведение оказало глубокое влияние на историческое мировоззрение Т. Шевченко, Н. Гоголя, М. Максимовича и многих других представителей украинской национально-романтической историографии 40–60-х гг. XIX в. (Н. Костомарова, П. Кулиша, А. Марковича и др.) [IV, 58, 59, с. 217–220].

Интерес к украинской истории подпитывался не только ностальгическими настроениями у потомков украинской старшинской элиты первой половины XIX в. Он имел и прагматический характер, поскольку этим потомкам приходилось в условиях Российской империи отстаивать свои права на дворянские титулы. На развитие общественной мысли Ук-

раины, формирование философско-исторических основ исторического менталитета украинской элиты влияли и новейшие концепции нации, основоположником которых считается немецкий историк и философ Й. Гердер. Поэтому осмысление новых реалий украинской жизни первой половины XIX в. в исторической мысли ее элиты происходило в русле поисков «строительных материалов» национальной идентичности. По оценке современного украинского историка О. Субтельного, на Украине в XIX в. «путь к национальному сознанию был вымощенный книгами», а в авангарде строительства нации» стояли историки.

То обстоятельство, что украинские земли в XIX – начале XX вв. входили в состав уже не четырех, а двух государств, не уменьшило степень их дезинтеграции – границы между Россией и Австро-Венгрией разделяли не только две страны, но и две во многом отличные социально-политические системы. Осмысление украинской общественной мыслью новых явлений ее регионализации происходило в российской части Украины преимущественно на гегелевских основах романтического национализма, а в Галиции – на почве своеобразного «нового консерватизма», под сильным влиянием панславистской идеологии. Создаваемая в XIX в. украинская национальная историография имела и сохранила вплоть до XX в. явно выраженный региональный характер. Ее содержание, направленность во многом зависели от места создания той или иной работы, от «родовых и земельных» корней ее автора [IV, 22, 26, 34, 38, 41, 52, 59, 63, 67].

Идея украинского автономизма в трудах историков первой половины XIX в. приобретает все более научный характер и национальную окраску. Реализация этих тенденций ясно прослеживается в творчестве Я.М. и А.М. Марковичей, В. Ломиковского, М. Берлинского, М. Максимовича, А. Шафонского, Д. Бантыш-Каменского. Именно потомки бывших украинских гетманов и полковников, историки, интеллектуалы, собиратели и любители старины, антиквары, литераторы, учителя, часть духовенства возглавили движение за национальное возрождение Украины. Эти процессы существенно влияли на развитие исторической науки, посылали ей своего рода социальный вызов. А с другой стороны историческая мысль, как «обратный сигнал» стимулировала рост национального сознания, ускоряла процессы украинского Возрождения. Можно согласиться с предложенным И. Колесник подходом к периодизации украинского Возрождения в контексте развития украинской историографии,

когда она определяет начальный или т.н. «реставрационный период» концом XVIII – первой четвертью XIX в. [IV, 59, с. 217]. Историки этого поколения развивали идею большой «временной протяженности» украинской истории, в рамках которой казацко-гетманская эпоха рассматривалась как наследница традиций княжеской эпохи Киева. Став на путь критического отношения к источникам и работам предшественников, они заложили в украинской историографии направление «критической истории». Исторические работы украинских ученых широко привлекают статистические, этнографические, антропологические материалы, что заложило основы народоведческих и украиноведческих исследований.

Параллельно с «подросийской» Украиной историческая мысль развивалась и на территории западноукраинских земель в составе Австрийской империи. Ведущую роль в ее развитии здесь играло украинское греко-католическое духовенство, вокруг которого группировались светские интеллектуалы с их интересом к местной региональной истории. Значительный вклад в основание национального направления в исторической мысли Западной Украины этой эпохи внесли работы Д. Зубрицкого, И. Могиляницкого и деятелей «Русской тройки» – М. Пашкевича, И. Вагилевича, Я. Головацкого. В работах этих историков наряду с региональной проблематикой утверждалась общеукраинская идея – единство истории Киевской, Галицко-Волынской Руси и казацко-гетманской эпохи [IV, 55, с. 113–127]. Становление и утверждение научных принципов украинской исторической мысли, трансформация ее в науку, формирование питательной элитарной среды для запуска и апробации новых концепций и исторической идеологии первой трети XIX в. были тесным образом связаны с основанием в этот период трех университетских центров Украины: Львовского (1784), Харьковского (1805) и Киевского (1834). Расцвет их деятельности в области формирования национальной историографии и исторического сознания элит придется на более поздние годы (30–60-е гг. XIX в.). Однако само рождение в этот период придало процессу генезиса формирования национального исторического сознания в украинской историографии два важнейших качества: институциональность и системность [IV, 2, 14, 26, 38, 55, 67].

ГЛАВА 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА БЕЛОРУССИИ И УКРАИНЫ И ГЕНЕЗИС ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ И УКРАИНЦЕВ в 30-х – НАЧАЛЕ 60-х гг. XIX в.

3.1. Политика российского царизма и формирование образа исторического прошлого Белоруссии и Украины в российской историографии дореформенного периода

30–50-е гг. XIX в. в истории белорусской украинской культур выделяются в качестве особого этапа их развития. Подавление восстания 1831 г. резко изменило правительственный курс в западном регионе империи. Правительство сделало ставку на направленную русификацию лишь недавно «отошедших от Польши губерний», стремясь уничтожить все, что могло бы напомнить о Белоруссии, Правобережной Украине и Литве как отдельных национальных районах со своими историческими, культурно-бытовыми и языковыми особенностями. Укрепление позиций самодержавия и казенного православия, русского чиновничества и дворянства – вот главная стратегическая установка царизма, которой он руководствовался в своем круто изменившемся политическом курсе на территории западных губерний Российской империи [Ш, 284, с. 20–21].

Одним из очевидных свидетельств репрессивного курса царизма в эти годы стала политика в области культуры, которую проводила николаевская администрация на территории Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы (отмена местного законодательства, ликвидация униатской церкви, открытие русских школ и запрет преподавать на польском языке, политика русификации служилой интеллигенции и др.). Первоочередной ак-

цией самодержавия на этом пути стал разгром и закрытие Виленского университета – рассадника «духа вольнодумства, безверия и разврата» [II, 72, с. 592].

В одном из своих ранних политических проектов начала 30-х гг. XIX в. М.Н. Муравьев, начинавший тогда свою политическую карьеру в Белоруссии на постах Витебского, Могилевского и Гродненского гражданского губернатора [II, 164, с. 274–293], категорично предлагал правительству: «Решительно уничтожить гнездилище Литовского вольнодумства раскассированием Виленского университета по разным училищам во внутрь империи, преобразовав постепенно всю учебную часть на основании Российских учебных заведений, отняв у духовенства права заниматься образованием юношества» [II, 72].

Однако наиболее дальновидные представители правительственной администрации как в Петербурге, так и на местах понимали, что одними репрессиями общественно-политический климат в западном крае изменить невозможно. Нужна была и конструктивная программа действий, позволявшая хотя бы в какой-то мере нейтрализовать «польское» влияние среди образованного общества Белоруссии и Правобережной Украины. Без реальной, конкретной информации об историческом прошлом неблагонадежных губерний трудно было разобраться в современном их состоянии. Отсюда в 30–50-х гг. XIX в. вытекала деятельность правительственных учреждений края по сбору и концентрации архивных материалов – документальных свидетельств его исторического прошлого. Потребности правительственной пропаганды заставляли предпринимать в эти годы и первые попытки публикации исторических документов с целью приведения исторических доказательств о «исконно русском и православном» характере населения края и законности его вхождения в состав империи. Для решения первой и второй из основных задач нужны были специальные учреждения и кадры, если не специализировавшихся по истории, то хотя бы знакомых с нею чиновников.

Что знали правительственная Россия и русский ученый мир о Белоруссии и Украине к 30-м гг. XIX в.? Как они представляли белорусское и украинское прошлое и их сопряженность с историей России? Исследование этих вопросов показывает, что не так уж и мало, но весьма избирательно и очень неполно. Объясняется это тем, что «затребованная» информация о Белоруссии и Украине попадала в кабинеты российских правительственных и ученых ведомств, как правило, в теснейшей связи с **политической актуальностью** таких знаний.

Начало научным публикациям источников по истории Белоруссии положил Г.Ф. Миллер. Осуществляя выдвинутую в 1732 г. программу изучения и издания источников по истории России, Миллер стал выпускать журнал «Собрание русской истории» (1732–1764). В шести номерах журнала за 1732 г. в переводе на немецкий язык Миллер опубликовал часть Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи за 860–1175 г. В Петербурге летопись была доступна в копии, снятой в 1716 г. по приказу Петра I. После названной публикации в издании летописей наступил перерыв, в большой мере вызванный отрицательным отношением «инстанций» к такого рода работе. Последняя треть XVIII в. примечательна бурной издательской деятельностью. Выпущенный в свет в начале этого периода полный текст Радзивилловской летописи повторил сведения, опубликованные Миллером, и ввел в оборот известия о междукняжеской борьбе, записанные под 1186 и 1196 гг. [II, 303; 330; III, 15, 93, с. 93]. Другие опубликованные летописи не только воспроизводили те же или того же рода сведения, что содержатся в Радзивилловской летописи, но и удлиняли хронологический ряд известий по истории Белоруссии. Этот ряд включал и XVI в. Так, в одной из летописей рассказывается о русско-литовской войне при Василии III и упоминается о взятии Полоцка в 1562 г., а в другой – о военных действиях в 1535–1536 гг. и переговорах о перемирии с участием полоцкого и витебского воевод. Сведения о театре военных действий относятся к северной и восточной Белоруссии (состав войск, направление передвижений войск, географические объекты и некоторые другие сведения).

Более всего опубликованные в конце XVIII в. в России летописи сообщали о фактах политической и военной истории. Они содержали значительный историко-географический материал, ибо упоминали города, села и реки, показывая в известной мере и деление белорусских земель на более мелкие территории. В Воскресенской летописи, например, имелся список городов, разделенных на города польские, киевские, волынские и литовские и в каждой из таких групп называются и белорусские города. Кроме того, внимание летописцев, к примеру, привлекало явление бесов на улицах Полоцка.

Летописи были не единственным видом источников, опубликованных в последней трети XVIII в. Заслуженой Н.И. Новикова является ввод в оборот множества делопроизводственных документов, напечатанных в двух изданиях его «Древней российской вивлиофики» (ДРВ), вышедших

в 1773–1775 и 1788–1791 гг. У Новикова мы находим два рода источников, упоминающих о Белоруссии наряду с другими данными. К XVI в. относятся документы, связанные с русско-польскими переговорами 1582 – 1583 гг., в которых затрагиваются вопросы о границе, пленных и о действиях на русской территории витебского воеводы С. Паца. Это русские и польские документы. Они называют события и их оценки сторонами, географические пункты. В 1775 г. [ДРВ – I. Ч. 10] Новиков напечатал несколько грамот, посланных Сигизмунду-Августу и гетману Хоткевичу четырьмя русскими аристократами в 1567 г. в ответ на «напрасное его, короля, склонение их в польское к нему подданство». В грамоте М.И. Воротынского упоминается ряд белорусских городов и делается ссылка на известный, видимо, из летописи факт того, как некогда смоленский князь «свел» Рогволодовичей с Полоцка. Другой круг данных относится к XVI в. В статейном списке посольства в Польшу в 1601 г. описывается проезд через Белоруссию с упоминанием стояния в отдельных местах, предположений о направлении проезда, сведения о некоторых лицах из местных чинов. По этим данным можно судить о путях сообщений и о скорости передвижения по ним.

Упоминается о «литовских торговых людях» как участниках торговли между Россией и Речью Посполитой. Примечательно то, что у Новикова имеется и специальная подборка документов по истории Белоруссии. Это 46 документов по истории Полоцка, как датировано в заглавии, 1654–1662 гг. Отличие этой подборки от других публикаций состоит в том, что часть документов исходит непосредственно от полоцких жителей. Вся группа документов была перепечатана во втором издании ДРВ.

Н.И. Новиков принадлежит к зачинателям публикаций источников по генеалогии и биографистике. В документах, отмечающих заслуги князя В.В. Голицына «с товарищи» в заключении «вечного мира» с Польшей в 1686 г., имеются сведения о белорусских и украинских городах и о непротивлении православию и принуждению к католицизму, переписанные из текста договора [ДРВ – I. Ч. 3]. Чисто генеалогические данные содержатся в изданной Новиковым Бархатной книге, учитывающей полоцких князей и некоторые другие роды, связанные с Белоруссией и Украины [Ш, 15, 221, с. 86–87].

Сведения по исторической географии Белоруссии и Украины, помимо рассмотренных документов в составе «Древней российской вивлиофики», дает памятник, датированный Новиковым 1680 г. и названный

им «Древней российской гидрографией» (СПб., 1773). В тексте «гидрографии» дается, в частности, описание Днепра и его притоков с указанием расположенных по ним городов и расстояний между ними.

Читатели «Истории российской» князя М.М. Щербатова (СПб., 1787) могли извлечь сведения о Белоруссии и Украине из документальных приложений. К XV в. относятся «жалобные списки», перечисляющие случаи нападения на торговцев и других путников на дорогах из Московского государства в ВКЛ, в том числе инспирированные витебским и озерецким «наместниками». Более значительный объем данных содержится в документах, освещающих переговоры о перемирии в годы Ливонской войны: сведения о некоторых представителях власти в белорусских городах, о самих городах и селах, в том числе в «списке полоцким рубежам», трактовки обеими сторонами вопроса о границах.

Наиболее поздние источники содержатся в публикациях об эпохе Петра I. Они связаны с военными действиями в период Северной войны (главным образом данные о передвижениях и расположении войск). Опубликованные русскими археографами сведения по истории Белоруссии, Украины относятся не ко всем их территориям (меньше о западных регионах). Благодаря изданию летописей был создан длинный хронологический ряд сведений по истории Белоруссии и Украины. Делопроизводственные документы продолжили этот ряд до времени Петра I. Опубликование данных по одним и тем же сюжетам создавало условия для сравнительного изучения источников и пополнения знаний о многих фактах деталями, специфически присущими отдельным памятникам. С точки зрения возможностей освещения белорусской и украинской истории с помощью сохранившихся источников результат работы в XVIII в. скромнен. Но это было начало.

Ровно через год, после того как по Петербургской конвенции 1772 г. к Российской империи отошла часть земель Восточной Белоруссии, осенью 1773 г. в Москве в университетской типографии был издан первый русский историко-географический словарь, подготовленный Ф.А. Полуниным и Г.Ф. Миллером. Очевидно, именно в этом энциклопедическом издании российский читатель впервые имел возможность получить качественную информацию о «новоприобретенных» землях. Концепция истории белорусских земель, предложенная Г.Ф. Миллером, сдержанно, но в то же время весьма определенно обосновывала права владения Россией отторгнутых от Речи Посполитой территорий. Значительный по

объему исторический материал содержался в описании около 30 белорусских городов и населенных пунктов (Полоцк, Себеж, Витебск, Могилев, Быхов, Рогачев, Шклов, Орша, Мстиславль, Гомель и др.) [III, 182, с. 11–13]. Интересно то, что если до 1770-х гг. в российской печати почти не встречается публикаций, затрагивавших проблемы истории ВКЛ и Белоруссии, то в эпоху «разделов» ситуация начинает ощутимо меняться. Одной из первых в российской периодической печати этих лет стала публикация «Исторического известия польских писателей о провинциях и городах Российских, бывших некогда во владении польском и потом опять россиянами взятых, принадлежащих к Российской империи» в «Парнасском щепетильнике» за 1770 г. Эти известия были составлены из сочинений С. Грамматика, А. Олеария, М. Кромера и др. Наибольший интерес вызвали события недавнего прошлого, особенно конфликт между верующими греко-российского исповедания, католиками и униатами. Об этом свидетельствуют переводы речей епископа белорусского Г. Конисского, произнесенных перед польским королем Станиславом Августом и Екатериной II в 1760-х гг., опубликованные в «Старине и новизне» (1773) и письмо Л. Сапеги архиепископу Полоцкому И. Кунцевичу (1622), напечатанное в «Российском магазине» [1793 г.]. Эти и другие публикации исторических документов 1770–1790-х гг. должны были не только рассказать об отношениях России и Речи Посполитой в далеком и недавнем прошлом, но и подкрепить историческими документальными обоснованиями политику Екатерины II относительно разделов территории Западного края [III, 15].

Абсолютистское правительство Екатерины II, стремясь «направить» освоение просветительской идеологии русской общественностью и сохранить «пристойный вид» в глазах европейского общественного мнения, важную роль отводило истории. Поэтому с конца 1760-х гг. историю объявили «государственным делом» и ее разработка была поставлена под непосредственный контроль правительства. Екатерина II и ее окружение стремилось использовать всех крупных историков 60–90-х гг. XVIII в. в России в своих интересах. Хорошо известны свидетельства сотрудничества Екатерины II с А.Л. Шлецером, Г. Миллером, Ф. Эминым, М.М. Щербатовым, И.Н. Болтиным, Н.Н. Бантыш-Каменским и др. Некоторым из них она делала заказы написать необходимые ей исторические сочинения (М.М. Щербатов, Ф.А. Эмин), других сажала за подготовку исторических документальных «припасов». И, наконец, сама

Екатерина II взялась за труд историка. Сначала появился «Антидот (Противоядие)» (1770) – историко-публицистическое произведение, направленное против книги французского путешественника Шаппа де Отроша, затем – «Записки касательно российской истории» [II, III]. «Записки» составлялись как учебное пособие для великих князей по истории России и должны были стать своеобразным ответом на сочинения зарубежных авторов по русской истории. Полностью труд Екатерины II был опубликован в 1787–1794 гг. и состоял из семи частей. Наиболее полно и с подробными примечаниями он был опубликован в 1901–1907 гг. в 12 томах «Сочинений императрицы Екатерины II» под редакцией А.Н. Пыпина. Параллельно публикации в России «Записки» издавались на немецком языке в 1784 – 1788 гг. Эти факты говорят о том, что труд Екатерины II по русской истории распространялся правительственными кругами и был известен довольно широкому кругу читателей. Среди «бригады» историков, обеспечивающих информационную поддержку коронованному историографу, особой активностью отличались профессора Московского университета А.А. Барсов, Х.А. Чеботарев. Они готовили пространные выписки из источников и трудов наиболее авторитетных российских историков XVIII в. В.Н. Татищева, А.Л. Шлецера по непосредственному заказу «августейшей» императрицы [III, 48, с. 166–174]. А.П. Шувалов, возглавлявший созданное в 1783 г. Екатериной II «Общество по собиранию сведений о древней России», составлял для «Записок» хронологические таблицы и записи об истории древних славян [III, 48, с. 166–174]. До нашего времени дошли и частично опубликованы «выписки, касающиеся Литвы и Польши». Переведенные с польского языка секретарем белорусского генерал-губернатора Ю. Деконским «Разные происшествия, случившиеся в Королевстве Польском и в Великом княжестве Литовском, выбранные из летописцев» М. Панцирного, И. Черновского и Г. Аверки, группировали информацию по четырем вопросам, наиболее интересовавшим Екатерину II («О Литве и Польше от 1386 до 1574 г.», «О соединении Литвы с Польшею», «О Ливонии», «О поселении славян по южным берегам Балтийского моря») [I, 3, д. 59]. История территориально-политических изменений в ВКЛ и Москвы в XIII–XVII вв. оценивается августейшим редактором как «захваты и отторжения у России ее земель литовцами и возвращение» со времени правления Ивана III «своего законного наследия русскими» [I, 3, д. 59, лл. 11 – 14]. Предварительная историческая «проработка» белорусской проблемы императрицей

нашла свое естественное завершение в проекте «Манифеста по случаю присоединения к России губернии Изяславской, Брацлавской, Минской» (1793). Здесь Екатерина рассматривает II раздел Речи Посполитой как закономерный акт против врагов России, позволивший «возвратить ей древнее ее достояние, большею частию единоверное с нами население, от предков наших до времени внутренних мятежей и внешних нашествий несправедливо отторгнутое... без выстрела присоединить» [I, 105, ф. 10, д. 120, лл. 3 – 3 об.].

Тесная связь трактовки истории ВКЛ, Белоруссии и Украины, с меняющейся политической конъюнктурой, заданная в правлении Екатерины II, продолжалась и в первой трети XIX в. В Архиве Коллегии Иностранных дел России, а затем и МИДа сохранилось немало до сих пор неопубликованных рукописей (сочинений, докладных записок, проектов и др.), показывающих, насколько серьезно руководство внешнеполитического ведомства империи интересовалось вопросами специфики конфессиональных отношений (иезуиты, уния, православие) в Белоруссии и Украине, информацией о возможности использовать «Литовскую» карту в борьбе с наполеоновской Францией за Польшу. Так, «Историческое начертание Великого княжества Литовского» графа Е. Тычинского (1811), попавшее в Архив МИДа в составе архива М.К. Огинского после смерти последнего, проводит идею «особенности», «славности» собственно «литовской государственности и истории» [I, 107, д. 258, лл. 8–17]. Знакомство с этим любопытным документом показывает не только «кухню» подготовки знаменитого проекта М. Огинского о восстановлении ВКЛ, подданного Александру I в 1811 г. накануне войны 1812 г. Из него видно то, что могло заинтересовать руководство российского МИДа. Основная мысль гр. Е. Тычинского достаточно красноречиво раскрывает этот «интерес». «Если устроить Литву, бывшую долгое время в союзе с Польшею, но всегда хранившую отдельность и независимость своей нации, на выгодных против герцогства Варшавского правилах, то сие невольно прекратит горячность и порыв обольщаемых (белорусско-литовской шляхты – Д.К.) и обольщенных пустыми надеждами, но еще привлечет весьма многих из заграницы на сторону законного правительства» [I, 107, д. 258, л. 22 об.]. Но ни тогда – в 1811 г., ни позже – в последнее десятилетие своего царствования Александр I этот шанс «перерождения» шляхетской интеллигенции Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы со стороны Польши в сторону России не использовал.

Более того, заигрывание «лукавого щеголя» с польским обществом позволило в первой четверти XIX в. научным центрам Варшавы, белорусско-литовских губерний и Волыни вести почти беспрепятственную пропаганду возрождения польской государственности и польской культуры. В Варшаве эту миссию выполняло «Варшавское общество друзей наук», в Вильно – Типографическое общество, в Кременце – Кременецкий лицей. Первое из них под председательством Альбертрануи (до 1808 г.), С. Сташица (с 1808 – по 1825 гг.) и Ю.У. Немцевича (с 1835 г.) было, по оценке одного наблюдательного современника из III Отделения, «главным инициатором и рассадником идеи польского патриотизма» через историю, фольклор и право. А в «разжигании патриотизма Общество почитало Историю сильнейшею всему пружиною» [I, 120, оп. I, д. 154, л. 10, 54 об]. С этой целью цвет польской исторической науки (И. Лелевель, Г. Линде, кн. А. Чарторыйского, И. Красинский, Ю.У. Немцевич и др.) продолжал в 1815–1830-е гг. писать «отечественную» (польскую – Д.К.) историю или собирать для оной запасы большею частью руками своих членов» [I, 120, оп. I, д. 154, л. 54 об]. Справедливости ради надо отметить, что это «Общество» сумело установить контакты и с многими деятелями российской культуры (В.Г. Анастасевич, Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, П.И. Кеппен, кн. П.А. Вяземский) и учеными «литвинами» (И. Данилович, И. Хрептович, М. Почобут, З. Доленга-Ходаковский). В пропаганде идей польского Просвещения и сохранения исторической памяти о Речи Посполитой, учитывая, что членами этого общества были представители наиболее знатных фамилий полонизированной белорусско-литовской и украинской аристократии (гр. М. Огинский – председатель; гр. А. Хрептович, гр. М. Ромер, гр. Ф. Плятер, гр. Н. Олизар, кн. С. Пузыня, кн. А. Чарторыйский) и научной элиты «Литвы» (М. Дмоховский, И. Сенковский, М. Балинский, Ф. Малевский, И. Ходзько, И. Завадский, А. Марцинкевич и др.), возможности для реализации своих целей у общества были весьма значительными [I, 77, к. 15, д. 17].

Такой недалековидный либерализм Александра I по отношению к Польше вызвал в 1819 г. появление знаменитого письма Н.М. Карамзина, где известный российский историк выступил резко против планов царя восстановить независимость польского государства в «прежних его пределах». Приводя свои аргументы Карамзин, в частности, писал: «Можете ли вы с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынь, Подолию, утвержденных собственностью России еще до Вашего царство-

вания. Да разделы Польши при Екатерине II, захват «по праву меча», но «дело это совершено и для Вас уже свято: для Вас Польша есть законное русское достояние. Старых крепостей нет в политике, иначе мы должны были бы восстановить и царство Казанское и Царство Астраханское и Царство Сибирское и великое княжество Рязанское, Тверское и Новгородскую Республику. К тому же и **по старым крепостям Белоруссия, Волынь, Подолия вместе с Галициею были некогда коренным достоянием России** (подчеркнуто нами – Д.К.) «Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего. Доселе нашим государственным правилом было ни пяди ни врагу, ни другу!» Иначе для России, по Н.М. Карамзину, гибель, раздробленность: «Восстановление Польши будет падением России, Литва, Волынь, Подолия желают Королевства Польского, но мы желаем единой империи Российской» [I, 107, д. 270, лл. 16 – 18 об]. Украинское дворянство, недовольное появлением большого нарратива Карамзина «История государства российского», где эта мысль историка была положена в основу исторической концепции. И недовольно прежде всего тем, что в своей истории Н.М. Карамзин фактически не учитывал «Малороссийский фактор как значимый». В ответ на жалобу украинского дворянства генерал-губернатор Малороссии Н. Репнин поручил Д.Н. Бантыш-Каменскому написать историю Украины. В результате в 1822 г. появилась четырехтомная «История малой России». Наиболее ценным в этой работе были ее системность и широкое использование разнообразных видов источников. Но дух и истолкование истории Украины были очень лояльны. Не случайно второе издание своего труда Д.Н. Бантыш-Каменский посвятил царю Николаю I. Как и работа Карамзина, «История» Бантыш-Каменского описывает лишь политические события и биографию правителей. В ней нет и следа критики имперского централизма, характерной для украинской казачьей историографии XVIII в. или «Истории Русов». Историк нашел место для Украины в имперской схеме, сделав при этом знания об Украине доступными для образованной российской элиты и правящей бюрократии. В целом, работа Бантыш-Каменского была не более как детально-описательной историей одной из многочисленных провинций России [IV, 67, с. 158–191].

Только события 1830–1831 гг. ясно открыли многим сановным петербургским бюрократам значимость предвидений Карамзина и то, что

западные губернии России, «возвращены ею только поземельно, но не последовало еще нравственного соединения их жителей с отчизною». Тогда же и возникло желание у верноподданного сановного чиновничества **открыть средства** (подчеркнуто нами – Д.К.) дабы последовало то соединение» [I, 68, к. 29, д. 4, №IV]. А пока в эпоху правления Александра I российская сторона в лице своих ученых гуманитариев, путешественников и литераторов начинает лишь присматриваться к украинской и «литовской старине», особенностям языка, быта и истории «губерний от Польши отошедших». Дороги в новое смелее всего прокладывала журналистика. Изучение старопечатных изданий первых восточнославянских (белорусских и украинских) типографий было начато археографом К.Ф. Калайдовичем в журнальных публикациях «Вестника Европы», «Сына Отечества» и «Северного Архива» начала XIX в. Переиздавались и издавались ранее не переведенные речи Г. Конисского в «Вестнике Европы» (1804), «Друге просвещения» (1804), «Московском телеграфе» (1827). Постепенно изучение истории Белоруссии, Украины и Литвы начало приобретать большое научное звучание. Рубежом в этом стало начало 1820-х гг., когда в России появляются новые журналы, в том числе «преимущественно исторические», отводившие значительную часть своего объема публикации материалов по истории. На страницах российских периодических изданий все чаще стали появляться рецензии на книги и публикации источников, выпущенных историками Белоруссии, Украины и Литвы (работы И. Лелевеля, З. Доленги-Ходаковского, И. Даниловича, Т. Нарбуга, Т. Чацкого, И. Онацевича, М. Бобровского, Д. Бантыш-Каменского и др.). В «Северном Архиве» (1822–1828), «Соревнователе Просвещения» (1823), «Вестнике Европы», «Отечественных записках» (1820–1822), «Сыне Отечества» (1825), «Московском телеграфе» (1831) описывались события, происходившие на территории Белоруссии и Украине не только в XVI – XVII вв., но и в недалеком 1812 г., публиковались мемуары очевидцев и записки путешественников. Российская периодическая печать первой трети XIX в. отражала динамику исторических исследований, связанных с историей ВКЛ, Украины и Белоруссии и изменения в общественно-политическом звучании этих публикаций [III, 13, 15]. Большая заслуга в знакомстве русского ученого мира с историей ВКЛ, Украины и Белоруссии с виленской университетской средой принадлежала В.Г. Анастасевичу (1775–1845). Сын богатого украинского помещика, получивший образование в Киево-Могилянской духовной

академии, он прошел нелегкий жизненный путь от домашнего учителя до секретаря графа Н.П. Румянцева (с 1817 г.). Служебная карьера его в Военной коллегии (с 1802 г.), в канцелярии попечителя Виленского учебного округа кн. А. Чарторыйского (1803–1817) и в качестве помощника начальника Отдела польского и малороссийского права Комиссии составления законов (1809–1816) не только способствовала обогащению жизненного опыта, но и во многом определила направленность научных интересов в сторону изучения истории законодательства ВКЛ. Активно сотрудничая с петербургскими («Северный Вестник», «Журнал российской словесности») и виленскими журналами, он перевел с польского языка политэкономические труды В. и И. Стройновских, сам издавал журнал «Улей», где осуществил научное издание Статута ВКЛ 1588 г. и работы Ф.К. Богуша, способствовал знакомству русского образованного общества с творчеством А. Мицкевича [I, 57, л. 2, д. 11; II, 13, 15].

Итогом знакомства правительственной и ученой России с Белоруссией, Украиной, их прошлым к 30-м гг. XIX в. явилось осознание необходимости решить две проблемы: 1) собрать максимально полную информацию о Белоруссии и Украине; 2) начать контрпропагандистскую работу по переориентации общественного сознания элит белорусско-литовских губерний и Правобережной Украины в сторону России. Для решения и первой и второй из них требовались специальные организационные структуры. Такими учреждениями в Белоруссии, Украине и Вильно стали созданные в середине 30-х гг. XIX в. **губернские статистические комитеты**, целью которых являлся сбор информации о прошлом и настоящем хозяйства, населения и историко-бытовых особенностей западных и юго-западных губерний империи. Сотрудники этих учреждений главным образом определяли программы издаваемых с 1838 г. при губернских правлениях «Губернских ведомостей», а с конца 40-х гг. XIX в. «Памятных книжек губерний». В неофициальных их частях нередко публиковались историко-краеведческие очерки, заметки, исторические документы. При всей своей официозности, правительственной направленности эти губернские периодические издания вплоть до начала 80-х гг. XIX в. имели все же определенное значение для пробуждения интереса в среде местной интеллигенции к истории Белоруссии, Украины, истории белорусского и украинского народов [III, 218, с. 9, 18; 256].

Нельзя не упомянуть и о трудах губернских статистических комитетов, учрежденных в губерниях с 1834 г. Хотя они не ставили перед собой специальных целей проведения исторических и археографических исследований в отдельных частях империи, но тем не менее некоторые из них значительно расширили свою программу и внесли немалый вклад в деле регионального изучения страны. Они издавали «Материалы», «Записки», «Памятные книжки губернии», «Сборники», «Труды», в которых кроме историко-статистических очерков, описаний городов и населенных пунктов нередко помещались архивные материалы, этнографические статьи и информации о памятниках местной старины [II, 113, т. 1, кн. 1, с. 277].

Правда, деятельность ряда сотрудников этих губернских статистических комитетов – уроженцев белорусских и украинских губерний, далеко не всегда представлялась сановным петербургским бюрократам вполне лояльной к духу и форме проводимого в них правительственного курса. В таких случаях выявление и обработка необходимой исторической информации поручалась не всегда компетентным, но зато вполне надежным офицерам генерального штаба, корпуса жандармов или чиновников центрального аппарата Министерства внутренних дел.

Наглядным свидетельством оживления интереса правительственных кругов империи к белорусской и украинской исторической проблематике в 30 – 40-е гг. XIX в. становятся не только неоднократные служебные запросы руководителей таких ведомств как Синод, Министерство внутренних дел или шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, но и участвовавшие публикации статей о Белоруссии и Украине историко-статистического характера в изданиях центральных правительственных ведомств («Журнал МВД», «Журнал Министерства Народного Просвещения», «Журнал Министерства государственных имуществ» и др.) [I, 159, оп. 1, дд. 8, 11; II, 245, с. 71–72].

Виленский, Гродненский, Витебский, Минский, Могилевский и Киевский статкомитеты, начавшие свою практическую деятельность в 1835 – 1836 гг., работали с разной степенью эффективности. Но все же польза их для развития исторической науки в крае была несомненной. По существу, являясь единственными научно-информационными центрами в губерниях, они сыграли роль исполнителя идей и проектов как петербургского, так и местного начальства, направленных на комплексное экономико-географическое и историко-статистическое изучение

Белоруссии и Украины. На их долю доставалось и исполнение многочисленных исследовательских запросов Русского Географического общества, ОИДР, Русского исторического общества, Археографической комиссии, Генерального Штаба, ЦСК МВД [I, 13, 38, 45, 48; 139, дд. 41, 53–55, 149, 159, дд. 8, II, 36]. В конце 1848 г. при виленском генерал-губернаторе была учреждена особая штатная должность чиновника особых поручений по сбору статистических и исторических сведений [I, 139, д. 157]. Как правило, сотрудники губернских статкомитетов относились к исполнению своих обязанностей добросовестно и с инициативой. В результате уже в 30–50-е гг. XIX в. появились «Исторические обозрения» и «Исторические описания» Витебской, Виленской, Гродненской, Могилевской, Подольской, Волынской, Киевской губерний, Белостокской области, сконцентрировавшие ценную информацию о прошлом и настоящем положении белорусско-литовских губерний и Правобережной Украины [I, 139, дд. 9, 26, 56, 89], статистические карты и демографические таблицы по уездам и губерниям Белоруссии, Украины и Литвы [I, 139, дд. 70, 71, 85, 755, 760]. Активное участие в их работе местных историков краеведов (А. Киркора, Т. Нарбута, А. Марциновского, И. Круповича, М. Максимовича и др.) иногда приводило и к незапланированным российской бюрократией результатам. Таких «исполнителей» как членов Виленского статкомитета, издававших в 1850-х гг. сборник «Черты из истории Литовского народа», где содержались антикрепостнические и антирусские мотивы, тут же жестоко наказывали [I, 139, 201].

Заметно большое внимание к истории «Западной и Юго-Западной Руси» стала проявлять и русская дворянская историография. Именно по заказу Синода взялся за составление истории украинской и белорусской церковной иерархии И. Григорович. Продолжатель археографического «дела» Н.П. Румянцева П.Г. Строев, выдвигая грандиозную программу археографического обследования хранилищ империи, одну из трех намечаемых археографических экспедиций (Западную) предполагал направить в Белоруссию и Украину [II, 16, с. 325–342; III, 202, с. 19]. С возникновением Петербургской Археографической комиссии (1834) при содействии правительства было обращено особое внимание на публикацию материалов, имеющих отношение к истории Белоруссии и Украины. Пятитомная публикация «Актов Западной России», подготовленная при активном участии И. Григоровича, и четырнадцать томов «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России» (АЮЗР), как и по-

явление специальных разделов по истории «Западной Руси» в работах придворного историографа Н.Г. Устрялова или М.П. Погодина, закладывали документальную и историографическую основу великодержавной и монархической версии истории Белоруссии и Украины, определяя ее развитие на долгие годы вперед [II, 321; III, 202, с. 24–25].

Но и без специальной археографической экспедиции в Белоруссии Петербургская Археографическая комиссия, заручившись поддержкой таких влиятельнейших российских сановников как Е.Ф. Канкрин, С.С. Уваров, Д.Н. Блудов, А.Х. Бенкендорф, А.И. Чернышев, доставала немало ценнейших документальных раритов белорусской и украинской культуры. С конца 1830–1840-х гг. в Петербург стали стягиваться рукописи из имения кн. Сапег в Деречине (где находились документы, собранные еще Львом Сапегой), архива греко-униатских митрополитов из Жировиц, Виленского университета («теки Альбертранди») и др. [II, 7, дд. 36, 132, 139, 267, 416]. В тех случаях, когда не хватало возможностей вывезти архив целиком, истребовались подробные описи древних документов из архивохранилищ Минской и Гродненской губерний, Подляшья, Вольни, Вильно или посылались специальные люди вроде помощника библиотекаря имп. Публичной библиотеки Ивановского с целью копирования документов [I, 7, 67, 132, 174, 640].

Уроки восстания 1830–1832 гг. заставили более пристально взглянуть на судьбу западных и юго-западных губерний и историю Белоруссии некоторых видных русских историков. Одним из них, едва ли не первым в русской историографии, попытавшимся включить историю «Западной Руси» в концептуальную схему русской истории был придворный историограф Н.Г. Устрялов. Еще в 1831 г. он пишет любопытное историко-литературное эссе «Россия и Польша»: мысли русского офицера». Написанное в форме живого диалога между «Русским», «Поляком» и «Французом» оно проводило, и весьма откровенно, как главные мысли «русского», следующие положения: 1) в результате трех разделов Россия отобрала у Польши свои русские земли, захваченные «обманом» поляками в конце XIV в. (Кревская уния – ДК); 2) разделы Речи Посполитой – благо и для России и для Европы, и для самой Польши, т.к. они принесли «полезный мир» и безопасность; 3) создание ВКЛ трактуется как завоевание ослабленной Руси язычниками литовцами. Постоянно ссылаясь в своей аргументации на данные А.С. Нарушевича, Мальбрюна, Рюльефа, Л. Ходзько Устрялов обращает внимание читателя на то, что

по польским же источникам (Л. Ходзько) поляков на территории Литвы, Белоруссии и Украины жило не более 9 процентов. Тем самым читателя подводили к мысли о беспочвенности притязаний Польши на «губернии от Польши отошедшие» [I, 144, д. 713, лл. 1 – 30]. Свою позицию Устрялов углубил и сформулировал в написанной к 1838 г. статье «Исследование вопроса, какое место в русской империи должно занимать Великое княжество Литовское». А положения последней, детально разработанные, вошли в состав «литовских» глав «Русской истории» ученого, которая выдержала в эпоху правления Николая I несколько изданий (гл. III «Разделение Руси на Восточную и Западную: под игом монголов», гл. IV «Русское царство в борьбе с татарами и поляками», гл. VIII «Унии и самозванцы»).

Прежде чем сформулировать свое понимание истории восточнославянских народов ВКЛ, историк отмечает, что сам вопрос возник в недавнее время и возбудил всеобщее внимание. При этом мнения разделялись. Многие охотно приняли мысль, что «Литовское княжество Русское по своему началу, Русское по своему составу, по массе народа, по вере и языку», должно занять в отечественной истории по крайней мере такое же место, какое дают историки России княжествам Галицкому или Новгородскому. С другой стороны, находилось немало таких ученых, которые смотрели на «Литву» и соединенные с ней области как на «польские провинции», и полагали, что русской истории о делах «литовских» надо рассуждать не более, чем о делах «крымских или ливонских». При этом, как замечает Устрялов, ни та, ни другая сторона «не подтвердила своего мнения практическими исследованиями» и вопрос с ВКЛ остался темой для будущих исследователей [II, 321, с. 536].

Для решения этой проблемы историк, по мнению ученого, должен был бы дать ответы на следующие вопросы: 1) как возникло ВКЛ в виде самостоятельного государства, как утратило свою самостоятельность и подпало чуждому влиянию; 2) как смотрело на него Московское государство во времена его «величия и падения»; 3) как понимали его современные писатели до конца XVII в.; 4) что думали о нем позднейшие историки России. Сам Устрялов дал ответы на эти вопросы в выводах соответствующих глав «Русской истории».

Суть его позиции сводилась к следующему. ВКЛ основал Гедимин. Он и его преемники действовали точно так же, как и князья московские. «Литовское государство» при преемниках Гедимины представляло такую же систему княжеств, какую мы видим в «Москве» до Ивана III. «Там все

было русское, и вера, и язык, и гражданские уставы, самые князья литовские, рожденные от русских княгинь, женатые на русских князьях, крещенные в православную веру, казались современникам потомками Владимира» [II, 321, с. 438]. «Случайное» (по Устрялову – Д.К.) обстоятельство дало иной оборот. Женитьба Ягайло на Ядвиге привела к союзам с Польшей, ставшими для ВКЛ «громдным злом». После Люблинской унии «Западная Русь» в XVI – XVII вв. «сделалась добычей иезуитов», стремившихся истребить в ней все русское. И к концу XVII в. она действительно утратила многие черты своей «национальности». Русские законы уступили место польским, язык был искажен, нравы и обычаи изменились. Уния поколебала и веру православную» [II, 321, с. 439].

Русские правители от Калиты до Екатерины II желали «собрать», «объединить» всю Русь и с конца XIV до конца XVII вв. мысль о «соединении» обоих государств никогда ни исчезла и служила главным основанием российской внешней политики вплоть до Петра I. При этом летописцы Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. уделяли «Литве» мало внимания (только в связи с «Москвой»), имели «темное, неопределенное понятие о Литовском княжестве». И лишь после «самозванцев», в XVII столетии стали смотреть на ВКЛ иначе, когда «литвин и лех стали для них словами однозначительными» [II, 321, с. 441–442]. Летописцы «Западной Руси» прекратили свои сказания в XVI в., оставив след в «полубаснословной» «Истории» М. Стрыйковского. «Литовское княжество, – по мнению Устрялова, – не имеет своего национального историка». Все, что узнала о нем Европа, она узнала из мутного источника, из польских летописцев не старше конца XVI в., когда поляки «привыкли уже считать Литву своею древнею провинциею» [II, 321, с. 442]. «Польские историки XVIII в. привнесли эту мысль в Европу и хотя А. Шлецер старался рассеять это заблуждение, «польские понятия взяли верх». ВКЛ стало рассматриваться как органическая часть Речи Посполитой – братского союза «народа-шляхты» двух «провинций». Русские историки в оценке роли ВКЛ допустили три главных ошибки: 1) привыкли считать «Литву в собственном смысле народом могущественным, племенем господствующим; бравшим над обывателями Западной Руси решительный перевес». На самом деле Гедимин, создавая ВКЛ, «воевал русскими против русских» (как и великие князья московские – Д.К.); 2) вслед за польскими историками смотрели на «Литву» как на враждебное государство, чуждое для России, спор «Москвы и Литвы» рассматривался не как «борьба за соединение русского на-

рода»; 3) союз «Литвы» и Польши рассматривался как дело постороннее, а это «соединение было источником тягостного зла, которое досталось в удел целой половине русского народа и около четырех веков, как лютая язва, терзала страну, где возникла и в полном блеске развивалась Русская жизнь, где было истинное наше отечество!» [II, 321, с. 444].

Исходя из нового понимания старой, чрезвычайно важной, но и малоисследованной проблемы русский историк, как считал Н.Г. Устрялов, должен показать, «как боролась под польским ярмом эта Русь со своими гонителями и снова возвратилась под кров родимый» [II, 321, с. 445]. Поэтому он и должен уделять «Западной Руси» такое же внимание, как и Руси Северо-Восточной, показывая унию как «дело преступное, не принятое народом, а вводимое насилем», а политику Екатерины II, как справедливое исполнение того, «чего желали древние православные цари наши, к чему неоднократно стремились сами поляки, о чем думал Петр Великий и что было неизбежно, как неминуемое следствие вв.ого хода событий» [II, 321, ч. 2, с. 239]. Возможно работе Н.Г. Устрялова можно было уделить и меньше внимания, если бы не одно «но». По существу, в ней в «свернутом» виде содержатся те программные установки, которые после восстания 1863 г. войдут в «плоть и кровь» идеологии и «западноруссов», и их ведущего историографа М.О. Кояловича. Почему же сам Н.Г. Устрялов не взялся за создание синтезной концептуальной работы по истории ВКЛ и Белоруссии? По всей видимости, по двум причинам: тогда еще не были изучены многие узловые проблемы социально-политической истории и не хватало сводной информации о многих сторонах культуры, быта, церкви, экономики этого государства и образующих его этническую основу белорусского и украинского народов. На первый план в 30–50-е гг. XIX в. выходила проблема поиска, анализа и обработки в нужном для правительственной России духе информации.

В 40-е гг. XIX в. начинается систематическое историко-статистическое исследование западных и юго-западных губерний империи чиновниками руководимого графом В.А. Перовским Министерством внутренних дел. Но работы эти, оставшиеся на долгие годы предметом «канцелярской тайны», предназначенной для служебного пользования, только в 50-е гг. были активно использованы офицерами Генерального Штаба при составлении описания губерний Белоруссии и Правобережной Украины [II, 245, с. 105]. После революционных событий 1848 г. МВД констатируя в докладных записках своих чиновников преобладание

польского влияния в научном освещении прошлого Белоруссии, организует в 1850-е гг. комплексное обследование края силами полусотни любителей отечественной истории в официальном ее варианте (офицеров генштаба, священнослужителей, действительных статских советников и даже генералов). Один из организаторов этого «обследования» генерал П.Н. Батюшков впоследствии (характеризуя мотивы правительственного интереса к краю) писал в предисловии «организованной» им книги «Белоруссия и Литва»: «В конце 50-х гг. ни в одном центральном учреждении империи не имелось систематических известий по статистике и этнографии Западных губерний России. Русская историческая литература и периодическая печать того времени верили на слово источникам польского происхождения, временами недостоверным, часто вымышленным и всегда тенденциозным. Искажая бытовые данные и тем отрицая самобытность древних элементов Западной России, польская печать, а за ней русская, в известной ее части, не признавали бесспорных народных прав России на западные окраины. Этот взгляд был до того распространенным и усвоенным у нас, что даже многие находившиеся на службе по различным ведомствам особы бессознательно подчинялись влиянию польских идей, действуя в области порученных им обязанностей во вред государственным интересам» [II, 17, с. 15].

Научное «качество» такого рода исследования, несмотря на довольно солидные объемы и многообразие круга источников, положенных в их основу, нередко оставляло желать лучшего. Примером такого рода трудов являлась изданная в 1861 г. [III, 172] историко-статистическая работа чиновника Центрального Статистического Комитета МВД И. Лебедкина, где автор, смело смешивая современную ему статистическую информацию с летописными известиями о древних обитателях Белоруссии и Правобережной Украины, не только находит на этих территориях в середине XIX в. полян, древлян, кривичей, волынян и исчезнувших в XIII в. ятвягов, но даже «исчисляет» их количество по уездам.

Правда, с 50-х гг. XIX в. под опекой правительственных учреждений стали появляться более достоверные и систематические сводные работы, дававшие самые общие обзоры политической и церковной истории Белоруссии в эпоху феодализма. Такими исследованиями была книга священника И. Боричевского «Православие и русская народность в Литве» [III, 35], первоначально публиковавшаяся в «Христианских чтениях» (и работа титулярного советника О.В. Турчиновича «Обозрение истории

Белоруссии с древнейших времен» [II, 320]. Автор ее, похоже уроженец Могилевщины, пожалуй первый в белорусской историографии, предпринял попытку сделать историю Белоруссии самостоятельным предметом систематического направленного исследования. Целью его работы стала характеристика Белоруссии, которая имеет свою собственную историю. Концептуальная позиция автора прямо заявлена в предисловии к книге. Турчинович пишет следующее: «Ее (Белоруссии – Д.К.) древняя, ее собственная история, мало известна; новая же начинается с XV столетия, тесно связана с политической историей Литвы, Польши и России. По своему географическому положению Белоруссия сделалась поприщем, на котором в течение последних четырех столетий решались оружием почти все вопросы, составлявшие политическую жизнь этих держав – и последствия этой вековой, кровопролитной борьбы составляют судьбу и новую историю Белорусского края» [II, 320, с. VIII].

В соответствии с таким пониманием специфики исторического прошлого Белоруссии Турчинович фактически сводит историю края к военно-политическим и религиозным ее аспектам. Подходит к объяснению причин и характера социальных движений в Белоруссии XIV – XVIII вв. с позиций клерикальной и дворянской историографии. Социально-экономическую сторону исторических событий автор книги практически не видит. Труд Турчиновича по своему характеру и исходным методологическим принципам – это типичное произведение дворянской историографии того времени с присущей ей описательностью, акцентированием внимания главным образом на истории политических событий и политических «вождей» того времени (царей, великих князей и других представителей «сильных мира сего»). Сама политическая история Белоруссии излагается, как правило, в компилятивном «ключе», путем систематического сведения данных из разнородных исторических источников (летописей, хроник польских историков XIV–XVII вв., документов «Белорусского архива» И. Григоровича) и исследований историков XVIII – первой половины XIX вв. (А. Нарушевича, М. Догеля, Т. Чацкого, И. Лелевеля, В.Н. Татищева, С.М. Соловьева, Н.М. Карамзина, Т. Нарбута, Е. Тышкевича и др.), хотя в ряде случаев историк проявляет известную долю трезвого скептицизма в оценке достоверности повествовательных источников XIV – XVII вв. И все же, несмотря на традиционность подхода к трактовке исторического процесса, типичного для дворянской историографии тех лет, – книга Турчиновича была знаме-

нательной и заметной вехой на пути становления белорусской историографии. Она трактовала историю Белоруссии не как часть истории России, Великого княжества Литовского или Речи Посполитой (трактовки типичной для историографической традиции XVIII – первой половины XIX вв., свойственной даже таким «литвинам-патриотам», как Т. Нарбут, И. Данилович, И. Онацевич, Я. Ярошевич и др.), а как историю страны и народа, имеющих свою историческую специфичность, «особность» своего исторического существования. Факт сам по себе знаменательный, как показатель появления в этническом сознании белорусского образованного общества – новой ступени в его развитии – концептуально заявленного исторического национального самосознания.

В 30–50-е гг. XIX в. активно интересовались настоящим и прошлым недавно вошедшего в состав империи края и представители военного ведомства России. Специалисты Генерального Штаба российской армии с 1837 по 1854 гг. производили неоднократные статистические «разыскания», трижды издававшиеся ограниченным тиражом и предназначенные исключительно «для служебного пользования». Широкой читающей «публики» эти издания, разумеется, не были доступны. Для ведения масштабной исследовательской работы Военное министерство России и ее Генеральный Штаб располагали немалыми кадровыми, информационными и материальными возможностями [Ш, 32]. Там интенсивно велась работа по комплектованию архива Военно-топографического бюро, собирались документы для «составления» историй войсковых частей и военных учреждений, готовились военно-исторические и военно-теоретические работы по истории русско-польских войн XVIII в., войны 1812 г. и восстания Т. Костюшко. Регулярно велись сбор и изучение военно-исторических, топографических и статистических сведений о западных и юго-западных губерниях России (как потенциальном театре боевых действий), военных приграничных крепостях, осуществлялись военно-ученые экспедиции с целью комплексного изучения интересующего региона. В результате этой многогранной работы в Военно-Ученое Архиве министерства и архивах отделений Генерального Штаба были собраны богатейшие коллекции документов и рукописей, в которых затрагивались практически все стороны жизни России XVIII–XIX вв. [I, 120–124].

После позорно закончившейся для царизма Крымской войны Военное министерство решило собрать через офицеров Генерального Штаба

возможно более полные и обстоятельные сведения о западных и юго-западных губерниях Российской империи. В 1857, 1858 и 1859 гг. департамент Генерального Штаба издал по этим вопросам ряд инструкций. С 1859 г. специально назначенные для выполнения этой задачи офицеры, многие из которых были уроженцами этих районов России, активно приступили к работе [I, 119, оп. 9, дд. 34, 42, 46, 47, 61]. К сотрудничеству с Генеральным штабом активно подключился ЦСК МВД, который в апрельском 1859 г. циркуляре предписал гражданским губернаторам белорусско-литовских губерний оказывать офицерам-генштабистам всяческую помощь в сборе информации через городскую и уездную полицию. Циркуляр министра внутренних дел С.С. Ланского предписывал тесное взаимодействие с представителями Генерального штаба сотрудников губернских статистических комитетов в плане взаимного обмена информацией. Активно помогали установлению плодотворного сотрудничества с гражданскими и научными учреждениями империи (РГО, РИО, РАО) военный министр Д.А. Милютин, генерал-квартирмейстер, барон Ливен, Д.П. Литке, кн. А.М. Голицин и др. [I, 119, оп. 9, дд. 6, 7, 15, 18]. Такая всесторонняя и влиятельная поддержка обеспечила быстрый ход работы. И уже с 1861 г. стали выходить первые издания историко-статистических описаний западных губерний, составленные офицерами Генерального штаба: по Виленской губернии А. Коревы; Гродненской – П.О. Бобровского; Минской – И. Зеленского [II, 28, 104, 137]. Собранные богатые материалы были неодинаковыми по своей исторической и источниковедческой ценности. Исторические очерки составителей этих описаний опирались на самый разнообразный, далеко не всегда проверяемый круг источников (не только официальные документы, сведения губернских статистических комитетов, но сообщения знатоков и жителей края, местные легенды и др.). К тому же «историографическая» версия прошлого Белоруссии и Правобережной Украины авторов «материалов» опиралась на политические установки правительства. Однако работы эти содержали в себе и немало ценного, свежего источникового материала, добытого благодаря родственным и дружеским связям офицеров, уроженцев с местным дворянством из родовых частных архивов и коллекций рукописей. Заслуживают внимания меткие этнонимические наблюдения П.О. Бобровского и И. Зеленского, одними из первых обративших внимание на путаницу, которая существовала при употреблении географической и этнографической номенклатуры Белоруссии

в научной среде тех лет. Насколько понятия «Белоруссия», «кривичские славяне», «Черная Русь» применимы к белорусскому населению в XIX в., насколько применимо к Западной Белоруссии понятие «Литва» и ряд других интересных вопросов, поставленных офицерами генштаба в середине XIX в. и выходящих на проблемы этногенеза белорусского народа и его политической истории X–XIV вв. – до сих пор являются наиболее дискутируемыми сюжетами белорусской историографии. Увидевшие свет в начале 60-х гг. XIX в., эти исследования удовлетворяли насущную потребность образованного общества в более обстоятельном и конкретном знакомстве с Белоруссией и Правобережной Украиной в те годы, когда интерес к их прошлому и настоящему особенно резко возрос после восстания 1863 г. Нельзя при этом не отметить, что опыт офицеров генштаба в описании губерний Белоруссии и Правобережной Украины опирался на работу-предшественницу, вышедшую в 1855 г., еще в дореформенный период, из стен типографии III отделения. Это были «Исторические сведения о примечательнейших местах Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся» генерал-майора М.О. Без-Корниловича (1796- 1862). Человек широких научных интересов, историк-краевед и этнограф, военный топограф и статистик он и по своему происхождению и по характеру работы (в 30–40-е гг. XIX в. он производил съемку и статистическое изучение Минской, Волынской губерний и Белостокской области – Д.К.) был связан с Белоруссией [I, 119, оп. 5, д. 546]. Издавая свою книгу М.О. Без-Корнилович имел двоякую цель – познакомить читателей с Белоруссией и доставить материалы тому, кто примет на себя «труд» составить о ней подробное описание [II, 19, с. 1]. Книга действительно по жанру близка к своего рода историческому «путеводителю», где автор с позиций дворянско-монархического историка излагает основные вехи политической истории Белоруссии, пройденные ей до середины XIX в., довольно объективно и с сочувствием пишет о тяжелом положении белорусского крестьянства в первой половине XIX в., дает интересные историко-географические и этнографические зарисовки городов и местечек Северной и Восточной Белоруссии. Практически не привлекая в значительных масштабах новых пластов источников (за исключением некоторых неопубликованных документов из архива Сапег, хранившихся в то время в имперской Публичной библиотеке) и не владея научными методами исторического исследования, М.О. Без-Корнилович не мог создать цельной историче-

ской концепции прошлого Белоруссии. Впрочем, он и не претендовал на это. Однако в этой свободной подборке материалов, где летописные свидетельства, польские хроники, сообщения историков XVIII – первой половины XIX вв. о князьях, уделах, войнах, религиозных событиях должны были формировать у читателей представления о Белоруссии как неотъемлемой органической части Российской империи, имеется и немало авторских частных наблюдений и догадок, которые представляют интерес и для современного историка (о названии «Белоруссия», о роли войн, как причине упадка белорусской культуры XVII–XVIII вв. и др.) [II, 19, с.1, 17 и др.].

Правительственный Петербург был вынужден обратить свое пристальное внимание с конца 1820-х гг. на Белоруссию еще по одной причине. Назревала необходимость решения униатской проблемы, унификации права, политической, культурно-бытовой жизни западных губерний по общеимперским «лекалам». В решении этих вопросов царизм нашел умелых, умных и хорошо подготовленных исполнителей: молодого гражданского губернатора Витебской, а затем Гродненской губерний М.Н. Муравьева, уроженца Украины – митрополита И. Семашко, обер-прокурора Синода Нечасва, митрополита Филарета, министра юстиции Д.В. Дашкова, статс-секретаря Д.Н. Блудова – одного из самых умных и образованных представителей высшей бюрократии николаевской эпохи. В своих докладных записках и проектах на «высочайшее имя» и Д.Н. Блудову М.Н. Муравьев предлагал основные меры, которые должны были способствовать сближению белорусских губерний с Россией: 1) отстранение католического духовенства от преподавания; 2) уменьшение числа римско-католических монастырей; 3) переход на русский язык в делопроизводстве западных губерний; 4) облегчение налоговых тягот белорусских крестьян; 5) распространение действия российских законов на все «возвращенные от Польши» губернии; 6) усиление влияния православной церкви. Причем все это делать осторожно, сообразуясь с «нравами и традициями края, морально завоевывая его» [I, 113, оп. I, д. 537, лл. 3–10]. Николай I одобрил записки М.Н. Муравьева и 1830-е гг. стали первым десятилетием, открывавшим полосу политики «западно-русизма» в Белоруссии. Д.Н. Блудов разработал на основе материалов, подготовленных И. Семашко и И. Жарским, план «возвращения русского народа из западных губерний в лоно православия» и методы работы правительства по ликвидации унии. Эту акцию предлагалось готовить

особенно тщательно и в строжайшем секрете в силу щекотливости всех вообще дел, «касающихся свободы совести» [I, 113, оп. I, д. 532, л. 1 – 1 об]. Николай I в 1832 г. ознакомился с предложениями Д.Н. Блудова и отнесся к нему «с полным сочувствием». Для разработки «греко-униатского вопроса» еще с 1827 г. он взялся за подготовку для царя информационного «банка данных». В результате у влиятельного сановника к моменту ликвидации унии сложилась уникальная коллекция исторических документов и рукописей, раскрывающих историю унии в западных и юго-западных губерниях России [I, 113, оп. 1, дд. 560, 561, 569, 835, 957]. В своей докладной записке секретному комитету, созданному из высших гражданских и духовных чинов империи в 1843 г., энергичный М.Н. Муравьев подчеркивал роль умелой пропаганды истории. «Я всегда полагал, – писал он, – что надлежало бы Правительству обратить особое внимание на возрождение здесь (в Белоруссии – Д.К.) древней Российской народности, которую столь тщательно старались изглаживать и укрывать польские историки, Виленский университет и все зависящие от одного училища. Правительство упускает из виду важнейший предмет – **возрождение здесь истинной Российской народности, сие сильнейшее оружие, могущее со временем уничтожить господствующие здесь ложные понятия и ускорить время слития сей страны с древним Отечеством. Почему по сию пору курсы исторического преподавания не соответствуют сей великой цели, тогда как край сей представляет во всех отношениях остатки древней Российской самобытности** (здесь и далее подчеркнуто нами – Д.К.).

Обремененный текущими делами управления я, к сожалению, не имею достаточного времени и средств, чтобы сделать все нужные по сему предмету изыскания, однако же по возможности наряжал особых чиновников для осмотра некоторых архивов, **в коих найдены весьма любопытные следы Российской народности...** Впрочем, предмет сей, как мне кажется, тогда только может быть с должным успехом приведен в исполнение, когда по высочайшему соизволению назначены будут особые русские ученые для собрания подробных, как в здешних губерниях, так и в Государственных архивах, хранящихся **сведений, касающихся до древней народности сего края, из которых надлежало бы составить для преподавания в училищах особые книги и отрывки из них публиковать для всенародного сведения, а в особенности в сих губерниях с указанием местных доводов.** Ве-

лика Екатерина, вероятно, имела сие в виду, повелев напечатать все собранные в Государственных архивах сведения об унии, но, к сожалению, мысль сия осталась впоследствии без дальнейшего распространения...» [I, 113, оп. 4, д. 560, лл. 231 об – 233 об]. Многие из проектов Д.Н. Блудова и М.Н. Муравьева были реализованы в полной мере лишь после 1863 г., но немало удалось сделать уже и в 1830–1850-е гг. В частности, по настоятельной рекомендации Св. Синода в Петербургской и Киевской Духовных академиях с 40-х гг. XIX в. приступили к подготовке кадров историков, специализирующихся в изучении христианских церквей ВКЛ, Украины и Белоруссии. Ряд из них внес немалую лепту в формирование «западнорусской» историографической традиции пореформенного периода (М.О. Коялович, Н.И. Петров, Г. Малышевский, Ф.И. Титов и др.). Наиболее дальновидная часть николаевской бюрократии уже тогда прекрасно понимала, что административные меры (насилие) в решении «духовных вопросов», «отвоеваний» населения края у поляков бессмысленны! Против пропаганды историей нужна своя пропаганда, «которая не токмо осуществима, но в союзе с народом и с опорой Правительства может быть в сто раз сильнее польской, замкнутой в одной шляхте» [I, 113, оп. 1, д. 677-е, л. 6–7].

Активный интерес к Белоруссии и Украине, проявленный в 30–50-е гг. XIX в., центральными ведомствами Российской империи был поддержан и руководством гражданской администрации на местах – в самих белорусских и украинских губерниях. Гражданские губернаторы Виленской (кн. В.А. Долгорукий), Гродненской (М.Н. Муравьев, Г.Г. Дюпелльмайер), Минской губернии (А.В. Семенов), Киевской (Д.Г. Бибииков) не только оказывали содействие в изучении Белоруссии и Украины русским исследователям из Археографической комиссии, Центрального Статистического комитета МВД, Русского Географического общества и др., но и сами проявляли инициативу в поиске, публикации исторической документации и работ историко-краеведческого и историко-статистического профиля. Интерес этот диктовался потребностями политического и практического характера.

Главной задачей публикаций документов, изданных по инициативе правительственных учреждений и начальствующих лиц края в 40-е гг. XIX в., стало доказательство того, что в прошлом Белоруссия, Правобережная Украина и Литва были краем «исконно русским» и православным, и что разницы между ними и собственно Россией никогда не

было. Публикуя эти документы, их издатели прямо или косвенно вели полемику с польскими националистически настроенными деятелями культуры региона, стремившимися доказать другую «крайность», что все прошлое Великого княжества Литовского и населявших его народов целиком объясняется и обусловлено Польшей. Интересы этих народов – исторических наследников Великого княжества Литовского (белорусов, литовцев, украинцев, русских) не только не учитывались, но более того – умышленно игнорировались. Показателем такого подхода со стороны николаевской администрации края явилось изданное в 1843 г. «Собрание древних грамот городов: Вильно, Ковно, Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам» [ч. I–II], [I, 290].

Мысль о появлении подобного сборника в 1838 г. возникла у виленского гражданского губернатора кн. Долгорукого, который поднял вопрос о создании при Виленском статистическом комитете особой комиссии, предназначенной для описания материалов, хранившихся в архивах правительственных учреждений и церквях края. Идею эту удалось реализовать при следующем гражданском губернаторе А.В. Семенове, который привлек для этой работы историка и издателя Л. Мартиновского, помощника архивариуса Главного Литовского Трибунала В. Нарбута, священника Корсакевича и делопроизводителя Виленского статистического комитета Яхимовича. Комиссия сконцентрировала свое внимание, главным образом, на вопросе состояния православной церкви в Великом княжестве Литовском. Публикация около двухсот документов XIV–XVIII вв. должна была убедить читателя, что значительное число литовцев исповедовало православие и лишь после унии с Польшей было заново окрещены по католическому обряду [I, 159, д. 54; II, 291; III, 129, с. 25–26].

Близким к этой публикации по цели, характеру и низкому «качеству» археографической обработки стало вышедшее по инициативе А.В. Семенова (к тому времени минского гражданского губернатора – ДК.) в 1848 г. «Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам». Для подготовки публикации в Минске в 1845 г. была создана «временная комиссия», фактическим руководителем которой являлся ректор Минской духовной семинарии Геласий. Большая часть собранных в публикации документов XIV–XVIII вв. была извлечена, в основном, из монастырских архивов Минска и, частично, архивов Новогрудка, Слуцка, Речицы и

Пинска. Поэтому не удивительно, что и здесь главным вопросом, отраженным в источниках – был вопрос о судьбах православия в Белоруссии. Решался он в русле уже знакомой «правительственной» концепции о том, что Минская губерния, как и другие районы Белоруссии, были «издревле русским и православным», но были подпорченными и совращенными узурпаторами-поляками [III, 129, с. 25–26].

Необходимость оперативной подготовки материалов историко-статистического и историко-пропагандистского характера, потребности текущего административного управления западными и юго-западными губерниями вынуждали администрацию края вплотную заняться и вопросом упорядочения огромного архивного фонда Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы (разбора и описания документальных богатств, разбросанных в сотнях государственных, монастырских и частных хранилищах). Процесс концентрации архивной документации Белоруссии и Литвы в специально созданных в 1852 г. государственных архивных учреждениях (Виленском и Витебском центральных архивах древних актов книг) был ускорен настоятельной необходимостью борьбы правительства с вопиющими злоупотреблениями в архивном хозяйстве западных губерний.

Над этой проблемой пришлось задуматься уже в первой трети XIX в., когда многие частные архивы, библиотеки и хранилища рукописей оказались «без хозяев», репрессированных или эмигрировавших за рубеж. А документальные богатства их были действительно бесценными. Разделы Речи Посполитой и переход архивов Великого княжества Литовского в состав учреждений Российской империи провели резкую грань между их прошлым состоянием и новым положением. Очутившись под властью России лишь незадолго до образования министерств, под управлением которых все архивы империи приходили «в запустение», во время народных бедствий, войн и пожаров, утрата и порча документов превратились в перманентный процесс. На чердаках оказывались заброшенными такие документы, как договорные грамоты великих князей литовских с польским королем Казимиром III или рукописные евангелия XIII столетия [III, 167, с. 110].

С образованием министерств (1811) на смену хотя и неосуществлявшейся, но в принципе все же признаваемой в XVIII в. необходимости централизации архивов явилась «множественность» и «дробленность» как в центре, так и в провинции Российской империи. Уже «Общее уч-

реждение министерств» 1811 г. положило начало этому явлению. Те же черты – множественность и узкую ведомственность – приобретают в XIX в. и провинциальные архивы «губерний от Польши отошедших». «Общее губернское учреждение» устранило начинавшие складываться в конце XVIII в. в России общегубернские архивы, заменив их архивами при каждой даже маленькой ячейке местного управления.

Головная боль правительства в XIX в. – вопрос, как разгрузить архивы от растущего бумажного потопа, приводила к таким мерам, которые вписали ряд наиболее грустных страниц в историю архивного дела России в целом, и Белоруссии с Украиной в частности. Мероприятия по очистке архивов от «старых бумаг», ненужных в текущем делопроизводстве, которые шли, как правило, с частичной реорганизацией самих госучреждений, бедственно отражались на судьбе белорусских архивов. Если при этом учесть и то разрушительное воздействие, которое оказала на состояние документальных памятников белорусского и украинского прошлого война 1812 г., события, связанные с ликвидацией восстания 1830-1831 гг., «перекачка» наиболее ценных в политическом отношении документальных комплектов Белоруссии и Правобережной Украины в центральные архивохранилища империи, не приходится удивляться тому, что большая часть архивных источников по истории края к середине XIX в. оказалась или безвозвратно потеряна или сконцентрировалась за его пределами.

Яркий пример происходившего на этой почве (частой переброски архива из одного места в другое – Д.К.) раздробления архивных фондов – судьба так называемого «Архива Общего Эдукационного фондуша» (архивное наследие ордена иезуитов ВКЛ – Д.К.). Российское правительство после раздела Речи Посполитой передало его дела в начале XIX в. в Архив Министерства Народного Просвещения, Министр – граф С.С. Уваров решил передать их в Департамент Государственных имуществ. И в 1834 г. часть фонда ушла в архив департамента. В 1837 г. другую часть фонда взяла Петербургская Археографическая комиссия, т.к. многие документы иезуитов были древними (XVI и первая половина XVII вв.). И, наконец, еще одна часть попала в Архив МИДа. Таким образом, в Архиве МНП к началу XX в. остались лишь остатки богатейшего когда-то фонда, распыленного по разным архивам центральных ведомств [III, 167, с. 142–143].

Но самой большой бедой для провинциальных архивов «российской» Украины и Белоруссии было прямое уничтожение архивных дел в госучреждениях XIX столетия. Хотя эпоха Николая I обычно и считается одним из самых лучших периодов развития археологии и археографии, именно его «категорически выраженная воля» вдохновляла все ведомства на ревностное уничтожение архивных документов. МВД России в 1845 г. было издано «Учреждение губернских правлений», по которому при губернском правлении учреждались на каждый год комиссии для «разборки» документов, уничтожения тех из них, которые по истечении десятилетней давности считались ненужными больше для справок». Архивные документы рассматривались «экспертами» этих комиссий с узко утилитарных позиций. При этом, если первоначально эти комиссии могли учреждаться с «высочайшего соизволения», то с 1867 г. создание их было отдано на откуп местных властей. Компетентных кадров архивистов не было. Поэтому привлекались в комиссии то члены губернского правления и их губернские прокуроры, то директора и смотрители училищ, то судьи. В итоге – массовое истребление документов, не подлежащих уничтожению в силу своей исторической ценности. За примером МВД последовало в 1850 г. и Министерство Юстиции, которое также представило «Проект» об уничтожении дел во всех провинциальных архивах судебных учреждений. Для «опытов» в порядке эксперимента избрали наряду с Архангельской, Новгородской, Черниговской и Виленскую губернию, где в течение 5 лет уничтожили более 10 000 дел. Когда в 1850-х гг. последовало «Постановление Кабинета Министров о составлении каждым ведомством «Правил уничтожения документов» за МВД и Министерством юстиции пошли и другие: в 1861 г. «Инструкция МНП», в 1862 г. – Главного управления почт и телеграфов, Министерства земледелия и госимущества, Министерства финансов, Государственного Контроля и т.д. Внутреннее противоречивое «ведомственное» законодательство приводило к хаосу и произволу «чинов», которым поручалась «разборка» дел, чрезмерному их уничтожению. Как же уничтожались документы в западных и юго-западных губерниях дореформенной России? Документы (не секретные – ДК.) продавались на бумажные фабрики, предварительно приведенные в состояние «россыпи». Дела расшивались, отдельные листы различных дел перепутывались и подвергались порче, прокалывались шилом и т.д. Средства, вырученные от продажи дел, шли на пособия и награды чиновникам-«ликвидаторам», на наем новых

«истребительных» комиссий, на приобретение бумаги и канцелярских принадлежностей [III, 167, с. 142–149]. Лишь общенациональные трагические события (войны, восстания, революция), приводившие к гибели исторических материалов, заставляли правительственные круги России задумываться о их судьбе.

Эти политические события иногда толкали правительственных чиновников и государственных деятелей империи к мысли о необходимости концентрации архивов «особой» политической значимости. Так, по решению литовского генерал-губернатора Н.В. Репнина, после взятия Варшавы войсками А.В. Суворова была перевезена в Петербург Литовская Метрика (ЛМ) вместе с той ее частью, которую хранил в Виленском костеле св. Казимира архивариус Качановский. В течение 1796–1798 гг. привезенные архивы разделили между Сенатом и Коллегией Иностранных дел. В 1799 г. на основе конвенции с Пруссией прусскому королю были переданы те части ЛМ и Метрики Коронной (МК), которые относились к частям Речи Посполитой, отошедшим к Пруссии. Позднее Пруссия передала ее Варшавскому Архиву Древних Актов, согласно Тильзитскому трактату [II, 240, 241; III, 3]. В 1798 г. была образована комиссия, проводившая первоначальный разбор и пересистематизацию дел из вновь поступивших фондов. «Петербургский» период характерен обобщающим подходом к фондам ЛМ и МК. Что нашло отражение и в новом названии фонда – «Метрика присоединенных провинций». Результатом работы комиссии 1798 г. стал реестр документов, с которого (в 1817 г.) был сделан подробный перечень. Архивное и научное освоение документов обеих метрик в России началось в 1803 г., когда была создана особая Экспедиция Сената под названием «Метрика соединенных провинций». В ее задачи входили разборка и систематизация документов ЛМ, организация и их использование [I, 112, оп. 1, дд. 2, 64, 114, 156, 251, 257]. В первой половине XIX в. документы ЛМ, особенно привилеи и пожалования, имели большое практическое значение, так как являлись официальным подтверждением родовых шляхетских прав. В этот период стали известны случаи подлогов и фабрикаций документов, извлеченных или даже вписанных в подлинные книги ЛМ. Для упорядочения дел, пресечения подлогов и дальнейшей научно-справочной обработки фонда в 1835 г. по именному указу была образована специальная комиссия, закрепившая внутреннее разделение ЛМ на отделы и нумерацию единиц хранения внутри них. Комиссия завершила работу

в феврале 1837 г. Главным результатом было составление инвентарной описи. Комиссия закрепила сложившееся деление документов фонда на 12 отделов (разделов): 1) книги судных дел; 2) книги публичных дел; 3) книги переписей; 4) книги выписей; 5) дела за печатью; 6) книги непременного Совета и дела новейшего производства; 7) регистры; 8) новые книги; 9) древние акты; 10) родословные; 11) карты и планы. И уже в пореформенный период в 1879 г. ЛМ была передана на хранение из С.-Петербурга в Москву. Эта передача ознаменовала собой новый этап в истории фонда и его описания. (Состав фонда тогда определялся в 1048 книг, 393 древних акта, 50 родословных и 19 карт). Неплохая сохранность и упорядоченность фонда ЛМ позволила российским историкам конца XIX – начала XX в. начать ее публикацию и поставить вопрос о системном издании описей и документов «ядра» государственного архива ВКЛ (М.В. Довнар-Запольский) [II, 213; III, 283].

После второго раздела Речи Посполитой значительная часть Несвижского «собрания» перекечевала в С.-Петербург. А.И. Бибиковым была вывезена библиотека из 20 тысяч томов, которую по повелению Екатерины II передали Российской Академии Наук. В Российской Академии Наук тома Несвижской библиотеки пролежали до 1842 г., когда их передали Петербургской Духовной Академии, университетской библиотеке в Москве [II, 227, 249, 308]. и библиотеке Генерального штаба в Петербурге. Библиотека Московского университета получила все белорусско-литовские, польские и латинские хроники, хранившиеся в Несвиже. В целом же, собрание книг и рукописей Радзивиллов стало фундаментом библиотеки Российской Академии Наук. В ее отделе рукописей оказались чрезвычайно ценные исторические источники по истории культуры ВКЛ, Украины и Белоруссии. Но наибольшую часть рукописных раритов Несвижской библиотеки передали имп. Публичной библиотеке (ныне РНБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрин – *Д.К.*), где она и сейчас составляет основу коллекции автографов [II, 150]. Оставшийся в Несвиже архив пополнялся документами и в XIX – начале XX вв. Помимо документов рода Радзивиллов, в нем появились и документальные материалы родственников родовитой фамилии – родов Витгенштейнов, Завишей, Флеммингов. Уже в 80-х гг. XIX в. П.Л. Витгенштейн перевез свои документы в Слуцк. Однако значительная часть документов, относящихся к именам Витгенштейнов, еще оставалась в составе Несвижского архива Радзивиллов. И хотя исследователей сюда пускали без большой охоты, все же в XIX в.

Несвижский архив стал объектом пристального научного интереса многих видных историков России (З. Доленги-Ходаковского, А. Киркора, Н. Костомарова, М. Кояловича и др.).

С присоединением Белоруссии к Российской империи многие древние актовые книги и документы перешли в ведение губернских и уездных учреждений, главным образом уездных судов. Только в архивах Гродненской губернии числилось 4 395 актовых книг, в том числе и уездных судах: Гродненском – 209, Волковысском – 228, Слонимском – 269, Пружанском – 53, Брестском – 545, Бельском – 125, Белостокском – 103; в городских магистратах: Гродненском – 18, Волковысском – 10, Пружанском – 16, Кобринском – 6, Брестском – 12, Бельском – 29, Дрогичинском – 43, Белостокском – 14; в древних архивах: Дрогичинском – 1 418, Брянском – 1 103 книги [II, 10, оп. 28, д.39, лл. 11- 32]. Однако большая часть древних архивов оказалась безнадзорной. Множество ценных документов погибло во время военных действий и пожаров 1812 г., сгорели все древние акты Кобринского уездного суда, архивы Полоцкого архиепископа. Французские оккупационные власти грабили и уничтожали ценные документы и рукописи. В Смоленске погибли документы Смоленской консистории, смоленской Палаты уголовного суда, казенной палаты, архивы Мстиславля. Уничтоженными почти полностью оказались архивы Лепеля, Витебска, Борисова, Климович и др.

Подавление восстания 1831 г. дало правительственным кругам России основания для новых конфискационных мер относительно документальных ценностей Белоруссии и Правобережной Украины, причем не только из богатейших собраний, скомпрометировавших себя участием в «событиях» магнатов и шляхты края, но и документальных раритетов из архивов и библиотек костелов, католических и униатских монастырей, частных коллекций. В 1832 г. по императорскому указу были вывезены в глубь страны (главным образом в Петербург) ценности более чем из 200 монастырей [III, 333], многих шляхетских имений (архивы, книжные собрания, произведения искусств). Так были забраны самые ценные книги и рукописи Полоцкой иезуитской академии, родовые архивы и библиотеки Радзивиллов, Огинских, Сапег, Пляттеров, В. Ржевусского, К. Немцевича, К. Воловича и др. [II, 115, 261, 262, 265, 268, 272, 372]. Такая же судьба постигла в 30-е г. XIX в. библиотеку и рукописные собрания закрытого в 1832 г. Виленского университета (рукописи Альбертранди, М. Догеля, фельдмаршала Шереметьева и др.). Архивы Виленской Акаде-

мии и Виленского университета и коллегий Игнатовской, Снопшской, Гродненской, которые хранились в Архиве Общего Эдукационного Фонда, поступали в секретарский стол Министерства народного просвещения [II, 372].

С 1837 г. по указу Николая I началась отсылка из белорусских городов грамот и «столбцов» в Петербургскую Археографическую комиссию, благодаря чему из многих библиотек и архивов ушли в С.-Петербург около 15 000 столбцов: из Оршанского городского магистрата и Кутейнского монастыря, Брестского, Бельского, Велижского городских магистратов; Виленского Трибунала, Виленского капитула, Витебской Казенной палаты, Гродненского городского магистрата, Могилевских городских думы и ратуши, Могилевской семинарии и др. [I, 7, оп.1, дд. 36, 132, 139, 174, 207, 416, 640, 656]. Согласно этому указу гродненский губернатор доставил в С.-Петербургскую Археографическую комиссию большое собрание древних рукописей (XV–XVII вв.) и архивных документов XVII–XVIII вв. из Деречинского архива кн. Сапег. Одна часть архива и библиотека Сапег поступила в С.-Петербургскую Публичную библиотеку, другая часть попала в Гродно, откуда в 1868 г. была передана Виленской публичной библиотеке [II, 19, с.49, 89, 144].

Предрешенная постановлением Полоцкого собора 1839 г. ликвидация униатской церкви в Белоруссии и Правобережной Украине пагубным образом сказалась на судьбе униатских библиотек, церковных и монастырских архивов. С 1841 г. и до конца 1850-х гг. по инициативе митрополита И. Семашко длится массовое уничтожение и передача в Петербург и Киев богатейшей белорусской униатики [II, 116, оп. 1, с. 528; 116] из Жировиц, Полоцка, Бытеня и других мест края. В 1845 г. в С.-Петербургский синодальный архив был передан ценный исторически сложившийся комплекс – т.н. архив «западнорусских униатских митрополитов», который начал складываться еще в 1596 г. и имел ряд документов начала XV в. Архив этот значительную часть своих документов утратил во время многочисленных переездов XVII–XVIII вв. До «оседания» в Петербурге он успел побывать в Вильно, Новогрудке, Варшаве, Гродно, Струнно (недалеко от Полоцка), Львове, Радомышле, Луцке, Страбле, Лавришеве. Кочевая жизнь архива, разумеется, не могла не отразиться на его сохранности [II, 99]. Часть униатских архивов стала основой собраний ряда архивных коллекций. Документы по истории униатской церкви в 50–60-х гг. XIX в. легко можно было приобрести в букинистических

магазинах Вильно. 40 тысяч томов книг и ценные рукописи из базилианских монастырей даже в 1866 г. валялись в состоянии полного хаоса на полках Виленской публичной библиотеки. Разрушенными оказались целые системы монастырских коллекций [I, 146]. В таких условиях собирать коллекции по истории унии было вроде бы делом нетрудным. Но с другой стороны – сбор документов по истории униатской церкви воспринимался властями (в особенности церковными) без особого энтузиазма. Необходимо было обладать не только пониманием важности исторического источника для сохранения памяти о прошлом, но и немалым мужеством, чтобы идти наперекор «взглядам» церковного начальства. К счастью для исторической науки, такие люди как епископ Павел Доброхотов находились даже среди иерархов православной церкви. Благодаря его собирательной деятельности до нас дошел ценнейший архивный комплекс по истории белорусской и украинской униатики в ВКЛ [III, 134].

В 30-х гг. XIX в. в Белоруссии и Правобережной Украине в связи с правительственным «перебором» шляхты, решавшим задачи проверки достоверности юридических оснований многих представителей этого сословия на дворянские привилегии, фальсификация документов приобрела массовый характер. Благородные белорусские и украинские «шляхтичи» уже в XVII- XVIII вв. широко практиковали подделку документов. Фальшивыми документами заменялись подлинные, которые уничтожались порой при прямом содействии приставленных для их хранения писарей и других должностных лиц. Эти фальсификации достигли уже в XVIII в. таких размеров, что сейм 1726 г. вынужден был установить смертную казнь для заведующих хранением актов должностных лиц, оказавшихся причастными к подлогам [III, 167, с. 110]. Грозные постановления мало помогали делу, соблазны «житейского свойства» оказывались сильнее. В итоге к началу XIX в. около половины минских актовых книг были представлены фальсификатами. Минск в первой половине XIX в. превратился в своего рода «столицу» документальных фальшивок. Они были столь распространены, что заставили минского гражданского губернатора назначить специальных чиновников для слежки за особами, причастными к фальсификации документов. Подобные явления и подобные меры «борьбы» имели место в 30-е-40-е гг. XIX в. в Гродно, Витебске, Могилеве, Полоцке, Луцке, Ковно и Вильно. В архивах этих городов находилась масса подделок, «вшитых» в уже пронумерованные прове-

ряющими чиновниками книги. Указом Николая I от 19 декабря 1833 г. были созданы 2 «особые комиссии» для рассмотрения метрических и актовых книг в «губерниях от Польши возвращенных». В состав комиссии вошли чиновники: министерств юстиции и внутренних дел, корпуса жандармов и губернские стряпчие. Они обязаны были пронумеровать и пронумеровать все актовые книги, перечеркнуть все чистые листы, поля и пробелы. Однако вскоре выяснилось, что многие книги остались без проверки, в проверенных же книгах не все листы были пронумерованы, чистые поля и листы перечеркнуты небрежно. Все это способствовало дальнейшей фальсификации древних документов. В актовых книгах появились вставки явно поддельных документов, записанных мелким почерком. В «проверенных» книгах Гродненской губернии было обнаружено, что подлинные печати заменены фальшивыми, а в книги включены подложные акты. В итоге проверка 1833–1835 гг. и 1852 г. не дала особых результатов, ибо проверяющие (жандармские офицеры, следователи, губернские и уездные стряпчие) сами не были специалистами в исторической документации. Вторая комиссия, созданная по инициативе виленского (1842–1852) генерал-губернатора Маркевича, хотя и отличалась масштабностью «розыска», но качества проверке не прибавила [II, 260, с. 119, 170]. Комиссии, назначенные по распоряжению Кабинета Министров в 1842 г. осуществить повторную проверку актовых книг, должны были составить в уездах по каждой актовой книге опись документов с отметкой в особой графе «признается ли акт несомненным и подлежащим сомнению и почему именно» [II, 276, с. 191]. Как и следовало ожидать, в многочисленных уездных учреждениях описи были составлены только на часть актовых книг. Так, из 2 521 актовой книги Дрогичинского и Брянского архивов было описано всего 8 книг [I, 10, оп. 28, д. 304, л. 301].

В целях сохранения древних источников «западных губерний», имевших к тому же серьезное политическое значение, российское правительство решилось к середине XIX в. провести частичную централизацию наиболее ценных архивов Белоруссии и Литвы. Императорским указом от 2 апреля 1852 г. были учреждены Виленский и Витебский архивы древних актов (далее ВЦА и Витебский ЦА – ДК), которые должны были собирать древние белорусские и литовские актовые книги и документы по 1799 год включительно. Обязанность контролера над концентрацией этих архивных источников была возложена на виленского

генерал-губернатора. Губернаторы белорусских и литовских губерний должны были контролировать исполнение указа о передаче древних актов на подчиненных им территориях. В пункте 7 царский указ предписывал ВЦА составлять: 1) описи, которые должны были публиковаться и рассылаться во все губернские и уездные судебные госучреждения и депутатские дворянские собрания западных губерний; 2) составлять и публиковать каталоги на хранящиеся в архиве документы [II, 58, ч. 1–4]. Значение этого указа заключалось в том, что он, не создавая системы архивов в Белоруссии и Литве (они существовали и раньше – *ДК*), централизовал их, формируя мощные архивные комплексы под ответственностью высшей местной администрации края и тем самым спасал от физической гибели. Сам факт организации, упорядочения и осмысленного хранения архивных документов составлял заметную веху в истории архивного дела.

В ВЦА были собраны, главным образом, архивы центральных учреждений ВКЛ (за исключением Литовской Метрики – *ДК*) и провинциальные архивы Западной и Центральной Белоруссии и Литвы. В Виленский Центральный архив древних актов вошли многие архивные комплексы документов, вышедшие из королевской, великокняжеской канцелярии с конца XIV и до конца XVII столетий. Ядро архива составили: старый Архив Главного Трибунала ВКЛ, Архив Литовского Духовного Трибунала, Архив Литовского Скарбового Трибунала, Архив Литовского задворно-ассессорского суда; акты: маршаловских судов, Литовской скарбовой комиссии, Комиссии Войсковой ВКЛ, документы из архива Генеральной конфедерации 1792–1793 г. и др. В значительной мере своей хорошей сохранностью документы этих комплексов были обязаны ответственному и подвижническому труду архивистов конца XVIII – первой половины XIX вв. (А. Малишевского, К. Шолюты, И. Томашевского, Я. Зенковича, Д. Нарбута и А. Дмоховского). В течение первых 10 лет работы в архиве в основном была закончена концентрация древних документов. В 1863 г. в нем хранилось 17 439 актов книг центральных и местных учреждений Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, частично Могилевской и Смоленской губерний [III, 315, с. 5–48]. Только в 1863 г. фактически начал работу Витебский ЦА, который находился в ведении Министерства внутренних дел и виленского генерал-губернатора. В нем хранились 1823 актовые книги, принятые от уездных судов Витебской и Могилевской губерний. Юридическое и материальное положение двух

этих архивов было ненормальным. Хронический недостаток средств и крайне незначительная численность штатных сотрудников (от 3-х до 5 – в ВЦА, от 3-х до 1-го – в Витебском ЦА) делали практически невозможным выполнение главной задачи архивистов – приведение в порядок и описание более 7 миллионов документов [II, 61, 62, 190, 297].

Для научной обработки и публикации исторических источников еще в 1855 г. в Вильно была учреждена Археологическая комиссия под покровительством наследника-цесаревича (будущего царя Александра II). Председателем комиссии стал известный знаток и исследователи местных «древностей» гр. Е. Тышкевич, пожертвовавший для созданного при комиссии музея древностей свою богатейшую историческую коллекцию книг, рукописей и предметов старинного быта. Члены – учредители Археологической комиссии наметили широкую программу изучения исторического прошлого «западного края». В качестве главных целей определяли: составить собрание древних книг, актов, рукописей, монет, статуй, медалей, оружия, картин, относящихся к истории Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы; способствовать сохранению памятников древности на их территории; предоставлять возможность пользоваться собранными материалами исследователям, интересующимся не только историей края, но и его современным экономическим положением. Широта программы была связана с надеждами учредителей комиссии возродить в будущем на ее основе университетский центр науки и образования Литвы и Белоруссии. Воспользовавшись своим правом требовать исторические акты и рукописи упраздненных католических монастырей, комиссия активно занялась комплектованием своих коллекций. Уже в 1860 г. она обладала библиотекой в 15 000 книг, богатой нумизматической коллекцией (47 000 экземпляров), отделением бюстов, картинной галереей, собранием более 5 000 старинных рукописей, актов и автографов, значительной археологической коллекцией (3 412 предметов) [II, 113, т. 1, с. 309–310].

Привлекая к своей деятельности наиболее значительные силы местных историков и любителей старины (Т. Нарбута, А. Киркора, Н. Машиновского, И. Крашевского и др.), комиссия неплохо заявила о себе и на издательском поприще. В 1858 г. приступила к изданию «Записок», в этом же г. издала на высоком археографическом уровне «Собрание государственных и частных актов, касающихся Литвы и соединенных с нею владений (1389–1710)», а в 1860–1862 гг. опубликовала подготов-

ленный Я. Сидоровичем «Скарбец дипломатув» И. Даниловича. Царская администрация косо смотрела на деятельность комиссии, явно и не без оснований усматривая в ней гнездо «польского и литовского» сепаратизма. После выхода в свет «Собрания» М. Круповича она получила возможность публично выразить свое недовольство деятелями комиссии. В укомплектованном разнообразными по характеру и содержанию документами сборнике по ряду сюжетов произведенная подборка имела ощутимо выраженную полонофильскую направленность. Разумеется, она не могла понравиться чиновным преемникам Николая I, который, стремясь уничтожить все, что могло бы напоминать о Белоруссии и Литве, как особых национальных районах со своими историческими, культурно-бытовыми и языковыми особенностями, еще указом от 18 июня 1840 г. запретил употреблять понятия «белорусские» и «литовские» губернии, и ввел название «Северо-западный край» [1, 137, оп. 48, д. 11, л. 30]. В те годы попытка взяться за решение какой-либо острой, серьезной проблемы исторического прошлого этих районов без согласия с правительством нередко приводила к запрету, а то и физическому уничтожению самого исследования, как это случилось в 1842 г. с первой диссертацией Н.И. Костомарова «О значении унии в истории Западной Руси» [III, 2].

За девяностолетний период, прошедший от времени первого раздела Речи Посполитой до реформы 1861 г. и восстания 1863 г., правительственная Россия успела неплохо узнать Белоруссию и Украину. Активный сбор информации, который велся в эти годы, создал представительный «банк данных», пригодный для принятия эффективных политических решений по «белорусскому и украинскому вопросам». Были заложены основы той историографической традиции официального, правительственного направления, которая в 60-е гг. XIX в. получит название «западнорусизма». Предпринимались и первые попытки контрпропагандистской «игры» в сфере переориентации исторического и политического сознания населения Белоруссии и Правобережной Украины «от Польши к России». Большого эффекта к началу 60-х гг. XIX в. она еще не дала хотя бы потому, что сама официально-охранительная историография Белоруссии и Украины имела в значительной мере характер историографии полузакрытой, так сказать, «историографии для служебного пользования». Но приобретенный опыт и накопленная огромная информация пригодились как нельзя кстати в условиях нового политического контекста, вызванного событиями 1863–1864 годов.

3.2. Вильно, Харьков и Киев как центры исторических и архивно-археографических исследований Белоруссии и Украины 30-х – начала 60-х гг. XIX в.

Несмотря на значительные усилия, потраченные царской администрацией и идеологами правительственного лагеря в 30-х – начале 60-х гг. XIX в. на переориентацию исторического сознания образованного общества западных и юго-западных губерний России, добиться эффективных результатов не удалось. Причины конечной неудачи задуманного заключены не только в «любительском» уровне профессиональной исторической культуры выполнявших заказ правительства чиновников, офицеров и священников, сколько в том, что, несмотря на значительные потери от репрессий николаевского режима, удалось сохранить интеллектуалов, продолживших и в эти годы вести пропаганду исторических идей, выработанных в сфере общественной мысли в период расцвета Виленского университета, а после его закрытия – Киевского (с 1834 г.). Попытки попечителя Белорусского учебного округа перевести преподавание истории, географии и статистики в школах Белоруссии на русский язык наткнулись на активный бойкот преподавателей (в массе своей бывших выпускников вольнолюбивого Виленского университета) [I, 161, оп. 28, 3094, м. 1–5]. На смену популярных в 10–20-х гг. XIX в. в школах Виленского учебного округа учебников по истории К. и Е. Скежтусских, Миклашевского и Т. Ваги (переработанный Лелевелем) пришли не рекомендуемые Министерством народного просвещения книги Кайданова и Карамзина, а учебники воспитанника Виленского университета А. Здановича [II, 347; III, 313, с. 185–187]. Роль же главной трибуны в пропаганде исторических взглядов представителей местной интеллигенции в эти годы взяла на себя периодическая печать края. Одновременно она играла роль организационного центра, вокруг которого собирались местные силы историков-профессионалов и высокообразованные дилетанты-любители «литовской» старины.

Сложность процесса развития белорусской и украинской историографии в 30-е – начале 60-х гг. XIX в. заключалась в том, что им необходимо было утвердить свою самостоятельность в системе других славянских историографий. Причем таких развитых, как польская и русская. К тому же в условиях весьма противоречивых социально-политических событий и национально-освободительного движения. Безусловно, что в облике белорусской историографии, в меньшей украинской, этого пе-

риода ощущались не только русификаторские тенденции, но и сильное влияние польской культуры.

Последняя, доминирующая в белорусской историографии уже в первой трети XIX в. (И. Лелевель, И. Данилович, И. Онацевич, И. Ярошевич, М. Балинский, Т. Нарбут и др.) после закрытия Виленского университета (1832) была поддержана такими его воспитанниками как И. Крашевский, братья К. и Е. Тышкевичи, И. Шидловский, М. Крупович, Н. Малиновский, А. Мартиновский, братья Л. и И. Ходзько. Многие культурные деятели Белоруссии, причем не только консерваторы, но и демократически настроенные разделяли взгляд на Белоруссию как на польскую провинцию с рядом местных особенностей (А. Рыпинский и его сборник «Беларусь», изданный в 1840 г. в Париже [Ш, 186, с. 298 – 300]. В вводной статье к сборнику Я. Борщевского «Шляхтич Завальня или Беларусь в фантастических рассказах» Р. Подберезский относит к белорусским литераторам, активно интересующимся историей края, Я. Аношко, А. Грозу, И. Маньковского, К. Буйницкого, А. Платера и др. Подобная ситуация была характерна и для многих культурных деятелей Правобережной Украины. В большинстве случаев это деятели польской культуры, местом рождения и творчеством связанные с Белоруссией и Украиной. Но такой глубокий интерес к культурно-бытовым особенностям края, его народов, истории – свидетельство тесного переплетения судеб польской, белорусской и частично украинских культур в дореформенный период их развития.

Различны были мотивы обращения к историческому прошлому Белоруссии, Украины и памятником их старины. Далеко не всегда это было свидетельством признания самостоятельного пути развития белорусов и украинцев, но бесспорен факт укрепления интереса и в польском и в русском обществе к пробуждению духовной жизни этих народов, факт, который не мог не отразиться в сфере исторического сознания и в исторической практике местных исследователей. Сама острая политическая и идейная борьба по белорусскому и украинскому вопросам 30-х – начала 60-х гг., отразившаяся в историографических контроверзах представителей обеих «крайностей» (националистической польской и великодержавно-монархической русской) имела к началу 60-х гг. XIX в., возможно, неожиданное для них следствие – выделение истории Белоруссии и Украины в качестве самостоятельных объектов исследования, со своей предметно очерченной областью и кругом решаемых вопросов. Свидетельство тому – появление в дворянской историографии

Белоруссии книги О. Турчиновича, а в национально-демократическом движении – национальной программы К. Калиновского. В украинской историографии этого периода – научно-исследовательская и культурно-просветительская деятельность Н. Маркевича, М. Максимовича, П. Кулиша, Н. Костомарова, О. Бодянского, И. Срезневского, Т. Шевченко.

Активизация внимания польской и полонизированной белорусской и украинской шляхетской интеллигенции к белорусскому и украинскому «вопросам» с начала 30-х гг. XIX в. было явлением не случайным. После неудачного восстания 1831 г. в среде молодежи из образованных слоев местного общества, особенно среди прогрессивных, демократически настроенных питомцев Виленского университета (а после его ликвидации – Киевского университета), под влиянием освободительных идей и национального движения в Западной Европе расширяется интерес к вопросам национально-культурного развития, к местному фольклору и народному быту, зарождается идея обращения к народу на его родном языке. Среди демократически настроенных представителей элиты белорусского, украинского и польского населения западных и юго-западных губерний России сформировался новый тип белорусского и украинского патриота, который, имея восточнославянские этнические корни, ощущал себя «gente rusus natione Polonus» (по происхождению русин – белорус или украинец, по национальности – поляк), любит свою этническую Родину Белоруссию или Правобережную Украину, как польскую провинцию и мечтает об унии и восстановлении исторической Польши [II, 245, с. 59, 85; III, 245, с. 34].

Эта молодежь, вместе с представителями «старой гвардии» – видными деятелями культуры Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы эпохи Виленского университета и составила основной круг авторов, издателей и читателей журналов, выходящих в крае в 30–50-е гг. XIX в. Большая часть из них издавалась в Вильно, который сохранял значение главного культурного центра Белоруссии и Литвы на протяжении всего XIX в. Журналистика в Вильно получила довольно широкое развитие в первой трети XIX в. Активное участие в издаваемых в тот период журналах «Дзенник Виленьски», «Курьер Литовски», «Тыгодник Виленьски», «Газета Литовска», «Вядомошчи брукове» и др. принимали сотрудники и преподаватели Виленского университета (К. Контрым, И. Лелевель, Е. Гродек, М. Балинский, А. Мартиновский, Т. Нарбут). Однако после трагических ноябрьских событий 1831 г. журнальная жизнь в Вильно на

время затихает. Виленская пресса до 1834 г. держалась на единственном «Курьере Литовском», выходившем в 1834–1840 гг. на двух языках (польском и русском) [II, 347; III, 250, 302, с. 73–75].

Очевидна связь временного упадка виленской журналистики с теми политическими репрессиями, которые захлестнули Белоруссию, Правобережную Украину и Литву после подавления восстания 1831 г. Однако и в 30-е гг. XIX в. в Вильно сохранились еще два вуза, созданных из бывших университетских отделений, – медико-хирургическая Академия и Духовная Академия. В их стенах, поддерживая традиции Виленского университета, продолжали вести преподавательскую деятельность ряд известных виленских профессоров (А. Снядецкий, Л. Бобровский, М. Мянковский, историк и литератор, украинец И. Лобойко). Поскольку в программу этих высших учебных заведений был включен ряд общеобразовательных и гуманитарных дисциплин, академии и их воспитанники продолжали оказывать большое влияние на культурную жизнь города и всего западного (белорусского и литовского) региона. Арест Ш. Конарского и разгром кружка Ф. Савича послужил поводом для ликвидации обеих академий. Окончательное закрытие вузов Вильно (в 1842 г.) хотя и значительно ослабило интеллектуальную жизнь Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы, но не прекратило ее существования. Оставшиеся в городе профессора и воспитанники Виленского университета развернули активную публицистическую и научную деятельность, благодаря чему конец 30-х – начало 50-х гг. XIX в. стал, по оценке польской исследовательницы М. Штольцман, «золотым» веком виленской публицистики. Рупором этих кружков Вильно стал журнал «Научные изображения и рассуждения» (Визерунки и ростонженья наукове), издававшийся в Вильно в 1834–1843 гг. на средства И. Завадского под редакцией И. Шидловского (первоначально с Л. Рогальским). Цель этого журнала заключалась в том, чтобы воскресить «доноябрьские» традиции просветительской дидактики. Всего же в 1831–1851 гг. в Вильно выходило 9 общественно-политических журналов и 7 ежегодников, авторами и издателями которых в большинстве своем были лица, вышедшие из круга воспитанников и преподавателей Виленского университета [III, 321, 330, с. 130–135].

«Визерунки» выходили нерегулярно. Редакция журнала собирала сторонников просветительских традиций, исповедовавших идеалы романтизма. Но наряду с верой в общественную роль науки и просвещения в некоторых статьях, публиковавшихся на его страницах, исповедова-

лись и консервативно-клерикальные взгляды. По отношению к существующему в империи строю журнал придерживался позиций умеренного лоялизма.

Главное место на страницах «Визерунков» занимали история и археология, философия и этика, в меньшей степени художественная литература. Под влиянием концепции редакторов журнал приобрел характер энциклопедического (универсального научного) издания. С 1834 по 1836 гг. большое внимание уделялось зарубежной истории и информации о мире зарубежной науки. С 1836 г. преобладающим стал интерес к сюжетам отечественной истории. В конце 30-х гг. XIX в., когда в ряде польских журналов, издававшихся на территории империи, начали выразительней звучать общественная и идейная «злоба дня», «Визерунки» остались на своих умеренно-консервативных позициях, мало эволюционировала и идейно-эстетическая программа журнала, верная духу консервативного романтизма. В исторических работах, публиковавшихся в журнале, это выражалось в идеализации «сарматского» прошлого «сасского» периода Речи Посполитой. И когда в Вильно появился конкурент с более передовой, соответствующей веяниям времени редакторской программой («Атенеум» И. Крашевского), «Визерунки» сумели продержаться «на плаву» только два года. Смерть журнала, вызванная резким снижением числа подписчиков, не заставила себя ждать. В 1843 г. издание «Визерунков» прекратилось. Несмотря на свои нередко проявляемые консервативные идейные позиции журнал, 60 томов которого вышло за 10 лет его существования, сыграл значительную роль в истории культуры Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы в 30-е гг. XIX в., когда политические репрессии царизма привели к ликвидации многих очагов культурной жизни региона [III, 324, с. 158–159].

В 1841 г. в Вильно родился новый журнал, который начал играть наиболее видную роль в культурной жизни Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы в 40-е гг. XIX в., популярный среди читателей края «Атенеум» (1841–1851) И. Крашевского. Основатель и редактор журнала известный польский писатель, историк, общественный деятель либерального направления свои детские и юношеские годы провел в имении отца (пружанского хорунжего) Романове, неподалеку от Пружан. Получив образование в Свислочской гимназии и Виленском университете, он еще в «доредаторский» период успел отсидеть в тюрьме за участие в антиправительственном заговоре, где приобрел ценный опыт для своей

будущей литературной работы. История Белоруссии Правобережной Украины, Литвы и Польши стала главным «героем» его многочисленных исторических романов и повестей («Последние из слущких князей», «Времена Сигизмунда», «Графиня Коссель», «Старая басня», «Король в Несвиже» и др.). Он создал в польской литературе новый жанр реалистического исторического романа. Однако Крашевский плодотворно исследовал и прошлое белорусских, украинских и литовских земель, как историк («Древняя Литва. Ее история, законы, язык, вера, обычаи, песни», «Искусство у славян, особенно в Польше и дохристианской Литве» и др.) активно путешествовал по Белоруссии, Правобережной Украине, оставил интересные путевые очерки («Пинск и Пинщина», «Воспоминания о Полесье, Волыни, Литве»). Особенный интерес вызывали у него история культуры и быта населения Великого княжества Литовского в XVIII в., которую он знал превосходно, а результаты своего знакомства изложил в работе «Польша во время трех разделов» [II, 338, т. XVI, с. 600–601; III, 58].

Умелый организатор и опытный журналист Крашевский сумел объединить вокруг себя людей различных взглядов: католика гр. Е. Тышкевича и православного священника (бывшего униата) Л.А. Радевича, одного из ликвидаторов унии Л. Янковского и лидеров польских консерваторов И. Головинского, Г. Ржевусского. Свой «Атенеум» он замыслил и издавал как журнал «Истории, литературы и искусства». Хорошо организованная сеть корреспондентов поставляла ему ценные исторические материалы из Гродно (А. Данилецкий), Петербурга (С. Лахович), Витебска (К. Буйницкий) и Несвижа. В «Атенеуме» публиковались исторические документы (чаще всего дневники, мемуары и письма XVII–XVIII вв.) и исторические исследования известных местных историков (И. Даниловича, И. Ярошевича, Э. Котлубая, Ю. Барташевича, Т. Нарбута и др.). Издатель «Атенеума» придал своему детищу характер научного журнала и старался в своей редакторской политике держаться в отдалении от политических «крайностей» (как правых, так и левых), но узость интеллектуального «рынка» края в конце 40–50-х гг. XIX в. привела к сокращению числа подписчиков и в 1851 г. «Атенеум» из-за финансовых трудностей прекратил свое существование [III, 326, с. VIII, XII, 1–15].

Издательскую эстафету после «Атенеума» в 50-е гг. подхватил А.Г. Киркор (1819-1886), сын униатского священника из Могилевской губернии, ставший в зрелые годы известным белорусским археологом,

этнографом, историком либерального направления. К началу издания своих «Тек Виленских» (1857 – 1858) Киркор приобрел уже хорошую известность в научном мире не только своего края, но и среди ученых России. С 1849 г. он член и затем секретарь Виленского губернского статистического комитета, где активно проявляет себя в качестве редактора (1850–1854) «Памятной книжки Виленской губернии». Ведя в ней неофициальный раздел, он помещает здесь свои труды по истории и этнографии Белоруссии и Литвы. С 1855 г. Киркор – деятельный член Виленской археологической комиссии, хранитель музея древностей, один из руководителей белорусско-литовского литературного кружка [II, 107, с. 3–8; 341]. Для сотрудничества в своем журнале «Тека Виленска» он привлек наиболее видных деятелей культуры края (В. Коротынского, Е. Тышкевича, Т. Нарбута, В. Кулаковского, Н. Малиновского, И. Крашевского и др.). Первое место в журнале занимала историческая тематика, что было естественным следствием личных интересов его издателя. При отборе и публикации исторических материалов предпочтение обычно отдавалось сюжетам, связанным с историей Речи Посполитой до периода ее раздела. И при этом редактор журнала в основном ориентировался на материалы по истории Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы (работы Е. и Т. Тышкевичей, Т. Нарбута, М. Балинского, А. Мухлинского, самого Киркора и др.). Ярко выраженный «регионализм» Киркора – редактора и издателя был вызван прежде всего стремлением показать самобытность и «особность» культуры Белоруссии и Литвы. В своей редакторской политике Киркор реализовывал славянофильскую программу, стараясь пропагандировать в изданиях идею единства славянского мира, но при этом он был далек от «политического панславизма», взятого впоследствии на вооружение в идеологии самодержавной России [II, 347; III, 321]. Все творчество А. Киркора пронизано чувством глубокой любви к своей родине – Белоруссии. В 1861 г. он писал жене: «Я Литвин – никогда не уничтожить во мне этого чувства. Я люблю свою родину со всем вдохновением юноши, со всем самоотвержением мужа. Я имею сердце и чувствую симпатию к Польше настолько, сколько судьба ее связана с нашей» [III, 238, с. 18]. Киркору – историку, писателю-публицисту, издателю, несомненно, принадлежат большие заслуги в изучении культуры Белоруссии, Правобережной Украины, формировании исторического сознания ее интеллигенции.

В 50-е гг. XIX в. круг Виленской прогрессивной интеллигенции не раз поднимал вопрос о возрождении в западных губерниях империи университетского центра. А пока вопрос этот упорно игнорировался самодержавным правительством, они пытались хоть как-то заменить ликвидированный Виленский университет новосозданными научными обществами. Виленская археологическая комиссия и Музей древностей способствовали развитию многих исследователей младшего поколения, лишенных возможности получить высшее образование в крае. В основе планов ее создателей (Е. Тышкевича, А. Киркора, М. Балинского) лежала мысль о преобразовании комиссии в научное общество и даже научные курсы, которые могли бы стать началом нового университета. Планы эти не были осуществлены вследствие восстания 1863 г. и его разгрома царизмом [III, 330, с. 142–143]. Однако деятельность Виленской интеллигенции 30–50-х гг. XIX в. внесла значительный вклад в сохранение богатых культурных традиций края, в развитие исторической науки в Белоруссии, Правобережной Украине и Литве. Университетские традиции стали важным фактором в развитии национального чувства у образованных «литвинов», способствовали более пристальному и заинтересованному изучению своей «местной» истории, интенсификации исследований по истории Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы в тот далеко не благоприятный для развития белорусской историографии период.

Многие заслуги в этой области принадлежат и воспитаннику Виленского университета Т. Нарбуту (1784–1864). Фигура чрезвычайно яркая и колоритная, Нарбут в своей биографии и творчестве представлял в известной мере типичное для шляхетской интеллигенции и историографической ситуации дореформенного периода явление. В нем, как в капле воды, отразилась вся сложность и многоликость источников, формирующих «родовой» портрет белорусской историографии тех лет. По происхождению выходец из известного литовского рода герба Трубы, родным своим языком считал польский, а большую часть своей жизни прожил на территории Белоруссии (в родовом имении Шавры Лидского повета), где и создал основную часть своих работ по истории горячо любимой им «Литвы». Историк двух близких по исторической судьбе народов – белорусского и литовского, Нарбут не сразу пришел к своему жизненному предназначению – занятиям историей. Закончив в 1803 г. Виленский университет со специализацией в области военной архитектуры, он до 1812 г. в качестве военного инженера служил в русской ар-

мии, был участником и свидетелем бурной эпохи наполеоновских войн. После выхода в отставку Нарбут осел в своем родовом имении Шавры, где занялся ведением образцово поставленного хозяйства и историческими исследованиями [III, 299], создавшими ему имя в науке. Активный и удачливый собиратель нумизматических, археологических, фольклорных, документальных коллекций, он сконцентрировал в Шаврах большую и богатую библиотеку, в которой хранились многие ценные рукописи, и документы тайного Кенигсбергского архива, Литовской Метрики и ряда родовых архивов белорусской шляхты [I, 84, ф. 22, д. 30, лл. 1–24].

Тесно связанный со многими журналами Вильно, Варшавы, Петербурга Нарбут сам нередко выступал в роли автора, издателя исторических материалов (Хроника Быховца. – Вильно, 1846) или целых их собраний [II, 371].

Нарбут был автором многих источниковедческих и историко-краеведческих работ. Но самым значительным его произведением стала девятитомная «Древняя история литовского народа», вышедшая в свет во второй половине 30-х – начале 40-х гг. XIX в. [II, 363, 364]. (10-й том остался в рукописи – ДК), содержащая богатое собрание архивных источников и описаний забытых памятников старины, массу уникальных, хотя и далеко не всегда достоверных фактов. Свою «Историю» Нарбут писал с позиций идеализации «сарматской» старины Великого княжества Литовского. В трактовке политической истории ВКЛ он шел за монархистом Нарушевичем, а не за Лелевелем, идеализируя XVI век в истории этого государства, как «золотой век». Отрицательно относясь к политике польских феодалов в ВКЛ, он тем не менее справедливо признавал большую роль польской культуры и католической церкви в жизни Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Но для этой, как и для ряда других работ Нарбута, был свойствен очень существенный недостаток. Уже современные Нарбуту польские историки (И. Крашевский, И. Барташевич), признавая за ним «пламенную любовь к прошлому своей провинции», находили в его богатых фактурой трудах отсутствие профессиональной исторической подготовки и критического отношения к фактам [II, 338, т. XX, с.562]. Он представлял в 40-е гг. XIX в. уже «антикварное» направление в историографии, часто основывая свои историографические концепции на легендарных мифах и хрониках (главным образом «Хронике Быховца»), рискованных этимологических догадках. Нередко допускалась и подгонка фактов под заранее наработанную концепцию.

Эти моменты в работах Нарбута были не только следствием его недостаточной профессиональной исторической культуры, но и его литовского патриотизма, с вытекающей из него целью – поднять значение исторического прошлого края.

Такая тенденциозность приводила даже к фальсификации исторических документов, как, например, «Хроники Рондонской», которая должна была, по мнению Нарбута, доказать происхождение Ягеллонов от мифического богатыря Геллона. Однако невысокая научная ценность трудов Нарбута в этом отношении не перечеркивает его заслуг в деле кропотливого сбора огромного фактического материала по истории Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы. Его труды, нередко остро и справедливо критиковавшиеся историками, имели несомненное значение в развитии исторического сознания «литвинов» (представителей белорусской и литовской интеллигенции) и оказали заметное влияние на последующую историографию Белоруссии.

Возрастание интереса к истории было одной из главных особенностей духовной жизни первой половины XIX в. Но еще большее общественно-политическое значение она приобрела позже, когда в стране после подавления восстания декабристов (а в Белоруссии, Правобережной Украине и Литве – после подавления восстания 1831 г.) установился жесткий, реакционный режим, а журналам было запрещено обсуждать текущие политические вопросы. История с того времени становилась своеобразным легальным «каналом» выражения своего отношения к настоящему. Судя по всему, эту роль истории осознавало и николаевское правительство, когда в 1835 г. учредило кафедру русской истории в первом университете империи – Московском, рассчитывая использовать историю в целях укрепления самодержавия.

Царская администрация в западных и юго-западных губерниях Российской империи, упраздняя Виленский университет и учреждая с 1834 г. Киевский университет – как предполагаемый центр «культурной ликвидации» польской культурной доминации в этих регионах, направляла деятельность местных учреждений исследовательского характера (губернские статистические комитеты, временные археологические комиссии) и учебных заведений края в заранее заданное правительством «русло» самодержавия, православия и русификации. Ряд поставленных задач царизм реализовал.

Однако главной, конечной цели – переориентации политического и исторического сознания образованного общества Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы на свою сторону царизму достигнуть не удалось. Этому мешал ряд обстоятельств, главные из которых, по-видимому, заключались в том, что основную массу низшего и среднего чиновничества и служилой интеллигенции в западных и юго-западных губерниях империи, как и в первой четверти XIX в. составляли местные уроженцы, воспитанные в духе традиций уважительного отношения к польской культуре и умеренной политической оппозиционности к царизму. Наиболее активному ядру шляхетской интеллигенции «Северо-Западного и Юго-Западного края», игравшему значительную роль в их культурной жизни, удалось и в суровых условиях николаевского режима создать эффективную форму сохранения «социальной памяти» о былой политической самостоятельности и культурно-исторических традициях регионов. Ею стала журналистика, где историческая проблематика получила преобладающее значение.

Вокруг Виленских журналов второй половины 30–50-х гг. XIX в. и Виленской археологической комиссии сформировалась та группа местных исследователей белорусской и литовской старины (писатели, издатели, историки, этнографы, археологи, фольклористы), в среде которых оформились две концепции исторического прошлого края: одна – «польская», другая – «литвинов-патриотов» (И. Ярошевич, Т. Нарбут, А. Киркор). Они во многом по-разному трактовали национальное и политическое прошлое Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы, по-разному видели национальное и политическое будущее края, но в плохо скрываемой оппозиционности к царизму и «дворянском» видении истории были близки. Источниковедческое и археографическое направление многих виленских журнальных публикаций дореформенного периода дали наиболее весомые и значительные для исторической науки результаты. При всей неравноценности публикуемых материалов они создавали обширную источниковую базу для исторического изучения Белоруссии и Правобережной Украины учеными различных направлений и политических ориентаций.

Как ни пытался царизм в 30-е – начале 50-х гг. XIX в. своей политикой в сфере культуры стереть следы самобытности западных и юго-западных губерний, подкорректировать историческое сознание интеллектуальной элиты, попытки эти не увенчались успехом. Исторические,

этнографические исследования уроженцев края, посвященные ВКЛ, Белоруссии и Правобережной Украине, часто независимо от субъективных авторских установок свидетельствовали об оригинальности, самобытности белорусского и украинского народа и их истории. Публикации документальных и этнографических материалов содействовали тому, что национальные традиции, которые до 30-х гг. XIX в. сохранились на бытовом уровне, становились достоянием образованного общества не только Белоруссии, Украины, Литвы и Польши, но и России. Белорусские исследователи-гуманитарии (историки, этнографы, фольклористы), представлявшие уже не только шляхетскую и разночинную интеллигенцию края (дети униатского и православного духовенства – ДК), принимали активное участие в изучении истории белорусско-литовской государственности, культуры и быта своего народа. К началу 60-х гг. XIX в. можно говорить о рождении интегративного направления в изучении белорусов и Белоруссии, украинцев и Украины – белорусоведения и украиноведения. Они становилась теми стержнями, вокруг которых начался процесс собирания культурной элиты народа, формирование национального менталитета и исторического сознания белорусов и украинцев.

Необходимо отметить, что значительная, если не большая часть белорусской интеллигенции 30-х – начала 60-х гг. XIX в. еще находилась в орбите польского культурного влияния (Л. Ходзько, А. Ходзько, И. Ходзько, Я. Ходзько, М. Балинский, Е. и К. Тышкевичи и др.). На украинскую интеллектуальную элиту польская культурная доминанта влияла значительно слабее, поскольку украинская элита середины XIX в. имела уже свою досточно-устойчивую «украино-ориентированную», этнокультурную и интеллектуальную традицию. Многие же белорусы – католики, предствители шляхетской интеллигенции края, будучи «белорусами» по происхождению, любви к территориальной родине, ее пейзажам, быту, богатой истории, жизнь белорусского народа понимали и оценивали с польской точки зрения. Но в эти годы зримо заявила о себе и другая группа белорусской интеллигенции (в массе своей – дети униатских священников), которая свою родину «Литву» стала рассматривать не как «провинцию» польской истории и государственности, а как самобытный край, имеющий свою **собственную историю и культуру** (И. Данилович, И. Бобровский, Т. Нарбут, И. Ярошевич).

Один из этих «литвинов-патриотов» И. Ярошевич явился создателем новаторского для своего времени труда, где впервые в исторической науке Белоруссии, Украины и Литвы предпринял смелую попытку создания синтезного образа ВКЛ и его культуры. Уникальный труд «Образ Литвы с точки зрения цивилизации с древнейших времен и до конца XVIII столетия» [Ш, 356] был делом всей его жизни и нелегкой судьбы. Первые фрагменты – «заявки» будущей работы увидели свет в виленских журналах 30-х гг. XIX в. («Знич» 1834, 1835; «Бирута», 1837). После появления капитальной «Истории литовского народа» Т. Нарбута (1835–1844) ему пришлось менять и расширять первоначально задуманный вариант исследования. Работа опиралась на широкий круг разнообразных источников (повествовательные: белорусско-литовские и украинские летописи, хроники Я. Длугоша, П. Дюсбурга, А. Ротундуса, М. Стрыйковского, А. Гваньини, Быховца, П. Иовия; законодательные: Русская Правда, Статуты ВКЛ, привилеи XIII–XVII вв.; работы историков XVIII – первой половины XIX вв. Э. Фишера, М. Ханделеса, А. Нарушевича, С. Раковецкого, А. Моцеевского, Е. Тышкевича, Ф.К. Богуша, Альбертранди, Т. Нарбута, Н.М. Карамзина, А.В. Кояловича, Г. Линде, Я. Чечота, А. Ходзько, А. Одынца, П. Кеппена, В. Анастасевича, рукописные сборники и архивные документы из собраний М. Догеля, гр. Залусского, гр. Дзялыньских, М. Бобровского, И.Ж. Онацевича; данные археологии, топонимики, исторического языкознания и др.). Но откровением в науке эту работу делало не столько широта и разнообразие привлекаемой источниковой базы, сколько глубина исторического мышления и свежесть методологического подхода, во взглядах на историю ВКЛ. Это был подход европейски образованного и мыслящего историка-культуролога. Являясь ценным обобщением и, в известной мере продолжением «Истории» Т. Нарбута, «Образ Литвы» И. Ярошевича благодаря богатейшим сведениям по истории экономики, быта, нравов, религии, политико-правового устройства и просвещения давал углубленный взгляд на специфику феодальных отношений в ВКЛ, показывал внутреннюю природу их происхождения. В трактовке «поганской» Литвы (религия и происхождение литвинов) главным гидом И. Ярошевича был Т. Нарбут. Предками своей Отчизны («Литвы») ученый называл ятвягов, а белорусов считал потомками кривичей. Историографической новацией Ярошевича стало органичное включение в свою работу истории ВКЛ XVI–XVIII вв., где он представил «изменения, которые под взглядом нравов, религии, просвещения и про-

мышленности до конца XVIII в. в Литве произошли», ярко и рельефно очертил «состояние социальной и духовной жизни литвинов». Вразрез с существующей традицией историк весьма критично характеризовал влияние на историю ВКЛ уний с Польшей и иезуитов. Увязывал социально-политические и культурные сдвиги в ВКЛ XIII–XVIII вв. с социально-экономическими изменениями. Труд И. Ярошевича – отражение подлинного прогресса в исторической науке Белоруссии, Украины и Литвы первой половины XIX в., показатель высокого уровня профессиональной исторической культуры у ведущих ее представителей. К сожалению, многие капитальные работы И. Ярошевича так и не вышли в свет ни во второй половине XIX в., ни в XX в. В рукописях осталось исследование об адвокатах в губерниях «польско-российских», написанное по заказу местных властей, лекции по истории права ВКЛ, монография об иезуитах [III, 338, т. XII а, с. 835; 346; III, 323, т. XI/1, з. 48, с. 12].

Изучая историческую науку Белоруссии, Украины и Литвы первой половины XIX в. нельзя не отметить ее значительное влияние на общественную и культурную жизнь элит народов этих регионов, что нашло, в частности, широкое отражение в литературе (творчество Я. Чечота, Т. Зана, А. Мицкевича, Л. Кондратовича, А. Вериги-Даревского, И. Крашевского, В. Дунина-Марцинкевича, Н. Гоголя, П. Кулиша, Г. Квитки-Основьяненко, И. Котляревского, Т. Шевченко и др.) в изобразительном искусстве (живописные полотна и зарисовки И. Дамеля, И. Олешкевича, М. Кулиша, Н. Орды и др.).

Весь спектр культурной жизни Белоруссии, Украины и Литвы в дореформенный их период свидетельствовал о том, что в это время у интеллигенции рождается устойчивый интерес к языку, истории, этнографии, фольклору белорусского и украинского народов, формируется фундамент письменной литературы на украинском и белорусском языках. Все это несомненные признаки вызревания нового этапа этнического самосознания украинцев и белорусов – национального самосознания. Белорусская и украинская историографии, выделившие к середине XIX в. изучение истории Украины, ВКЛ и Белоруссии в качестве самостоятельной проблемно и сюжетно очерченной «зоны» исследовательских интересов, являлись одновременно и симптоматичным свидетельством зарождающегося (пока еще на уровне интеллектуальных элит этих этносов – Д.К.) национального сознания и факторами его формирования.

В трудах, публиковавшихся в рамках этого периода, было немало ошибочных теоретических положений, фактических неточностей, доминировала локальная, краеведческая тематика, описательность явно преобладала над аналитическими моментами. Это объяснялось состоянием и уровнем развития самой исторической науки в крае – недостаточной разработанностью источниковой базы по ряду направлений исторических исследований (социально-экономическая история, история классов и социальных групп, история культуры), крайней малочисленностью профессиональных историков, вследствие закрытия Виленского университета (факторе, крайне негативно сказавшемся на развитии белорусской культуры и историографии вплоть до Октябрьской социалистической революции – Д.К.), классовой и политической тенденциозной избирательностью в отборе и интерпретации исторического материала. И все же подход к осмыслению вклада историков этого поколения в развитие белорусской и украинской историографии, исходя из критерия обязательности оценки исторических деятелей не по тому, чего они не дали «сравнительно с современными требованиями», а по тому, что они **дали нового** сравнительно со своими предшественниками, заслуги их следует признать весьма значительными.

Помимо формирования источниковой базы для изучения исторического прошлого феодальной Белоруссии, Украины и Литвы, историки дореформенного периода если и не решили, то поставили перед исторической наукой ряд очень важных проблем их исторического развития (этногенез белорусского, украинского и литовского народов, пути и причины создания государственности на белорусско-литовских и украинских землях: роль внешне – и внутривнутриполитических факторов в государственном развитии ВКЛ и Украины, конфессиональные отношения и их роль в судьбах ВКЛ, Украины и Речи Посполитой и др.), создали первые обзоры, содержащие систематическое изложение истории Белоруссии, Украины и Литвы. Это богатое фактами и мыслями наследие активно использовалось историками либерального и демократического направлений, пока иные условия общественно-политического и культурного развития страны не создали возможность построения новых исторических концепций о прошлом Белоруссии и Украины на основе других политических и научно-теоретических принципов и установок. В наследие историкам пореформенного периода (как белорусов, так и украинцев) перешла от историков первой половины XIX в. и сама ме-

тодологически верная традиция изучения прошлого Белоруссии и Украины в тесной связи с историей Литвы, Руси и Польши.

Сравнивая развитие белорусской и украинской историографии 30-х – начала 60-х гг. XIX в. и их влияние на процесс формирования исторического сознания интеллектуальных элит Белоруссии и Украины, следует отметить, что украинская историография в эту эпоху не только сохраняла свое преимущество в смысле воздействия на это сознание перед белорусской, но и увеличила его «вширь и вглубь». Объясняется это прежде всего тем, что репрессивная политика николаевского правительства против пропольски, оппозиционно настроенной шляхетской интеллигенции белорусско-литовской губернии не коснулась интеллектуальных элит Левобережной Украины. А открытие в 1834 г. Киевского университета – как противовеса ликвидированного Виленского университета создает для украинской историографии вторую, наряду с Харьковским университетом, институциональную «подпорку», на основе которой стала возможной системная подготовка профессионально обученных поколений гуманитарной интеллигенции (историков, юристов, филологов). Благодаря их усилиям масштабы воздействия новых поколений интеллектуальных элит Украины на формирование национального-исторического сознания резко возросли.

На подросийских землях Украины первый университет был основан в Харькове (1805) по инициативе известного украинского ученого и общественного деятеля В. Каразина, которого современники называли «украинским Ломоносовым». В составе университета функционировал историко-филологический факультет, с которым были связаны имена многих украинских историков и литераторов (Л. Боровиковского, П. Гулака-Артемевского, Н. Костомарова, И. Срезневского, М. Лунина и др.). Значительную роль в развитии исторической мысли в Слободской Украине сыграл историко-филологический кружок, который был создан в начале 30-х гг. XIX в. по инициативе профессора И. Срезневского. Россиянин по происхождению, он сформировался в культурной среде Слободской Украины, искренне и с любовью изучал историю и быт украинского народа, казачества, собрал уникальные этнографические коллекции. Активно сотрудничал с учеными-славистами и историками Галиции и Закарпатья (Я. Головацким, И. Вагилевичем, О. Духновичем и др.). Кружковцы исповедовали идею романтизма в отношении к украинскому прошлому, свидетельством чему стало издание «Украинского

альманаха», на страницах которого публиковались подготовленные исторические и этнографические исследования, украинские народные песни и исторические думы. По инициативе и при активном содействии И. Срезневского был подготовлен и издан историко-литературный сборник «Запорожская старина» (1833–1838). И. Срезневскому принадлежит и ценное исследование по истории Слобожанщины [IV, 55; 57; 67].

Особенную роль в развитии украинской исторической науки в эти годы сыграл Киевский императорский университет Св. Владимира (1834). Символично, что его первым ректором стал М. Максимович – выдающийся украинский ученый, историк, фольклорист и этнограф. Как сторонник романтизма в исторической науке, М. Максимович в своем творчестве значительное место уделял проблемам формирования украинского народа, его самобытности. Работы М. Максимовича «Очерк Киева», «Письма про Б. Хмельницкого», «Исследования о гетмане Конашевиче-Сагайдачном», «Рассказ о Колиивщине» и другие сыграли значительную роль в развитии исторических знаний, в становлении украинской историографии. Велики заслуги М. Максимовича в развитии украинской научной археографии как издателя «Русской правды», «Повести временных лет», уникальных исторических памятников по истории Украины XVI–XVII вв. Историк выступил в качестве основателя литературно-публицистических альманахов «Денница», «Киевлянин», «Украинец». Своим интеллектом, творчеством М. Максимович оказал большое влияние на воспитание нескольких поколений историков, на становление институциональной исторической науки в Киевском университете. В 1840-х гг. в университете работал и выдающийся украинский историк Н. Костомаров – воспитанник Харьковского университета, один из основателей Кирилло-Мефодиевского братства, автор знаменитой «Книги бытия украинского народа». К 60-м гг. XIX в. сформировались его творческие замыслы, которые будут реализованы в 60–70-е гг. в серии знаменитых монографий («Богдан Хмельницкий», «Руина», «Мазепа» и др.). Заслуга Н. Костомарова в становлении украинской национальной историографии прежде всего в том, что он идею о самобытности украинской нации, ее право на собственное государство активно стремился поставить на почву научной фактографической аргументации. Являясь представителем романтического направления в историографии, он под влиянием репрессий против украинского движения постепенно отхо-

дит от идеи украинского автономизма к идее славянского единства на федералистской основе [IV, 57; с. 197–203].

Поколение украинских историков-романтиков (М. Максимович, Н. Маркевич, Н. Костомаров, П. Кулиш), не отрицая, по справедливому замечанию З. Когута, «большого российского нарратива», подрывали его. Они охотно соглашались, что Киевская Русь была государственной организацией, откуда вышли все восточные славяне, что Российскую империю можно считать одной из ее наследниц. Однако истории государственных, политических структур они не придавали большого значения. Украинские историки-романтики 30-х – начала 60-х гг. XIX в. считали, что «народ» в разных частях Руси создавал особые черты, и именно они и должны быть объектом исторических исследований, а не династии или государственной структуры. Украинский народ рассматривался ими как индивидуалистичный, демократический и федералистский, а российский – как общинный и самодержавный. Украинские романтики приписывали украинцам уникальную, мессианскую роль в истории – сохранение идей свободы и демократии. Но при этом большая часть из них все еще оперировала понятиями «метароссийского мировоззрения» (украинцы рассматривались как народность в составе большой Российской нации). Эта позиция оставалась доминирующей в украинской историографии практически до конца XIX столетия. Украинские интеллектуалы добивались признания «малороссийской» или «украинской» народности «в середине всероссийской державы и нации, так же как валлийцы, шотландцы и англичане были признанными частями бретанской державы и нации» [IV, 57; с. 204].

Ответ на вопрос – почему правительственная бюрократия Российской империи так жестко подавляла саму возможность институционального развития центров высшего образования и науки в белорусско-литовских губерниях и в то же время относительно лояльно относилась к их деятельности на территории Левобережной Украины и в Киеве, следует искать в политической плоскости. Подавляющая часть белорусско-литовской шляхетской интеллектуальной элиты до 60-х гг. XIX в. продолжала ориентироваться на польскую культурную доминанту, надеясь на возрождение модернизированной второй Речи Посполитой. Большая часть украинской интеллектуальной элиты 30-х – начала 60-х гг. XIX в., придерживаясь идей культурного автономизма, оставалась все же лояльной идее совместного политического существования украинцев с рос-

сиянами и другими народами в едином «политическом теле» Российской империи. Поэтому российское правительство в своей борьбе с польским сепаратизмом и польским культурным влиянием в губерниях западного и юго-западного краев надеялась использовать пока еще не опасную для него (в плане политического сепаратизма – Д.К.) «украинскую карту» как эффективный инструмент своей культурной политики в «губерниях от Польши отошедших», как противовес польскому культурному влиянию.

Одним из элементов этой политики явилась активная археографическая деятельность центров исторической науки «подроссийской Украины»: поиск, выявление, архивно-археографическая обработка и публикация огромного массива источников по истории Украины. В 1843 г. в Киеве была основана «Временная комиссия для разбора древних актов при Киевском, Волынском и Подольском генерал-губернаторе». Официальный С.-Петербург, иницируя создание этой комиссии, добивался сбора документальных свидетельств «российскости» украинских земель Правобережной Украины, называемых тогда Юго-Западная Россия. Комиссия стремилась доказать их «вековечную» принадлежность к России. Не случайно первым ее председателем был назначен правитель канцелярии генерал-губернатора Н. Писарев. Среди членов комиссии в качестве профессиональных экспертов и сотрудников привлекались М. Максимович, М. Иванишев, П. Кулиш, В. Иконников, Т. Шевченко, В. Антонович (секретарь комиссии и др). Комиссия издавала «Архив Юго-Западной России», в котором серийно публиковались акты по истории церкви, шляхты, документы по истории казачества и гайдомацкого движения; летописи, сборники по исторической топографии, картографии, палеографии. Благодаря ее деятельности были разработаны принципы публикации различных видов источников, положенные в основу украинской археографии. Увидели свет десятки томов архивных источников, казачьи летописи, письменные источники, выявленные в государственных канцеляриях, монастырских архивах, в библиотечных, музейных и частных коллекциях Правобережной Украины и Восточной Галиции. Концентрированный итог деятельности комиссии – 15 томов «Актов, относящихся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией» (1846–1853). В эту серию вошли документы по истории Украины XIV – XVII вв. Издательская деятельность комиссии стимулировала научные исследования по истории Украины, создавала для них фундаментальную источниковую базу. Ее археографическая

деятельность оказала значительное влияние на работу исторических обществ, архивов и музеев Киева, Харькова, Одессы, Чернигова, Нежина и Полтавы. Среди этих исторических центров своей активностью выделялось «Одесское общество истории и древностей (1839)». Оно специализировалось на сборе и изучении археологических, этнографических, географических сведений об Южной Украине – Новороссии. Правительственный Петербург видел смысл существования общества в сборе доказательств исторической закономерности, вхождения Юга Украины и Крыма в состав империи, обосновании правомерности ликвидации Запорожской Сечи и казачьих вольностей. Огромный вклад в украиноведческие исследования внес один из активнейших членов и руководителей общества А. Скальковский – уроженец Житомира, воспитанник Виленского и Московского университетов. Благодаря его подвижническим усилиям удалось спасти от уничтожения и ввести в научный оборот значительную часть уникального комплекса документов канцелярии Войска Запорожского [IV, 2; 26; 34; 48; 52; 78; 94]

Таким образом, мы видим, что к 60-м гг. XIX в. в украинской историографии прочно утверждается и проводится через активную археографическую деятельность «идеология» необходимости документализации синтезных концепций украинского прошлого. Еще одной особенностью украинской исторической мысли 30-х – начала 60-х гг. XIX в. являлось то, что ее развитию и расширению влияния в сфере общественного воздействия плодотворно способствовали, наряду с профессиональными историками, ведущие украинские литераторы и деятели искусств (Т. Шевченко, И. Котляревский, Г. Квитка-Основьяненко, П. Кулиш). Как считает подавляющее большинство украинских исследователей, наибольшее влияние на утверждение национальных основ украинской историографии и исторического сознания украинцев оказало творчество Т. Шевченко. Не являясь профессиональным историком, Т. Шевченко выработал свой собственный взгляд на историю Украины, ее самобытность. В целом ряде художественных («Кобзарь», «Гайдамаки», «Гамалия»), публицистических произведений, в дневнике и в автобиографии, многочисленных письмах он изложил свое видение важнейших событий украинской истории, наметил пути сохранения и воскрешения самобытности Украины, развития украинского языка, просвещения и национальной культуры [IV, 34; 49; 53; 55; с. 199–201 и др.]. Огромный транслирующий эффект творческого наследия Т. Шевченко на развитие украинского на-

ционального самосознания, в полной мере проявившийся в контексте украинской культуры 60-х гг. XIX – начала XX вв., не следует искусственно преувеличивать для периода 40–50-х гг. XIX в.

В целом же, как отмечают многие современные исследователи проблемы, развитие «белоруски артикулированных» (П. Терешкович), как, впрочем, и «украински артикулированных» историографии, литературы, фольклористики и этнографии в первой половине XIX в. было еще не в силах значительно повлиять на этническое сознание на массовом уровне. Относительная слабость проявления артикуляции в Белоруссии в этот период была связана главным образом с отсутствием интеллектуального потенциала, нацеленного на решение национального проекта. В Украине же главным барьером для проникновения зарождающейся национальной идеологии и нового исторического сознания, создателем которых являлась этноориентированная украинская элита, – был фактор социальный: крайне низкий уровень образованности подавляющей массы «простонародного» населения Украины и заметно ощущаемый разрыв в менталитете украинской элиты и украинского крестьянства. Слабая восприимчивость среды – представителей податных сословий (и прежде всего крестьянства, социального базового массива белорусского и украинского этноса – ДК.) к освоению новой национальной идеологии и исторического сознания на рубеже 1850–1860 гг. объясняются еще и тем, что эта подавляющая часть населения Белоруссии и Украины сохраняла этносоциальную структуру, которая сформировалась в XVII–XVIII вв., систему этнонимических названий той же эпохи. Как аргументированно отмечают украинские и белорусские исследователи, этническое самосознание начало формироваться только у небольшой части их представителей: узкого круга интеллигенции, выходцев среди шляхты и духовенства [III, 243, с. 97; 101, IV, 7, 47, 57, 79, 90, 93, 94]. Модернизационная отсталость – крайне низкий уровень охвата системы образования, являлась важнейшей причиной, тормозившей развитие украинского и белорусского национального движения до 60-х гг. XIX в.

ГЛАВА 4. БЕЛОРУССКАЯ И УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ПЕРИОД ПОРЕФОРМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ (1860-е – 1920-е гг.)

4.1. Западноруссизм и его представители в белорусской и украинской историографии пореформенного периода

В эпоху капитализма белорусский, украинский этносы вступили в новый период своего развития. Реформа 1861 г. при всей ее ограниченности открыла более благоприятные перспективы для развития капитализма в России, в том числе в Белоруссии и Украине, и четко обозначила две основные тенденции в решении национального вопроса: 1) пробуждение национальной жизни и национальных движений, нарастание борьбы против всякого национального угнетения, создание национальных государств; 2) ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни, политики и науки. Неравномерность социально-экономического развития народов Российской империи в условиях капитализма вызвала различные варианты реализации этих тенденций. Процесс формирования украинской и белорусской нации более рельефно обозначился только к началу XX в. и проходил в то время, когда межнациональные связи в рамках многонациональной Российской империи играли уже не меньшую роль, чем связи внутриэтнические. Развитие первой тенденции в Белоруссии и Украине было замедленным, второй – ускоренным. Между ними не было временного разрыва. Это обстоятельство

обусловило специфику развития белорусского и украинского этносов в пореформенный период их существования [III, 239, с.151–165; IV, 79, с. 106–107].

В эпоху капитализма на развитие белорусского и украинского этносов существенно влияли и компоненты политического фактора: система российского самодержавия с его имперской политикой, общероссийское, белорусское и украинское национально-освободительное движение. Три горячие «точки» эпохи: восстание 1863–1864 гг., народническое движение конца 70-х – начала 80-х гг. и революция 1905–1907 гг. во многом определили расстановку политических сил в Белоруссии и Украине, оформили основные течения идейной борьбы в общественной, научной мысли национальных регионов Российской империи (правительственно-дворянское и клерикальное, либеральное и демократическое).

После подавления восстания 1863–1864 гг. освободительное движение в Белоруссии и Украине во все большей степени сближалось с общероссийским революционным движением и вместе с ним вступало в новый этап своего развития – разночинный. Именно в народнической среде в начале 80-х гг. XIX в. возникла в Петербурге группа «Гомон» – первая в истории Белоруссии демократическая организация, которая в своей программе рассматривала вопросы национального и социального освобождения белорусского народа. Накал политической и общественной борьбы в период революции 1905–1907 гг. заставил царизм отменить ограничения в использовании языков национальных меньшинств империи, в том числе белорусского и украинского. Это обстоятельство несомненно содействовало развитию консолидационных процессов в белорусском и украинском этносах, в белорусской и украинской национальных культурах в рамках Российской империи. Большой проблемой в развитии украинского национального сознания этой эпохи, которую помогала решать новая украинская историография, была ее региональная вариативность, особенно существование «Галицкой» и «Надднепрянской» моделей. Ситуация, в которой находилась национальное сознание украинцев на рубеже XIX–XX вв., когда украинский этнонациональный организм был разделен между российской и австро-венгерской империями, выглядела достаточно контрастной. В украинской историографии пока еще отсутствуют специальные исследования, которые бы рассматривали в сравнительном контексте национальную идентичность

различных составных Украины в этот период. В большинстве случаев встречаются отдельные замечания по этой проблеме (И. Лысяк-Рудницкий, В. Сарбей, Я. Грицак, Р. Шпорлюк и др), которые имеют достаточно контroversийный характер. Так, современный украинский исследователь Г. Касьянов говорит, что серьезные отличия на Западе и Востоке Украины заставляют его выделять «два украинских национализма» [IV, 79, с. 107; 56].

Белорусское же национально-освободительное движение, организационно оформившееся в конце XIX – начале XX вв. по социальному составу и направленности включало в себя два течения (либерально-буржуазное и революционно-демократическое) [III, 235, с. 5–17]. Это во многом объясняется разноликостью социальных источников комплектования белорусской национальной интеллигенции – основы идейного и организационного ядра национально-освободительного движения (уроженцы мелкой шляхты, духовенства, крестьянство). Оно сыграло видную роль в формировании белорусской национальной культуры пореформенного периода. Ее активные участники – учителя, литераторы, историки, деятели искусства, выступавшие за развитие языка, истории, литературы, этнографии, плодотворно созидали основу для развития этнического самосознания белорусов. Их деятельность имела особо важное значение в рамках рассматриваемого периода, поскольку правящие круги Российской империи проводили в те годы на белорусских землях политику последовательной русификации [III, 289, с. 157–158]. Однако влияние белорусской интеллигенции на сознание широких масс в эпоху капитализма не следует переоценивать. Несмотря на значительные изменения в духовной культуре белорусского этноса, происходившие в это время, главный его пласт, в связи с замедленным развитием профессиональной культуры, составляла «традиционная» культура – культура «низов» (устно-поэтическое творчество, народные формы искусства, традиционные обряды, обычаи, суеверия). Хотя разрыв между «верхним» и «нижним» этажами белорусской культуры в эпоху капитализма заметно сократился, в связи со значительным количественным ростом образованной части общества все же он не был, да и не мог быть до конца ликвидированным в тех исторических условиях, когда главной целью правящих слоев государства являлось не благо народа, а сохранение существующего политического строя – гаранта увековечивания системы эксплуатации человека человеком, социального и национального угне-

тения народов. Это не могло не сужать сферу культурного воздействия деятелей белорусской национальной культуры на основную массу населения края. Вот почему расширение общезтнического самосознания среди народных масс шло медленно.

Неотъемлемая часть белорусской культуры – белорусская национальная наука в эпоху капитализма была представлена в основном гуманитарными сферами знания. Белорусская историография развивалась в тесной связи с этнографией, фольклористикой, археологией и филологией. Фундаментальные работы М.В. Довнар-Запольского, И.И. Лаппо, И. Носовича, Е.О. Романова, Е.Ф. Карского, П.В. Шейна открывали перед ученым миром России новые, практически неисследованные страницы истории материальной и духовной культуры белорусов, разрабатывали важные проблемы этнополитического и социально-экономического развития в процессе его исторического прошлого и настоящего. Большую роль в развитии белорусской историографии этого периода сыграли Российская Академия наук, Русское Географическое и Русское Археологическое общества, Киевский и Петербургский университеты. Под непосредственным влиянием прогрессивных русских и украинских исследователей из этих научных учреждений Российской империи происходила исследовательская деятельность большинства белорусских ученых-гуманитариев, в том числе белорусских историков. Эта помощь была особенно значима, если учесть тот факт, что белорусская наука и в эпоху капитализма не имела своих вузовских или академических исследовательских центров. Нерешенность этой проблемы в дооктябрьский период ее развития приводила не только к тому, что наиболее видные представители белорусской историографии эпохи капитализма вынуждены были работать за пределами края – в университетских центрах Российской империи (М.О. Коялович – в Петербурге, М.В. Довнар-Запольский – в Киеве, И.И. Лаппо – в Дерпте), но и к тому, что в трудах местных историков, работавших на территории края, преобладающей оказывалась красневедческая, нередко узколокальная тематика. Тесная связь белорусской историографии с «живой» жизнью эпохи капитализма прямо и очень существенно сказалась не только в оформлении трех основных течений в русле самого историографического «потока» (официально-охранительного, клерикального и демократического), но и в заметном расширении круга исследуемой ею исторической проблематики, расставленных историографических акцентах, заметной эволю-

ции методологии и методов изучения истории Белоруссии, определенном соотношении исторических жанров в исследовательской практике историков.

На развитие белорусской историографии первого пореформенного двадцатилетия, пожалуй, наибольшее влияние оказал тот мощный социально-политический резонанс, который был вызван в политической и общественной жизни России кровавыми событиями восстания 1863 – 1864 гг. и мерами по его усмирению. Они сфокусировали на ряд лет внимание правительственной России и российского образованного общества на западных и Юго-западных губерниях империи. Эти события заставили многих публицистов, общественных и государственных деятелей, ученых страны открыть для себя Белоруссию и «белорусский вопрос» не только как вполне ощутимые реалии политического настоящего империи, но и как явление, имеющее древние исторические корни и свою историю.

Это открытие Белоруссии сделали прежде всего представители правительственного лагеря и руководство Св. Синода. Их влияние на белорусскую историографию в 60–70-е гг. XIX в. было решающим, существенно сказывалось и в последующий период ее развития. В период восстания 1863–1864 гг. для опровержения польских притязаний на Литву и Белоруссию, находивших широкий отклик в европейской печати и дипломатии, царское правительство взялось доказывать, что «западный край» есть край русский, – «совращенный» узурпаторами-поляками. Стремясь восстановить «русскую народность и поруганную православную веру», оно мобилизовало целый комплекс мер административно-полицейского и охранительно-идеологического характера [1, 27, 28, 29, 79, 125, 146, 149]. К их числу относится издание под эгидой МВД и военного ведомства России двух «исторических» атласов «Западного края» (полковника Эркерта и подполковника Риттиха). Политическая и пропагандистская задачи этих публикаций – дать «исторический» ответ запросам и версиям западноевропейской дипломатии и прессы очевидны. Не случайно вышедший в 1863 г. в Петербурге этнографический атлас Эркерта был издан первоначально на французском языке, а уж затем через год на русском для своего «внутреннего» пользования. Вышедший в том же 1864 г. атлас подполковника Риттиха [II, 6,42] был создан под руководством видного царского чиновника генерала П.Н. Батюшкова. Первое издание атласа предназначалось «не для публики», а для строго «офици-

ального употребления». Сбор материалов для этой работы был начат под руководством П.Н. Батюшкова еще в 1859 г. В основании атласа лежали данные, полученные от МВД и от чиновников, командированных в губернии Белоруссии и Правобережной Украины для осмотра состояния православных церквей и монастырей в этих районах. По данным МВД и по сведениям, почерпнутым из ряда центральных ведомств империи (министерства финансов, Св. Синода и др.), в 1860–1861 гг. были первоначально составлены карты губерний Витебской, Могилевской и Минской, а затем и западно-белорусских районов (Гродненской и Виленской губерний). Концепция истории края до конца XVIII в., заявленная составителями атласа, вполне естественно совпадала с правительственной версией как края, пребывавшего под «иноверным и иноплеменным владычеством». Атлас А. Риттиха был представлен министром внутренних дел Александру II, а затем Батюшковым государственному канцлеру кн. А.М. Горчакову до опубликования еще им знаменитых нот правительства по польскому вопросу [I, 141, дд. 1, 78; II, 17, с. XVII].

Одной правительственной «палки» для успешного «усмирения» западных губерний было явно недостаточно, и это прекрасно понимали наиболее дальновидные правительственные сановники в центре и на местах. Белорусская «тема» в 60 – 70-е гг. XIX в. запестрела в газетах, журналах, брошюрах и книгах империи. В это время русское образованное общество в массе своей едва ли не впервые узнало кое-какие сведения об этнографическом составе населения западных губерний и получило первые систематизированные (в духе правительственного заказа) понятия об его истории [II, 24, 25, 36, 38, 47, 53, 103, 116, 129, 140–142, 147, 334]. Сформировавшиеся в эти годы представители официального и клерикального направления в историографии Белоруссии продолжали и в 80–90-е гг. XIX в. пропагандировать через историю уже явно устаревшие к тому времени положения великодержавно-монархического толка о «естественности, справедливости и законности» государственного «воссоединения» белорусских и литовских губерний, с империей, о ненасильственном якобы «воссоединении» униатов с православной церковью на соборе 1839 г. в Полоцке, о восстании 1863–1864 гг. как бунте «польских помещиков, испугавшихся того, что русское правительство, освободив крестьян, переманит их на свою сторону». Эти исторические взгляды проповедавались в общественном сознании населения России

под девизом «За упрочение в крае русских исторических начал» [I, 141, дд.1, 78; 17, с.268, 313, 363, 376].

Активную поддержку в эти годы правительству оказали многие столпы позднего российского славянофильства и либеральная интеллигенция империи. Один из органов славянофильской публицистики тех лет – «Московские ведомости» прямо провозгласил тезис о необходимости «нравственного завоевания западного края России» [II, 200, № 126]. Многие русские славянофилы (Ю.Ф. Самарин, И.С. Аксаков, А.Ф. Гильфердинг др.) по существу солидаризировались с самодержавием в своем отношении к польскому вопросу. В качестве главного эксперта и авторитета по истории Западной России к сотрудничеству в славянофильских изданиях «День», «Москва», «Русь» И.С. Аксаковым был приглашен профессор Петербургской духовной академии, уроженец Западной Белоруссии М.О. Коялович [I, 345, с. 83; III, 284, с. 27]. Призванный под славянофильские стяги историк обратился к издателям российских газет с призывом печатать этнографические и исторические материалы о «Западной России», а в губернских «Памятных книжках» – короткие рассказы. От ретивых проправительственно настроенных славянофилов крепко доставалось и русскому ученому миру за недостаточное внимание к изучению истории Белоруссии в предшествующий период [I, 277, с. 372]. Все те, кто не принимал участия в этой срежиссированной правительством и славянофилами антипольской компании, шельмовались как «предатели и изменники» России. Общественному остракизму была подвергнута русскими либералами демократическая позиция А.И. Герцена. Закрыт редактируемый Ф.М. Достоевским журнал «Время» за опубликованную в нем статью Н.И. Страхова «Роковой вопрос» [III, 245, с. 88].

Зато полное понимание призывы М.О. Кояловича нашли у администрации западных губерний империи. Всесильный диктатор Литвы и Белоруссии, виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев, получивший к своей фамилии у населения края красноречивую приставку «Вешатель», был не только многоопытным и энергичным политиком, но и весьма сведущим в истории человеком, осознавшим ее пользу в деле идеологической обработки жителей края в нужном для самодержавия русле. Он проявил себя умелым и активным организатором многих начинаний царизма в Белоруссии, направленных на изменение общественного и исторического сознания населения западных губерний в сторону давно накатанной колеи «самодержавия, православия и народности». В своих

докладных записках и проектах Александру II о политическом положении края и о средствах его «успокоения» в 1863–1864 гг. Муравьев помимо необходимости резкой русификации администрации западных губерний и учреждения там сильной и деятельной секретной полиции [I, 28, 146; 160, оп. I, д. 24] настоятельно рекомендует царю осуществить комплексную программу в сфере народного образования, направленную на ликвидацию «латинской пропаганды и польского влияния». Одним из важнейших компонентов этой программы стала коренная перестройка содержания системы исторического образования в Белоруссии и Литве. Обязательным объявлялось «Прекращение преподавания превратным образом истории края, в котором толковалось о наезде русского правительства, о том, что русского народа и ничего там не было» и т.д., с этой целью было предложено: «с премией Московскому университету написать историю России и западного края». Целью этой, как и других мер воздействия Муравьева на умы и чувства местного населения, было «уничтожение всех политических происков польской пропаганды». Цель эту, как откровенно признавал виленский диктатор царю, «Я предложил себе и старался привести в точное исполнение в течение периода управления краем» [I, 160, оп. I, д. 58, л. 27]. После подавления восстания 1863–1864 гг., по мнению М.Н. Муравьева, оставалось приступить к восстановлению и упрочению русской народности и православия в крае, в котором они были подавлены многие десятки лет, и совершенно забыты, ибо и сами русские, жившие в тех губерниях, не считали себя русскими, а край тот принадлежностью Польши» [I, 169, оп. I, д. 57, л. 13]. В постановке учебного процесса в средней и начальной школе Муравьев предписывал своим соратникам обратить внимание «на правильное преподавание русской истории и в особенности истории Западной России». Обращаясь к ней, «стараться правильным изложением истории уничтожить превратное и враждебное нам направление, распространяемое бывшими польскими школами. Необходимо всем и постоянно разъяснить, что край Северо-Западный всегда был и есть русский, и что польский элемент есть временный, заброшенный в эпоху польского владычества». Человек дела М.Н. Муравьев успевал не только энергично отправлять на виселицы повстанцев-революционеров, но и активно, на практике перестраивать историческую науку на «новый лад», на ходу оперативно реагировать «историей» на происходившие в Западных губерниях России грозные для царизма революционные события. Уже в апреле 1864 г. в

связи с запросом министра внутренних дел гр. Валужева он задумывает создание труда о событиях 1863 г. Гродненскому и Ковенскому губернаторам 13 апреля 1864 г. он отправляет предписание составить «Очерк о начале и ходе бывшего мятежа по губернии и о польской революционной организации, которая существовала в ней». Аналогичные предписания были направлены воинскому начальнику инфлянтских повоев Витебской губернии, виленскому губернатору, жандармскому штаб-офицеру, полковнику А.М. Лосеву, председателям следственных комиссий в Вильно П.Н. Шелгунову и С.И. Веселецкому, витебскому и могилевскому губернаторам. Осенью 1864 г. некоторые очерки уже поступили в канцелярию генерал-губернатора. Вопрос о сведении их в единое целое был поручен виленским диктаторам генерал-майору Ратчу и двум преданным ему помощникам – полковнику А.М. Лосеву и подполковнику А.С. Павлову. В 1867 – 1868 гг. (уже после смерти М.Н. Муравьева) Ратч издал два тома подготовленного коллективного труда под названием «Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западном крае» [I, 49, дд.5, 20, 29; II, 247] и «Введение» к ним. Основанный на тенденциозном истолковании большого и разнообразного круга источников труд Ратча был взят на вооружение правительственными и консервативными кругами царской России. Чиновники виленского генерал-губернатора гр. Ожаровский и Геруш-Зброевский перевели «Сведения» на французский язык и издали в 1868 – 1869 гг. в Париже тремя отдельными книгами [III, 129, с. 94–102]. Однако рвение артиллерийского генерала угодить своему начальству не позволило достигнуть ожидаемого результата. Скорее наоборот. Факты, собранные Муравьевской бригадой «историков», никак не укладывались в рамки великодержавно-официозной концепции, которую исповедывал Ратч. «Комком грязи, который так чудно не попал в цель», назвал эту работу А.И. Герцен.

Небольшой эффективностью отличалась и деятельность пригретого виленским диктатором специалиста по «практической пропаганде» на исторической ниве К.А. Говорского (1811–1871) – редактора издаваемого с начала в Киеве «Вестника Юго-Западной России», а с 1863 г. в Вильно – «Вестника Западной России». Сын униатского священника с Витебщины он прошел довольно типичный жизненный путь для того поколения монархистов-историков Белоруссии, исследовавших «Западный край» по заказу царизма, которое получило в исследовательской литературе и публицистике тех лет название «западнорусов». Вначале

греко-униатская семинария в Полоцке, затем Петербургская духовная академия, преподавание в Полоцкой семинарии ряда дисциплин, в том числе истории и археологии. И, наконец, один из предпоследних этапов карьеры на пути к редакторскому креслу в «Вестнике» – редактор неофициальной части «Витебских губернских ведомостей» (в 1857–1858 гг.), в которой преимущественно печатал свои труды. Петербургские и московские приятели-славянофилы ввели его в научные салоны столиц и сделали известным ряду власть имущих, волею обстоятельств ставших по поручению правительства в 60-е гг. XIX в. «специалистами» по польскому вопросу. Впрочем, известность эта среди порядочных ученых столиц была весьма сомнительного свойства. А.Н. Пыпин, брат Н.Г. Чернышевского, известный русский либеральный историк и этнограф охарактеризовал его как «морально низкого, подлого человека» с полным набором «духовных качеств полицейского соглядатая» [II, 245, с. 94–95]. Зато эти ценные качества по достоинству оценил один из идеологов «западнорусов» М.О. Коялович, содействовавший назначению К. Говорского редактором начавшего выходить в Киеве с 1862 г. журнала «Вестник Юго-Западной и Западной России». Журнал активно публиковал материалы по истории Белоруссии и Украины, массу документов в основном по истории религии и церкви этих районов, документов, разумеется, предварительно препарированных монархистами-патриотами из Киевской археографической комиссии. В существовании журнала проявили свою большую заинтересованность Священный Синод и профессора Петербургской Духовной академии, не забывали и своими субсидиями МВД и МНП [III, 284, с. 28]. Крестный отец-вдохновитель «Вестника» профессор ПДА М.О. Коялович заботливо сформулировал программу и план его работы [II, 174, № 3, с. 278], что не мешало, впоследствии весьма амбициозному Говорскому приписать себе честь «открытия» вопроса о Западной Руси гораздо раньше «Катковых, Аксаковых, Кояловичей» [III, 284, с. 29]. В Киеве журнал был настолько не популярен, что от неминуемого краха его не спасла поддержка Петербурга и местных властей. Спас М.Н. Муравьев и его попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов, по настоянию которых редактор и его журнал были срочно передислоцированы в Вильно. Получив новое название «Вестник Западной России» (1864–1871), он ни мало не изменил своему охранительному духу, и на протяжении без малого десяти лет верой и правдой отработывал свой полицейский хлеб. Являлся ярким выразителем господствовав-

шей в то время официально-идеологической волны в политике, науке и публицистике западных губерний России.

Певший по указке М.Н. Муравьева и Св. Синода гимны белорусскому православию, «спасшему» Белоруссию от «ига полонизма и латинства, от угнетателей поляков», обличивший местное дворянство «окатоличившееся и ополячившееся», которое из-за земных благ «предало православие и русскую народность», «Вестник» с рвением, достойным лучшего применения, через историю сражался против полонизма. Вся история Белоруссии и Правобережной Украины представлялась издателям и авторам журнала только с одной точки зрения: «польская интрига и католическое насилие, ничего другого в этой истории не было...». В первую очередь журнал публиковал такие документы и статьи по истории феодальной Белоруссии и Украины, которые свидетельствовали об угнетении «русской церкви и народности». Для приманки читающей публики печатались и исторические повести в том же монархически-обличительном духе (П. Кулиша, П. Кукольника, В. Скурловича, Валькера, Ольшвангера и др.). С большим жаром полицейского свойства велся отдел публицистики, бойкие сотрудники которого причислили к врагам «Отечества» Н.И. Костомарова, Н. Страхова, Т.Г. Шевченко. И когда идейные вдохновители журнала петербургские и московские славянофилы, настаивая на русификации «западного края», все же допускали существование этнографической Польши, «Вестник» К. Говорского и ей пророчил полную гибель [II, 246, с. 91–95].

В соответствии с программой издателей и вдохновителей «Вестник» на своих страницах безудержно восхвалял все, что служило делу русификации края. Публикации исторических документов, краеведческих статей и литературных материалов имели ярко выраженный тенденциозный характер, в подавляющем своем большинстве освещали деятельность православной церкви, религии, духовенства в их борьбе с католицизмом. Как и его предшественник «киевского периода» «Вестник» был крайне непопулярен среди населения края. И здесь его не спасло даже введение обязательной подписки для духовенства и чиновников. В конце 60-х – начале 70-х гг. его верноподданная брань стала расходиться с курсом послемуравьевской местной администрации. И в 1871 г. журнал прикрыли [III, 218, с. 28–29], за что, впрочем, в 80-е гг. в период подъема новой реакционной волны в национальном вопросе (в годы управления МВД гр. Н.П. Игнатьевым) эта политика местной администрации была

объявлена сплошной ошибкой и предательством «русского дела» в крае [Ш, 219, с. 99].

Инициатор и руководитель использования местной, зависящей от правительства прессы М.Н. Муравьев не оставлял без внимания и губернские периодические издания 60-х гг. XIX в. При нем и после него под влиянием еще не погасших воспоминаний о восстании 1863–1864 гг. особое внимание польскому вопросу и обоснованию законности притязаний самодержавия на Белоруссию уделялось и в «Губернских Ведомостях» края. А так как программой этих изданий не были предусмотрены передовые статьи и материалы, затрагивающие вопросы текущей политики, то особый упор в них делался на публикацию исторических и этнографических работ, которые должны были служить заявленным царизмом целям. Так, в «Минских ведомостях» публиковались статьи минского краеведа Р. Игнатъева, в «Витебских» – А. Сапунова, А.М. Семеновского, в «Могилевских» – А. Сазонова, в «Гродненских» – М.А. Дмитриева. В тех же статьях виленских газет 60-х гг. XIX в., в которых разрешалось «по согласованию с начальством» давать кое-какую информацию о текущих событиях, их авторы, опираясь на высказывания «белых», пытались представить восстание 1863-1864 гг. акцией польских помещиков, недовольных освобождением крестьян от крепостной зависимости и пытавшихся вновь закабалить белорусский народ [Ш, 218, с. 17, 18, 32, 49].

В 1864 г. верное Муравьеву руководство Виленского учебного округа поднимало перед своим шефом и вопрос об издании специального журнала для «народа», который должен был знакомить крестьян с историческими событиями их родины, ее общностью с Россией «по вере, языку и происхождению». Но инициатива не была поддержана руководством министерства народного просвещения [I, 146, д. 279].

В предлагаемом журнале должны были вестись 3 отдела: 1) исторический; 2) этнографии и статистики; 3) духовно-нравственный. В отдел исторический, по мысли инициаторов издания, должна была войти вся история России в форме биографий замечательнейших лиц и монографий о важнейших событиях, причем «преимущественное внимание будет обращено на историю Западного края» [I, 146, д. 271, л. 1], ибо «при той слабости народного сознания, которая обнаруживается в населении западнорусского края, почти совершенном отсутствии народных преданий и исторических воспоминаний (как то былины, исторических песен) исторический отдел будет иметь постоянно ввиду эти слабые стороны

в духовном развитии западнорусского народа и будет стремиться пробуждать в своих читателях воспоминание о славных людях, и тем **восстановлять в них подавленное вековым гнетом чувство своей русской народности, укреплять нравственную связь с единокровным народом Великороссии и признательность к Государям** (подчеркнуто нами – Д.К.) и великим деятелям русской земли, оказавшим благотворное влияние на судьбы Отечества» [I, 146, д. 271, л. 1 об].

В 1876 г. при поддержке министров просвещения гр. Д.А. Толстого и внутренних дел А.Е. Тимашева разрешение на издание подобного журнала под названием «Сельское чтение» было получено. Очередной официоз для народа был задуман как «последнее подспорье усилиям правительства к утверждению в сем крае русских начал гражданственности и общественного быта». Программа его предусматривала публикацию статей «религиозно-православного» содержания и рассказов по истории России и других государств. Как и его предшественники официозного направления и этот журнал популярностью у местного населения не пользовался. Поэтому неудивительно, что, несмотря на небольшой тираж и обязательную подписку на него народных училищ края, агония «Сельского чтения» продлилась недолго – всего полтора года [I, 131, ф. 776, оп. 85, дд. 14–15]. Отсутствие в Белоруссии и Литве в 60 – 70-е гг. XIX в. независимых от местной администрации периодических изданий обусловили засилье в пропаганде исторических знаний официозных изданий. Финансовая зависимость этих газет и журналов от правительства, право последнего вмешиваться в их дела делали эти органы края проводниками официальной, правительственной точки зрения на историческое настоящее и прошлое Белоруссии. Слегка ослабев в период политической оттепели второй половины 70-х – начала 80-х гг., эта реакционно-политическая официозная волна в прессе западных губерний империи усилилась к концу 80-х – началу 90-х гг. XIX в., когда в среде администрации белорусских губерний вновь пробуждается интерес к своим печатным изданиям. Активизация местных Угрюм-Бурчевых была вызвана тем возросшим интересом к белорусскому вопросу, который сформировался в эти годы у местной демократической интеллигенции. «Крамола» требовала незамедлительных контрмер.

Неэффективность усилий правительственной прессы по переориентированию исторического сознания населения Белоруссии заставила наиболее дальновидных правительственных чиновников Петербурга

и Вильно осознать ту мысль, что без создания в западных губерниях России исторических центров (археографического и краеведческого характера) решить эту задачу будет практически невозможно. Мысль эта начала реализовываться весьма последовательно с середины 60-х гг. XIX в. Начало в этом деле было положено созданием в 1864 г. Виленской археографической комиссии. Выбор Вильно в качестве главного центра археографической деятельности всего белорусско-литовского региона был закономерен. В городе имелись богатейшие архивные рукописные и книжные хранилища и собрания, хорошо оборудованные типографии. И что немаловажно, в Вильно, как центре генерал-губернаторства администрации края, несложно было контролировать деятельность Археографической комиссии и «направлять» ее работу. Виленская археографическая комиссия была создана для историко-документального доказательств православной и «исконно-русской» природы края, который в XIX в. был «испорчен» поляками. Комиссии вменялось в обязанность «через историю» способствовать его возвращению к первоначальной утраченной чистоте «русского характера» [I, 166; II, 58, 59, 141, 192, 208, 315]. Кроме того, деятельность Виленской археографической комиссии в последней трети XIX в. стимулировалась постоянным притоком в виленские архивохранилища и собрания рукописей новых документальных массовых источников информации.

Положение белорусских архивов в пореформенный период их существования (60-е гг. XIX – начало XX в.) определялось удручающим состоянием архивного дела в России и последствиями, связанными с подавлением восстания 1863–1864 гг. Как и прежде, не имея в своей среде ученых-архивистов, каждое российское министерство проектировало и проводило через Кабинет Министров и Государственный Совет «сепаратные законы» организации и деятельности архивов своих ведомств. Отсюда действующее российское архивное законодательство представляло собой длинный ряд «узаконений», изданных по представлениям госучреждений различных ведомств, в разное время и с различными побуждениями, без согласования последующего законодательства с предыдущим. Такая ситуация открывала для российского чиновничества широкую дорогу для различных злоупотреблений со стороны архивных служащих, «бедно обеспеченных содержанием и стоящих вне компетентного управления и контроля» [II, 260, с. 1]. К началу XX в. высшее архивное управление России было разбито между всеми министрами

и главноуправляющими на правах министерств, а местное состояло из ведомств: губернаторов, управляющих палатами, попечителей учебных округов, епархиальных архиереев, воинских начальников, других представителей местной администрации, обремененных множеством служебных дел. Они смотрели на древние исторические архивы как на китайскую грамоту, а на рациональное архивоведение как на «землю неизведанную». Вплоть до начала XX в. на положение архивов России действовала пагубная инерция «высочайше утвержденного» в 1860 г. Постановления Кабинета Министров, разрешавшее каждому ведомству «составлять правила» о хранении архивов и уничтожении архивных дел. Такие «правила» представляли законные основания повсеместного истребления не только ненужных бумаг, но и важнейших в научном отношении исторических документов. На практике дело «разбора», описания и уничтожения архивных материалов, хранившихся при канцеляриях действующих учреждений, зависело от низших канцелярских чиновников, часто знакомыми не только с проблемами отечественного архивоведения, но и с отечественной историей. По оценке выдающегося российского архивиста Д.Я. Самоквасова, отсутствие в России второй половины XIX в. общего архивного законодательства, управления и контроля имело своим результатом «такой разгром российских государственных архивных материалов, перед которым бледнеет разрушение архивов Франции невежественною толпою эпохи революции» [II, 260, с. 3]. Декларативное требование закона о хранении государственных архивных документов в целостности и порядке, «чтобы ни одно дело не могло утратиться», оставалось мертвой буквой [II, 200, т. II, с. 57–65].

В 1874 г. «разборка» дел Гродненского губернского архива отправила в небытие 1000 пудов «ненужных» дел [II, 275, с. 28]. Эстафету Гродно подхватил Витебск. В 1885 г. из Витебского губернского правления «назначили» на продажу более тысячи пудов старинных дел, в том числе документальные комплексы двух генерал-губернаторов по Витебской, Могилевской, Минской и Виленской губерниям. Документы эти были хорошей сохранности и переплетены. В архив Виленского окружного суда перешли книги и дела дореформенных учреждений судебного характера. Из них после «разборки» 5100 дел ушло на уничтожение. К потерям, запланированным местными чиновниками, свою лепту прибавляли пожары и стихийные бедствия, гибель документов от безобразного хранения. В 1863 г. в местечке Расне повстанцы сожгли все документы ос-

нованной там в XVIII в. иезуитской миссии, в 1868 г. во время пожара в г. Велиже сгорел государственный архив, хранившийся в здании ратуши. В 1870-е гг. сгорели богатые архивы Воскресенского монастыря и церкви, перевезенные туда еще в XVI в. из Полоцка, в 1880 г. исчезли старинные документы из монастыря св. Марка. Пожарам помогало и витебское «начальство», которым было продано из витебских архивов в Ригу до 3000 тысяч пудов документов XVI–XVII столетий (в том числе Полоцкого наместничества). В 1884 г. были проданы на вес документы из архива Зорича владельцем Шклова бароном Корфом, в Гродно во время пожара 1885 г. сгорел архив Гродненского дворянского депутатского собрания и т.д. [III, 280, с. 24].

После подавления восстания 1863 г. виленский генерал-губернатор гр. М.Н. Муравьев активно взялся за конфискацию культурных ценностей (в том числе архивов и коллекций старинных рукописей) у «неблагонадежных» деятелей «покоренного Северо-Западного края» [II, 327, с. 25]. Борьба с полонизацией привела к массовому перемещению огромных документальных комплексов как внутри Белоруссии и Литвы, так и за их пределы, так была растащена крупнейшая коллекция памятников белорусской культуры, собранная гр. Е. Тышкевичем в Музее древностей в Вильно. Большая ее часть досталась Румянцевскому музею в Москве (в том числе и 541 рукопись) [III, 112, с. 202–203]. То, что уцелело после разгрома музея, передали Виленской публичной библиотеке. В 1864 г. в эту библиотеку были переданы архивы закрытых в связи с восстанием 1863 г. библиотек, монастырей, костелов, общественных организаций и отдельных участников восстаний (в частности историка Т. Нарбута – ДК). К этим фондам и коллекциям были присоединены рукописи закрытых учебных заведений и важнейшие документы, выявленные археографами в архивах Белоруссии 60–70-х гг. XIX в. [II, 189–195]. Очевидно, не надеясь на сохранность в такой ситуации своих фамильных архивов, многие представители местной шляхетской знати стали переводить их на Запад. В 1867 г. по распоряжению Радзивиллов была вывезена в Берлин значительная часть их архивного собрания из Несвижа, многие коллекции старинных документов отсылаются в Краков, в замок Раперсвиль в Швейцарии (архивы Гутен-Чапских, Плятеров, Ширинов и др.). Впрочем, при загадочных обстоятельствах исчезла и важнейшая документация, собранная по заказу правительства. В 1865 г. по поручению правительства полковниками Комаровым и Райковским было начато изучение

причин «мятежных движений» в Привислинье и «Западном крае». Три года (1865–1867) собирались архивные материалы из всех архивов Белоруссии, Литвы и Восточной Польши. В результате образовался значительный коллекционный фонд (свыше 22 000 листов), который долго хранился у Комарова. Готовилась публикация этих документов, но в 1879 г. во время отъезда Комарова из Петербурга этот архив исчез из его квартиры [III, 280, с. 24–26].

Не способная контролировать ситуацию с архивами по всей территории «Северо-Западного края» правительственная администрация сконцентрировала свои усилия на приведение в порядок хотя бы двух центральных архивов Белоруссии и Литвы – Виленском (ВЦА) и Витебском ЦА. Там была сосредоточена важнейшая информация не только научно-исторического характера, но и большой политической значимости. Сподвижники М.Н. Муравьева, попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов и «правая рука» диктатора И.А. Никотин заботливо опекали центральные архивы и созданную в Вильно в 1864 г. Виленскую Археографическую комиссию от влияния «польщизны» и латинского «папизма». Первый в своей деятельности исходил из мысли, что в «Северо-Западном крае» не должно быть места для всякой иной цивилизации, кроме российской», а польскую цивилизацию оценивал как такую, «которая рождала только сумасшедших или бездельников». Культура польская не заслуживала, по его мнению, «опеки», а только преследования. Второй же трактовал «польское дело» в крае как дело «законченное» и «архивное» [II, 141, с. 125, 301, 208, с. 5].

Взгляды начальственных опекунов отразились как на подборе кадров для службы в этих архивах (как правило, это были сыновья перешедших в православие униатских священников или лица, связанные с православной церковью профессионально и по полученному образованию – Д.К.), так и на характере архивно-археографической деятельности ВЦА и Витебского ЦА. С 1865 г. деятельность эта разворачивалась под флагом русификации и борьбы с «польским католицизмом». По мнению М.Н. Муравьева, служить в архиве могли лица «русского и православного вероисповедания» [II, 208, с.114]. Главные задачи в работе архивистов и ВЦА и Витебского ЦА вплоть до конца XIX в. – комплектование, описание и публикации собранных архивных сокровищ вплотную зависели от успешного решения этой задачи. В 80-х гг. XIX в. Виленский архив принял более 5083 актовых книг и древних инвентарей от казенной па-

латы, палаты уголовного и гражданского суда, управления госимуществ Гродненской губернии. Активно пополнялся и Витебский архив, хотя по интенсивности комплектования и по степени полноты и богатству собранных документов он явно уступал Виленскому. Виной тому во многом были главные враги архивов в XVI–XIX в. – пожары и войны. Вследствие этого в Витебске не было ни одного полного архива эпохи ВКЛ ранее последней четверти XVIII в. В 1633 г., во время войны Речи Посполитой с Московским государством в Полоцке сгорели практически все городские книги, в 1664–1667 гг. сгорели документы Кричевского замка, в 1812 г. – архивы Полоцка пережили очередное архивное разорение в связи с эвакуацией документов в Псков, в 1835–1862 гг. – множество документов Витебска съели крысы, в пожарах 1837 и 1860 гг. сгорела часть Полоцкого воеводского архива. Все это отражалось не только на качестве, но и на структуре сохранившихся в Витебском ЦА архивных комплексов. К 1865 г. в Витебском архиве было собрано из архивов Витебской и Могилевской губерний 1750 актовых книг. Очень долго (вплоть до 1862 г.) Витебский архив не имел своего постоянного помещения, что было одной из главных причин затяжки с открытием архива и началом реальной его работы. Размещение архивохранилищ в здании фарного костела создавало малопригодные условия для нормального хранения документов и работы с ними. И все же благодаря целенаправленной собирательной деятельности архивистов-археографов Белоруссии и Литвы этого времени (И.И. Горбачевского, И.Я. Спрогиса, украинца Я.Ф. Головацкого, Ю.Ф. Крачковского, Д.И. Довгялло, А.П. Сапунова, А.И. Миловидова, А.Ф. Добрянского и др.) к началу XX столетия в хранилищах Виленского и Витебского центральных архивов было собрано и спасено от гибели свыше 25 149 актовых книг, связок и документов за 1428–1810 гг. [II, 171, 183, 317]. Несмотря на заметно улучшившееся в начале XX в. материальное положение архивистов, их крайняя малочисленность не позволяла вести эффективное плановое описание. В Виленском центральном архиве к началу XX в. было описано только 1238 актовых книг. Работу замедляло еще и то, что в описи обычно вносились не только краткое содержание книг, но и текст документов. Часть из них была опубликована в ряде архивно-археографических изданий Вильно и Витебска в 60-е гг. XIX – начале XX вв. [II, 61–63, 182, 212, 326, 336]. Стали появляться и первые архивно-археографические обзоры и описания, посвященные судьбе и составу рукописных собраний «про-

винциальных» и ведомственных архивов Белоруссии XVIII – XIX вв [II, 192, 193, 221, 261, 262, 287, 296]. И все же подавляющая масса древних актов книг и документов так и осталась не разобранной вплоть до Первой мировой войны. И к началу XX в., несмотря на проведенную концентрацию древних актов книг, важнейшие документы по истории Белоруссии оставались расплывенными по архивам монастырей и костелов, общественных учреждений и местных государственных органов власти, частных лиц. Существовавшая в Вильно с 1864 по 1915 гг. Виленская археографическая комиссия, «главная российская издательская ин-ституция» в крае, представляла собой, по ядовитой оценке Р. Меницкого, «место настолько научное, насколько и политическое, подменяла она науку службой политике, подчиняла ее выразительным политическим интересам, ставила под знамена современных лозунгов, зависимых от господствующей правительственной программы» [III, 319, с. 1]. Крайне медленная обработка и описание архивных дел в Вильно, Витебске и Киеве заставила Государственный Совет в 1884 г. предложить МНП, МВД, МФ МЮ совместно обсудить вопрос о таких изменениях в центральных архивах империи, которые содействовали бы более успешной их деятельности. В 1890 г. правительством была образована «Особая комиссия» из представителей ведомств, профессоров Московского и Петербургского университетов, членов Археографической комиссии и управляющих архивами древних актов. Она высказывалась за «соединение» Виленского и Витебского центральных архивов в Вильно с увеличением штатов и окладов служащих этих архивов. По финансовым причинам это решение удалось реализовать только в 1902 г. [III, 167, с. 170]. В 1903 г. акты книги из Витебска были перевезены в Вильно, что привело к фактической ликвидации первого исторического архива Белоруссии. В последующие годы в крае работу по сбору исторической документации вели созданные в губерниях после учреждения при Св. Синоде в 1909 г. Архивно-Археологической комиссии, церковно-археологические комитеты Вильно, Витебская, Минска, Могилева, Полоцка и Гродно [II, 275, с. 322–323].

Пытались ли российские историки-архивисты пореформенного периода переломить чрезвычайно тяжелую ситуацию с местными архивами в лучшую сторону? Пытались, и неоднократно. По инициативе Н.В. Калачова, сделавшего доклады о драматическом состоянии архивного дела в России на I и II Археологических съездах (1869, 1871 гг.),

была создана «Комиссия по подготовке архивной реформы». Главные вопросы реформы были намечены верно: 1) прекращение массового уничтожения архивных дел; 2) централизация архивов отдельных ведомств; 3) создание в губернских городах областных архивов, а при них губернских архивных комиссий, «ведающих архивными делами». Из задуманного широкомасштабного проекта частично удалось решить лишь третий. В 1884 г. в ряде российских губерний появились первые губернские архивные комиссии (Орловская, Рязанская, Тамбовская и Тверская), главной обязанностью которых должен был стать предварительный просмотр дел, назначенных губернскими ведомствами к уничтожению [II, 275, т. I, с. 584–586, 660–692].

Учреждения Белоруссии по вопросу экспертизы научной ценности документов должны были обращаться в ближайшую Орловскую комиссию. Последняя на основе описи, не всегда раскрывающей содержание документов, давала заключение, какие дела следовало передать ей на хранение, а какие можно подвергнуть уничтожению. На собственно белорусских землях губернские архивные комиссии были созданы с большим опозданием. В Смоленске ученая архивная комиссия по инициативе генерал-майора А.В. Жиркевича и учителя гимназии И.И. Орловского была открыта в 1908 г. [II, 219, с. 4–7], а в Витебске – в 1909 г. На правах общества любителей историков-краеведов она собрала небольшую архивную коллекцию разрозненных дел из фондов ряда губернских и уездных учреждений. Витебская комиссия ставила своей целью создать исторический архив, но не справилась с этой задачей, т.к. не имела помещения и средств для его организации [I, 48, д. 11, 12]. Серьезным препятствием для разбора «древних дел» было и отсутствие помещения. «Исторические архивы» Смоленщины помещались в башнях Смоленской крепостной стены без света, в сырости и грязи. Такие условия хранения документальных следов своей исторической памяти были типичны и для подавляющего большинства ведомственных архивов Белоруссии. Здание крупного архива судебных учреждений Минской губернии было совершенно не приспособлено для хранения документов. В таких же условиях хранились документы белорусских духовных консисторий (Гродненской, Могилевской) Витебской и Могилевской казенных палат [III, 276, с. 339–340] и др. ведомств. И хотя ряды губернских архивных комиссий уже нередко стали пополнять квалифицированные архивисты-выпускники открытого Н.В. Калачовым в 1873 г. Ар-

хеологического института [II, 105, с. 35], радикально изменить к лучшему эту ситуацию они не могли. Губернские архивные комиссии, лишенные средств и реальных рычагов воздействия на местную администрацию [II, 313, с. 73–74], не сумели эффективно обеспечить сохранность местных архивов XIX – начала XX вв. Не удивительно, что в надвигавшемся катаклизме Первой мировой войны и революции 1917 г. белорусские архивы оказались без надежной защиты и подвергались дальнейшему разграблению и уничтожению. Во время и после восстания 1863–1864 гг. правительственной администрацией в крае были вывезены из конфискованных имений участников восстания много частных архивов и библиотек упраздненных монастырей и костелов. В конце XIX в. во время создания в Вильно Муравьевского музея разыскивались и доставлялись в город документы о деятельности царского сатрапа в Литве и Белоруссии. В начале XX в. в Вильно поступили материалы ликвидированного в Витебске Центрального архива древних актов книг. Превращению Вильно в этих условиях в мощный центр издания источников, по размаху своей деятельности вышедшего на одно из первых мест в империи, способствовали многие обстоятельства, в том числе и счастливые приобретения археографических открытий второй половины 60-х гг. XIX в. Проводимые на территории Белоруссии и Литвы под эгидой попечителя Виленского учебного округа И.П. Корнилова активные археографические поиски принесли хорошие результаты. В Турове Н.И. Соколовым было найдено Евангелие XI в., А.В. Рачинский в Гомельской губернии и Могилеве нашел «Летопись Авраамки», а в Гродненской губернии утерянную Супральскую летопись. В Несвижском архиве Радзивиллов П.А. Гильтенбрандт и А.Л. Миротворцев нашли отрывок Слуцкой летописи [II, 113, оп. 1, кн. 1, с. 551]. В течение нескольких лет учителями, чиновниками, священниками Виленского учебного округа было обнаружено более ста древних рукописей старопечатных книг. Во многом на основе этих документов при управлении Виленского учебного округа в последней трети XIX – начале XX вв. была осуществлена серийная публикация сборников по истории Северо-Западной Руси [II, 4].

Прежде чем развернуть свою масштабную деятельность на территории Литвы и Белоруссии, инициаторы и опекуны Виленской археографической комиссии предусмотрительно разгромили возможного крамольного конкурента – Виленскую археологическую комиссию. Работа «Виленского музея древностей» и состоявшей при нем археологической

комиссии подверглись жестокому «разбору» со стороны И.П. Корнилова, человека, для которого митрополит И. Семашко и М.Н. Муравьев были «два любимейшие западнорусским народом деятеля» [II, 140, с. 15]. Музей, возглавляемый Е. Тышкевичем, по мнению «ревизовавшего» его Корнилова, не только не выполнял наказ своего патрона наследника-цесаревича (будущего Александра II – Д.К.) содействовать «к вящему скреплению уз, соединяющих бывшие литовские губернии с прочими областями России», а скорее наоборот: всем содержанием своей деятельности работал на сохранение идей местного «сепаратизма», отмечались и чисто «польский», тенденциозный характер коллекций музея и то, что сбор и описание памятников «русской старины» не входил в его программу. В итоге последовало решение: Виленская археологическая комиссия, «не только не оправдавшая ожиданий правительства, но даже злоупотреблявшая его доверием и избравшая археологию и этнографию не как цель, а как средство или предлог для посторонних вовсе не научных видов может быть упразднена без всякого сожаления и вреда для науки» [I, 160, оп. I, д. 69]. Такое решение не удивительно, когда знаешь, что в основу содержания программы деятельности опекаемой И.П. Корниловым Виленской археографической комиссии легли положения и мысли митрополита И. Семашко, особенно актуальные для царизма после подавления восстания 1863–1864 гг. Подавив это национально-освободительное восстание, основным лозунгом которого было восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г., царизм счел одним из действенных доказательств необоснованности притязаний поляков на территорию Правобережной Украины, Белоруссии и Литвы публикацию источников. Поэтому важнейшей задачей, которая ставилась перед публикаторами комиссии, было издание документов, показывавших наличие в Правобережной Украине, Белоруссии и Литве православных церквей и монастырей. Этим же целям служило издание материалов о православном прошлом многих аристократических и дворянских фамилий Юго-Западного и Западного краев, ставших к середине XIX в. католическими и польскими. Поскольку понятие «православный» и «русский» в представлениях официальных идеологов правительства были тождественны, то подобные изыскания и публикации доказывали «русскую» основу Правобережной Украины и Белоруссии [III, 249, с. 63, 64, 71].

Закономерно поэтому, что специально подобранные и надежные для осуществления этих задач кадры членов комиссии при отборе ма-

териалов для публикации руководствовались правительственными мыслями: а) доказать фактически, «что Западный край никогда не был счастлив под польским правительством, что, несмотря на существование законодательства и множества судебных мест, никто не мог быть уверен ни в правах своей собственности, ни в личной безопасности; б) чтобы читая описания этих возмущающих душу разного рода истязаний и бесчеловечий, совершаемых над слабыми совершенно невинными людьми, коим подвергали их более сильные, легко можно было прийти к заключению, что цивилизация Польши, а с нею и Западного края далеко отставала от той степени совершенства, на которую ставили ее поляки; в) что только под русским правительством Западный край забыл свои страдания, исцелил прежние раны и начал свое историко-политическое существование» [АВАК, т. I – Вильно, 1863, с.23–24]. Этот мотив Виленская археографическая комиссия последовательно сохраняла на протяжении всей своей пятидесятилетней деятельности. Работа в комиссии выполнялась почти исключительно сыновьями православных сельских белорусских священников, которые трудились «не за страх, а за совесть», хотя и с разной степенью компетентности в чисто профессиональных, исторических вопросах. Поэтому неудивительно, что при весьма солидных масштабах и чисто количественной продуктивности своей деятельности (за 50 лет 49 томов источников) ее труды не нашли признания ни у серьезных либеральных исследователей ВКЛ, ни у интересующейся историей читающей публики края. Комиссия при тираже своих изданий в 500 экземпляров продавала порой не более 3–4 процентов от общего количества. Основной формой сбыта стала бесплатная рассылка публикаций комиссией в учебные заведения и научные общества. Слабая эффективность воздействия ее изданий на читателей обуславливалась не только явной тенденциозностью составителей сборников ВАК, но и низкой культурой археографической и историко-источниковедческой подготовки [III, 249, с. 79–81, 97, 146, 147].

Помимо Виленской археографической комиссии другим важным центром издательской деятельности на территории Белоруссии пореформенного периода стал Витебский центральный архив древних актов (1852–1903 гг.). Хотя указ о создании архива вышел в 1852 г., фактическая его работа началась с 1862 г. Не отличаясь от ВАК принципиально политической направленностью своей работы, ни характером кадрового состава своих сотрудников, многие из которых были сыновьями

православных священников, Витебской архивно-археографический центр выпускал все же продукцию более высокого археографического и источниковедческого уровня, чем его виленские коллеги. Архивариусы Витебского хранилища документов А.М. Сазонов (1818–1886), А.П. Сапунов (1851–1924), Д.И. Довгялло (1868–1942) были хорошо подготовлены к исследовательской работе в области истории и археографии [III, 317], знали и любили свое дело. Наиболее масштабным археографическим предприятием сотрудников ВЦА явилось издание серийной публикации под названием «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном Витебском архиве (Витебск, 1871–1906) (далее ИЮМ – ДК). В отличие от виленских публикаций эпохи капитализма это издание обнародовало историческую документацию по социально-экономической истории Восточной Белоруссии XVII–XVIII вв., главным образом по истории городов этого района (Полоцка, Витебска, Могилева, Орши, Мстиславля). Но инициатором этого издания здесь как и при развертывании работы ВАК, выступил один из крупных царских сановников – министр внутренних дел России гр. П.А. Валуев. Поощрял эту работу и попечитель ВУО И.П. Корнилов как полезную «для изучения деятельности иезуитов России». Поощренный Корниловым А.М. Сазонов даже послал через губернатора в МВД проект организации в Витебске археографической комиссии. Однако Петербург высказался против ее создания [III, 317]. Конкурент Вильно был не нужен. А между тем богатые потенциальные возможности витебских историков-краеведов позволяли осуществить этот проект в действительности. В Витебске пореформенного периода работали такие хорошо известные в Белоруссии любители и знатоки старины как А.М. Сементовский (Курило, 1821–1893), А.П. Сапунов (1851–1924), Д.И. Довгялло (1868–1942). Первый из них видный белорусский этнограф, фольклорист, археолог и историк после окончания Нежинского лицея и недолгой службы на Украине с конца 60-х гг. XIX в. и до конца своей жизни осел в Витебске и немало сделал для изучения его исторического прошлого и памятников витебской старины. Будучи секретарем Витебского губернского статистического комитета и редактором «Памятных книжек Витебской губернии» [II, 338, т. XXIX, с. 438] Сементовский опубликовал немало богатых фактическим материалом работ по истории, археологии, статистике и культурно-бытовому облику Витебщины [II, 280–282]. Уроженец крестьянской семьи из д. Козьяны

Витебской губернии Д.И. Довгялло после окончания Петербургской духовной академии (1894) посвятил свою жизнь изучению белорусской старины и памятников ее истории, стал впоследствии видным советским историком, археографом и источниковедом. Он принимал активное участие в публикации ИЮМ, с 1912 г. возглавлял работу Виленской комиссии для разбора и издания древних актов [III, 142, с. 80–81]. Энциклопедические знания и высокая исследовательская активность отличали видного белорусского краеведа-исследователя и организатора историко-краеведческой работы на Витебщине А.П. Сапунова. Уроженец купеческой семьи из м. Усвяты Витебской губернии, он после окончания Петербургского университета (1873) преподавал в Витебской гимназии. С 1895 г. работал в Витебском центральном архиве древних актов, с 1901 г. – секретарем Витебского губернского статистического комитета. Натура деятельная, энергичная Сапунов был инициатором открытия Витебского отделения Московского археологического института, где сам и преподавал одно время, он участник создания Витебской ученой архивной комиссии (1909) и Витебского церковного историко-археологического музея (1893) [II, 302; III, 194]. Автор многих работ по истории, археологии и этнографии Витебщины [II, 261–272], сохраняющих и до нашего времени свою научную ценность, А.П. Сапунов, однако, отличался консерватизмом своих политических взглядов, представляя их от белорусских октябристов в III Государственной Думе [III, 249, с. 230]. По масштабам своей работы ему принадлежит одно из первых мест среди историков-краеведов и археографов Белоруссии эпохи капитализма. Широкую известность получила его «Витебская старина», задуманная им и частично осуществленная за счет издателя, масштабная публикация сборников документов и его собственных работ по истории Северной Белоруссии [II, 264].

Ценность работ, публикаций местных краеведов и археографов этого периода определяется не только тем, что при всем монархизме и консерватизме их создателей обнародованные факты нередко навели читателя на мысли, противоположные целям их создания. Но и тем, что эти публикации при всей несовершенной манере издания опубликованных источниковых комплексов в совокупности с фундаментальными археографическими сериалами источников Москвы, Петербурга, Киева, Варшавы, Вильно 60-х гг. XIX – начала XX вв. [II, 2, 3, 4, 78, 91, 186, 212, 258, 273, 277, 327, 336] формировали то информационное «поле», без

которого была бы малопродуктивна работа по созданию обобщающих исследований по истории феодальной Белоруссии и Украины. Верноподданный монархизм и консервативно-охранительные тенденции, свойственные если не подавляющему большинству, то значительной части видных исследователей белорусской старины пореформенного периода в крае (Ю.Ф. Крачковский, И.Я. Спрогис, П.В. Кукольник, С.В. Шелкович, Я.Ф. Головацкий, Е. Романов и др.), чьи имена и работы [II, 57, 158, 167, 252, 296, 297, 332] были хорошо известны любителям истории в Литве, Белоруссии и Украине, объясняются не только тем, что они были чиновниками на «государственной» службе или особенностями их личной биографии (многие из них сыновья местного православного духовенства, прошедшие выучку духовных семинарий и академий – Д.К.). Но и самой ситуацией в крае после подавления восстания 1863 – 1864 гг. и установления на территории белорусских и литовских губерний России режима района на «осадном положении». Ситуация жестко задавала вполне определенный (как минимум лояльный к самодержавию – Д.К.) «режим» работы практически всех учреждений краеведческого и исследовательского характера. Их политическая физиономия проявлялась не только в содержании и направленности деятельности этих учреждений, но не могла не сказаться на политическом облике отобранных для выполнения «социального» заказа царизма исполнителей. Охранительный «профиль» историко-краеведческого движения в Белоруссии стал меняться в либеральную и демократическую сторону в 80–90-е гг. XIX в. и особенно ощутимо в период революции 1905–1907 гг., когда историческим прошлым Белоруссии вплотную занялись новые либеральные и демократические представители белорусской интеллигенции (М.А. Янчук, И.Ф. Завиша, М.В. Довнар-Запольский, Г.Х. Татур, В.К. Стукалич и др.). Они и повели наступление на ту великодержавно-монархическую охранительную трактовку истории Белоруссии, которую в 60–70-е гг. XIX в. исповедовали и пропагандировали в столицах и на «местах», идеологи и практики «западнорусизма» (М.В. Коялович, П.Н. Батюшков, П.О. Бобровский, П.Д. Брянцев, С. Шелкович и др.). Но и в конце XIX – начале XX вв. представители этой трактовки, потесненные со своих позиций, не собирались сдаваться без боя. Созданная ими система законопослушных историко-краеведческих учреждений, поддержка самодержавной администрации позволяла продлить агонию уже явно несостоятельной и неконкурентоспособной официально-клерикальной версии белорус-

ского прошлого вплоть до февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.

Во второй половине 60–70-х гг. XIX в. в Белоруссии, продолжая традицию дореформенного периода, довольно активно вели историко-краеведческую работу губернские статистические комитеты, тесно связанные не только с политическими и практическими нуждами местной администрации, но и со многими научными учреждениями империи (РГО, РИО, МАО, Археографической комиссией и др.). Они расширили зону своих интересов в области изучения истории края. В 1867 г. им было предложено принять участие в разборе архивов упраздненных старых судебных учреждений. На I археологическом съезде в Москве (1869) был поднят вопрос о передаче в ведение губернских статистических комитетов губернских архивов, а на IV археологическом съезде в Казани (1877) возник вопрос о привлечении их к постоянному участию в сборе и сохранении архивных материалов, памятников письменности и местных древностей [II, 109, с. 3–26]. Минский, Витебский, Гродненский губернские статистические комитеты вели такую работу в 60–80-е гг. XIX в. регулярно, о чем свидетельствует их переписка с центральными научными ведомствами (ЦСК МВД, РГО, РИО, МАО). На основании такой работы проводились описания территорий, брались на учет и встречающиеся там исторические и археологические достопримечательности, составлялись археологические карты губерний, а при самих комитетах создавались музеи [I, 13, дд. 1–23; 38, оп. 1, дд. 11, 49, 59; 47, оп. 1, дд. 10, 58, 166]. Одним из удачных результатов такого рода деятельности стало проведенное и опубликованное под руководством Могилевского гражданского губернатора, председателя Могилевского статистического комитета А.С. Дембовецкого комплексное описание Могилевской губернии [III, 218]. Разумеется, и это солидное издание при всей своей обстоятельности имело кроме всего прочего и политическую задачу – «представить нынешнее благополучное состояние Могилевской губернии, которая в прежние времена имела репутацию бедной и заброшенной». Все же появление подобных работ, дававших историко-географическое и историко-статистическое описание белорусских городов, было делом для исторической науки чрезвычайно полезным во многих отношениях. Фиксировались объекты и явления, многие из которых быстро исчезали из памяти поколений, собиралась порой уникальная историческая информация, создавалась источниковая база для двух важнейших «от-

делов» белорусской историографии – истории города и исторической географии региона. К началу XX в. в «копилке» белорусской историографии насчитывалось уже немало отдельных работ, посвященных истории отдельных городов края: о Брест-Литовске (И. Крашевского), Минске (В. Сырокомли, К.Д. Плавского), Витебске (А. Сементовского, П. Дружиловского), Гродно (А. Радзишевского, Е. Орловского), Турове (И. Малышевского), Волковыске (Д. Булгаковского), Гомеле (А. Виноградова) и др. [II, 39, 43, 44, 156, 157, 162, 163, 186, 197, 215, 217, 230, 246, 281, 282, 305].

Значительную историко-краеведческую работу проводил на территории Белоруссии и Литвы в пореформенный период, открытый в Вильно Северо-Западный отдел Русского Географического общества (1867 – 1916 гг.). Инициатива его создания принадлежит секретарю РГО барону Остен-Сакену, определенную роль сыграли экспедиции РГО на территории Белоруссии в 1867 – 1870 гг. С одной стороны, участники экспедиции помогли организации отдела в начальный период его деятельности, с другой – РГО хотело, чтобы его инициативы этнографического и историко-статистического исследования края получили стабильную опору в лице местных исследователей Белоруссии и Литвы, имевших общий региональный организационный центр. Инициативу Остен-Сакена поддержал попечитель ВУО И.П. Корнилов, собранная им группа основателей отдела в полном соответствии с духом правительственных идей того времени считала целью организуемого научного центра создание «противовеса польскому влиянию». А раз так, то и в члены его могли избираться только подлинно «русские люди». Кроме того, отдел обязан был находиться под опекой генерал-губернатора и попечителя ВУО. Параграф второй положения об отделе предусматривал изучение Белоруссии и Литвы «во всех тех отношениях, которые составляют предмет занятий Общества (РГО – Д.К.) и особенно исследованиями по археографии, археологии, истории, статистике и этнографии». Исходя из этой целевой установки Северо-Западный Отдел РГО должен был: 1) разыскивать и приводить в известность собранные уже в местных архивах и у частных лиц известия о крае; 2) рассматривать вопросы о возможности их использования для науки; 3) собирать относящиеся к краю этнографические и исторические материалы через местных жителей и организации своих научных экспедиций; 4) привлекать для такой работы частных лиц; 5) заботиться о сборе, сохранности найденных

материалов, давать информацию о них (книги, рукописи, акты, вещественные памятники, карты) [I, 61; 146, д. 78; III, 126, с. 17].

В своей деятельности это научное учреждение пережило два периода: 1) с 1867 по 1877 гт., после чего его деятельность прекратилась до 1910 г., и 2) с 1910 по 1915 гт. Для первого из них наиболее характерной явилась активность отдела в организационных мероприятиях (проведение общих собраний, организация работы секций и составление планов экспедиций, издание программ и анкет, налаживание связей с аналогичными центрами России и др.). Секцией археологии и археографии была начата работа по изданию инвентарей городов и указателей древних названий края, выработана программа создания карты Белоруссии «древнего периода». Журналы заседаний Отдела публиковались в «Записках РГО», а информация о работе в «Виленском Вестнике». После 1874 г. работа отдела практически прекратилась. Только в декабре 1910 г. попечитель ВУО Левицкий с помощью заинтересованных лиц возродил деятельность Северо-Западного Отдела по «духу» и «форме» Положения 1867 г. Тогда же и подтвердили верность первоначальной политической цели – доказать «русской научной работой», что этот край (Белоруссия – ДК.) действительно русский в противоположность «польскому взгляду» на этот край, как на край польский, или во всяком случае не русский [I, 146, д. 78]. Большую заинтересованность в возобновлении работы отдела проявил знаменитый русский географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский. На организационном его собрании был избран Совет и созданы четыре секции: этнографии в археологии, археографии, истории, географии и статистики.

Хотя крупных научных достижений и в этот период своей деятельности сотрудники Отдела не имели, все же работа его велась в гораздо больших масштабах, чем в 70-е гг. XIX в., а главное – продуктивно. Интересной была попытка организации в структуре Отдела комиссии по охране памятников древностей. Она должна была следить за характером разрешенных Археологическим обществом раскопок на территории края, охранять и описывать сокровища, найденные во время их проведения, и др. Каждый год, как правило, работали две экспедиции. Из поступлений с мест в Отделе был создан Архив, который имел к 1915 г. в своем составе информацию чрезвычайно ценных известий, сотен описаний, фотографий для изучения культуры Белоруссии. На основе накопленной и изученной информации Отдел опубликовал 4 книги своих «Записок»,

где помещались интересные статьи по истории Белоруссии XVIII–XIX вв. местных краеведов Н.Я. Никифорского (1845–1910), А.П. Смородского (1850–1910), академика Н.М. Чагина (1823–1909), белорусские пословицы из собраний Е. Романова, материалы по истории школ Белоруссии и Литвы в 1812 г., альбом художника Струкова, план Вильно 1648 г. Слуцкий синодик 1674 г. и др. Благодаря обширным научным связям и интенсивному книгообмену научной печатной продукции со многими научными обществами империи отдел имел большую библиотеку и историко-археологический музей [III, 126, с. 23–27].

Оживлению деятельности Север-Западный Отдел РГО во второй период своего существования, как, впрочем, и другие лидеры археографической и историко-краеведческой работы (ВАК, ВЦА), был во многом обязан заметной активизацией самого краеведческого движения в Белоруссии и Литве в конце XIX – начале XX вв. В эти годы во всех губернских городах края происходит завершение организационного оформления историко-краеведческих центров (комитетов, обществ, кружков и товариществ). В восточной Белоруссии, в Могилеве – «Общество изучения белорусского края» и «Общество изучения Могилевской губернии» (1913), в Минске – «Минский церковный историко-археологический комитет» (1907–1917) и «Общество любителей естествознания, этнографии и археологии». В Гродно – «Гродненский церковно-исторический (впоследствии «историко-археологический» – Д.К.) комитет» (с 1904 г.). В Витебске – «Витебское церковно-археологическое общество» (с 1913 г.) и «Витебская ученая архивная комиссия» (с 1909 г.). Вероятно, основной причиной заметного оживления деятельности местных краеведческих центров в Белоруссии к началу XX в. следует считать значительный рост местной интеллигенции и ее повышенный интерес к историческому прошлому своей земли. Эти краеведческие организации публиковали немало интересных документов и статей, раскрывающих региональные исторические особенности своей малой родины. Исторические портреты известных земляков и памятные события в истории своего района, темы действительно важные и серьезные, информация об исторических курьезах и отдельных исторических памятниках письменных или вещественных – все это в изданиях губернских краеведов Белоруссии было густо перемешано и нередко сдобрено весьма определенной великодержавно-монархической политической окраской в отборе или подаче исторического материала. Названия, кадровый состав этих центров и

заявленные их организаторами цели созданных «детищ» не заставляют в этом сомневаться. Гродненское, Минское и Витебское церковно-археологические общества главными своими задачами считали изучение и охрану вещественных и письменных памятников «церковной древности», пропаганду церковно-исторических знаний и полемическую борьбу с польскими публицистами, историками за восстановление «исконно русской природы края» [III, 126, с. 30–36]. Позиция защиты православия, самодержавия и великодержавности – здесь налицо. Теми же принципами руководствовались и сотрудники основанной в 1909 г. «Витебской ученой архивной комиссии». В фундамент ее работы был положен Устав Тамбовской архивной комиссии. Одновременно были «убиты два зайца» – показана лояльность властям и чуждость идее сепаратизма. А личный состав учрежденного архивно-археографического центра, куда по разрешению Николая II в качестве почетных членов были избраны несколько великих князей, гарантировал успешное решение двуединой задачи – изучение истории и древностей Витебщины, а также распространение «русского патриотизма и верноподданных чувств» у витебского населения. К счастью для белорусской историографии, комиссия занималась и более полезными для науки делами, чем формирование верноподданного раба империи. Она рассматривала описи архивных дел, изучала отдельные исторические документы, заботилась об охране памятников старины на Витебщине, помогла открытию в городе Витебского отделения Московского археологического института, выпустила в свет три книги «Полоцко-Витебской старины» и книгу своих «Трудов» [I, 48, оп. 1, дд. 153, 160].

Как же оценивать ту роль, которую сыграли в развитии белорусской историографии ее историко-краеведческие центры эпохи капитализма? Вероятно, однозначной оценки здесь быть не может. Активная собирательная деятельность, работа по охране, учету и изучению памятников белорусской старины при всей избирательности и тенденциозности проделавших ее людей – активных сотрудников этих учреждений, несомненно, сослужила полезную службу для развития источниковой базы белорусской историографии [II, 45, 196, 197, 198, 237, 294]. Потому она заслуживает благодарной памяти потомков, белорусских историков наших дней. Ведь издание многих документов, утраченных белорусской культурой в огне войн и революций XX столетия, превращают сейчас некоторые из этих публикаций в первоисточники. Трудно сказать, ка-

кие бы еще провалы исторической памяти мы имели сегодня, не будь этой масштабной издательской деятельности историков и архивистов-археографов конца XIX – начала XX вв. И все же нельзя не видеть и другую сторону деятельности если не большинства, то многих из них. Значительная часть историко-краеведческих центров Белоруссии того периода, исповедовавшая консервативные, охранительные и клерикальные взгляды на прошлое и настоящее края, своей работой способствовали длительной (вплоть до 1917 г. – Д.К.) реанимации в белорусской историографии идеологии «западнорусизма». Они создавали ту «капиллярную сеть», без которой невозможно было бы само существование историко-концепционной основы этой идеологии, сформулированной в первые пореформенные десятилетия М.О. Кояловичем, его учениками и союзниками.

Сын священника Гродненской губернии М.О. Коялович (1828 – 1891), ставший благодаря незаурядным способностям профессором Петербургской духовной академии (с 1862 г.), в основу своего концептуального видения исторического прошлого Белоруссии заложил мысль о превосходстве православия над всеми другими религиями. В своих основных исторических исследованиях, многие из которых являлись прямым историко-публицистическим ответом на восстание 1863 – 1864 гг. в Польше, Литве, Правобережной Украине и Западной Белоруссии [II, 144 – 154], он развивал славянофильский тезис о единстве интересов русского народа (куда включал также украинцев и белорусов – Д.К.) с русской аристократией, вытекавшем якобы из их национальной и конфессиональной общности. Обладая солидной эрудицией и незаурядным публицистическим темпераментом, в своих работах историк опирался на большой фактический материал, однако изучал и толковал его крайне односторонне и тенденциозно. В истории Белоруссии для него не существовало социально-экономических проблем и вопроса о социальной борьбе. Вся сложность исторического прошлого Белоруссии сводилась к национально-конфессиональному вопросу, решавшемуся Кояловичем с позиций позднего славянофильства [II, 142].

Все основные работы историка были оперативным ответом на социальный заказ правительственных кругов царской России создать свою версию (в противовес польской) истории Юго-западного и западного краев. В 1859–1862 гг. он печатает первый и второй тома своей магистерской диссертации «Литовская церковная уния». В этом же 1862 г. в «Дне»

И.С. Аксакова печатаются его «Лекции по истории Западной России», переизданные при поддержке Синода и правительственных верхов вторым, третьим и четвертым изданием в 1883–1884 гг. В 1866 г. по инициативе российского внешнеполитического ведомства и по предложению Петербургской Археографической комиссии им изданы «Документы, объясняющие историю Западной России и ее отношение к Восточной России и Польше» (с переводом на французский язык в 1869 г. – Д.К.). В 1873 г. увидела свет докторская диссертация Кояловича «История воссоединения западнорусских униатов старых времен» (до 1800 г.). Во всех этих своих исторических сочинениях профессор ПДА исповедывал те же славянофильские взгляды, которые он последовательно проводил в своих журнальных статьях в славянофильских и проправительственных изданиях – «Дне», «Христианском чтении», «Русском инвалиде», «Гражданине», «Новом времени», «Известиях Санкт-Петербургского славянского общества» [II, 223].

Общая концепция исторических судеб белорусских и украинских земель, представленная в «Лекциях» М.О. Кояловича, в силу явной ее тенденциозности вызвала отрицательную оценку не только со стороны демократической российской историографии. По мнению В.И. Пичеты, вышедшие в 1884 г. «Чтения по истории Западной России» Кояловича (переработанный вариант «Лекций» 1864 г.) – это «прекрасный показатель того, как не нужно изучать исторические явления» [III, 202, с. 84]. Что собой представляла эта концепция, отчетливо отражает текст опубликованных в 1864 г. историком отдельной книгой «Лекций по истории Западной России». К Западной России Коялович относит Украину, Белоруссию и Литву, входивших в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Доминантным фактором исторического развития Западной России он признает противоборство «двух главных сил – русской и польской», возникшее из-за желания Польши «воссоздать свое господство и могущество на чужой русской земле». Отсюда главную задачу своего курса его автор видит в изучении источников и причин «польского триумфа» – главной особенности истории Западной России (Белоруссии и Украины – Д.К.) в эпоху феодализма. Влияние Польши, по мысли Кояловича, «испортило» западнорусское общество, привело к разделению национальных, религиозных и культурно-бытовых «начал жизни». Понятно поэтому и стремление историка изобразить историю Западной России как историю «демократизма», ищущего древних,

родных порядков жизни, то есть тоже русских и православных» [II, 147, с. 13, 15]. Такие установки вполне логично позволили Кояловичу оценить события, связанные с разделами Речи Посполитой как «воссоединение» «исконных» начал Западной и Восточной Руси. И не беда, что в результате этого «воссоединения» еще на миллион белорусских и украинских крестьян надели ярмо потомки «родной аристократии» – российские помещики XIX в. Главное «воссияла и возродилась» испорченная узурпаторами-поляками» русская народность. Сама схема периодизации истории Западной России, где историк выделяет пять основных этапов, строится на основе учета не внутренних, а внешнеполитических факторов развития региона – особенностей взаимоотношений Западной России с Литвой, Польшей и Российским государством. При этом ведущая роль в исторических событиях отводится в духе предшествующей дворянской историографической традиции деятельности «сильных мира сего» – князей, королей, «вождей» церкви. Православная религия и церковь объявляются в истории Западной Руси «великими цивилизующими началами» [II, 147, с. 119]. Люблинская уния, по мнению Кояловича, продолжив негативное влияние унитарных процессов, разделявших Литву и Русь, привела якобы не только к потере национального («западнорусского», говоря языком Кояловича – *Д.К.*) развития, но и к крепостной неволе [II, 147, с. 208]. Короче, все беды от Польши и католиков-поляков. Антипольские позиции приводили историка к очевидному уже в 80-х гг. XIX в. искажению реальных исторических событий, когда опубликованные к тому времени источники со всей ясностью свидетельствовали – крепостничество зародилось на землях белорусских и украинских ВКЛ до Люблинской унии. В соответствии предвзятому «историко-православному» кредо суть антифеодальных движений XVII – XVIII вв. сводилась к защите православной веры «западнорусским народом», который взял на себя «оборону» православия, вследствие ополячивания высшего сословия [II, 147, с. 253–254]. В угоду предвзятой идее история Западной России под пером Кояловича явилась как история жертвы польской экспансии, осуществленной в интересах католической церкви, а сама эволюция белорусского общества в эпоху феодализма, по существу, воспринималась как приобретение новых «качеств» по польским образцам и меркам.

Эта концепция исторического прошлого славянских земель и народов ВКЛ, представленная в работах М.О. Кояловича, была убедительно опровергнута уже в 80–90-е гг. XIX в., когда за скрупулезное исследова-

ние истории ВКЛ взяли ведущие представители российской университетской историографии либерального направления (В.Б. Антонович и ученики его школы в Киевском университете, М.К. Любавский и его ученики – в Московском университете, И.И. Лаппо – в Дерптском университете). Однако теоретически и морально несостоятельная концепция историка не была похоронена или «сдана в архив» в дооктябрьский период развития белорусской и украинской историографии. Причины ее политической и идеологической живучести заключались не только в заинтересованности в ней правящих кругов империи, для которых такая версия исторического прошлого Белоруссии и Украины давала наукообразную аргументацию, обосновывающую присоединение Литвы и «Западной России» в результате трех разделов Речи Посполитой. Но, вероятно, и в том, что Кояловичу удалось основать в стенах ПДА своего рода историческую школу из своих учеников и союзников. Приняв от своего учителя идеи великодержавия и монархизма как почву, определявшую многие моменты в их толковании истории феодальной Белоруссии и Украины, они все же не могли уже не учитывать и не испытать воздействия методологических установок, конкретных наблюдений и выводов, связанных с либеральной историографической традицией в изучении ВКЛ конца XIX – начала XX вв. Отсюда – более пристальное внимание к социальному контексту разрабатываемых проблем по истории конфессиональных отношений в государстве, более уважительное, реалистическое отношение к фактам, свойственное позитивистской методологии истории господствующей в трудах российских историков в конце XIX – начала XX вв.

Непосредственным преемником Кояловича по кафедре гражданской истории в ПДА стал П.Н. Жукович (1857–1919), сын белорусского священника из м. Пружаны, который после окончания ПДА (1881) и преподавания в течение ряда лет в Полоцком училище и учебных заведениях Вильно, с 1891 г. возвращается в качестве преподавателя гражданской истории в стенах своей «альма-матер». Религиозные взгляды и отрицательное отношение к Польше сближает Жуковича с учителем, но в научном, методологическом отношении в его работах была предпринята попытка более объективного, трезвого анализа конфессиональных проблем в восточнославянских землях ВКЛ. В своих наблюдениях и выводах Жукович увязывает рассматриваемые вопросы истории конфессиональных отношений в государстве с социальной средой, породившей эти

вопросы. Последние годы своей деятельности перед революционными потрясениями 1917 г. Жукович посвятил изучению состояния Белоруссии в последней четверти XVIII в. [III, 95–100, 222].

К старшим представителям школы Кояловича относится и К.В. Харламкович, ставший впоследствии профессором Казанского университета. Его работы, написанные на новом архивном материале, были посвящены культурологической проблематике [III, 324] и знаменовали собой попытку рассмотрения религиозных отношений ВКЛ и их влияния на культуру белорусского и украинского феодального общества с позиций либеральной историографии. Однако в целом такой подход к изучению истории церкви, конфессиональных отношений в феодальной Белоруссии и Украине не стал еще господствующим даже в начале XX в. Тон в изучении этой действительно важной проблематики вплоть до Октябрьской революции в российской историографии задавался работами историков официально-охранительного направления [II, 54, 131, 155, 185, 197, 207, 235, 235, 255, 307, 323].

И это было вполне закономерным явлением, поскольку «западнорусизм», показав свою научную несостоятельность в споре о ВКЛ с либеральными версиями университетской профессуры, отнюдь не лишился к началу XX в. ощутимой поддержки со стороны правительственной России. Более того, после чрезвычайных событий 1905–1907 г. эта идеология обретает в политике, проводимой царизмом на белорусских землях, свое «второе дыхание». Уже накануне Первой мировой войны в своей докладной записке министру внутренних дел России минский губернатор Гирс, намечая меры, «могущие укрепить национальное сознание белорусов и противодействовать полонизации», с тревогой писал о полосе контрнаступления польской культуры на русскую с 1905–1906 гг [I, 37, оп. 3, д. 114; II, 56]. Как показало это контрнаступление, к началу XX в. «русский элемент в крае еще недостаточно укрепился, чтобы собственными силами **отстоять край для России и для русской культуры**», и что «необходимо еще на некоторое время **удержать часть прежних охранительных мероприятий и предпринять новые**, отсутствие которых обнаруживалось при открытом столкновении двух враждебных друг другу культур» [I, 37, оп. 3, д. 114, л. 1]. Намечая традиционные меры экономического и политического выдавливания польской культуры из Белоруссии (кадровые перестановки, насаждение русского землевладения, «располячивание» костела и т.д.), Гирс в то же время предлагает

новые идеи решения старой проблемы. Главная из них – ставка на формирование местной интеллигенции Белоруссии (под контролем правительства – Д.К.) как главного заслона «полонизму» в крае. Он считает, что крупным недостатком «окраинной политики» предшественников было «неумение использовать тот богатый и благодарный этнографический материал, который представляет собой белорусское племя. Богато одаренное от природы, необыкновенно трудолюбивое, трезвое, несомненно преданное России и Русскому Престолу, что оно показало во время польских восстаний, это племя, при внимательном к нему отношении со стороны правительства и при умении его использовать в национально-государственных целях, могло бы выделить из своей среды крупные культурные силы» [I, 37, оп. 3, д. 114, л. 8]. Отсюда – необходимо создать в Белоруссии вузы и реформировать учительские семинарии, так, чтобы из них выходили носители определенного «государственного элемента». А поэтому в них, по мнению Гирса, необходимо расширить программу преподавания «истории России, и в особенности истории западного края», религиозно-нравственного воспитания и воспитания патриотического. Не может игнорировать знания о своем прошлом и начальная школа, т.к. «патриотическое чувство, воспитанное на изучении родной истории, не может быть забыто. А прошлое Белоруссии представляет собою богатый материал для воспитания русского патриотического чувства, для воспитания любви и преданности к России и русским. Самодержцам, спасшим белорусское племя от окончательного поглощения его поляками» [I, 37, оп. 3, д. 114, л. 8 об]. Знакомство с русской великодержавной прессой «Северо-Западного края» тех лет («Виленский вестник», «Минские слова», «Окраины России») показывает, что в оценке такой роли исторического образования для воспитания казеннокоштного «патриота-белоруса» Гирс был не одинок. Для этой публики даже кадеты-профессора А.Л. Погодин, Бодуэн-де-Куртенэ и прооктябристски настроенный проф. М.К. Любавский были историками и публицистами «левого направления», которым надо «дать бой» [I, 37, оп. 3, д. 114, лл. 9 об – 9; II, 76, 186, с. 424 – 426]. Нельзя не признать, что в значительной мере основной своей цели – русификации края и русификации массового исторического сознания белорусов к 1914 г. они достигли. Но то, что удалось в Белоруссии, не состоялось в «подроссийской» Украине. И не состоялось главным образом потому, что с конца 60-х – начала 70-х гг. XIX в. процесс формирования национально-исторической науки

и исторического сознания украинского общества находился под контролем уже достаточно влиятельной, профессионально подготовленной научной украинской элиты – историков Киевского и Харьковского университетов. А большинство из них придерживалось либеральных и демократических взглядов. Что с учетом влияния этих университетских «кузниц кадров» в подготовке учителей-историков для средней и начальной школы Украины, ориентированных на развитие украинской культуры, делало попытки насаждения идеологии «западноруссизма» в украинских губерниях малоэффективными.

4.2. Формирование либерального и демократического направлений в белорусской и украинской историографии 70-х гг. XIX – начала XX вв.

Либеральная традиция в изучении исторического прошлого Белоруссии в белоруссоведении пореформенного периода связана прежде всего с именами Е.Ф. Карского, И.И. Лаппо и А.О. Турцевича.

Е.Ф. Карский (1861–1931) – уроженец д. Лаша Гродненской губернии хорошо известен не только специалистам-филологам, но и любому образованному белорусу. Ученый с европейским именем он уже до революции по праву считался основателем белорусского языкознания и белорусской филологии. Вероятно поэтому в подавляющей массе работ, посвященных личности и творчеству именитого белорусского исследователя, основное внимание уделяется анализу его филологического наследия. Не исключение здесь и работы биографического комплекса о Карском (исследования В.М. Ляпунова, В.И. Борковского, В. Вольского, П.С. Кузнецова, А.А. Кривицкого и др.). Явно на периферии исследовательского внимания оказались историко-этнологические, источниковедческо-археографические, культурологические аспекты его творчества. В недостаточной мере раскрыто исследованием творчество Е.Ф. Карского, его роль как деятеля белорусской культуры конца XIX – начала XX вв., его значение в становлении исторического самосознания белорусской нации. Авторы предисловий и комментариев переизданных в 50-х гг. классических трудов Е.Ф. Карского не рискнули выйти в оценке его личности и места в белорусской культуре за рамки узкоакадемического канона. Сам сложный, драматичный социально-культурный кон-

текст развития белорусской национальной культуры и белорусской науки пореформенного периода, от почвы которых своими корнями питалось творчество Е.Ф. Карского, до сегодняшнего дня еще остается со многими «белыми пятнами». Появившаяся недавно первая монографическая работа по историографии Белоруссии эпохи феодализма З.Ю. Копысского и В.В. Чепко лишь декларировала в общих выражениях место Е.Ф. Карского в становлении историко-культурологического направления конца XIX – начала XX в. [III, 142, с. 61].

Творческая деятельность Е.Ф. Карского приходится на годы рождения новых либеральной и демократической концепций в освещении исторического прошлого Белоруссии. В тех исторических условиях, когда представители официальной идеологии империи отказывали белорусскому народу не только в праве на историческое настоящее и будущее, но и отрицали наличие у него самобытного исторического прошлого, существования языкового, культурного, национального своеобразия, огромную роль сыграли исследования белорусских ученых, в которых эта самобытность белорусского этноса доказывалась и раскрывалась на почве веских научных аргументов. К числу наиболее убедительных исследований и принадлежали ставшие классическими работы Е.Ф. Карского. Их особая значимость в изучении белорусской культуры определялась еще и тем обстоятельством, что большинство вышедших до революции 1917 г. исследований по истории культуры Белоруссии были или сравнительно небольшими работами по описанию отдельных памятников материальной и духовной культуры края (статьи А. Сапунова, П. Гильтенбрандта, А.И. Миловидова, А. Сементовского) или исследованиями, тесно связанными с историей конфессиональных отношений в ВКЛ XVI–XVIII вв. (статьи и монографии П.Н. Жуковича, А.С. Осинского, Ф. Жудро, С.С. Кедрова, М.О. Кояловича, А.Л. Папкова, А. Демьяновича, М. Крамаренко, И.И. Флерова, К.В. Харламповича и др.) [II, 55, 73, 95, 144–148, 155, 193, 251–254, 280, 323, 324]. Из немалого числа этих работ, порожденных обстановкой подавления восстания 1863 г., влиянием «западнорусизма», выгодно выделялось лишь фундаментальное историко-филологическое исследование П.В. Владимирова, где впервые в российской историографии были глубоко проанализированы и освещены жизнь и творческое наследие выдающегося белорусского просветителя и первопечатники Ф. Скорины [II, 48].

Жизненный подвиг Е.Ф. Карского, его «Белорусы» [II, 124–126] – серия фундаментальных исследований по истории белорусского языка и литературы, базировалась на огромном количестве разнообразной информации как из письменных, так и из этнографических источников, почерпнутых ученым не только в процессе кропотливой кабинетной работы, но и в ходе многих фольклорных, этнографических экспедиций по Белоруссии и Литве, из живой языковой народной стихии. Сам предмет и огромные масштабы работы над одним из важнейших и объективных источников человеческой истории – историей языка, потребовали от исследователя высокопрофессионального овладения не только навыками историко-сравнительного метода, но и методами анализа историка-этнографа, скрупулезного знания палеографии.

Характерно, что Е.Ф. Карский начал свою деятельность в области изучения белорусского языка как собиратель памятников устного народного творчества (белорусских песен с. Березовка, Новоселок и др.), активный консультант и рецензент известных белорусских этнографов-краеведов П.В. Шейна, Е.Р. Романова. В 1885 г. в Москве появляется первая серьезная большая работа по белорусскому языку – «Обзор звуков и форм белорусской речи». Продолжая эту работу, он публикует в 1890–1893 гг. исследование «К истории звуков и форм белорусской речи». Этот труд основан на детальном ознакомлении со старинными источниками различных жанров и различных периодов, с белорусским фольклором и с живой белорусской речью. Особенно ценно то, что исследование построено на основе изучения многих неопубликованных старинных рукописей. Карский сумел показать тесную связь современного ему белорусского языка с языком старинных белорусских литературных памятников.

Высокую оценку в эти годы получила деятельность ученого в области этнографии. В 1894 г. Русское Географическое общество наградило Е.Ф. Карского золотой медалью. 90-е гг. XIX в. – время бурного расцвета творческих сил исследователя. Наиболее продуктивным в творческом отношении у Карского стал без малого двадцатилетний период его преподавательской деятельности в стенах Варшавского университета (1893).

Здесь в Варшаве были созданы и опубликованы лучшие его работы в области истории белорусского языка и палеографии, старинных белорусских письменных источников. Исследование последних шло па-

раллельно с изучением белорусских говоров. Е.Ф. Карский огромное внимание уделял старинным рукописям, хранившимся в архивах и библиотеках Польши и России. Результатом этой работы стало появление ряда прекрасных исследований источниковедческого характера: «Два памятника старого западнорусского наречия: 1) «Лютеранский катехизис 1562 г.»; и 2) «Католический катехизис 1585 г. (1893)», «О языке так называемых литовских летописей» (1894), «Западнорусские переводы псалтыря в XV–XVII вв.» (1896) и др.

В Варшаве же в 1896 – 1897 г. публикуется труд Е.Ф. Карского «Из лекций по славянской кириллической палеографии», а в 1901 г. выходят «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII вв.» (переизданы в 1902 и 1912 гг. – ДК). И в том же г. в Варшаве – «Очерк славянской кирилловской палеографии», выдержавший впоследствии так же несколько изданий (последний в 1915 г. – ДК). После курса академика И.И. Срезневского (СПб., 1885) работы Е.Ф. Карского по палеографии были единственными учебными работами по предмету вплоть до 1908 г. Широкий круг вопросов, стройность построения, весомость научной аргументации – все это способствовало большой популярности «Очерков», ставших незаменимым пособием на долгие годы для палеографов, историков и филологов-славистов в России и за границей. Работу по изучению славянорусской палеографии исследователь продолжил после Октябрьской революции.

Глубокие историко-филологические изыскания позволили Е.Ф. Карскому уже к началу XX в. подойти к решению важнейших исторических вопросов этногенеза белорусского народа. Личные наблюдения во время поездок по Белоруссии, исследования белорусских говоров дали ему возможность определить территориальные границы белорусского языка. В 1902 г. ученым была опубликована вначале в «Могилевских губернских ведомостях», а затем с дополнениями в «Известиях ОРЯС» (т. VII, кн.3) статья «К вопросу об этнографической карте белорусского племени». Сама же карта с предисловием к ней была издана в 1917 г. [II, 127]. Уже в первом томе начавших издаваться с 1903 г. «Белорусов» Е.Ф. Карский пришел к выводу, ныне общепризнанному белорусоведением, – об образовании к XIV в. из древнерусских племен дреговичей, кривичей и радимичей белорусской народности. В условиях дореволюционной России, официальные круги которой не признавали существования белорусского народа и белорусского языка, этот вывод, добытый

на твердой почве огромного количества фактов, проанализированных на строго научной основе, имел далеко не только научное значение. Он подводил научный фундамент под стремлением белорусской интеллигенции воскресить дремлющие силы белорусского народа для борьбы за национальное возрождение, реанимировал социальную память белорусов. Но деятельность Карского-ученого не ограничивается только выдающимся вкладом в разработку научных проблем белорусоведения, истории белорусской культуры. Натура деятельная, демократическая, он сам был активным участником национально-культурного движения белорусской интеллигенции за создание национальной культуры, за воссоздание национального самосознания. Не случайно поэтому среди его многочисленных корреспондентов наряду с белорусскими учеными (М.В. Довнар-Запольским, П.В. Шейном, Е.Ф. Романовым, Н.Л. Янчуком, Н.Я. Никифоровским) немало и видных деятелей белорусской национальной культуры начала XX в. (Я. Купала, Я. Колас, В. Ластовский, И. Лесик, С. Некрашевич, Ф. Турок, Е. Хлебцевич, М. Горецкий, А. Власов) [I, оп. 1, дд. 4, 9, 25, 50; оп. 2, дд. 26, 37, 62, 70, 74, 98, 99, 143, 153]. Научные труды, культурно-просветительская деятельность, личность ученого – исследователя белорусской культуры стали сами по себе в начале XX в. заметным фактором развития национального самосознания белорусов, их национальной культуры этого периода.

Другой видный представитель белорусской либеральной историографии, уроженец Витебщины И.И. Лаппо (1869–1944), большую часть своей научной и преподавательской деятельности до революции провел в стенах Дерптского университета [I, 99, дд. 1–3]. Основные его работы были посвящены социально-политической истории Великого княжества Литовского в XVI в., истории его госучреждений и социальной структуры, источниковедческому изучению Литовской Метрики [II, 169, с. 171]. Прекрасное знание исторических реалий исследуемой эпохи и фундаментальное изучение законодательных источников ВКЛ привели исследователя к очень важному выводу о том, что и после Люблинской унии 1569 г. белорусско-литовское государство в государственно-правовом отношении долгое время оставалось обособленным от Польши [II, 169, с. 222–228]. С позиций историка-позитивиста исследует И.И. Лаппо социальный организм ВКЛ, социально-политическую специфику его «станов» – «народа-шляхты», панов-рады в XVI в. Убедительно показывает и доказывает необходимость исследования этих проблем ради бо-

лее точного и углубленного понимания истории восточнославянских народов (белорусов и украинцев) в истории государственности России и Польши. Ценной чертой исследовательского метода ученого явилось стремление разработать проблемы особенностей социально-политической структуры ВКЛ в «двухуровневом режиме» – на уровне макроструктуры (социальных и политических институтов княжества, имеющих универсальное общегосударственное значение) и на уровне микроструктуры (местные органы власти и «региональный» облик шляхты). Такой подход позволял: избегать схематизма и давать всестороннюю, комплексную характеристику социальной базы ВКЛ – шляхетства.

Сын православного сельского священника Минской губернии А.О. Турцевич (1848–1918), продуктивно работавший на ниве преподавательской и археографической деятельности, являл пример довольно редкой политической эволюции от консервативно-охранительной к либеральной позиции. Окончив историко-филологический факультет, Петербургского университета (1872), он долгое время преподавал историю в средних учебных заведениях Литвы (Шавли, Вильно). Еще до прихода на работу в ВАК в 1901 г. [III, 249, с. 117–120] он написал ряд учебников по русской истории для учебных заведений края, где значительное место занимала история Великого княжества Литовского, составил и опубликовал хрестоматию по истории Западной Руси [II, 315–317, 319]. Те разделы учебников, в которых излагалась история ВКЛ, считались для учащихся необязательными, но Турцевич в предисловии, обращенном к учителям, настоятельно рекомендовал своим коллегам не игнорировать их, поскольку данные по «западнорусской» истории в курсе средней школы, несомненно, имеют такое же значение, как и «северорусская история». Естественно, излагаемая автором учебников история ВКЛ не могла бы появиться в стенах официальной школы, если бы сам Турцевич придерживался «неофициальных» взглядов. «Полевение» взглядов историка произошло после 1905 г. Этот заметный разрыв с традицией «верноподданной историографии» особенно ощутим в книге Турцевича по истории белорусского крестьянства, вышедшей в свет в 1911 г. [II, 318]. Исследуя его судьбу, ученый пришел к скандальному для «охранителей» выводу о том, что «положение крестьян после присоединения Белоруссии к России продолжало ухудшаться, т.к. помещики не только сохранили на них все свои прежние права, но и получили возможность продавать без земли в великорусские губернии» [II, 318, с. 67].

Говоря о белорусских историках либерального направления, нельзя не признать того факта, что сила их влияния на характер развития белорусской историографии пореформенного периода не может идти ни в какое сравнение с той ролью, которую сыграли в становлении своих национальных историографий великорусские и украинские либеральные исследователи. Отсутствие своей сильной национальной либеральной интеллигенции в сфере гуманитарных (в том числе исторических) знаний предопределяло концептуальную зависимость белорусских либеральных исследователей в трактовке своей собственной истории от историков, основных университетских центров Российской империи, в которых разработка проблем истории белорусско-литовского государства и культуры достигла впечатляющих результатов (Киев, Москва, Петербург). Капитальные труды и лекционные курсы В.Б. Антоновича, А.С. Грушевского, М.К. Любавского, В.И. Пичеты, В.Ф. Владимирского-Буданова, Ф.И. Леонтовича, С.А. Бершадского, Ф.И. Тарановского [II, 7, 8, 26, 49, 51, 66, 67, 173, 175, 176, 179] не только поставили изучение истории Великого княжества Литовского на почву научной (позитивистской – Д.К.) методологии, открыли и освоили новые области в ее исследовании (история социальной структуры и социальных отношений, история города, история крестьянства, история государства и права ВКЛ, история культуры), но и выявили научную несостоятельность официально-охранительных версий «западнорусизма». Разумеется, прямого воздействия на формирование нового исторического менталитета в сфере массового сознания либеральная историографическая традиция изучения белорусского прошлого не имела. Но косвенное ее воздействие через частичное освоение наблюдений, выводов, источниковой информации историков-либералов демократической историографической традицией отрицать не приходится.

Научно несостоятельной, но активно поддерживаемой правительственной Россией «западнорусистской» версии истории ВКЛ наиболее существенный удар был нанесен фундаментальными трудами молодого российского либерального историка М.К. Любавского. Рукописи исследований и материалов проф. М.К. Любавского по истории Западной Руси дошли до нас в очень незначительном количестве. Фактически из всего дореволюционного «литовского» творческого наследия ученого в распоряжении исследователя имеются только материалы к работам по истории «Литовско-Русского государства» (выписки из ар-

живных источников Книги Записей и Судных дел Литовской Метрики). Около 200 листов и отрывочные материалы из семинара по изучению «внутреннего строя Литовской Руси на основании законодательных памятников» (1901–1902). Хотя из официальных и вполне достоверных источников известно, что М.К. Любавский на протяжении почти трех десятилетий преподавания в Московском университете читал там не только спецкурсы по истории Великого княжества Литовского, но и вел семинары, где разбирались и анализировались важнейшие ее источники (в 1903–1904 и 1908–1909 уч. г. – I Литовский Статут 1529 г., в 1911–1912 уч. г. – общеземские и областные привилеи Великого княжества Литовского, 1912–1913 уч. г. – III Литовский Статут, в 1914–1915 уч. г. – Волочная помера и Устав Сигизмунда Августа). Один из участников такого семинара, ученик М.К. Любавского, В.И. Пичета отмечал интересную методику их ведения, благодаря которой ученый приучал своих учеников к «тщательной работе над источниками» [I, 80, к. 1, д. 15]. Однако и опубликованные работы историка позволяют в какой-то мере заглянуть в его творческую лабораторию. Наибольшие возможности представляет в этом отношении фундаментальный «Очерк истории Литовского-Русского государства до Люблинской унии включительно» (М., 1910). Свообразный итог-обобщение положений магистерской и докторской диссертаций, эта работа хотя и не касалась вопросов истории экономики и культуры (в этом – ее несомненный минус), все же знакомила с социально-политической эволюцией Великого княжества Литовского XIII–XVI вв. «Очерк» составлялся из лекций, читаемых автором в Московском университете в 1902–1908 гг., построенных на основе переработки прежних его специальных исследований с привлечением изысканий в той же области, появившихся в 1890 – начале 1900-х гг. (труды Ф.И. Леонтовича, Н.А. Максимейко, М.В. Довнар-Запольского, А.С. и М.С. Грушевских и др.). Причиной создания «Очерка» являлось отсутствие в научной литературе труда, который давал бы в известной степени общую концепцию «литовско-русской истории» (исследования Т. Нарбута и И. Лелевеля выглядели значительно устаревшими, а в работах П. Кукольника и М. Кояловича охранительная публицистика преобладала над наукой). Сам Любавский старался, по его словам, в своем труде быть «на уровне существующих научных разысканий». Поэтому, как ни важным было освещение экономической эволюции Великого княжества Литовского и истории его духовной культуры,

автор вынужден был отказаться от всяких значительных попыток в этом направлении «...ввиду отсутствия серьезных, достаточно широких и глубоких исследований по этой части» [III, 179, с. 1]. Сами экономические мероприятия правительства этого государства его интересуют, но не со стороны их экономического содержания, а со стороны публично-правового аспекта. В этом плане замечания автора были очень ценными. Сохраняя в «Очерке» исходные методологические принципы «государственной» школы, Любавский неоднократно демонстрирует отчетливое понимание зависимости социально-политических явлений от экономических.

В «Очерке» формулируется вывод о том, что в «Литовско-Русском государстве» господствовал такой же феодализм, как и на западе в середине века [II, 179, с. 131–133]. Интересна попытка Любавского раскрыть историю социально-политического организма Великого княжества Литовского в сравнении с Русским государством XIV–XVI вв. Она давала возможность проследить, как различные условия повлияли на развитие двух государств, близких первоначально (XII–XIII вв.) по структуре их социально-политических институтов. Изучение внутренней истории ВКЛ, сохранившего больше традиций и архаических черт, чем на Руси Северо-Восточной, позволяло уяснить особенности древнейшего и средневекового периода русской истории, помогало лучше представить своеобразие исторического процесса в Русском государстве XV–XVI вв. Современники Любавского отмечали значение его трудов в плане раскрытия контраста между Западной и Восточной Русью. Поскольку «Литовско-русское» государство представляло переходную форму, его изучение помогло уяснить вопрос: был ли в Московской Руси феодализм? Многие выводы и наблюдения, сделанные Любавским в этой работе, вошли в основной фонд отечественной литванистики и белорусоведения и не потеряли своего значения и в наше время [III, 187–188].

Ряд российских либеральных историков оказал непосредственное позитивное влияние на развитие исторической науки Белоруссии, на популяризацию ее богатого прошлого в российском ученом мире. Одним из таких историков был известный в России украинский этнограф и фольклорист П.А. Бессонов. Приглашая Бессонова на работу в Вильно, попечитель ВУО И.П. Корнилов радостно сообщил товарищу министра народного просвещения И.Д. Десянову: «Мы сделали богатое приобретение для Северо-Западного края. Он (П.А.Бессонов – Д.К.) перенесет в

Вильню свою ученую деятельность. Здесь необходимы люди, способные к самостоятельным исследованиям по истории Западного края России. Здешнюю историю можно почти назвать непечатою, потому что труды польских историков по большей части пристрастны. Они искажали историю, и дело русского ученого представить прошлое в его настоящем свете и обличить. Дело великое и трудное, и необходимое для того, чтобы уронить кредит полонизма в науке. Это поколеблет силу польских притязаний и образумит русских дурней» [I, 5, д. 338, л. 1]. Радость попечителя была скоро омрачена. Приехавший исследователь быстро разобрался в сложившейся ситуации и выступил с резкой критикой полицейских методов русификации Белоруссии и Литвы [I, 51, д. 515].

Служебная карьера Бессонова сначала на посту директора ряда средних учебных заведений Вильню (раввинского училища и гимназии), а затем председателя Виленской археографической комиссии не отличалась особой продолжительностью. Ему быстро намекнули о необходимости отъезда в Москву. Но проведенного времени вполне хватило, чтобы по достоинству оценить богатство и красоту белорусской культуры. В своем предисловии, подготовленном для печати сборнике «Белорусские песни», П.А. Бессонов дал очень высокую оценку и белорусской культуре, и создавшему ее народу, высказал немало глубоких, новаторских соображений. С любовью он пишет о большом вкладе белорусского народа в культурную «копилку» народов Восточной Европы (особенно русских, украинцев, поляков) XVI–XVIII вв. Исследователь выделяет белорусский этнос как вполне самостоятельный, а его историческую миссию видит в **посредничестве** между культурами народов Восточной Европы. Едва ли не первый из украинских ученых П.А. Бессонов тезисно сформулировал концептуальную схему развития белорусской культуры. Он писал: «Белая Русь или Белоруссия имела в своем существовании два периода поистине блестящих и своеобразных. Во-первых, с начала нашей общей Русской (это понятие Бессонов трактует в политономическом смысле – Д.К.) истории до конца XVI в. народность белорусская оказала замечательную крепость и живучесть основных начал, разносторонность развития, покоряющую влияние и общительность своих сил. Она умела на равных правах ужиться с такими уже сильными в то время народностями и племенными ветвями, как литовская, польская, еврейская и даже немецкая... Не покоряя их оружием внешним, напротив, часто сама покоряемая и непокорная, она постоянно то боролась с ними для дружного едине-

ния, то дружилась для внутренней самоопределяющей борьбы, и постепенно, шаг за шагом, успевая побеждать своим духовным нравственным, словесным, творческим, бытовым, гражданским образующим и просвещающим влиянием. Про нее то можно сказать со справедливостью, что в сем деле не сдала она ни пяди земли, ни камня своего здания, напротив создала землю и целый край, возведя в основе свое великое здание» [I, 51, д. 269, л. 2]. Историческую драму белорусского народа историк справедливо видит в том, что при своей исторической линии посредника «этот народный мир в период белорусский» (до конца XVI в. – Д.К.) не достиг одного завершения своему зданию – **государства и государственности**. От того ли, что промежуточные государства вообще не удаются или до крайности недолговечны, или оттого, что всем славянам такая недоля, все их бывшие самобытные государства оказывались почему-то и между кем-то промежуточными, нужными для подставки тому или другому сильному соседу, только искомого не нашлось. Сперва по частям и местом – пришельцы немцы, потом постоянную и общую государственную роль взяли на себя полудикие, но крепко вооруженные и упрямые литовцы, во всем остальном развитии зависевшие от белорусов, а потом полурастоптанные поляки, питавшиеся живыми, не оскудевшими еще соками Белоруссии, не только вне государства, от языка до церковных сил, но даже и прочною солидарностью Литовского государственного строя» [I, 51, д. 269, л. 3 – 03 об].

Второй период в истории Белоруссии (конец XVI–XVIII вв.), по мнению Бессонова, это «плод с сильными мутационными изменениями в семени». Союз с Польшей потряс «до корня равновесие составных созданного Белоруссией мира» [I, 51, д. 269, л. 3 об]. Щедро делясь соседями своими людьми и «духовными культурными припасами», отдавая их на сторону – Белоруссия «надорвалась». Хотя внешне и этот период был богат на яркие проявления белорусской духовной культуры, но она уже развивалась в иной польской или русской «государственной и национальной оболочке» [I, 51, д. 269, л. 3 об]. Пророческие оценки Бессоновым белорусской культуры были в 70-е гг. XIX в. еще «гласом вопиющего в пустыне». Понадобилось без малого 40 лет открытия Белоруссии, чтобы верность таких подходов осознали и такие выдающиеся представители русской науки с мировым именем как А.А. Шахматов [I, 8, оп. 2, д. 291, л. 9].

Становление демократического видения «былого» Белоруссии было тесным образом связано с народническим движением в России, народнической философией истории. Импульс, заставивший белорусских народников обратить серьезное внимание на белорусский национальный вопрос, был задан К. Калиновским [Ш, 100, с. 4–44]. При решении национального вопроса они исходили из общих для революционного народничества положений, изложенных еще в 50–60-е гг. XIX в. А.И. Герценом. Последним в связи с острой борьбой, развернувшейся в 50-х гг. XIX в. по «польскому вопросу», была выработана довольно четкая позиция. В своих статьях, опубликованных в 1859 г. в «Колоколе», А.И. Герцен отстаивал идею самоопределения украинского и белорусского народов, основанного на общности языка, вероисповедания и особенностях быта. Эти идеи А.И. Герцена вошли в программы народников 70-х гг. XIX в., получив формулировку «соответственно местным желаниям». Участие белорусской молодежи в народнических кружках 70–80-х гг. XIX в., по мере развития национального самосознания привело к зарождению в рамках этого движения белорусских национально-освободительных тенденций и попыток формирования программы белорусского национально-освободительного движения. К началу 80-х гг. XIX в. среди части белорусской интеллигенции, исповедовавшей народнические идеи, возник интерес к национальной проблематике. Либеральные подходы в народничестве Белоруссии явственно заявили о своей позиции в белорусском национальном вопросе в 1882 г. гектографированной брошюрой «Письма о Белоруссии» [I, 126, ф. 1405, оп. 65, д. 19763]. Цель публикации не скрывалась – привлечь внимание к изучению белорусского народа и развитию «самобытности белорусских областей». В предисловии к брошюре издатели сообщали о своем желании выпустить в свет ряд писем, в которых будут разъясняться вопросы, относящиеся к изучению Белоруссии. Известно только «Письмо первое». Автор «Письма» Д. Боровик упрекал белорусскую интеллигенцию в незнании своего народа, призывал ее последовать примеру интеллигенции Великороссии, Украины, Польши, «сделавших значительные успехи по изучению своих народов и повышению их национального самосознания». Производя разбор предшествующей научной литературы о Белоруссии, он дал и очень интересную оценку ее истории с народнических позиций. Считая интеллигенцию главным двигателем народа «на пути его развития», автор «Письма» отмечает явное отставание белорусской интеллигенции в деле пробужде-

ния Родины и народа по сравнению с украинской («Наша Родина Белоруссия спит сном непробудимым»). Драматизм положения белорусской культуры и белорусского самосознания он усматривает в исторических корнях белорусского прошлого. Начало его видится в XV в., когда вследствие усиления культурно-религиозного влияния на Беларусь Польши «Высший класс белорусского народа, не успевший достаточно развить свою собственную самобытность, без особенных затруднений принял заманчивую польскую культуру, как сильнейшую и исторически более развитую. Не то было с простой массой. Белорусский народ и его лучшие силы оказали сильное сопротивление иезуитскому натиску, энергично отстаивая предания и верования при помощи братств. Белорусский народ остался тем же в конце XVIII в., что и в XV в., только «съежился», когда он перешел под власть России». Диаметральнo противоположной оценкой официальной историографической версии отличалась и трактовка роли унии в истории белорусского народа. По мнению автора «Письма», «за два века (XVII–XVIII – Д.К.) часть белорусского народа успела уже сжиться с унией, и насильное возвращение в православие было новым оскорблением народной души». Отличной от правительственно-казенного историографического официоза была и оценка положения белорусов в составе Российской империи: «Оно было самое бедственное. Он угнетен, придавлен бедностью, утратил свою энергию», а русские чиновники-русификаторы после 1863 г. «только и сумели устроить осадное положение мысли и слова». Беларусь, по мнению автора «Письма», с 1863 по 1883 гг. «находится на особом военном положении, при котором немислима никакая законность», – отсюда и отсутствие всяких, даже малых реформ, возможных во внутренних областях России. Где же выход? Он, как считает Боровик, в «органической работе» на пользу родине (в том числе и пристальном изучении ее самобытности), способной разбудить народ от спячки [III, 209, с. 25, 26, 28, 29, 31].

Среди представителей белорусского революционного народничества в решении национального вопроса существовали две группы. Одна из них придерживалась традиционных народнических взглядов (Томель, Орша, Киевская коммуна могилевцев и семинарская народовольческая группа в Минске), для которых национальный вопрос был второстепенным. Из их среды вышло «Послание и землякам белорусам» (янв. 1884 г.), где ставилась задача в первую очередь изучать «народные волнения и бунты, социальную структуру и социальные отношения». Другая группа

предлагала поднять национальный вопрос как знамя революционной борьбы. Ее позиция была представлена в журнале белорусских студентов-народовольцев «Гомон». Обратившись к национальным проблемам, «гомоновцы» в какой-то мере способствовали пробуждению национального самосознания [III, 209, с. 116]. Они отчетливо осознали, что Белоруссия имеет все особенности, которые сообщают ей своеобразную физиономию и самым естественным образом выдвигают ее как особую «отрасль» славянского племени. У нее богатое историческое прошлое и хороший народ (потомки кривичей и дреговичей [III, 245, с. 8, 8]. В 1870-е гг. усилиями М.П. Драгоманова в Женеве было издано несколько агитационных брошюр на белорусском языке [III, 205, с.144]. Белорусское национальное возрождение, начавшее отчетливо проявляться с 80-х гг. XIX в., постепенно нарастало и к началу XX в. имело уже вполне определенный характер системы политических и исторических взглядов. Идея культурной национальной автономии Белоруссии в рамках демократической Российской Федерации в очень осторожной (в силу цензурных условий конца XIX – начала XX в. – ДК.) форме проводилась видными представителями белорусского либерального народничества в подцензурной периодической печати империи. Для развития этой идеи вплоть до революции 1905–1907 гг. условия были явно неблагоприятными. Поэтому деятели белорусской национальной интеллигенции 80–90-х гг. XIX в. смогли проводить ее в жизнь, как правило, в форме идеи изучения Белоруссии, как «в национально-культурном прошлом, так и в современном ее состоянии». Для этого периода народнического постижения Белоруссии большое значение имели публикации в «Минском листке» статей Довнар-Запольского, Ляцкого, Завитневича, Слупского, Янчука, издание в 1889–1890 гг. под редакцией М.В. Довнар-Запольского «Северо-Западного календаря». На становлении национальной историографии в Белоруссии этого периода сказалось этнографическое изучение белорусских земель, которое активизировалась в 60–80-е гг. XIX в. Работы М. Никифоровского, И. Сербова, Н. Янчука, Е. Романова и др. вместе с третьим томом «Живописной России» придавали «второе дыхание» концептуальным подходам историков первой половины XIX в., создавали условия для постановки преимущественно публицистического варианта национальной концепции истории Белоруссии.

Первый серьезный шаг в этом направлении был сделан молодым М.В. Довнар-Запольским в цикле его статей в 1888 г. «Белорусское

прошлое» в газете «Минский листок». Здесь он не просто излагал свои взгляды на историю Белоруссии, но рассматривал это прошлое с позиций современной ему действительности, ратовал за возвращение в Россию «вечевого уклада, как выражения народной воли», высказывался за необходимость созыва представительных учреждений [III, 256, с. 32–39]. Полемизируя с одним из столпов «западнорусизма» М.О. Кояловичем, М.В. Довнар-Запольский не сомневается в существовании белорусской нации, потому что белорусы имели свою историю, отличную от «прошлого соседей», свои «исторические традиционные начала», свой язык, ставший в XIX в. литературным. В прошлом Белоруссии историк отмечал такие традиции, которые он был не прочь перенести в настоящее. При этом в угоду желаемому настоящему идеализации подвергалось оцениваемое прошлое. Так, он явно идеализировал социальные отношения в Великом княжестве Литовском, считая, что в нем была обеспечена «полнейшая равноправность» входивших в него народов. Будущее Белоруссии видел в качестве равноправного «сочлена федерации народов» в сочетании с «полной областной самостоятельностью». «Областная же самостоятельность» имела бы то важное значение, что «не мешала бы каждой составной части государства развиваться самостоятельно, по выработанным ею историческим основам». Здесь мы явно видим влияние на исторические взгляды раннего М.В. Довнар-Запольского федералистских идей, работ Н.И. Костомарова, М.П. Драгоманова. Именно эти «прекрасные зачатки будущего» намечались, по мнению М.В. Довнар-Запольского, в древнем государстве. Публикации М.В. Довнар-Запольского, Н.А. Янчука, А.Е. Богдановича, С.И. Гриневицкого, в которых рельефно и исторически точно писалось о быте, взглядах и истории белорусского народа, пробуждали у читающей Белоруссии интерес к истории и культуре своего Отечества.

В 1889–1890 гг. под редакцией М. Довнар-Запольского и В. Завитневича (впоследствии профессора КДА – Д.К.) издавался «Северо-Западный календарь», в котором явственно проводилась идея о Белоруссии как крае, «совсем особном от Польши» в этнографической и историко-культурной структуре, связанном с Россией общественно-политическими и экономическими условиями, но «этнографически и культурно» от нее обособленного. Здесь среди статей и заметок, посвященных истории, этнографии и языку Белоруссии, публиковались белорусские «вершы» и рассказы [III, 205, с. 144–145; 245, с. 10]. Эти идеи и дела народничества

70–80-х гг. XIX в. сформировали исторический и политический менталитет поколения белорусской интеллигенции, активно вступившего в политическую и культурную борьбу за возрождение Белоруссии в начале XX в. (А. и И. Луцкевичи, А. Власов, Э. Пашкевич, М. Богданович, И. Дворчанин, А. Цвикевич, Я. Лёсик, И. Воронко, В. Адамович, Б. Тарашкевич, С. Рак-Михайловский, Я. Купала, П. Бодунова, В. Ластовский, А. Бурбис, В. Ивановский) [III, 99, с. 20–21; 236, с. 19–21].

Несомненно наиболее выдающимся представителем демократического направления белорусской историографии пореформенного периода был М.В. Довнар-Запольский (1867–1934). Сын мелкого чиновника из безземельной белорусской шляхты он родился в г. Речице Мозырского уезда Минской губернии. Для получения среднего образования мальчику из семьи провинциального канцеляриста пришлось преодолеть немало препятствий. Начав учиться в народном училище, он затем переходит в прогимназию г. Мозыря, а заканчивает гимназическое образование в 4-й Киевской гимназии. Бедность семьи заставила юношу, еще подростка, с 4-го класса гимназии жить своим трудом сначала уроками, а затем и литературным заработком. За хранение нелегальной литературы юный Довнар-Запольский был исключен с «волчьим» билетом из 8-го класса 1-й Киевской гимназии. Сданные экстерном в 4-й Киевской гимназии экзамены на аттестат зрелости, открыли возможность поступить в 1889 г. на историко-филологический факультет Киевского университета [I, 9, оп. 1, д. 44, лл. 1–2]. Тяжелое материальное положение семьи (отсутствие денежного взноса в качестве платы за обучение) чуть было не лишило талантливого юношу возможности получить высшее образование [I, 189, оп. 1, д. 152, лл. 1–2 об]. В университете Довнар-Запольский занимался под руководством профессоров П.В. Голубовского, В. Иконникова, В.Б. Антоновича [I, 189, оп. 1, д. 1, лл. 1–1 об]. Личность и труды выдающегося украинского либерального историка В.Б. Антоновича, ближайшего и любимого учителя М.В. Довнар-Запольского, наложили глубокий отпечаток на характер его творчества [I, 189, оп. 1, дд. 1, 159]. Казалось бы, получившему в мае 1893 г. диплом первой степени талантливому выпускнику университета, который уже в студенческие годы «занимался ревностно по русской истории и этнографии» [I, 19, оп. 333, д. 183, л. 3], лежит прямой и безоблачный путь на профессорскую кафедру. Не тут-то было. Находившемуся под надзором полиции М.В. Довнар-Запольскому была запрещена в пределах Киевского учебного округа

педагогическая деятельность. И только после двухлетних обстоятельных прошений декана факультета Т.Д. Флоринского министр народного просвещения «соблаговолил» оставить молодого историка «для подготовки к профессорскому званию» с обязательством жить и работать в Москве. Московский период жизни и творчества Довнар-Запольского был наполнен энергичной работой в МАМЮ (с 1894 г.) вначале в качестве «прикомандированного к архиву», а с 1893 г. в должности старшего помощника архивариуса Литовской Метрики. Одновременно велась успешная преподавательская работа в частной гимназии Ржевской, а после сдачи магистерских экзаменов (1898) и в Московском университете (с 1899 г.) [I, 189, оп. 1, д. 31, л. 1]. Ко времени блестяще проведенной защиты магистерской диссертации (1901) «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах» за плечами тридцатичетырехлетнего исследователя имелся уже немалый капитал опыта, знаний и авторитета в области белорусской этнографии и истории. Археологические и этнографические экспедиции 90-х гг. XIX в. в Белоруссии вылились в первые монографические исследования: «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель» (Киев, 1891), «Западнорусская сельская община в XVI в.» (СПб, 1897), «Белорусское Полесье». «Сборник этнографических материалов, собранных М.В. Довнар-Запольским. Песни «пинчуков» (Киев, 1895). Богатый материал для своих первых этнографических работ историк собрал во время летних поездок по Пинскому, Мозырскому, Речицкому (1890), Бобруйскому, Игуменскому, Минскому уездам (1892) Белоруссии. Экспедиции эти были предприняты по поручению Этнографического отдела Московского общества любителей антропологии и этнографии и оказались очень удачными. Они дали богатейший комплексный материал по истории хозяйства, быта, фольклора, права полешуков. Большую помощь в организации этих экспедиций оказали учителя-профессора Киевского университета П.А. Владимиров, Т.Д. Флоринский, украинский фольклорист А.М. Лобода.

Работа в московских, петербургских, виленских архивах позволила подготовить и издать: «Документы МАМЮ (М., 1897), «Акты Литовско-Русского государства» (Вып. I 1390–1529 – М., 1898), «Литовские упоминки татарским ордам» (1898), «Баркулабовскую Летопись» (1897). Дальнейшие, после возвращения на работу в Киевский университет (с 1902 г.), архивно-археологические поиски и находки в знаменитом Несвижском архиве Радзивиллов и частном архиве графа Бутенева-

Хрептовича в Щорсах завершили подготовкой к 1914 г. 2-томного сборника по истории населения Волынского воеводства в XVI–XVIII вв. [I, 198, оп. 1, д. 31, лл. 4, 11 об.].

Период работы на кафедре русской истории родного Киевского университета (с 1902 г.), где историк продуктивно трудился в должности приват-доцента и ординарного профессора (с 1905 г.) вплоть до 1918 г., был временем не только счастливого обретения учеников и создания своей научной школы, но и освоения новой исследовательской проблематики (истории освободительного движения в России и истории ее народного хозяйства). После выхода в свет последней рукописи монографии по истории Великого княжества Литовского и защиты ее в качестве докторской диссертации, М.В. Довнар-Запольский полностью переключился на изучение этих важных и до революции 1905 г. запретных вопросов отечественной истории. Из-под его пера вышло несколько монографий, посвященных крамольному декабристскому движению, и лекционные курсы по новейшей истории народного хозяйства России [II, 80 – 85]. По инициативе историка было начато издание многотомной «Русской истории в очерках и статьях» (вышло 1–3 тома – Д.К.). Сильное влияние идей экономического материализма и демократизм прямо декларируются в его первой доцентской лекции в стенах «альма-матер» в сентябре 1901 г. («Исторический процесс русского народа в русской историографии»). Явно солидаризуясь с подходом Н.И. Костомарова, направленным «на изучение народной массы, областной жизни», получившим «плодотворное развитие в школе профессора В.Б. Антоновича с его многочисленными учениками», ученый с симпатией говорил о Марксе и его теории: «Теперь ясно одно: **важное и даже преобладающее значение экономического фактора** в истории, и формула исторического процесса на нем без сомнения будет обоснована». Характеризуя 14 декабря 1825 г. как «неудавшуюся революцию», вследствие «отсутствия опоры на широкие массы» [II, 81, с. 254, 258], он называет декабристов предшественниками «великой русской революции» 1905 г., ибо «тот самодержавно-бюрократический режим, против которого подняли знамя борьбы декабристы – тот самый, с которым борется наше поколение» [II, 80, с. 21, 85, с. 420].

Активный гражданский темперамент выводил его за рамки академической и преподавательской деятельности. В 1906 г. он организует в Киеве высшие коммерческие курсы, на базе которых создает к 1909 г.

Коммерческий институт [I, 198, оп. 1, д. 31, лл. 1–2]. Профессор и директор созданного им же учебного детища, где сосредоточилось немало число радикальной, левой профессуры, М.В. Довнар-Запольский приложил немало усилий для создания в стенах института нового направления в российской вузовской системе. В рамках читаемых в институте курсов основательно излагались проблемы экономики, коммерции, структуры мирового и региональных рынков. В его лекционные аудитории широко допускались вольнослушатели, женщины, евреи. Прекрасный педагог, организатор, историк сумел создать из студентов своих университетских семинаров и Коммерческого института плодотворное ядро научной школы историков народного хозяйства и социально-экономических отношений в России (К.В. Базилевич, П.П. Смирнов, В.Г. Курц, Ф.В. Клименко, А.М. Гневушев, Е. Сташевский, Н.Д. Василенко-Полонская, Н.И. Кореневский, Г.А. Максимович, Е. Модей). В Киеве, вплоть до 1917 г., М.В. Довнар-Запольский был председателем экспертной палаты «Общества любителей социальных знаний», доклады которого собирали большую студенческую и рабочую аудиторию [I, 9, оп. 1, д. 4, л. 4 об].

В оценке историографом деятельности того или иного крупного историка, для понимания его места в контексте развития исторической науки ответы на вопросы «как думал» и «что нового дал науке» не менее важны, чем ответы на вопросы «как жил» и «что делал». К счастью для исследователя, сохранившееся до наших дней творческое наследие М.В. Довнар-Запольского позволяет с достаточной степенью конкретности ответить на них, определить вехи формирования концептуального видения исследователем исторического прошлого Белоруссии. Ядро этого концептуального, исторического кредо явственно просматривается уже в цикле статей под названием «Белорусское прошлое». Опубликованные в 1888 г. в «Минском листе» они были откликом на издание А.Н. Пыпиным в «Вестнике Европы» ряда очерков, посвященных этнографии белорусов. Высоко оценив работу А.Н. Пыпина, как «дорогой вклад» в ту область белорусской этнографии, «которая до сих пор представляет для большинства русских людей своего рода «terra incognita», молодой историк с горечью отмечал отсутствие в белорусском обществе сил, способных, как «великий Шевченко», М. Максимович, О. Бодянский, П. Котляревский, Гулак-Артемовский на Украине «возродить» белорусскую нацию. Коснувшись в своих статьях главнейших моментов исторической судьбы белорусского народа, М.В. Довнар-Запольский пришел к важным

выводам: 1) «белорусское племя имело свою историю, отличительную от истории соседей, родственных ему племен, свои исторические традиционные начала, что это начало когда-то упорно властвовало»; 2) белорусский народ имеет этнографические отличия от соседних народностей: отличается от них складом своего развития, понятий и наклонностей; 3) «в устах его еще сохранилось море песен, многие из которых дышат родной, заветной стариной; из песен его многие рисуют бытовую обстановку жизни, в них выливает белорус свою радость и горе, во многих из них слышится отдаленный язык языческих времен, теперь уже не понятный современным исследователям, предки которого выпевали их некогда в тенистой дубраве перед своими языческими богами. Много есть песен, в которых белорус вспоминает о своем прежнем несчастье, это хватающая за душу песнь народа-раба, стонущего среди гонений под игом чужеземной неволи. Вообще народное наше творчество составляет наше великое богатство, которым белорусы могут гордиться, которое должны поддерживать и сохранять» [I, 198, оп. 1, д. 51, лл. 23, 24, 26, 27]; 4) белорусы «представляют собой едва ли не самый чистый тип славянского племени»; 5) «белорусское наречие является преемником говора, которым изъяснялись древние кривичи, вероятно и дреговичи. Этот говор отличался от общерусского языка уже в XIII–XIV в.» [II, 82, с. 259, 261].

Разительно отличалось от «западнорусских» версий и понимание начинающим исследователем роли влияния политических факторов на формирование тернистого исторического пути белорусов к открытию своего национального «Я». Это понимание, образующее ценный концептуальный взгляд историка, слагалось из следующих «формул-тезисов»: 1) древнерусские племена не составляли одного этнографического целого. И этот строй государственности, положенный в основу древнерусской жизни, сохранился надолго, до полного подчинения восточной Руси Московскому началу, а западной – Литовскому; 2) древнерусское государство «на время слепил» только «внешний интерес» (торговля и борьба с хазарами и викинггами); 3) в XIII в. «русские без боя подчинились литовским князьям» (в силу особого сочетания внутренних и внешних причин – ДК) и «соединение русских земель с литовскими под главенством князей из рода последних принесло несомненную пользу обоим народам». Литва и Русь, «соединившись в одно государство, внесли верный залог для взаимного совместного существования. Залог этот – сознание

взаимной полезности, сознание общности интересов обоих государств и при этом полнейшая равноправность»; 4) Люблинская уния – зло, ибо она и «польские» порядки, которые были привнесены в ВКЛ, «стали готовить гибель новому государству» (Речи Посполитой – ДК). Если Люблинская уния, вследствие религиозной нетерпимости, «внесшей рознь» в государство, оценивалось негативно, то еще большим злом признавалась Брестская уния 1596 г.: «Два века, – писал Довнар-Запольский, – поляки шаг за шагом стремились к присоединению Литвы и западнорусских земель, и менее чем за два в. (XVII и XVIII вв. – ДК) новое государство пало»; 5) последовательно по всему тексту проводился тезис двух «зол» («польского» и «московского»). Польское начало, по мнению историка, «вносило» в Белоруссию шляхетскую аристократическую республику, московское начало – боярскую олигархию. То и другое государство совершенно исключали демос, «тогда как белорусский народ был прежде всего, по своим историческим и народно-бытовым традициям, в высшей степени демократичен»; 6) для Белоруссии «соединение» в 1569 г. с Польшей «оказалось губительным в том смысле, что последовавшая религиозная и социальная борьба ее населения с шляхтой оторвала силы белорусского племени от работы над саморазвитием и содействовало тому политическому омертвлению ее, которое сказалось на последующих событиях; 7) не скрывает исследователь и отрицательной оценки того положения, в котором оказалась Белоруссия «после окончательного присоединения ее к России». Из исторического обзора драматического прошлого Белоруссии возникли и вопросы, выходящие на современность, – можно ли «возродить» белорусскую «национальность» и что «представляет по существу возрождение национальности – положительное для нее благо или зло? В целом, считал Довнар-Запольский, это благо: «Возбуждение к жизни народа полезно, потому что оно вызывает усиленную общественную деятельность, вызывает новые силы. Во время такого возбужденного состояния народ весьма много переживает, что способствует быстрому его культурному росту». Немалый вклад в это «возбуждение» может внести интеллигенция, в частности, белорусские историки, для которых их родина, по мнению Довнар-Запольского, в «плане изучения быта народа» («главного интереса истории») представляет еще «не початый край» [II 82, с. 320–321, 326, 330–331, 335, 341, 343, 345]. Уже в этом, во многом программном цикле статей видны завязи трех исторических проблем белорусского прошлого, которым ученый посвятил самое при-

стальное внимание в своих монографиях конца XIX – начала XX вв.: 1) формирование государственности на белорусско-литовских землях; 2) судьба белорусской крестьянской общины; 3) характер социально-экономического развития и социально-экономических отношений в ВКЛ XIV – XVI вв.

Исследование первой проблемы по существу было начато уже в «Очерке истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия» (1891), работы, законченной при деятельной поддержке со стороны В.Б. Антоновича, П.В. Голубовского и В.С. Иконникова еще в 1888 г. Сделанная еще в достаточно традиционном для либеральной «литванистике» ключе она рассматривала процесс образования государства на белорусских землях в русле широко распространенной в российской позитивистской историографии «колониационной теории». Специфику политического развития кривичско-дреговичских земель историк объясняет их географическим положением (лежавших на окраине и сторонившихся «общих дел Руси» [II, 86 с. V, 63]). Теория «отдаленности» жизни кривичей и дреговичей – исходный принцип его исторической схемы. Он выделил те явления, которые способствовали становлению самостоятельного государства в землях кривичей и дреговичей, включив сюда явления экономической и культурной жизни.

Второй во многом удачный и новаторский подход к проблеме особенностей государственности на белорусско-литовских землях был предпринят в магистерской диссертации «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах» (1901). При ее создании Довнар-Запольский исходил из «общего взгляда» на историческую науку, как такую дисциплину, которая «выдвигает на первый план вопросы экономики, а вместе с ними и финансов» [II, 78, с. 63]. Эту методологическую установку он уже пытался ранее реализовать в вышедшей в 1897 г. обширной статье по истории сельской общины в Белоруссии XVI в., где пришел к выводу о распаде общины западных областей ВКЛ «под влиянием экономических условий» [II, 79, с. 56]. В магистерской же диссертации проблема «государство и социально-экономические отношения» стала доминантной основой работы. В развитии Великого княжества Литовского, считает ученый, решающую роль сыграли «государственные начала и сословные отношения», не заимствованные извне, а являющие собой «естественное следствие народной жизни и условий, в которых создалось государство» [II, 78, с. 87]. Процесс «собираения» земель в одно

государственное «тело» ВКЛ М.В. Довнар-Запольский оценил с позиций, объединявших «решения» своих предшественников В.Б. Антоновича («насилованный путь») и М.К. Любавского («добровольное присоединение»). Он пришел к выводу, что «некоторые земли действительно были присоединены мирным путем, другие, выдержав предварительную борьбу с литовцами, подчинились им на договорных началах и, наконец, небольшая группа земель составила несомненную добычу великих князей литовских» (эта версия и принята сейчас белорусской историографией). Следуя за М.К. Любавским, историк оценивал социально-политическую структуру ВКЛ «как конгломерат» земель и народов, не отрицая федеративного характера государства. Установление в ВКЛ федеративного строя предопределяло, по мнению Довнар-Запольского, большое значение в политической жизни державы «принципа старины» сохранения многих традиций государственной жизни Древней Руси. Значение этого принципа сильно влияло и на характер социально-экономических отношений в государстве, структуру его «государственного хозяйства» и экономической политики. Факторы, вызвавшие изменения в устройстве ВКЛ, по мнению историка, это постоянная опасность, федеративный характер государства, развитие в нем высшего сословия и ограничения им верховной власти. В монографии М.В. Довнар-Запольского не только раскрывались истоки и формы становления «государственного хозяйства» ВКЛ, но и анализировались основные тенденции развития социально-экономических и политических отношений «Западной Руси» от периода феодальной (удельной) раздробленности до эпохи закрепощения ее населения в XVI в. Ценной чертой исследователя являлось умение заметить своеобразие путей социально-экономического развития отдельных «земель» ВКЛ (в частности, восточных областей государства). Все же в целом, при характеристике эволюции поземельных отношений в ВКЛ в XIV–XVI вв. ученый не вышел за рамки схемы, наработанной российской либеральной историографией при изучении сходных явлений в Руси Северо-Восточной. По мнению историка, вотчинное право Древней Руси и Литвы при образовании ВКЛ привело к подчинению удельных князей Руси, что предопределило замену вотчинного права условным, ограниченным. Военные нужды государства заставляли его искать служилых людей. Так родилась система земельных пожалований при условии несения военной службы. Дальнейшая ее эволюция привела к утверждению наследственного условного владения. Эволюцию эконо-

мики ВКЛ в XVI в. ученый видит в переходе от промыслового хозяйства к земледелию, от натурального – к денежному [II, 78, с. 12, 83–87, 591–598, 802–803]. Несмотря на то что ряд положений этой работы уже тогда был достаточно критично встречен современниками (в частности, М.К. Любавским), в целом, работа явилась неординарным явлением в российской историографии начала XX в. И не только в силу несомненных заслуг автора, пытавшегося впервые в российской «литванистике» столь отчетливо показать зависимость развития ВКЛ XIII–XVI вв. от уровня и особенностей социально-экономической жизни, но и как ценнейшее «социально-экономическое дополнение к классическим работам М.К. Любавского по истории социально-политического организма этой державы. Выход в свет к началу XX в. работ М.К. Любавского и М.В. Довнар-Запольского (выполненных, в целом, в рамках позитивистских методологических установок – Д.К.) дал российскому ученому миру панорамное «видение» истории такого сложного и малоизученного в науке феномена как Великое княжество Литовское XIII – XVI вв. Эти работы стали базой для формирования последующей отечественной историографической традиции.

Завершающим монографическом аккордом в дореволюционной трилогии М.В. Довнар-Запольского по истории ВКЛ явилась книга «Очерки по организации Западнорусского крестьянства в XVI в.» (1905), защищенная историком в качестве докторской диссертации. История крестьянской общины – одна из любимых и типичных тем народнической историографии России конца XIX – начала XX вв. (работы М.И. Семевского, А.Я. Ефименко и др.). Изучение судьбы белорусской общины для Довнар-Запольского, как и для многих представителей народнической историографии представляло не только чисто исследовательский интерес, но и позволяло найти ответы на многие мучавшие вопросы «живой жизни» (о роли крестьянства в белорусском обществе, о его месте в борьбе с самодержавием, о возможности участия белорусского крестьянства в возрождении нации и белорусской культуры). Историк, уделив пристальное внимание социальным аспектам истории белорусской общины и проблеме изучения эволюции ее организационных форм, создал историко-географическую типологию общин в Великом княжестве Литовском, проследив политику по отношению к ней государственной власти и выявил причины ее разрушения в западных областях ВКЛ к середине XVI в. [II, 87, с. 577; 91, 118–120, 154]. Ряд выводов этой работы

М.В. Довнар-Запольского был оспорен как в современной ему историографии, так и советскими исследователями послеоктябрьского периода, но это не умаляет заслуг историка в создании нового типа исследования, направленного на изучение социальных форм организации «народного быта». Само утверждение этого типа исследований в конце XIX – начале XX вв. было новым словом в науке. Подход историка к изучению таких институтов, методика исследования социально-экономических отношений были активно использованы впоследствии учеником М.В. Довнар-Запольского Ф.В. Клименко для изучения важной проблемы – истории организации ремесленного производства и его организации в городах Белоруссии XVI–XVIII вв. Если учесть, что до 1917 г. в белорусской историографии, кроме исследования Клименко имела лишь одна работа, где была предпринята попытка синтезного изучения судьбы белорусских феодальных городов (монография В.К. Стукалича) [II, 301], то не будет, вероятно, и прегрешением перед фактами вывод об определенном вкладе М.В. Довнар-Запольского в становлении белорусской исторической урбанистики.

Творческое наследие историка дооктябрьского периода имело очень большое значение не только для преодоления тенденциозных великодержавных представлений об истории Белоруссии, рожденных охранительно-официозной и клерикальной историографией. Оно прокладывало новые подходы (анализ социально-экономической основы исторических явлений) в изучении «старых проблем», приучало общественное сознание российских читателей к мысли о том, что главный объект исследования историка – история самого народа, а не государство! М.В. Довнар-Запольский придал белорусской историографии конца XIX – начала XX в. отчетливо выраженную национальную окраску.

Научное наследие М.В. Довнар-Запольского, его выводы и наблюдения в области истории Белоруссии активно заработали на современность после 1905 г. – даты, являющейся переломной вехой в истории белорусского культурно-национального Возрождения. События, связанные с революцией 1905–1907 гг., создали в широких народных кругах желание разобраться в окружающей действительности, вызвали повышенный спрос на идеологические ценности. Писать для этого массового читателя надо было просто и доходчиво. Как естественный ответ на этот спрос у белорусской демократической интеллигенции возникла идея обратиться к народу на его родном языке. Конституционные свободы

октябрьского «Манифеста» создали юридическую возможность воплощения этой идеи в издательскую и культурно-просветительскую пропаганду. Появились издания БСГ, печатались на белорусском языке и воззвания некоторых других партий, беллетристика с яркой политической окраской («Чы будзе для усіх зямлі», «Што такое свабода», «Як зрабіць як людзям стала добра на сьвеці», «Як мужыку палепшыць свае жыцця» и др.). На исходе 1906 г. в Вильно появилась первая легальная белорусская газета «Наша Доля». На смену этому закрытому за радикальный характер на седьмом номере изданию начал выходить новый еженедельник «Наша ніва». Он придерживался более умеренного направления и сосредоточился на активной культурно-просветительной работе. Поставив своей целью – возрождение белорусской народной культуры, стоявшие на демократических позициях идеологи «Нашей нівы» А. Власов, братья А. и И. Луцкевичи сумели пробить дорогу своему детищу во многие глухие уголки Белоруссии. Для многих сотен белорусских крестьян «Наша ніва» стала первой прочитанной газетой, первым источником знаний, не имевшим идеологического клейма «казенной печати». К белорусскому крестьянину, которому столетиями вдалбливалась мысль, что он «хам» и его «мова хамская», газета публично обращалась на этой «мове», вызывала уважение и к ней, и к себе самому, учила видеть в себе Человека и Гражданина, давала первые уроки народной, а не казеннокоштной истории своей Родины – Белоруссии. «Наша ніва», целенаправленно писавшая о необходимости уважать право каждого народа, ценить всякую культуру, однозначно отмечала необходимость использования при формировании белорусской культуры достижений культур польской, великорусской, украинской. В период реакции (1907–1910) «Наша ніва» вошла в крестьянскую среду так основательно, как никакая другая газета «Северо-Западного края». Только за один 1910 г. она поместила 666 корреспонденций из 320 населенных пунктов Белоруссии, 69 рассказов 30 авторов, 112 стихотворений 24 поэтов и ряд историко-публицистических статей 32 авторов. Редакция «Нашей нівы» предпринимала немало усилий для организации историко-краеведческой деятельности. Она начала составление полной белорусской библиографии, сбор материалов для создания музея белорусской культуры. Экспонировала на выставках и свои коллекции «древнебелорусских изданий», популяризовала идеи экскурсионно-краеведческой работы в Белоруссии, планировала подготовку к изданию истории белорусской народной культуры (Э. Пашкевич, В. Ластовский)

[II, 32, с. 15–19, 210]. Но, вероятно, главная заслуга газеты состояла все же в том, что она, говоря словами В.И. Ульянова-Ленина (сказанными по поводу создания «Искры» – Д.К.), сыграла роль не только «коллективного пропагандиста» идей Белорусского Возрождения, но и «коллективного организатора» белорусской народной интеллигенции. Получившая стимул к своему развитию в событиях 1905–1907 гг., под влиянием белорусских изданий 1906–1915 гг., она выросла и окрепла. Опираясь на эту интеллигенцию, белорусское национально-освободительное движение начала XX в. ощутило под своими ногами твердую почву. Результатом же культурно-просветительной работы белорусской демократической интеллигенции по национально-культурному Возрождению стало осознание населением Белоруссии и образованной частью российского общества того факта, что белорусский народ не «быдло», а самостоятельная национальная величина, белорусское же движение – живая культурно-общественная сила» [I, 151, дд. 68–164]. Свидетельство тому появление кружков и краеведческих обществ, организованных при белорусских студенческих землячествах в ряде университетских центров России. В 1907 г. при Петербургском университете был основан «Кружок для научного изучения Гродненской губернии», ставивший своей целью всестороннее изучение Гродненской губернии силами его участников: 1) изучение этнографических границ и «племенного состава» населения Гродненской губернии в связи с «его бытом, языком, обычаями; 2) геолого-почвенное и палеонтологическое изучение Гродненщины; 3) исследование истории края по неизданным архивным источникам и «археологическим памятникам»; 4) изучение флоры и фауны Беловежской пуши; 5) экономические и статистические исследования. Кружок опубликовал одно небольшое исследование, но широко развернуть свою деятельность не смог. Гораздо более продуктивной и длительной оказалась работа другого кружка белорусских студентов, возникшего в Петербургском университете в 1912 г. «Белорусский научно-литературный кружок», согласно утвержденному Советом С.-Петербургского университета уставу, создавался для «научного ознакомления с духовной (язык, литература, народное творчество) и общественной (этнография, статистика, народное хозяйство) жизнью белорусского народа» [II, 23, с. 9, 21]. Открытие кружка приветствовали видные деятели российской науки А.А. Шахматов, А.Л. Погодин, Е.Ф. Карский; молодые белорусские литераторы Я. Купала, Я. Колас, Ю. Голубок, Е.Р. Романов советовал чле-

нам кружка не ограничиваться только исследовательской работой, а бывая летом в Белоруссии, организовывать просветительские общества и музеи, «которые бы работали на пользу народа».

В научной работе кружковцам деятельную помощь оказывали А.А. Шахматов, И. Бодуэн-де-Куртэне, Д. Айналов, Е.Ф. Карский, А.Е. Пресняков. На заседании кружка читались чрезвычайно интересные по проблематике доклады («Очерки белорусской народной мысли», «Развитие белорусской национальной идеи», «Изучение старинных исторических памятников и их охрана», «Рукописный альбом Вериги-Даревского и белорусских писателей», «Молодая Беларусь», «Белорусская библиография. Старопечатные издания» и др.). К сожалению, из-за отсутствия средств кружок издавать свои научные труды не смог. Содержание некоторых докладов помещалось в отчетах кружка за 1912 и 1913 гг. в «Годовом отчете» С.-Петербургского университета за 1913 год. В 1914 г. «Студенческий кружок для изучения Белоруссии и Литвы» открылся при Институте сельского и лесного хозяйства в Новой Александрии. Хотя главным образом членов этого кружка интересовали природоведческие проблемы изучения «Северо-Западного края», они уделяли внимание и историко-политическим вопросам прошлого Белоруссии. Характерен тот факт, что члены всех трех петербургских кружков поддерживали активную связь с «Нашай Нівай» [Ш, 126, с. 38, 39, 41–43, 57].

В исторической литературе, вышедшей из среды белорусской народнической интеллигенции после 1905–1907 гг., наиболее интересную и законченную попытку представить концепцию истории Белоруссии, ориентированную на массовое сознание, предпринял активный деятель Белорусского национально-культурного Возрождения В. Ластовский (Власт) [П, 52]. В его вышедшей в 1910 г. в Вильно «Короткой истории Белоруссии» отразились достаточно типичные для исторического менталитета народнической, национальной интеллигенции методологические установки, сквозь призму которых историк оценивал прошлое Беларуси – рассмотрение: 1) исторического процесса Белоруссии как бесклассового; 2) белорусского народа как «от века демократического»; 3) истории Белоруссии как истории развития национального самосознания, тесно связанного с религиозностью; 4) большая идеализация белорусского общественного устройства XV – XVI вв.; 5) преувеличенное представление о роли интеллигенции Белоруссии в формировании нации; 6) заметная модернизация истории, продиктованная скорее поли-

тическими, чем научными установками, проявившаяся в «нахождении» белорусской государственности в рамках древнерусского периода и др. тесно связанные с БСГ и «Нашай Нівай». Б. Ластовский свою «Короткую историю Беларуси» посвятил прежде всего «сынам молодой Беларуси», чтобы хотя из этого короткого труда» могли познавать историю Батьковщины на своем родном языке» [II, 62, 5]. В схеме Ластовского приобретает устойчивое историческое обоснование и «образ врага» в истории Белоруссии – «польского и московского зла». Продолжая традиции своих предшественников, Ластовский связывал тезис «двух зол» с правящими кругами Польши и России. Понятие «враг» не употреблялось в отношении ко всей русской или польской нации. Специально подчеркивалось, что во время присоединения Белоруссии «Россия, так же как и Польша, была в руках шляхты-дворянства. Народ там также был в неволе». Говоря о русификации Белоруссии, В. Ластовский отмечал, что эта политика «возмущала наиболее светлых, русских людей, которым приходилось в те времена жить в нашем крае» [III, 294, с. 96 – 98]. Труд Ластовского был не оригинален в научном отношении. Свою популярную книжку он издавал на основе работ П.Н. Батюшкова, М.О. Кояловича, О. Турчиновича, А.Н. Пыпина, Е.Ф. Карского, А. Ефименко, М. Грушевского, М.В. Довнар-Запольского. В ней не было широкого и фундаментального показа исторических событий и их оценок. Прошлое Белоруссии дано главным образом как история правлений князей, войн и политических событий с «вкраплениями» известий по истории культуры.

И все же при очевидных современной историографии изъянах этой версии в то время она имела несомненное положительное значение для пробуждения национального исторического сознания белорусов. Ибо на первый план, на авансцену истории в качестве главного героя здесь выходил Народ, а не Государство, открывались богатства его Духа, Красота, трагизм и своеобразие национальной истории Белоруссии, демократическое направление белорусской историографии имеет еще одну значительную заслугу в развитии белорусской общественной мысли XX в. В ее рамках двумя выдающимися представителями белорусской интеллигенции М. Богдановичем и К. Канчевским, вырванным смертью из жизни «с неоконченной песней» на устах, провидчески были намечены основы истории и философии белорусской культуры [II, 32 – 34; III, 1, 187]. Если первому удалось создать достаточно обоснованную картину развития белорусской культуры с выделением этапов и вех на ее

пути из века X в XX, то второму довелось «подытожить жизненный путь белорусов к правде», определить доминанту истории белорусского народа [III, 1, с. 163].

Оценивая степень воздействия белорусской историографии на состояние исторического сознания нарождающейся белорусской нации к началу XX в., следует все же признать малую эффективность этого влияния. Во второй половине XIX – начале XX вв. для большинства этнических белорусов региональная, конфессиональная и сословная идентификации явно доминировали над национальным самосознанием. Своя собственная культура, белорусский язык, белорусская история стали предметом гордости лишь для небольшой части образованной интеллектуальной элиты белорусов. Более того, многие представители белорусского этноса (в том числе и крестьянства – Д.К.) стремились не без воздействия культурной политики «западного русизма» избавиться от «белорускости», поскольку в массовом сознании она отождествлялась с низким социальным статусом человека. Деятели первого белорусского Возрождения видели эту болевую точку проблемы. Даже Ластовский при объяснении причин полонизации обратил внимание на «белорусский вклад в данный процесс». В каком-то смысле можно сказать, что в процессе генезиса белорусской нации белорусы оказались заложниками польско-русского соперничества. Оно не прекращалось и во второй половине XIX – начале XX вв., трансформируясь в два доминирующих направления культурной политики на белорусских землях: открытой русской и полуполюгальной и легальной (после 1905 г.) – польской. При этом представители интеллектуальных элит России и Польши и к началу XX в. нередко смотрели на белорусов как на «этнографический материал», который можно использовать для усиления собственных позиций в крае. В 1911 г. один из лидеров белорусского национального культурного Возрождения А. Луцкевич обозначил эту ситуацию следующим образом: «Белорусы попали под перекрестный огонь двух враждующих сторон – поляков и русских» [I, 3, 232, с. 27–51]. Осознание зависимости судьбы белорусского края от внешнего фактора способствовало выработке и укоренению в белорусской историографии XX в. и историческом сознании белорусов концепции «двух зол». Обратной стороной ее стал своеобразный комплекс собственного исторического бессилия и ощущение непричастности к собственной истории, что оказало длительное влияние на состояние национальной идеологии и историче-

ского сознания белорусов вплоть до революционных событий 1917 г., гражданской войны в России и политики «белорусизации» 20-х г. XX в.

В отличие от белорусской ситуации украинская историография в пореформенный период своего развития совершает очень существенный прорыв в формировании завершенной национальной концепции исторического прошлого и делает заметные шаги на пути внедрения этого «национального исторического проекта» в массовое историческое сознание украинцев. Для реализации этого прорыва украинские историки имели по сравнению с белорусскими ряд существенных преимуществ объективного характера. Это касается как качества «генерирующей» новое национальное историческое сознание среды (украинская национально-ориентированная элита), так и качеством среды, в которую это новое историческое сознание транслировалось (крестьянство, городские слои Украины). В экономическом отношении уровень развития Украины значительно превосходил белорусский, хотя интенсивность этого развития по регионам была неравномерной. В целом, и этносоциальная структура населения Украины в этот период существенно отличалась от Белоруссии. Она в значительно большей степени благоприятствовала развитию национального движения и национальной консолидации. Важнейшим препятствием на пути развития этих процессов во второй половине XIX в. был низкий уровень грамотности населения Украины и, как следствие, невысокая восприимчивость к национальной идеологии. Украинское национальное движение до начала XX в. было объектом мощного давления со стороны Российской администрации. Как отмечает П.В. Терешкович, с 1859 по 1895 гг. было издано не менее 7 различных указов и постановлений, ограничивающих возможность публикации литературы на украинском языке, призванных не допустить распространения национальной идеологии на массовом уровне (Валуевский указ 1863 г. и указ 1876 г.). Но даже в этот нелегкий для развития национальной культуры период Украина не только сохранила свою сеть «старых» университетов (Киевского и Харьковского), но и расширила его за счет открытия Новороссийского университета в г. Одессе. Кроме того, украинцы имели в этот период другой центр украинского национального движения – Восточную Галицию, этот, как его часто называют украинские историки, «галицийский Пьемонт». Развитие национального движения здесь опиралось на развитую инфраструктуру. Уже с 1848 г. во Львовском университете была открыта кафедра украинского языка,

такая же кафедра появилась в Черновицком университете на Буковине в 70-е гг. XIX в. Даже в надднепровской Украине, несмотря на целенаправленное ограничение возможности развития украинского движения, интенсивность его роста (динамика и масштабы) значительно превосходили уровень движения белорусского. Так, например, только в период временного ослабления цензурных ограничений в 1874–1876 гг. было напечатано 81 тыс. экземпляров книг на украинском языке [III, 243, с. 156–157].

В начале XX в. (вплоть до Первой мировой войны) произошло заметное оживление украинского движения, что выразилось в создании ряда влиятельных научных и общественных организаций, включая политические партии. Во время выборов в I и II Государственные Думы украинским активистам, выступавшим в союзе с кадетами, удалось организовать крупнейшую «нерусскую» фракцию, насчитывающую свыше 40 человек. Основу ее политической платформы составляли требования автономии Украины. Осенью 1907 г. существовало 15 украинских издательств и выходило около 20 периодических изданий [IV, 38, с. 89]. Хотя развитие национальной консолидации в подросийской Украине во многом сдерживалось активизацией в 1907–1914 гг. ассимиляционных процессов, но и в этот период в украинских губерниях, по сравнению с белорусским движением, оно достигало значительно более впечатляющих результатов. Как следствие – на выборах в Учредительное собрание 1917 г. украинские национальные партии опередили все остальные и набрали 5 млн. голосов [IV, 38, с. 117].

Начало движения украинской историографии в сторону освоения массового исторического сознания можно видеть уже в 60-е гг. XIX в. в появлении той части украинской социальной элиты, которая получила название «хлопоманы», с ее подчеркнутым интересом к украинскому языку, культуре и истории. В Украине в результате развития подобного движения появилась личность выдающегося историка В. Антоновича – профессора Киевского университета и видного общественного деятеля. Именно В. Антонович стал, по мнению большинства украинских современных историков, «фундатором» украинской национальной историографии, одним из создателей научной школы историков-документалистов. Киевскую «Громаду», одним из основателей которых был Антонович, называют двигателем народнического движения, существенно повлиявшего на развитие исторической науки, краеведения,

на утверждение народнического направления в украинской историографии. В. Антонович был главным редактором «Временной комиссии для разбора древних актов», возглавлял Историческое общество Нестора Летописца, начал первый читать лекционный курс по историческому источниковедению в Киевском университете. Его докторская диссертация была посвящена истории Великого княжества Литовского и места в нем Украины. Польский шляхтич по происхождению, В. Антонович до 1860 г. принимал активное участие в деятельности польских студенческих организаций. Однако под влиянием народнических идей он «отрекается от своего класса» и решает работать для «народа» (украинского крестьянства – Д.К.). В мозаике многочисленных работ выдающего ученого доминирующее место занимают исследования по украинской истории, где красной нитью проходит идея самобытности украинского народа. Он был одним из первых, кто научно применил понятие «Украина – Русь», изложил свое видение украино-российских и украино-польских отношений. Как считает З. Когут, главным вкладом Антоновича как историка было развенчание «польского мифа» истории Украины (оценка гайдамакского движения и др.). Работы Антоновича по истории Правобережной Украины через историческую аргументацию рассыпали претензии поляков на Правобережье. В этом Антоновича поддерживало Российское правительство, которое через «Временную комиссию» финансировало сбор и публикацию документов по истории Правобережной Украины XVI–XVIII вв. Но, возможно, наибольшим достижением В. Антоновича была научно-организационная деятельность. Он тесно сотрудничал с четырьмя ведущими центрами исторических исследований: Киевским университетом, Киевской археографической комиссией, Историческим обществом Нестора Летописца и кружком издателей журнала «Киевская старина». Антонович стал учителем целого поколения украинских и белорусских историков. Из его школы вышли: Д. Багалея, И. Линниченко, М. и А. Грушевские, Н. Дашкевич, П. Голубовский, В. Ляскоронский, М. Довнар-Запольский, Н. Молчановский, А. Оглоблин и др. В своей знаменитой «Исповеди», в научных трудах он изложил концепцию украинской истории как историю народных масс, простых людей. Эта концепция уже четко прослеживалась в лекционном курсе по истории украинского казачества, которую он читал неофициально [IV, 1; 20; 55; с. 189–191; 57, с. 205–208; 79, с. 123–125].

С В. Антоновичем в Киевском университете некоторое время сотрудничал и М. Драгоманов – видный украинский общественный деятель, историк, этнограф, философ, который за свои демократические взгляды, симпатии к украинофилам в 1875 г. был уволен с работы в университете и эмигрировал за рубеж. Там он основал журнал «Громада» и кружок социал-демократического направления. Из-под пера М. Драгоманова вышла целая серия капитальных исследований, прямо или косвенно посвященных истории, этнографии и литературы Украины, которые способствовали «европеизации» украинской историографии – знакомству научного мира Западной Европы с украинской историей и культурой. Историю украинского национального движения М. Драгоманов связывал с российским, противопоставляя украинский национализм западно-европейскому либерализму. Признавая идею политической и национальной автономии Украины, он одновременно не поддерживал украинского государственного сепаратизма, а обращался к примерам так называемого «позитива» в украинско-российских взаимоотношениях [IV, 19; 45].

90-е гг. XIX – начало XX вв. – это и эпоха активизации ассимиляционной политики Российской и Австро-Венгерской империи относительно Украины, но одновременно – новый этап нарастания украинского национально-освободительного движения, его радикализации, создание первых украинских политических партий. Новые явления общественно-политической и культурной жизни этой эпохи заметно повлияли на развитие украинской исторической мысли, которая в свою очередь стимулировала рост национального сознания украинской элиты и ее движения против шовинистической политики. В политической жизни и в революционном движении Украины, особенно в период 1905–1907 гг., активное участие принимали и украинские историки. Конец XIX в. характеризуется перенесением «центра тяжести» украинского движения в Восточную Галицию, культурные центры которых создали благоприятную питательную среду для развития национальной исторической мысли и исторической науки.

Огромное значение в этом процессе имел переезд во Львов М. Грушевского, научная, политическая и культурно-просветительская деятельность которого стала «соединяющим звеном двух Украин» – подавстрийской и подросийской. М. Грушевский создал новую схему и периодизацию украинской истории, дал ее монументальный синтез,

отраженный в многотомной «История Украины – Руси». Созданная вокруг М. Грушевского историческая школа во Львове (НТШ) стала ядром первой национальной институции украинской исторической науки академического характера. На традициях этой школы, после своего отъезда в Киев, он создает Украинское научное общество, заложившее фундамент будущей национальной академии наук. Благодаря деятельности этой школы утверждалась профессионализация украинской исторической науки, ее вхождение в европейскую историографию как самостоятельного научного явления. Историк стал инициатором создания Археографической комиссии, где совместно с И. Франко, С. Томашевским возглавил деятельность, нацеленную на подготовку корпуса источников по истории Украины – Руси. Огромные пласты выявленных и исследованных до 1914 г. источников были опубликованы в «Украинско-русском архиве» (14 томов) и в специальном серийном издании «Источники по истории Украины – Руси» (11 томов). Выдающимся событием в украинской историографии конца XIX – начала XX вв. было создание и выход в свет первых томов фундаментальной «Истории Украины-Руси» М. Грушевского, которая издавалась во Львове и Киеве с 1896 по 1936 г. Через все тома этой работы проходит идея «народа – нации» как главного двигателя исторического процесса. В основу историософии М. Грушевского были положены три основных фактора: народ, территория и держава. Истоки государственной жизни украинского народа вопреки господствующей позиции российской историографии он выводил уже из эпохи Киевской Руси. Развитие этих традиций историк последовательно проводил через весь многовековой путь украинского этноса до XVIII в. Своим творчеством М. Грушевский выстраивал очень солидную историческую аргументацию как базы, свидетельствующей о почвенности и органичности украинской национальной идеи. Отсюда через историческое прошлое доказывалось законное право украинского народа стать свободным и равным в круге цивилизованных европейских наций; на освобождение от империи; на объединение украинских земель и создание соборной державы. Национальному пробуждению и самоопределению украинцев содействовали публицистические и популярные исторические работы М. Грушевского и его учеников. Этот научный, человеческий подвиг М. Грушевского дает основание относить его современным украинским культурологам к Великим Украинцам, «отцам нации», сравнивая его личность историка с Т. Шевченко. Без «Истории»

Украины-Руси» трудно было бы осознать украинскую нацию не как ветвь «российского племени», а как самобытный народ со своими корнями, историей, культурой и ментальностью. Изложенная в творческом наследии М. Грушевского новая концепция украинской истории не только закладывала научные основания под проект национальной идеологии, но и укрепила моральные интеллектуальные силы нескольких поколений борцов за свободу и независимость Украины в XX в. [IV, 20; 21–27; 29; 57, с. 208–211; 55, с. 216–230; 79, с. 103–118, 125–130].

Незадолго до Первой мировой войны, когда некоторые украинские мыслители обратились к вопросу о будущем независимой Украины, в украинской историографии возникла новая «государственная школа». Историки-государственники обвиняли своих предшественников-народников в том, что они слишком много внимания уделяли «народу» и игнорировали государство, в частности украинские государственные структуры. Импульс для становления этой второй влиятельной волны украинской исторической мысли начала XX в. исходил от В. Липинского – польского шляхтича из Правобережной Украины, получившего социологическое образование в Кракове и в Женеве. В отличие от В. Антоновича, отрекшегося «от своего класса», В. Липинский как потомок польской шляхты, жившей на Украине, решал эту социальную и моральную дилемму иначе. Он не покинул своего «социального и этнического я», а старался склонить своих «братьев по классу» на проукраинскую сторону, представляя себе будущее украинской нации как такой нации, которая вберет в свой состав людей разного этнического происхождения, вероисповедания и социального статуса. В таком видении польская шляхта могла остаться в Украине элитой, но элитой украинской, а не польской или российской нации. Эти позиции В. Липинского, увидевшие свет уже после окончания Первой мировой войны (1920), очень похожи на идеологические и исторические взгляды белорусских «краевцев» (Р. Скирмунта, Э. Роппа, Ч. Янковского и др.) [IV, 57, с. 212–215; 79, с. 145–148].

Особенное место в определении нового геополитического измерения украинского национального сознания и соответственно попытки вписать национальную историческую мысль в европейский контекст занимали отношения с Белоруссией. Белоруссия рассматривалась украинскими общественно-политическими деятелями и историками как естественный союзник в противостоянии с российским великодержавием. Это

создавало объективные предпосылки для плодотворного украинско-белорусского диалога как в области исторической науки, так и в широком социогуманитарном контексте. В развитии этого диалога, поиске совместных позиций были заинтересованы обе стороны. Для украинцев было важным рождение национальной белорусской исторической мысли, которая базировалась бы на признании самобытности исторического пути белорусского общества, поскольку таким способом опосредовано укреплялась правомерность украинской национальной исторической парадигмы. Украинская «модель» представляла чрезвычайно важный интерес для Белоруссии, поскольку предлагала продуктивный и перспективный путь национально принятого истолкования собственного исторического прошлого. Таким образом, украинско-белорусские связи конца XIX – начала XX в. укрепляли дееспособность национально-исторической мысли как эффективного инструмента национальной идентификации для обоих народов. Тем более что типологически белорусская нация в период своего становления выявляла много общих черт с украинской. Однако в силу ряда исторических обстоятельств, о которых уже указывалось выше, белорусский нациогенез во многих своих проявлениях (формах, темпе, масштабах – Д.К.) выглядел несомненно более слабым по сравнению с украинским. Можно согласиться с мнением украинского историка Я. Грицака о том, что белорусскому национальному движению не хватало той государственно-политической и исторической традиции, которая присутствовала в украинском случае [IV, 38, с. 100–101]. Значительно беднее была и белорусская национальная традиция в области исторической науки. Украинская общественность достаточно последовательно уже с конца XIX в. проявляла интерес к развитию белорусского национального движения (М.П. Драгоманов, В.Б. Антонович, М.С. Грушевский, И. Свентицкий, А. Шептицкий и др.).

Уже на этапе начального формирования белорусской национальной историографии украинско-белорусские связи приобретают существенное значение. Одним из ведущих центров исследования исторического прошлого белорусских земель во второй половине XIX – начале XX в. становится Киевский университет, где начинал свой путь в науку ученик В.Б. Антоновича – М.В. Довнар-Запольский. Белорусская проблематика занимала заметное место и в исторической концепции М.С. Грушевского. Историк неоднократно отмечал, что в официальной российской исторической схеме белорусский народ оказался еще в худшей ситуа-

ции, чем украинский, поскольку он «пропадает совсем за историей державы Киевской, Владимиро-Московской, и даже за Великим княжеством Литовским». Это несправедливо, считал М.С. Грушевский, поскольку белорусский народ, хотя и не выступал выразительно как «творческий элемент», сыграл немаловажную роль в истории – особенно в придании Великому княжеству Литовскому славянского, общественно-политического, культурного и правового оформления. Грушевский считал, что в истории белорусского народа много общих черт с украинским. Он не видел особых проблем, чтобы по примеру «особной» украинской истории была написана история белорусского народа [IV, 25, с. 300–303]. Историк обращал внимание и на общественно-политическое значение белорусского, литовского вопросов для судьбы Украины. В его статье «Украина, Белоруссия, Литва», опубликованной в 1909 г. в Вене, эти народы определяются как давние союзники украинцев, которые «взаимопереплетены и взаимозависимы один с другим равенством житейских обстоятельств, общими желаниями, целями и врагами». Особый акцент делался на общей исторической судьбе украинцев, белорусов и литовцев, которая отсчитывается от начала их исторического существования. В силу этого их национальное возрождение определяет и близость решения похожих задач и должно состояться в процессе борьбы против общих врагов – российского централизма, великорусского шовинизма и польского господства. Долг украинцев, по мысли Грушевского, состоит в том, чтобы «при каждом случае поддерживать национальные интересы двух других национальностей» [IV, 29, т. 4, с. 8; 35, с. 162–166].

Среди украинской литературы интерес к белорусской тематике виден в работах И. Свяцицкого «Возрождение белорусской письменности» (Львов, 1908) и Г. Бочковского «Угнетенные народы царской империи» (Прага, 1916). Последняя книга, увидевшая свет в период Первой мировой войны особый раздел – «Белорусы и белорусское Возрождение» посвящает обзору исторического прошлого и современного состояния белорусского этноса [IV, 4, с. 94–100]. Особенно активно белорусско-украинские политические, культурные и научные связи стали развиваться в период Первой мировой и гражданской войн.

События Первой мировой и гражданской войн в России перевели решение национального вопроса народов Российской империи из плоскости «моделей» культурно-национальных автономий в плоскость создания суверенных национальных государств. Огромное влияние на

характер артикуляции и внедрения в политическую практику национальных программ в Белоруссии и Украине 1914–1920 гг. оказали ненароднические партии. Первая мировая война была серьезным испытанием для ненароднических партий Российской империи. Среди них обнаружилось очень серьезные противоречия. Две точки зрения на характер войны нашли свое отражение в декларациях, обнародованных делегацией российских эсеров на конференции социалистов стран Антанты, состоявшейся в феврале 1915 г. в Лондоне. Лидеры эсеров В. Чернов и М. Натансон придерживались той точки зрения, которую в целом можно характеризовать как «интернационалистская». Другую точку зрения отстаивали И. Рубанович и А. Кубов, представившие декларацию «от имени половины делегации с-р». В документе отмечалось, что победа Германии и Австрии, упрочив господство их монархий, дала бы сильную опору царизму в его борьбе с русской демократией, а победа Франции и Англии укрепит передовые европейские демократии и создаст более благоприятные условия для разрешения национальных вопросов [Ш, 132, 213; 235; 272].

Несколько иной политической ориентации придерживались национальные народники Украины и Белоруссии. Так, в 1915 г. братья Луцкевичи из остатков кружков Громады в Вильно создали Белорусскую социал-демократическую группу, которую официально объявили филиалом БСГ. После того как канцлер Германии Бетман-Гольвег заявил о том, что «освобожденные от России земли не вернутся назад под московское иго», БСДРГ вместе с литовскими, польскими и еврейскими организациями развернула активные действия по осуществлению программы национально-государственного самоопределения, которые ощутимых результатов тогда не принесли. Белорусские программы национального самоопределения периода Первой мировой войны в значительной мере опирались на так называемую новую для Белоруссии идеологию «краевцев». «Краевая» идеология основывалась на идее политической нации. Большинство краевцев считало, что все коренные жители Белоруссии и Литвы – территории бывшего Великого княжества Литовского являются в первую очередь жителями Края и тем самым принадлежат к единой нации. Этничность, как и социальное происхождение играли второстепенную роль. Такой была позиция одного из главных идеологов краевцев – М. Ромера. Основные принципы «краевости» были разработаны в местной польской интеллектуальной среде. По крайней мере, из той со-

циальной группы элиты белорусского общества, которую в соответствии с ее культурной ориентацией можно назвать польской. Для части поляков – коренных жителей белорусско-литовских земель «краевость» была не просто средством защиты польских позиций в крае, а проявлением естественного стремления защитить интересы своей Родины – «исторической Литвы». Они действительно ощущали себя «гражданами края» и с готовностью шли на контакты с представителями всех этнических движений. Вильно – культурная столица Белоруссии и Литвы создавала большие возможности для таких контактов. «Краевость» – становилась их идеологическим фундаментом. Деятели демократических направлений польского, белорусского, литовского и еврейского движения соглашались с ее основными принципами, хотя зачастую трактовали их в пользу собственных этносов. Попытки реализовать национальный белорусский проект через поддержку краевой идеологии (А. Луцкевич) и реанимацию конфедеративной модели «воскрешенного» Великого княжества Литовского было свидетельством слабости белорусского национального движения на пороге революции 1917 г. и гражданской войны в России. Красноречивое признание этого можно найти в статье А. Луцкевича «Выбор дороги», опубликованной за год до начала Первой мировой войны в 1913 г. в газете «Курьер краевы». Здесь он пишет: «для развития Края, для развития каждой национальной группы недостаточно, чтобы сокровищами культуры пользовались только определенные, так называемые «высшие» круги, чтобы только они воспринимали все достижения нации и создавали новые культурные ценности. Хоть интеллигенция, этот интеллект, мозг нации, все время получает подпитку снизу, из народных сфер, **сам народ все же остается пассивным** (выделено нами – Д.К.). Так зря гибнет огромный запас сил, который таится в сермяжной массе. Эти силы проявляются случайно – в немногих индивидах, в избранниках судьбы. Во имя добра народа и нации, во имя добра всего Края, во имя принципа справедливости надо напрягать все силы, чтобы недвижимую глыбу – народ – оживить, и притянуть миллионную армию к творческому, созидательному труду» [III, 232, с. 45–49].

События Первой мировой и гражданской войн первый раз в истории дали белорусской интеллигенции реальный шанс для реализации идеи белорусской государственности. Наперекор кровавому сценарию Первой мировой войны Восточный фронт, который разделил Беларусь на две половины (Западная Белоруссия в 1915 г. была оккупирована не-

мецкими войсками – ДК), не задержал дальнейшего развития белорусского национального движения. Хотя часть его участников вынуждена была покинуть Беларусь, эмигрируя на Восток, однако те, что остались в Вильно во главе с А. Луцкевичем, наладив связи с местными литовскими, польскими и еврейскими организациями, продолжали заниматься решением проблемы независимости белорусско-литовского края. В 1915 г. в Вильно начал работать Белорусский Народный Комитет. По его инициативе была создана конфедерация Великого княжества Литовского, в которую вошли представители всех четырех народов белорусско-литовского региона. Немцы не мешали деятельности национально-культурных движений и признали белорусский язык равноправным с польским и литовским языками. На оккупированной территории Западной Белоруссии и Виленщины действовали белорусские издательства, клубы, научные общества, белорусский союз учителей, издавались газеты. В Вильно в эти годы был создан Центральный Союз Белорусских Национальных Организаций. И хотя к февральской революции 1917 г. еще не были четко позиционированы их программы и цели, однако уже тогда идея национально-культурной автономии в составе российского государства была не только осознана, но и не вызвала серьезных возражений. Вопрос независимости Белоруссии поднимался в 1916 г. на конференциях в Стокгольме и Лозанне.

В эти же предвоенные и военные годы важным компонентом исторического национального сознания украинского общества стало нарастание «самостийнитского» и национального движения в Украине. Идеологом этого движения считают воспитанника Киевского университета Н. Михновского, одного из создателей «Молодой Украины», Революционной украинской партии, для которого он написал программу «Самостійна Україна». Эта программа предусматривала разрушение империи и создание самостоятельного украинского государства. Заметное влияние на формирование идеологии украинского национализма оказало творчество и общественно-политическая деятельность лидера «Союза освобождения Украины» Д. Донцова, публицистические работы С. Петлюры и В. Винниченко [IV, 40; 56, с. 233–234].

Победа февральской революции способствовала развитию национально-освободительного движения, активизации национальных партий, заявивших о себе еще в годы первой российской революции и Первой мировой войны. Украинская партия социалистов-революционеров,

Белорусская социалистическая громада, Белорусская народная громада выступали в 1917 г. за Российскую федеративную республику с предоставлением прав автономии своим народам. Действующие в феврале – октябре 1917 г. белорусские политические партии (БСГ, БХД и др.), признавая Временное правительство, попробовали поднять вопрос о передачи власти в Белоруссии Белорусской Краевой Раде. Однако поддержки не получили. Конкретных, эффективных шагов в этом направлении Временным правительством сделано не было. Все это привело к созданию Украинской Центральной Рады, провозглашению Украинской Народной Республики, а в марте 1918 г. по аналогу с Украиной – провозглашению Белорусской Народной Республики. Тягу элит Украины и Белоруссии к созданию собственных суверенных государств ускорляли и преступные ошибки большевиков, их политика (конфликт СНК с УЦР, разгон в Минске I Всебелорусского съезда и др. – Д.К.). Гражданская война, противостояние с большевиками оказали существенное влияние на эволюцию взглядов неонародничества Белоруссии и Украины по решению национальных проблем. Надежды неонародников на то, что германские, затем польские войска, оккупировав территорию Белоруссии и Украины, могут если не содействовать, то, по крайней мере, не мешать национально-государственному строительству, национальному возрождению, быстро рассеялись. Все это приводило к обострению противоречий внутри национальных неонароднических партий Белоруссии и Украины, их конфронтации не только с большевиками, но и с оккупационными войсками [Ш, 213; 235; 272].

Если украинцам удалось, хотя и на сравнительно короткий исторический период (1918–1919), опробовать свою модель национально-государственного и культурного строительства на практике, в Белоруссии – Акт 25 марта 1918 г. лишь декларировал желанную независимость. Вся полнота власти на большей территории Белоруссии принадлежала германским оккупантам. Но хотя БНР не сумела создать реальных механизмов власти и добиться широкого международного признания, однако и эта первая попытка создания белорусской государственности имела огромное историческое значение. Сама декларация о создании БНР и текущая деятельность ее Рады в области образования и культуры оказали значительное влияние на развитие национального сознания белорусов. Было принято решение Народного Секретариата БНР о белорусском языке как официальном языке нации (1918), открыто от 150 до 350 бе-

лорусских школ и 13 гимназий. Создана комиссия по формированию Белорусского государственного университета, в состав которой входили М. Довнар-Запольский, Е. Карский, А. Смолич. Издавалась 14 газет и журналов на белорусском языке. Не сумев добиться реальной власти на территории Беларуси, Рада БНР самым фактом своего существования вынудила большевистское правительство РСФСР изменить политику относительно Белоруссии и провозгласить 1 января 1919 г. в Смоленске создание БССР. И хотя в дальнейших своих политических действиях большевистская Москва неоднократно манипулировала этой марионеточной конструкцией, вновь отдав Западную Белоруссию возрожденной II Речи Посполитой на условиях Рижского мирного договора 1921 г., белорусская государственность стала реальным «юридическим фактом». Это означало, что идея белорусской национальной государственности закреплялась в массовом сознании населения Белоруссии и ее соседей через признание факта ее существования [III, 235]. В условиях немецкой оккупации, как равно и польской, воплотить идеи белорусской государственности на практике не удалось [III, 235; IV, 65]. Однако для политического, национального просвещения формирующихся молодых украинской и белорусской наций этот короткий и кровавый опыт 1918–1920 гг. имел огромное значение в качестве своеобразной «генеральной репетиции» национально-государственного и культурного строительства для будущих процессов «белоруссизации» и «украинизации» 20-х гг. XX в.

В этих политических событиях активное участие принимали белорусские и украинские историки не только как идеологи-публицисты, но и как активные участники и лидеры этих процессов. Достаточно сказать, что наиболее крупный украинский историк М.С. Грушевский стал первым президентом УНР. Создание национального государства – УНР Западно-Украинской Народной Республики – заложили основы для государственной поддержки украинской исторической науки. Этому способствовало основание Украинской Академии Наук, деятельность исторической секции Украинского научного общества. В эти годы вышли в свет, несмотря на экстремальные обстоятельства гражданской войны, новые капитальные работы М. Грушевского, Д. Багалая, Д. Яворницкого, А. Ефименко, В. Липинского, И. Огиенко, Д. Дорошенко, С. Томашевского, И. Джиджоры, С. Ефремова и др., которые существенно обогатили основные разделы национальной истории Украины. Были предприняты первые значительные попытки преподавания украинской истории во

всех звеньях системы образования Украины, в подготовке специалистов – преподавателей исторических дисциплин для украинской национальной школы. Выдающиеся украинские историки М. Грушевский, Н. Василенко, Д. Дорошенко, И. Огиенко принимали самое активное участие в политической жизни Украины и процессе создания украинской государственности (УНР, ЗУНР). Задачи создания украинской государственности стимулировали украинскую историографию на активную разработку проблем истории украинского народа и государственности Украины. Исследование и популяризация национальной истории среди широких народных масс выдвигалась на уровень важнейших государственных дел. Дефицит научной и учебной литературы по украинской истории, научно-популярных работ заставлял, с одной стороны, активно переиздавать для массового читателя опубликованные еще до 1917 г. работы В. Антоновича, А. Ефименко, М. Аркаса, М. Грушевского, а с другой – создавать новые, актуализированные политической ситуацией 1917 – 1920 гг. (работы Д. Багалея, В. Пархоменко, Н. Слабченко, Д. Дорошенко, Д. Беднова и др.). Историческая секция УНТ и историко-филологическое отделение УАН концентрировали свою деятельность на создании обобщающих трудов по истории Украины, подготовке учебной и научно-популярной литературы по украинской и зарубежной истории, а также кадров профессиональных историков. Наряду с существующими университетами большую роль в подготовке историков играли украинские государственные университеты в Киеве, Каменце-Подольском, Украинская педагогическая академия. К осени 1918 г. в границах украинского государства работало более 150 украинских гимназий, в которых история Украины преподавалась как особый предмет. Заметное влияние на развитие исторической науки и распространение ее достижений имело основание Национального архива, Национальной библиотеки, Национального музея. Под влиянием событий, связанных с революциями 1917 г. и созданием украинского государства, расширилась география исторических исследований. Наряду с Киевом, Харьковом, активизировали свою деятельность центры исторической науки в Одессе, Чернигове, Полтаве, Неживе, Екатеринославе, на Вольни и в Галиции. Политические события 1917–1920 гг. стали завершающим этапом в формировании украинской национальной историографии. Она, оказывая существенное воздействие на формирование исторического, национального и государственного сознания украинцев, стимулировала

процессы национального Возрождения в Украине. Не случайно именно в этот период рождается и обособляется в украинской историографии как новое явление школа украинских «историков-государственников» (В. Липинский, С. Томашевский, М. Кордуба и др.). На почве наработанного украинскими историками исторического опыта моделировались варианты государственного устройства украинской державы, определялись основные направления ее культурной политики [IV, 3; 6; 11; 13; 20; 28; 40; 55, с. 233–253; 79, с. 153–163].

Значительно в меньшей степени, но все же достаточно ощутимо участвовали в процессах формирования национального исторического сознания белорусов белорусские историки. К началу революционных событий 1917 г. можно говорить о новых качественных изменениях в политических взглядах и исторической концепции М.В. Довнар-Запольского. Он становится создателем концепции «беспрерывного развития» белорусского народа от Полоцкого княжества до XX в. и активно поддерживает белорусское национальное движение. Для белорусской и международной общественности была написана к 1918 г. брошюра «Основы державности Белоруссии». Работа увидела свет в 1919 г. на шести европейских языках (в том числе двумя изданиями на белорусском языке – Д.К.). Кроме научно-познавательного значения она имела и сугубо политическую направленность – была использована белорусской делегацией на Версальской конференции для научного обоснования права белорусов на собственную государственность. В ней исследователь акцентировал внимание на мирном проникновении литовцев на территорию белорусских княжеств, совместном литовско-белорусском характере нового государства – Великого княжества Литовского. В основе его концептуальных положений лежали взгляды, сформулированные еще в 80-е гг. XIX в., суть которых заключалась в признании самобытности исторической жизни белорусского народа. В 1918–1919 гг. М.В. Довнар-Запольским была в основном подготовлена его обобщающая синтезная белорусоведческая работа «История Белоруссии». Это позволяет утверждать, что в деле подведения научной основы под национальную концепцию истории Белоруссии был сделан решающий, «поворотный шаг» [III, 60, с. 3–12].

Опираясь на источники, можно с определенной долей уверенности говорить, что на формирование исторического сознания белорусов и их элит в 1918 – 1920 гг. наиболее существенное влияние оказали два

идеологических течения эпохи. Первое из них было представлено той частью белорусской неонароднической интеллигенции, которая не принимала большевистский режим и Советскую власть. Именно она активно вырабатывала историческую аргументацию в целях доказательства правомерности и законности политических планов лидеров белорусской национальной демократии. Ими было издано несколько работ, в которых авторы обосновывали необходимость и органичность создания в 1918 г. Белорусской Народной Республики. В своих брошюрах А. Цвикевич, И. Воронко, М. Довнар-Запольский, К. Езовитов, пропагандируя идеи необходимости создания белорусского государства, подчеркивали значение национального вопроса в истории культуры Белоруссии и борьбы белорусского народа за свое национальное и культурное самоопределение. Учитывая, что значительная часть представителей этой группы белорусской интеллигенции будет играть существенную роль в культурной жизни БССР после окончания гражданской войны (в 1920-е гг. – Д.К.), можно понять, почему представленные ими идеологические стандарты оказывали существенное влияние на формирование исторического сознания белорусов в период «ранней» советской истории Белоруссии 20-х гг. XX в. Другая часть белорусской интеллигенции, сотрудничавшая с советской властью, активно участвовала в формировании нового исторического сознания белорусского народа в структуре белорусского национального комиссариата в 1918–1919 гг. (А.Г. Червяков, А.Х. Устилович, В.В. Скоринка, Д.Ф. Жилунович, Е. Канчар и др.). Белнацком как специальный орган в структуре госаппарата РСФСР сыграл существенную роль в определении форм и характера белорусско-российского сотрудничества. Его деятельность содействовала развитию белорусской, советской культуры (просвещение, печать, наука, литература и искусство). В этой работе Белнацком пользовался помощью и поддержкой Наркомнаца и Наркомпроса РСФСР. В сфере народного образования и науки несомненно заметным шагом явилось создание белорусского народного университета и белорусского научно-культурного общества в Москве, Белорусского вольно-экономического общества в Петрограде. Белнацком сыграл заметную роль в идейно-политической консолидации леворадикальной части белорусской интеллигенции на позиции советской власти и поддержке большевистского режима. Впоследствии, в 20-е гг. XX в. и эта часть белорусской, просоветски настроенной интеллигенции, примет активное участие в процессах «белорусизации»

Дмитрий Карев

20-х гг. XX в. [Ш, 98, 99; 226]. Однако, в отличие от украинской интеллектуальной политической элиты, белорусская элита не сумела создать системы полнокровных политических научных и культурных институтов, через которую можно было проводить эффективную «прививку» национальной идеологии и нового исторического сознания в широких слоях населения Белоруссии, внедрить ее в массовое сознание.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Основной идеей работы, отражающей авторскую концепцию особенностей формирования белорусской и украинской историографий конца XVIII – начала XX вв. и их роли в процессе зарождения национального исторического сознания белорусов и украинцев, является положение о том, что в них, в рамках этой эпохи происходит **коренная эволюция парадигм**. Историографии по преимуществу шляхетские (по своему социальному профилю), «краевые» (по предмету исследования) и «билингвистичные» (по типу исторического сознания) в конце XVIII – начале XIX в. к концу XIX – началу XX в. они становятся историографиями **национальными**, выдвинувшими на авансцену исторического рассмотрения судьбу народов, а не Государства и его правящей элиты. Определяющая роль в направлении развития белорусской и украинской историографий, своеобразии основных этапов, пройденного ими исторического пути принадлежит политическому фактору (политика правительства царской России и вызванные ею неоднократные изменения социально-политического контекста, в рамках которого развивалась белорусская и украинская культура этой эпохи).

Время, прошедшее от разделов Речи Посполитой до начала Первой мировой войны и осуществления Великой Утопии, связанной с Октябрьской революцией и гражданской войной в России, сравнительно небольшой период даже для жизни народа. Для жизни возрождаю-

щихся наций это всего лишь исторический миг. Но такой бурный и до предела насыщенный историческими событиями, способными круто изменить не только судьбу отдельной человеческой личности, но целых народов и государств. Три восстания, четыре войны, три революции, бурно пройденная историческая дистанция от государства дворянский диктатуры до государства «диктатуры пролетариата», выход на арену сознательной исторической деятельности пяти поколений белорусской и украинской интеллектуальных элит – очень быстро меняли развитие белорусской и украинской культуры конца XVIII – начала XX столетий. Составная их часть белорусская и украинская историографии, не могли не отразить в своем движении хода этих изменений, масштабных явлений переломной для судеб страны эпохи.

Развиваясь в рамках полуторавекового спора разнонаправленных историографических потоков (шляхетского, официально-охранительного, либерального и демократического, народнического), они напряженно искали свой образ, свое место в системе славянских историографий XIX – начала XX в. И в зависимости от политической и идеологической ориентации этих потоков находили их то в растворении и подчинении великодержавной идее единой Речи Посполитой или Великой России и Империи, как составные и неотъемлимые ее части («западноруссизм», «малороссийство»), то в открытии своего собственного национального и культурного исторического «Я» (белорусские и украинские народники – демократы), попытке создания народной, а не государственной историографии.

Роды украинской и белорусской национальных историографий были трудными и искусственно заторможенными имперской политической системой. И все же и у украинцев, и у белорусов «ребенок» родился и, быстро пройдя возрасты детства и отрочества, вступил в пору юношеских напряженных раздумий, историографической рефлексии о месте украинцев и белорусов в мировой семье народов, о пройденном ими историческом пути и перспективах их развития в будущем. По сравнению с первой половиной XIX в. значительно расширились горизонты исторического видения украинской и белорусской историографии начала XX в., изменилось содержание объекта и предмета исследований. Историографии, интересовавшиеся по преимуществу историей политической и конфессиональной, обратили свое внимание на историю социальных отношений, крестьянства, украинского и белорусского го-

рода, украинской и белорусской культуры. В рамках их структур наметилось выделение «отраслевых» отделов, без методов которых малопродуктивно реалистическое постижение исторических факторов, явлений и самого исторического процесса в целом (историческое краеведение, историческая география, этнография, археология, археография и архивоведение, источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины). С помощью российской либеральной, университетской исторической науки белорусская и украинская историографии были неплохо оснащены для дальнейшего изучения прошлого своих народов.

И хотя по темпам и степени профессионального созревания белорусская историография значительно отставала как от великорусской, так и украинской, накопленный ею потенциал был достаточным для дальнейшего развития в режиме «автономного плавания». Белорусская историография начала XX в. была похожа на выросший, но еще не распустившийся цветок, лепестки которого быстро открываются навстречу первым лучам восходящего солнца. Но вместо этих лучей грядущие годы несли катаклизмы Первой мировой и гражданской войн, в который уже по счету раз поставивших судьбу белорусского народа и его культуры на грань национальной катастрофы. Украинская историография к 20-м гг. XX в. прошла период «детства, отрочества и юности» и по уровню своей профессиональной «зрелости» могла уже не только конкурировать с российской исторической наукой, но и вплотную заняться проблемой формирования массового национального исторического сознания украинцев.

Главенствующая роль в определении направлений развития украинской и белорусской историографий, специфики основных этапов пройденного ими исторического пути принадлежит социально-политическому фактору (политика правительственной России в сфере культуры и идеологии). Поэтому в развитии белорусской и украинской историографий изучаемой эпохи и их возможностей влиять на уровень исторического сознания элит и широких слоев населения можно выделить 4 основных периода: 1) XVIII – первая треть XIX вв. (типичные его черты: превращение исторических знаний в историческую науку; определяющее воздействие польской культуры в сфере исторического сознания элит Белоруссии и Правобережной Украины; источниковедческое открытие Белоруссии и Украины; 2) 30–50-е гг. XIX в. (время оформления первых концептуальных подходов в освещении истории ВКЛ, Украины

и Белоруссии; активный сбор информации о Белоруссии и Украине правительственной Россией; начало противостояния двух взглядов на историю Белоруссии и Украины – великодержавно-польского и великодержавно-русского; 3) 60–70-е гг. XIX в. – период оформления в России «западноруссизма» как определяющего направления в формировании исторического образа белорусского прошлого в исторической науке империи и сфере массового исторического сознания, в то же время слабо повлиявшего на историческое сознание населения Украины; 4) конец 70-х – начало XX в. – период становления либерального и народнического (демократического) направлений в историографиях Украины и Белоруссии, формирования украинской и белорусской историографий как историографий национальных.

Как показывают наблюдения, в историографической практике XX столетия у историков БССР, УССР, Республики Беларусь и Украины в конструировании концепций этнополитической истории Белоруссии и Украины нашли отражение все три основные концептуальные и политические подходы к изучению истории украинцев и белорусов, сформировавшиеся к концу XIX – началу XX в. («западноруссизм», «малороссийство»; либерально-позитивистский, народнический – национал-демократический).

Изучение источников позволяет утверждать, что первое двадцатилетие XX в. – это переломное, «рубежное» время не только для создания национально-ориентированных концепций прошлого Украины (на базе исследований по истории Киевской и Галицко-Волынской Руси, украинского казачества и украинской государственности XVI–XVIII вв.) и Белоруссии (в основном на базе исследований по истории ВКЛ), но и первых проб донести их в формате «генеральных репетиций 1917–1920 гг. до массового сознания украинцев и белорусов (работы М. Грушевского, Д. Багалея, Д. Дорошенко, Н. Василенко, В. Липинского, М. Довнар-Запольского, В. Ластовского, братьев А. и И. Луцкевичей, В. Ивановского, Е. Канчера, В. Игнатовского, А. Цвикевича). Тогда же белорусский и украинский этносы получили ощутимые, хотя и неоднородные в идеологическом и политическом планах импульсы для развития исторического сознания.

По масштабам и степени этого воздействия на историческое сознание украинского этноса украинская историография к началу XX в. значительно превосходила белорусскую. Главные причины этого отста-

вания в уровне профессиональной и «орудийной зрелости» мы усматриваем в четырех основных факторах: 1) разном «качестве» и этнической ориентированности украинской и белорусской интеллектуальных элит XIX – начала XX в; 2) наличие в украинской историографии XIX – начала XX в. профессиональных университетских центров гуманитарного и исторического образования; 3) специфике российской, культурной политики относительно Украины и Белоруссии XIX – начала XX вв.; 4) сохранившихся традициях значимости этнически ориентированной «исторической памяти» украинских элит XIX – начала XX вв. в отличие от элит белорусских. Можно вполне согласиться с доказательными выводами современного белорусского этнолога П.В. Терешковича о том, что формирование белорусской национальной общности в ареале Центрально-Восточной Европы XIX–XX вв. протекало в «едва ли не наименее подходящих для этого условиях», когда практически все значимые для успешного развития национального движения факторы либо были слабо выражены (рыночная активность, урбанизация, социальная мобильность, грамотность, этнолингвистическое и конфессиональное своеобразие), либо вообще отсутствовали (университетские центры, «историчность», «Пьемонт»). Поэтому очевидное запаздывание национальной консолидации белорусов в XIX – начала XX в. носило объективно обусловленный характер [III, 243, с. 198]. Замедленное, по сравнению с украинской историографией, развитие белорусской историографии как «индикаторной лампочки» и фактора, влияющего на содержание и характер исторического сознания белорусов, в этом плане достаточно объективно отражает эти процессы. Этот же момент запаздывания позволяет понять, почему белорусская народническая интеллектуальная элита конца XIX – начала XX в. так активно использовала украинский опыт создания национального идеологического проекта в качестве ближайшего аналога, а белорусские историки (М.В. Довнар-Запольский и др.) испытали явное влияние исторической концепции М.С. Грушевского.

Последний момент позволяет говорить и о том, что не только будущая эволюция, профессиональное совершенствование белорусской национальной историографии, но и развитие белорусской национальной культуры представляются малопродуктивными без активного аналитического использования историографического наследия XVIII – начала XX вв. в формировании современной культурной политики в Бела-

руси. Актуальность такой постановки проблемы со второй половины 1990-х гг. для Беларуси обострилась в связи с формированием сознательной политики сегодняшней политической элиты страны, на возврат белорусов «в СССР» и реанимацию «советской ментальности» на основе панславистской идеи. Будем смотреть на ситуацию трезво. Большинство сегодняшнего электората Беларуси воспринимает эту политику с симпатией, что дает основания многим лидерам национальной культуры для «черного сценария» дальнейшей судьбы белорусского этноса. Автор этих строк является в своих прогнозах сторонником «сдержанного оптимизма». Что позволяет надеяться?

Давайте вспомним события хотя бы пяти последних столетий белорусской истории, «вылепивших» белорусскую этническую ментальность. XVI век – Ливонская война и гибель половины населения Беларуси, середина XVII в. – в ходе войны России и Речи Посполитой 1653–1667 гг. уничтожен каждый второй, «Сапежанские» войны конца XVII в. и Северная война – погиб каждый третий. Война 1812 г., война 1914–1918 гг., перешедшая в гражданскую, и, наконец, Вторая мировая война сокращали население Беларуси на четверть. Не было столетия, где бы белорусский этнос не ставился на край демографической катастрофы, не уничтожались его наиболее активные, элитарные группы.

Этот жестокий исторический отбор закрепил в менталитете белорусов такие этнические черты, которые обеспечивали живучесть народа в тяжелых природных и исторических условиях существования в составе других государств, где роль дирижера играли более сильные, «титупьные» этносы (поляки, русские). Трагические испытания на прочность сформировали у белорусов многие ценные качества, отмечаемые соседями: «памяркоўнасць» (рассудительность), трудолюбие, терпеливость и мужество «держат удар», толерантность, которая проявляется в способности поставить себя на место другого человека, понять его, сопереживать ему, готовность пойти на компромисс, не принимая агрессивности и воинственного фанатизма. Вместе с тем, у этноса и его элиты в их «генетический код», похоже, укоренилась и «психология травы», с ее колоссальной живучестью, но одновременным инстинктом «не высываться» за пределы границ, выход из которых грозит физическому существованию «вида». Указанные черты характерны и для белорусской элиты, которая в рамках своего привилегированного статуса сравнительно быстро приспособилась к «правилам игры» господствующих титульных наций и

растворялась в ее элитах (полонизация XVII – I половина XIX вв., русификация конца XIX – XX вв.).

Многое становится ясным, если принять тезис о **незавершенности процесса формирования белорусской нации. Конец XIX в. и политические события XX в. дали ряд импульсов консолидации белорусов в нацию, но пока не создали самой нации.** Определенным индикатором этого является слабость белорусской интеллигенции. И, возможно, **главная драма белорусской истории XX в. – это незавершенность процесса национально-культурного Возрождения.** В начале XX в. он был оборван Первой мировой войной, в конце 20 – 30 гг. XX в. – массовыми репрессиями, в 30–80-е гг. XX в. – политикой осознанной «денационализации», со второй половины 90-х – попыткой влить «новое вино в старые БССРовские меха». На протяжении всего XX в. политики Беларуси не могли (а многие и не хотели) опереться на белорусскую нацию. То, что история не дала белорусам пережить в нормальных условиях этап «органической работы» по вызреванию нации, несколько раз на протяжении XX столетия бумерангом било по идее белорусской государственности. Что мешает сегодня созданию такой национально-государственной идеологии? Причин много, но назову две, на мой взгляд, доминирующие: 1) раскол если не общества, то массового сознания; 2) непоследовательная политика нынешних властей Беларуси. Референдумы 1995–1996 гг. показали невозможность только политическими средствами создать белорусскую державу, а белорусского гражданина путем выдачи паспортов, созданием государственных границ и государственной символики..

В этих условиях не огорчаться, а радоваться надо, что уже 20–25% населения Беларуси голосует за Новую Беларусь как Свой Дом. Работа по превращению «населения» Республики Беларусь в нацию через расширение национально-государственного, исторического сознания и национально-культурного Возрождения белорусов предстоит большая и очень тяжелая. Надеяться на быструю победу не приходится. Но реальный шанс есть: и не последнюю роль в реализации этого шанса должны сыграть историки Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

И. Неопубликованные источники из архивов, рукописных собраний, библиотек, музеев Восточной Европы

1. Архив СПб. Отделения Института истории. – К. 52 (собрание П.Н. Доброхотова. XV – начала XX вв.).
2. Архив СПб. Отделение Института истории. – Ф. 113 (РИО. 1889 – 1917).
3. Архив СПб. Отделение Института истории. – Ф. 203 (Екатерина II, 1768–1794).
4. Архив Российской Академии наук (СПб. филиал) (Архив РАН СПб.). – Ф. 290 (Семашко И., митрополит Литовский и Виленский, XIX в.).
5. Архив РАН (СПб.) – Ф. 24 (Веселовский К.С. XIX в.).
6. Архив РАН (СПб.) – Ф. 104 (Шейн П.В. II пол. XIX в.).
7. Архив РАН (СПб.) – Ф. 133 (Археографическая комиссия, 1834–1915).
8. Архив РАН (СПб.) – Ф. 134 (Шахматов А.А. 1874–1920).
9. Архив РАН (СПб.) – Ф. 292 (Карский Е.Ф. 1893–1931).
10. Белорусский государственный исторический архив. (БГИА г. Гродно. – Ф. 1 (Канцелярия Гродненского губернатора, 1802–1917).
11. БГИА. – Ф. 2. (Гродненское губернское правление, 1802–1915).
12. БГИА. – Ф. 3. (Гродненская губернская военно-следственная комиссия по политическим делам. (1963–1868).
13. БГИА. – Ф. 14 (Гродненский губернский статистический комитет, 1835–1915).
14. БГИА. – Ф. 332. (Гродненское дворянское депутатское собрание, 1834–1917).

Список использованных источников

15. БГИА. – Ф. 336. (Гродненское губернское жандармское управление. Кон. XIX – начала XX вв.).
16. БГИА. (г. Гродно) – Ф. 1143. (Древние инвентари, 1780–1854).
17. БГИА. – Ф. 1663. (Слизни, 1559–1939).
18. БГИА. – Ф. 1664. (Быховцы, 1511–1936).
19. Государственный архив г. Киева (ГА г. Киева). – Ф. 16 (Киевский университет, 1830–1917).
20. Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ.) – Ф. 102. – Департамент полиции. Охранное отделение, 1880–1917).
21. ГАРФ. – Ф. 109. (III Отделение с.е.и. в канцелярии, 1802–1880).
22. ГАРФ. – Ф. 542. (Фон Валь В.В. 1839–1918).
23. ГАРФ. – Ф. 586 (Плеве В.К., 1862–1918).
24. ГАРФ. – Ф. 601 (Николай II., 1860–1918).
25. ГАРФ. – Ф. 672 (Николай I, 1669–1915).
26. ГАРФ. – Ф. 678 (Александр II, 1825–1899).
27. ГАРФ. – Ф. 679 (Александр I, 1774–1873).
28. ГАРФ. – Ф. 811 (Муравьев М.Н., 1796–1886).
29. ГАРФ. – Ф. 828 (Горчаков А.М., 1770–1918).
30. ГАРФ. – Ф. 1153 (Муравьев М.Н., Е.Ф. и др., 1781–1891).
31. ГАРФ. – Ф. 1165 (Особенная канцелярия Министерства внутренних дел, 1811–1826).
32. ГАРФ. – Ф. 1717 (Собственная канцелярия шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, 1805–1849).
33. ГАРФ. – Ф. 1718 (Катков М.Н., 1866–1902).
34. ГАРФ. – Ф. 1729 (Святополк – Мирский П.Д. кн., 1857–1914).
35. ИРЛИ. (Пушкинский дом) – Ф. 14 (Устрялов Н.Г., 1835–1870).
36. ИРЛИ (Пушкинский дом) – Ф. 46 (Сербинович К.С., 1840–1870 гг.).
37. Национальный архив Республики Беларусь (г. Минск, НАРБ) – Ф. 60 (Бел. истпарт., кон. XIX 1930 гг.).
38. НАРБ. – Ф. 21 (Минский губернский статистический комитет, 1854–1916).
39. НАРБ. – Ф. 295 (Канцелярия Минского гражданского губернатора, 1794–1917).
40. НАРБ. – Ф. 694 (Радзивилы, XVI в. – 1937).
41. НАРБ. – Ф. 1297 (Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского, 1802–1856).
42. НАРБ. – Ф. 1416 (Витебское губернское правление, 1802–1917).
43. НАРБ. – Ф. 1430 (Канцелярия Витебского гражданского губернатора, 1797–1917).
44. НАРБ. – Ф. 2001 (Канцелярия Могилевского гражданского губернатора, 1803–1917).
45. НАРБ. – Ф. 2187 (Могилевский статистический комитет, 1839, 1854, 1864–1917).

46. НАРБ. – Ф. 2790 (Витебский центральный архив древних актов книг Витебской и Могилевской губерний, 1862–1903).
47. НАРБ. – Ф. 2502 (Витебский губернский статистический комитет, 1838–1917).
48. НАРБ. – Ф. 277 (Витебская ученая архивная комиссия, 1905–1914).
49. НАРБ. – Ф. 3157 (Попечитель Белорусского учебного округа, 1829–1850).
50. Отдел письменных источников Государственного исторического музея г. Москва (ОПИ ГИМ) Ф. 6 (Розен П.В., XIX в.).
51. ОПИ ГИМ – Ф. 56 (Бессонов П.А., XIX в.).
52. ОПИ ГИМ – Ф. 33 (Малиновский, XVIII – I пол. XIX в.).
53. ОПИ ГИМ – Ф. 316 (Новосильцев Н.Н., конец XVIII – I пол. XX в.).
54. Отдел рукописей научной библиотеки Вильнюсского государственного университета г. Вильнюс (ОР НБ ВГУ) – Ф. 6 (Спрогис Я. 1868–1914).
55. ОР НБ ВГУ – Ф. 9 (Малиновский, 1821–1864).
56. ОР НБ ВГУ – Ф. 12 (Лелевель И., 1728–1938).
57. ОР НБ ВГУ – Ф. 11 (Ковалевский О., 1823–1872).
58. ОР НБ ВГУ – Ф. 18 (Контрым К., 1524–1924).
59. ОР НБ ВГУ – Ф. 19 (Снядецкий Я., 1781–1828).
60. ОР НБ ВГУ – Ф. 22 (Балинский М., 1509–1939).
61. ОР НБ ВГУ – Ф. 34 (Русское географическое общество Сев.–Зап. отдел. 1815–1915).
62. ОР НБ ВГУ – Ф. 36 (Миловидов А.И., 1890–1919).
63. ОР НБ ВГУ – Ф. 47 (Русское историческое общество любителей просвещения, 1896–1914).
64. ОР НБ ВГУ – Ф. 51 (Романов Е.Р., 1884–1905).
65. ОР НБ ВГУ – Ф. 52 (Довгялло Д.И., 1585–1914).
66. ОР НБ ВГУ – Ф. 58 (Бобровский М.К., 1820–1854).
67. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки г. Москва (ОР РГБ) – Ф. 8 (Анастасевич В.Г., I пол. XIX в.).
68. ОР РГБ – Ф. 16 (Барсков Я.П., сер. XVIII в. – 1935).
69. ОР РГБ – Ф. 27 (Беляев И.Д., XIX в.).
70. ОР РГБ – Ф. 36 (Бодянский О.М., XVI – XIX вв.).
71. ОР РГБ – Ф. 68 (Собрание Генерального штаба, XVI – XX вв.).
72. ОР РГБ – Ф. 103 (Жихарев М.И., XVIII – XIX вв.).
73. ОР РГБ – Ф. 125 (Киреевский П.В., Бессонов П.А., XIX в.).
74. ОР РГБ – Ф. 153 (Лунин А.М., конец XVIII в. – 1816).
75. ОР РГБ – Ф. 215 (Осоргин М.М., 1890–1920).
76. ОР РГБ – Ф. 231 (Погодин М.П., XV – XIX вв.).
77. ОР РГБ – Ф. 255 (Румянцевы П.А. и Н.П., XVII – XIX вв.).
78. ОР РГБ – Ф. 297 (Сушков Н.В., XVIII – XIX вв.).
79. ОР РГБ – Ф. 302 (Толстые, XVII – XIX вв.).
80. ОР РГБ – Ф. 364 (Любавский М.К., 1870–1936).
81. ОР РГБ – Ф. 588 (Доленга-Ходаковский З.Я., 1784–1820, Совм.).

Список использованных источников

82. Отдел рукописей и редких книг Центральной научной библиотеки АН Литовской Республики г. Вильнюс (ОР ЦНБ АН ЛР) – Ф. 15 (Коллекция рукописей «Боруссика», 1185–1923).
83. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 20 (Судебные акты, собранные Т. Врублевским XV – начала XX вв.).
84. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 21 (Фонд Вильнюсского Белорусского музея, 1396–1949).
85. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 24 (Коллекция общества любителей библиотеки им. Врублевских, 1615–1928).
86. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 60 (Рукописи общества филоматов-филаретов, 1818–1860).
87. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 81 (Белинский М., 1794–1864).
88. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 82 (Белинский Ю., 1848–1924).
89. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 84 (Бренштейн М.Е., 1874–1936).
90. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 102 (Янковский Ч., 1857–1929).
91. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 109 (Кондратович Л., 1823–1862).
92. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 111 (Костялковский С., 1837–1905).
93. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 114 (Крашевский Ю.И. 1812–1887).
94. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 124 (Акты Нарбутов, 1584–1864).
95. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 148 (Тышкевичи, 1518–1834).
96. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 149 (Тышкевич, 1814–1879).
97. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 155 (Врублевский Т., 1858–1939).
98. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 161 (Рукописи Пилсудских, 1882–1939).
99. ОР ЦНБ АН ЛР – Ф. 211 (Лаппо И.И., 1860–1944).
100. ОР ЦНБ АН Украины (г. Киев) – Ф. Антоновича В.Б. (II пол. XIX – начала XX вв.).
101. ОР ЦНБ АН Украины (г. Киев) – Ф. Голубев С.Т. (1849–1912).
102. Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Украины им. Стефаника г. Львов (ОР ЦНБ Украины г. Львов) – Ф. 16 (Головацкий Я.Ф. , 40–80 – гг. XIX в.).
103. ОР ЦНБ АН Украины (г. Львов) – Ф. 58 (Карлович Ян., 1857–1884).
104. Отдел рукописной и редкой книги БАН России в г. С-Петербурге, – Ф. 46 (Собрание М.К. Бобровского).
105. Российский государственный архив древних актов, г. Москва (РГАДА) – Ф. 6 (Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особенной важности, 1640–1863).
106. РГАДА – Ф. 16 (Кабинет Екатерины II, 1762–1795).
107. РГАДА – Ф. 12 (Дела о Польше и Литве, 1510–1854).
108. РГАДА – Ф. 17 (Наука. Литература. Искусство. 1707–1855. Коллекция док.).
109. РГАДА – Ф. 18 (Духовное ведомство, 1670–1833).
110. РГАДА – Ф. 30 (Новые дела, 1698–1917).
111. РГАДА – Ф. 188 (Рукописное собрание, ЦГАДА, XIII – XX вв.).
112. РГАДА – Ф. 328 (Экспедиция Литовской Метрики, 1799–1917 гг.).

113. РГАДА – Ф. 1274 (Панины –Блудовы, 1669–1880 гг.).
114. РГАДА – Ф. 1287 (Шереметьевы, XVI – начала XX вв.).
115. РГАДА – Ф. 1293 (Русское генеалогическое общество, 1575–1921).
116. РГАДА – Ф. 1627 (ОИДР, 1812–1918).
117. Российский государственный архив литературы и искусства. г.Москва (РГАЛИ) – Ф. 19 (Ефремов П.Л., XVIII–XIX вв.).
118. РГАЛИ –Ф. 584 (Яцимирский А.И., I пол. XIX – начала XX вв.).
119. Российский государственный военно-исторический архив. г.Москва (РГВИА) – Ф. 38 (Департамент Генерального штаба, 1818–1866).
120. РГВИА – Ф. 410 (Материалы о российской империи, 1488–1912).
121. РГВИА – Ф. 414 (Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о России, 1735–1914).
122. РГВИА – Ф. 467 (Военные действия в Польше в 1792–1795 гг., 1793–1796).
123. РГВИА – Ф. 474 (Отечественная война 1812 г. и компания 1813–1814 гг., 1810–1916).
124. РГВИА – Ф. 478 (Польское восстание 1831, 1830–1832).
125. РГВИА – Ф. 484 (Польское восстание 1861–1863 гг., 1859–1878).
126. Российский государственный исторический архив в г. С.-Петербурге (РГИА) – Ф. 90 (Вольное экономическое общество, 1765–1919).
127. РГИА – Ф. 711 (Блудов Д.Н., 1786–1864).
128. РГИА – Ф. 733 (Департамент народного просвещения, 1802–1917).
129. РГИА – Ф. 742 (Редакция Журнала Министерства народного просвещения, 1833–1852, 1867–1917).
130. РГИА – Ф. 746 (Русское историческое общество, 1866–1917).
131. РГИА – Ф. 772 (Главное управление цензуры, 1828–1862).
132. РГИА – Ф. 780 (Цензурная экспедиция III Отделения е.и.в.канцелярии, 1811–1865).
133. РГИА – Ф. 834 (Коллекция рукописей Св. Синода, XVI – XX вв.).
134. РГИА – Ф. 940 (Заблоцкий–Десятовский А.П., 1815–1881).
135. РГИА – Ф. 951 (Карамзин Н.М., 1816–1847).
136. РГИА – Ф. 970 (Корнилов И.П., 1752–1913).
137. РГИА – Ф. 1266 (Комитет западных губерний, 1831–1848).
138. РГИА – Ф. 1267 (Западный комитет, 1861–1868).
139. РГИА – Ф. 1290 (Центральный Статистический комитет МВД, 1811–1980).
140. РГИА – Ф. 1630 (Дашков Д.В., 1788–1839).
141. Рукописный отдел Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова–Щедрина г. С.–Петербург (РО РНБ) – Ф. 52 (Батюшков П.Н., XIX в.).
142. РО РНБ – Ф. 80 (Бобровский П.О., 1864–1875).
143. РО РНБ – Ф. 181 (Гильтебрандт П.А., 1840–1905).
144. РО РНБ – Ф. 213 (Архив А.Н.Оленина, XVIII – XIX вв.).
145. РО РНБ – Ф. 328 (Калайдович К.Ф. , конец XVIII в. – 1830 гг.).
146. РО РНБ – Ф. 377 (Корнилов И.П., 1805–1897).
147. РО РНБ – Ф. 588 (Погодинские авт.).

Список использованных источников

148. РО РНБ – Ф. 440 (Лобойко И.Н., 1820–1864).
149. РО РНБ – Ф. 689 (Рагч В.Ф. , 1789–1877).
150. РО РНБ – Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений, XVIII – XIX вв.).
151. Центральный государственный архив–музей литературы и искусства Республики Беларусь (ЦГА МЛИ РБ г.Минск) – Ф. 3 (Коллекция документов отдела рукописей Белорусского музея им. И. Луцкевича в г. Вильно, 1835–1942).
152. ЦГАМЛИ РБ (г. Минск) – Ф. 6 (Григорович И.И. I пол. XIX в.).
153. ЦГИА Латвии – (г. Рига) – Ф. 5 (Спрогис И.Я., 1835–1918).
154. Центральный государственный исторический архив Литовской Республики. (ЦГИА ЛР) – Ф. 179 (Лобойко И.Н., 1821–1831).
155. ЦГИА ЛР – Ф. 377 (Канцелярия великого князя Константина, наместника польского, 1822–1830).
156. ЦГИА ЛР – Ф. 378 (Канцелярия Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора, 1768–1913).
157. ЦГИА ЛР – Ф. 380 (Виленский гражданский губернатор, 1795–1916).
158. ЦГИА ЛР – Ф. 381 (Литовско-Виленское губернаторское правление. г. Вильно, 1573–1915).
159. ЦГИА ЛР – Ф. 388 (Виленский губернский статистический комитет, 1835–1896).
160. ЦГИА ЛР – Ф. 439 (Архив музея графа М.Н. Муравьева, 1840–1915).
161. Центральный государственный исторический архив Литовской Республики (ЦГИА ЛР) – Ф. 567 (Виленский учебный округ).
162. ЦГИА ЛР – Ф. 571 (Виленский дворянский институт. 1835–1893).
163. ЦГИА ЛР – Ф. 572 (Литовская духовная православная семинария, 1815–1918).
164. ЦГИА ЛР – Ф. 594 (Центральный архив древних актов книг Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерний, 1850–1940).
165. ЦГИА ЛР – Ф. 594 (Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки, 1511–1918).
166. ЦГИА ЛР – Ф. 596 (Виленская комиссия для разбора и издания древних актов. Виленская археографическая комиссия. 1864–1915).
167. ЦГИА ЛР – Ф. 598 (Князя Друцкие-Любецкие. 1585–1900).
168. ЦГИА ЛР – Ф. 599 (Меницкие, 1493–1939).
169. ЦГИА ЛР – Ф. 601 (Виленский временный комитет по делам печати, 1906–1917).
170. ЦГИА ЛР – Ф. 607 (Канцелярия архиепископа Литовского и Виленского, 1870–1923).
171. ЦГИА ЛР – Ф. 716 (Тышкевичи, 1451 – начало XX в.).
172. ЦГИА ЛР – Ф. 720 (Виленская Медико-хирургическая академия, 1775–1832).
173. ЦГИА ЛР – Ф. 721 (Виленский университет, 1797–1833).
174. ЦГИА ЛР – Ф. 933 (Пшелко А., виленский протоирей, член ВАК, 1845–1879).

175. ЦГИА ЛР – Ф. 996 (Романов Е.Р., 1901–1911).
176. ЦГИА ЛР – Ф. 1004 (Литовский епархиальный училищный совет, 1846–1939).
177. ЦГИА ЛР – Ф. 1029 (Князя Массальские, 1539–1849).
178. ЦГИА ЛР – Ф. 1040 (Плятеры, XVII – I пол. XIX в.).
179. ЦГИА ЛР – Ф. 1135 (Виленское общество любителей наук, 1364–1949).
180. ЦГИА ЛР – Ф. 1177 (Князя Огинские, 1447–1914).
181. ЦГИА ЛР – Ф. 1219 (Верховное правление Литвы. 1794–1799, Гродно).
182. ЦГИА ЛР – Ф. 1269 (Следственная комиссия о тайных обществах).
183. ЦГИА ЛР – Ф. 1280 (Князя Радзивиллы, 1416–1939).
184. ЦГИА ЛР – Ф. 1282 (Коллекция личной переписки русских людей Виленской губернии, 1804–1840).
185. ЦГИА ЛР – Ф. 1292 (Князя Сапеги, 1584–1830 гг.).
186. ЦГИА ЛР – Ф. 1499 (Коллекция документов политического и общественного характера).
187. ЦГИА ЛР – Ф. 1511 (Коллекция документов профессуры Виленского университета, 1738–1858).
188. ЦГИА ЛР – Ф. 1840 (Виленский цензурный комитет МНП, с 1862 г. МВД, 1801–1865).
189. Центральный государственный исторический архив Украины г. Киев (ЦГИА Украины) – Ф. 262 (М.В. Довнар-Запольский).
190. ЦГИА Украины (г. Киев) – Ф. 834 (Антонович В.Б., 1834–1908)
191. ЦГИА Украины – Ф. 840 (Владимирский-Буданов М.Ф. – 30-е гг. XIX в. 1916).
192. ЦГИА Украины (г. Киев) – Ф. 849 (Иконников В. 1843–1920 гг.).
193. ЦГИА Украины (г. Киев) – Ф. 1235 (М.С. и А.С.Грушевские, XVII в. – 1960-е гг.).
194. ЦГИА Украины (г. Львов) – Ф. 30, д. 309 (Научное общество им. Т.Г. Шевченко, конец XIX в. – 1930-е гг.).

II. Опубликованные источники нового времени XVI – начала XX вв.

1. Аксаков И.С. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос 1860-1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвитянина» и «Руси» // Аксаков И.С. Сочинения. – Т. 3. – М., 1886. – 844 с.
2. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г.; под ред. К. Военского. – Т. 1, 3. – СПб., 1909, 1913. – 514, 582 с. + 56, 498 с.
3. Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относившегося к истории 1812–1813 гг. – Ч. 1–2, – Вильно, 1912–1913. – 285 с, +355 с.

Список использованных источников

4. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемых при управлении Виленского учебного округа. – Т. 1–14. – Вильно, 1867–1904.
5. Атлас народонаселения западно-русского края по исповеданию. Составлен при Министерстве внутренних дел в канцелярии заведующего устройством православных церквей в западных губерниях. Изд. второе и доп. (Первое для публики). – СПб., 1864.
6. Антоневиц Н.И. История Белой Руси и белорусы. – Львов, 1908. – 108 с.
7. Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. – Киев, 1878. – 156 с.
8. Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. – Киев, 1885. – 351 с.
9. А.О.Т. Исторический очерк городского населения в Западной России // Виленский календарь на 1866 г. – Вильно, 1866. – С. 201 – 218.
10. Багалей Д.И. Русская историография. – Харьков, 1911. – 462 с.
11. Балтромайтис С. Сборник библиографических материалов для географии, истории, истории права, статистики и этнографии Литвы. С приложением списка литовских и древне-русских книг с 1553 по 1903 гг. – Изд. 2-е изд. – СПб, 1904. – 686, 238 с.
12. Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии ... действительным статским советником Бантыш-Каменским 1795 г. собранные. – М., 1805. – 454 с.
13. Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч.1. – СПб., 1847. – С. 59–65.
14. Барбашев А. Летописные источники для истории Литвы в средние века. – СПб.: Библиограф, 1888. – 29 с.
15. Баркулабовская летопись (Сообщил М.В. Довнар-Запольский. Текст) // КУИ. – 1898. – № 12. – С. 1–88.
16. Барсуков Н. Жизнь и труды П.М.Строева. – СПб., 1878. – 392 с.
17. Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. – СПб., 1890. – 376, 183 с.
18. Беднов В.И. Православная церковь в Польше и Литве (по Yolumina Legum). – Екатеринославль, 1908. – 511 с.
19. Без-Корнилович М.О. Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии с привосокуплением и других сведений к ней относящихся. – СПб., 1855. – 365 с.
20. Белецкий А. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования 1803–1832 гг. Отд. третий. Учебные заведения Виленской и Могилевской губерний в 1803–1832 гг. – Вильно, 1906. – 148 с.
21. Белорус. Библиографическая заметка по поводу III тома «Живописная Россия». – Вильно, 1884. – 34 с.

22. Белорусский архив древних грамот (1507–1768 гг.). – Ч. 1. – М., 1824. – 17, 148 с.
23. Белорусский научно-литературный кружок студентов С.-Петербургского университета. – СПб., 1913-1914. – 31 с + 56 с.
24. Беляев И.Д. Очерк истории Северо-Западного края России. – Вильно, 1867. – 243 с.
25. Беляев И.Д. История Полоцка или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. – М., 1872. – 456 с.
26. Бершадский С.А. Литовские евреи. История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии. 1386–1569. – СПб., 1883. – 431 с.
27. Бестужев-Рюмин К.Н. (О книге) Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы – Руси за Галицко-Владимирское наследие // Русский Вестник. – 1980. – № 5. – С. 277–280.
28. Бобровский П.О. Гродненская губерния: (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба). – Ч. 1–2. – СПб., 1863. – 886 с. + 1074 с.
29. Бобровский П.О. К биографии М.К.Бобровского. – СПб., 1890. – 52 с.
30. Бобровский П.О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам. – СПб., 1890. – 394 с.
31. Богданович А.Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Этнографические очерки. – Гродно, 1895. – 186 с.
32. Богданович М. Белорусское Возрождение. (Отд. оттиск из «Украинской жизни»). – М., 1916. – 24 с.
33. Богданович М. Белорусы // Национальные проблемы. – 1915. – № 2. – С. 17–19.
34. Богданович М. На белорусские темы. (Нац. вопрос) // Украинская жизнь. – 1916. – № 2. – С. 80–85.
35. Боричевский И. Православная и русская народность в Литве. – СПб., 1851. – 129 с.
36. Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. – Вильно, 1889. – 659 с.
37. Брянцев П.Д. Очерк древней Литвы и Западной России. – Вильно, 1891. – 150 с.
38. Брянцев П.Д. Польский мятеж 1863 г. – Вильно, 1890 (1892). – 269 с.
39. Булгаковский Д. Исторический очерк Волковысска, Уездные города Гродненской губернии. – Вильно, 1882. – 43 с.
40. Бумаги, касающиеся первого раздела Польши. (Из фондов графа В.Н. Панина // Русский Архив (РА). – 1871. – № 11. – С.1798–1803.
41. Василенко Н.П. Очерки по истории Западной Руси и Украины. – Киев, 1916. – 589 с.

Список использованных источников

42. «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России» полковника Р.Ф. Эркерта. – СПб., 1864. – 42 с.
43. Виленская губерния. О некоторых трудах по исследованию Виленского края и его истории. – Вильно, 1898. – 152 с.
44. Виноградов Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142-1900 гг. – М., 1900. – 48 с.
45. Витебская губерния: Историко-географический и статистический обзор. Сост. по программе и под ред. Б.М. Долгорукого. – Вып. 1. История. Природа. Народонаселение. Просвещение. – Витебск, 1890. – 387 с.
46. Викентьев В.П. Полоцкий кадетский корпус. – Полоцк, 1910. – 184 с.
47. Виленский сборник I. – Вильно: Изд. Я. Кулик, 1869. – 23, 281 с.
48. Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. – (Б.М.), 1888 – 351 с.
49. Владимирский-Буданов Ф. Немецкое право в Польше и Литве. – СПб., 1868. – 302 с.
50. Владимирский-Буданов М.Ф. Очерки по истории литовско-русского права. – Киев, 1889-1891. – 52 с. + 59 с.
51. Владимирский-Буданов М.Ф. Очерки по истории Литовского государства. – Киев, 1889. – 407 с.
52. Власт (В. Ластоўскі). Кароткая гісторыя Беларусі. – Вільня, 1910. – 106 с.
53. Воронов Н.И. Воспоминания Николая Ивановича Воронова по Западному краю. – Владимир, 1906. – 266 с.
54. Воспоминания о древнем православии Западной Руси. – М., 1876, 86 с.
55. Гильтебрандт П. Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки. – Вильно.: Изд. Виленской публичной библиотеки, 1871. – 35 с. + 230 с.
56. Гирс А.А. Докладная записка (Минского губернатора) о мерах, могущих укрепить национальное сознание белорусов и противодействовать их полонизации. (Совершенно секретно). – Минск, 1914. – 26 с.
57. Головацкий Я.Ф. Черты домашнего быта русских дворян на Подляшье. т.е. в нынешней Седлецкой и Гродненской губерниях по актам XVI столетия. – Вильно, 1884. – 36 с.
58. Голуб В.К. Пятидесятилетие Виленского Центрального архива древних актовых книг. Ист. очерк. 2 апр. 1852-1902 гг. – Вильно, 1902. – 118 с.
59. Голуб В.К. Юлиан Фомич Крачковский. – Вильно, 1904. – 16 с.
60. Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV в. – Киев, 1895. – 334 с.
61. Горбачевский Н.И. Каталог древним актовым книгам губерний Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, а также книгам некоторых судов губерний – Могилевской и Смоленской, хранящимся ныне в Центральном архиве в Вильне. (Изд. офиц.). – Вильно, 1872. – 861 с.

62. Горбачевский Н.И. О Центральном архиве древних актовых книг губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской. – Вильно, 1869. – 32 с.
63. Горбачавский Н.И. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. – Вильно: Изд. ВУО, 1874. – 399 с.
64. Григорович И.И. Переписка с графом Н.П. Румянцевым (1817–1825) // Чтения в ОИДР. – 1864. – Кн. 2. – Отд. 1. – С. 1–83.
65. Григорович И. Очерк жизни прот. И.И. Григоровича // Странник. – 1861. – № 6. – С. 303–338.
66. Грушевский А.С. Города Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв.: Их старина и борьба за старину. – Киев, 1918. – 240 с.
67. Грушевский А.С. Пинское Полесье. Исторические очерки. – Ч. 1–2. – Киев, 1901–1903. – 800 – 398 с.
68. Грушевський М.С. Новіша література по історії Великого кн. Литовського. Критический огляд // Зап. Українського наукового товариства у Києві (т. 18): Український науковий збірник. – 1916. – Вып. 2. – С. 23–39.
69. Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. – Киев, 1896. – 260 с.
70. Данилович И.Н. О литовских летописях // ЖМНП. – 1840. – Ч. 28. – № 11. – С. 70–114.
71. Дашкевич Н. Заметки по истории Литовско-Русского государства. – Киев, 1885. – 192 с.
72. Две записки (графа М.Н. Муравьева о Северо-Западном крае) // РА. – 1902. – № 8. – С. 563–599.
73. Демьянович А. Иезуиты в Западной России в 1569–1772 гг. – СПб., 1871. – 242 с.
74. Добрынин Г. Истинное повествование или жизнь Гавриилы Добрынина им самим писанная в Могилеве и Витебске 1752–1823. Предисловие М. Семевского. – СПб., 1872. – 380 с.
75. Довгялло Д.И. К истории Северо-Западного отдела Русского географического общества // Зап. Сев.-Зап. отдела РГО. – 1910. – Кн. 1. – С. 10–22.
76. Довнар-Запольский М.В. Акты Литовско-Русского государства. – Т. 2. – М., 1897. – 567 с.
77. Довнар-Запольский М.В. Белорусское Полесье. – Киев, 1895. – 203 с.
78. Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. – Т. 1. – Киев, 1901. – 806. – 112 с.
79. Довнар-Запольский М.В. Западно-русская сельская община в XVI в. – СПб., 1897. – 56 с.
80. Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. – М., 1907. – 423 с.
81. Довнар-Запольский М.В. Из истории общественных течений в России. – Киев, 1905. – 372 с.

Список использованных источников

82. Довнар-Запольский М.В. Исследования и статьи. Этнография и социология, обычное право, статистика. Белорусская письменность. – Киев, 1909. – 487 с. – Т. 1.
83. Довнар-Запольский М.В. История русского народного хозяйства. – Т. 1. – Киев, 1911. – 496 с.
84. Довнар-Запольский М.В. На заре крестьянской свободы. Публичные чтения о крепостном праве накануне раскрепощения и краткий ход реформ. – Киев, 1911. – 238 с.
85. Довнар-Запольский М.В. Обзор новейшей русской истории. – Т. 1. (Конец XVIII – I четв. XIX вв. – Киев, 1912. – 427 с.
86. Довнар-Запольский М.В. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XI столетия. – Киев, 1891. – 170 с.
87. Довнар-Запольский М.В. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в. – Киев, 1905. – 167 с.
88. Довнар-Запольский М.В. Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 г. Исторический очерк. – М., 1897. – 28 с.
89. Довнар-Запольский М.В. Спорные вопросы по истории Литовско-Русского сейма. – СПб., 1904. – 47 с.
90. Довнар-Запольский М.В. Старинные описи Литовской Метрики. – СПб., 1901. – 9 с.
91. Документы Московского архива Министерства юстиции. – Т. 1. – М., 1897. – 24, 570 с.
92. Документы, объясняющие историю Западнорусского края и его отношение к России и Польше. – СПб, 1865. – 208, 638 с.
93. Дорошенко Д. Белорусы и их национальное возрождение в XV в. – Киев, 1908. – 32 с.
94. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении; под общей ред. П.П. Семенова. Т. 3. Ч. 1. Литовское Полесье. Ч. 2. Белорусское Полесье. – СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1882. – 486 с. с илл.
95. Жукович П.Н. Борьба против унии на современных ей литовско-польских сеймах (1595–1660 гг.). – СПб., 1897. – 133 с.
96. Жукович П.Н. Западная Россия в царствование императора Павла // ЖМНП. – 1916 – авг. – С. 214–219.
97. Жукович П.Н. Кардинал Гозий и польская церковь его времени. – СПб., 1892. – 542 с.
98. Жукович П.Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией. – Вып. 1–6. – СПб., 1901–1912. – 608 с. + 121 с. + 203 с. + 173 с. + 32 с. + 199 с.
99. Жукович П.Н. Сообщение об архиве западнорусских униатских митрополитов. – Пг., 1915. – 17 с.
100. Жукович П.Н. Управление и суд Западной России в царствование Екатерины II // ЖМНП. – 1914. – № 2. – С. 5–17.

101. Забелин И.Е. Список и указатель трудов, исследований и материалов, напечатанных в повременных изданиях имп. ОИДР при Московском ун-те, за 1815–1888. – М., 1889, I, XXXIII, 341, 376, 162.
102. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1802 г. академиком В. Севергиным. – СПб.: Академия наук. – 1803. – 225 с.
103. Захарьин И.Н. Воспоминания о Белоруссии. – СПб., 1884. – 95 с.
104. Зеленский И. Минская губерния: (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба). – Ч. 1–2. – СПб., 1864. – 672с. + 701 с.
105. Зубарев И.И. Прошлое и настоящее русских архивов: (Краткий исторический очерк). – СПб., 1911. – 214 с.
106. Зонненберг Х. История города Брест-Литовска. 1016–1907. По достоверным источникам и правдоподобным умозаключениям. – Варшава, 1908. – 104 с.
107. Зянкевіч Р. Адам Гоноры Кіркор. – Вильня, 1911. – 17 с.
108. Ивановский П. Государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев. Биографический очерк. – СПб., 1871. – 102 с.
109. Известия IV Археологического съезда. – Казань, 1878. – 463 с.
110. Иконников В.С. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Университета св. Владимира (1834–1884). – Киев, 1884. – 683 с.
111. Иконников В.С. Императрица Екатерина II как историк. – Киев, 1911. – 212 с.
112. Иконников В.С. О польском отделении вещей, памятников и потретов, перевезенных в Румянцевский музей в 39 томах и опись их // Вестник Западной России (ВЗР). – 1868. – № 2. – С. 201–231.
113. Иконников В.С. Опыт русской историографии. – Т. 2. – Кн. 1–2. – Киев, 1908. – 642 с. + 673 с.
114. Иловайский Д.И. История России. – Т. 2. Московско-литовский период или собиратели Руси. – М., 1884. – 567 с.
115. Императорская Публичная библиотека за сто лет. – СПб., 1914. – 503 с.
116. Иосиф (Семашко). Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Академией наук по завещанию автора. – СПб., 1883. – 745 с. + 786 с. + 1402 стлб. – Т. 1–3.
117. Историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии. – Минск, 1870. – 436 с.
118. Историко-статистические очерки Виленской губернии. – Вильно: Изд. Виленского стат. комитета, 1852. – 224 с.
119. Исторический очерк Минской губернии. (Из газеты «Минское слово»). – Минск, 1907. – 32 с.
120. Исторические и статистические известия о прежней Польше // Вестник Европы. – 1807. – № 9. – С. 229–233.

Список использованных источников

121. Калайдович К. Жизнь Николая Николаевича Бантыш-Каменского. – М., 1818. – 96 с.
122. Калайдович К.Ф. О белорусском наречии // Труды общества любителей российской словесности при Московском университете. – Ч. 1. – М., 1822. – С. 66–80.
123. Карпов Г.Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508. – Ч. 1–2. – М., 1867. – 140 с. + 152 с.
124. Карский Е.Ф. Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности. – Варшава, 1903. – 466 с. – Т. 1. Карский Е.Ф. Белорусы. – Т. 2. Язык белорусского племени. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. – Варшава, 1908. – 579 с.
125. Карский Е.Ф. Белорусы. – Т. 2. Вып. 2 Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии. – Варшава, 1911. – 408 с. Карский Е.Ф. Белорусы. – Т. 2. Вып. 3. Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки. – Варшава, 1912. – 347 с.
126. Карский Е.Ф. Белорусы. – Т. 3. Вып. 1. Народная поэзия. – М., 1916. – 14, 557 с.
127. Карский Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени. – Пг., 1917. – 32 с.
128. Каталог журнала «Вестник Европы» за двадцать пять лет. 1866–1890 гг. Ред. М.М. Стасюлевич. – СПб., 1891. – 96 с.
129. Катков М.Н. 1863 г. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». – Вып. 1–2. – М., 1887. – 662 с. + 6.663.
130. Кеппен Ф. П. Биография П.И.Кеппена // Сб. ОРЯС имп. Академии Наук. – 1911. – Т. 98. – № 5. – С. 1–170.
131. Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества, унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. – Вильно, 1885. – 236 с.
132. Киркор А. Краткое обозрение ученой деятельности по части статистики в Литовском крае и в особенности в Виленской губернии // Сборник историко-статистических материалов по Виленской губернии. – Ч. 1. – Вильно, 1863. – С. 1–22.
133. Киркор А. Очерк городов Виленской губернии // П.К.Виленской губернии на 1851 г. – Ч. 2. – Вильно, 1851. – С. 1–61.
134. Клименко Ф. В. Западно-русские цехи XVII–XVIII вв. – Киев, 1914. – 166 с.
135. Кампенгаузен. Замечания о Белоруссии // Журнал новейших путешествий. – 1810. – № 1. – С. 79–95.
136. Кони А.Ф., Бобровский П.О. (1905) // Кони А.Ф. Очерки и воспоминания. – СПб., 1906. – С. 783–788.
137. Корева А. Виленская губерния. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба). – СПб., 1861. – 804 с.

138. Корнилов И.П. К вопросу об издании народного журнала в Северо-Западном крае. – Б.м., 1868. – 25 с.
139. Корнилов И.П. К истории Виленского учебного округа. Памяти гр. М.Н. Муравьева. – СПб., 1890. – 240 с.
140. Корнилов И.П. Путевые заметки. – Витебск, 1895. – 50 с.
141. Корнилов И. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа, преимущественно в Муравьевскую эпоху. – СПб., 1901. – 103 с.
142. Костомаров Н.И. Лекции г. Кояловича по истории Западной России // Голос. – 1864. – № 188 (30 апр.). – С.1–2.
143. Котомаров Н.И. О причинах и характере унии в Западной России. – Харьков, 1842. – 119 с.
144. Коялович М.О. Верноподданничество поляков Западной России // День. – 1863. – № 39. – С. 89–98.
145. Коялович М.О. Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к документам, объясняющим историю Западнорусского края и его отношения к России и Польше. – СПб., 1855. – 203 с., с илл.
146. Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. – СПб., 1873. – 40 с.
147. Коялович М.О. Лекции по истории Западной России. – М., 1864. – 348 с.
148. Коялович М.О. Литовская церковная уния. Исследования. – СПб., 1859–1861. – 316 с. + 443 с. – Т. 1–2.
149. Коялович М.О. Об этнографической границе между Западной Россией и Польшей // Русский инвалид. – 1864. – № 18. – С. 51–59.
150. Коялович М.О. Народное движение в Западной России. – СПб., 1863. – 16 с.
151. Коялович М.О. Несколько слов о народном движении в Белоруссии // День. – 1863. – № 18. – С. 51–62.
152. Коялович М.О. Прежние воззрения польского писателя Крашевского на бывшее Великое княжество Литовское, т.е. западную Россию // ЖМНП. – 1884. – Ч. ССХХ. – С. 72–91.
153. Коялович М.О. Продолжение списка православных западнорусских братств // День. – 1864. – № 5, 8. – С. 10–14.
154. Коялович М.О. Чтения по истории Западной России профессора М. Кояловича. Новое изд., переработанное и дополненное с 1-го изд. 1864 г. – 349 с.
155. Крамаренко М. Западнорусские церковные братства, их происхождение и значение. – Киев, 1913. – 141 с.
156. Красинский В.Г. Город Мстиславль. – Вильно, 1912. – 99 с.
157. Краткое историческое описание городов Гродненской губернии // Памятная книжка Гродненской губернии на 1860 г. – Ч. 3. – Гродно, 1860. – С. I – XXXIII.

Список использованных источников

158. Крачковский Ю.Ф. Быт западнорусского селянина. – М.: ОИДР, 1874. – 212 с.
159. Крачковский Ю.Ф. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования 1803-1832 гг. Отдел первый. 1803-1832 гг. – Вильно, 1903. – 565 с.
160. Крачковский Ю.Ф. Памяти Помпея Николаевича Батюшкова. – Вильно, 1892. – 34 с.
161. Крачковский Ю.Ф. Пятидесятилетие воссоединения униатов. – Вильно, 1893. – 49 с.
162. Крачковский Ю.Ф. Старая Вильно до конца XV столетия. – Вильно, 1893. – 63 с.
163. Крашевский И. Пинск и его окрестности. Из записок И. Крашевского. С польского пер. В.Р. // Сын Отечества. – 1837. – С.194 – 219.
164. Кропотков Д.А. Жизнь графа М.Н.Муравьева в связи с событиями его времени. – СПб., 1874. – 328 с.
165. Крыжановский Е. Учебные заведения в русских областях Польши в период ее разделов // Киевская Старина. – 1882 – февраль – март. – С. 67–81.
166. Крылевский А.С. Систематический каталог книг библиотеки Киевской Духовной академии (бывшей Полоцкой униатской библиотеки). – Киев, 1906. – 304 с.
167. Кукольник П.В. Исторические заметки о Литве. – Вильно, 1884. – 245 с.
168. Курдюмов М.Г. Описание актов, хранящихся в архиве Археографической комиссии // ЛЗАК за 1916 г. – 1923. – Вып. 10. – С. 1–333.
169. Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория // 1569–1586. Опыт исследования политического и общественного строя. – СПб., 1901. – 760 с. – Т. 1.
170. Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский совет и его сеймик. – Юрьев, 1911. – 624, 191 с.
171. Лаппо И.И. Витебский Центральный архив и его издания // ЖМНП. – 1904 – май. – С. 55–82.
172. Лебедин М. О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи // Зап. РГО. – 1861. – Кн. 3. – Отд. 2. – С. 130–160.
173. Леонтович Ф. И. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве. – Вып. 1–3. – СПб., 1897. – 321 с. + 136 с. + 68 с.
174. Литовские епархиальные ведомости. – 1891.
175. Любавский М.К. Областное деление и местное управление литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута. Исторические очерки. – М., 1892. – 998 с.

176. Любавский М.К. Литовско-Русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. – М.: ОИДР, 1906. – 850, 232, 72 с.
177. Любавский М.К. Основные моменты истории Белоруссии. – М., 1918 – 23 с.
178. Любавский М.К. Отзыв на труд М.В. Довнар-Запольского. Очерки по организации Западно-русского крестьянства в XVI в. – Киев, 1905 // Отзыв о 3-м присуждении премии П.Н. Батюшкова. – СПб., 1907. – С. 5–54.
179. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – М., 1910. – 376 с.
180. Любавский М.К. Разбор сочинения М. Довнар-Запольского. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. – Киев, 1901 // Отчет о присуждении премий П.Н.Батюшкова. – СПб., 1904. – С. 31–39.
181. Лялин В.А. Виленский центральный архив // Сборник археологического общества. – 1878. – Кн. 1. – Отд. 1. – С. 22–38.
182. Лялин В.А. Витебский архив бывшего генерал-губернатора. – СПб., 1880. – 40 с.
183. Лялин В.А. Витебский центральный архив. – СПб., 1880. – 28 с.
184. Максимейко Н.А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569. – Харьков, 1902. – 164. 206 с.
185. Малышевский И.И. Западная Русь в борьбе за веру и народность. – 4-е изд. – М., 503 с.
186. Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Вилейской губернии. – Витебск: Изд. А. Сапунова и В. Друцкого-Люберецкого, 1896. – 264, 144 с.
187. Маслакович Н.Г. Смородский А.П. (1858–1910). – Вильно, 1911. – 10 с.
188. Мельников М. Каталог дел Архива Витебской ученой архивной комиссии. – Витебск, 1912. – 22 с.
189. Миловидов А. Архив упраздненного Пинского Лещинского монастыря. – М., 1900. – 33 с.
190. Миловидов А. Виленский центральный архив (1862–1902) // Виленский календарь на 1913 г. – Вильно, 1913. – С. 139–147.
191. Миловидов А.И. Первая русская газета в Северо-Западном крае («Виленский вестник»). – М., 1902. – 24 с.
192. Миловидов А.И. Прошлое и современное положение археографии в Северо-Западном крае // ЖМНП. – 1904. – № 9. – Отд. 4. – С.1-20.
193. Миловидов А.И. Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки: Его история и состав. – Вильно, 1910. – 34 с.
194. Миловидов А.И. Пятидесятилетие «Виленского вестника» русской редакции: (Историко – библиографический очерк). – Вильно, 1914. – 52с.
195. Миловидов А.И. Русский календарь в Северо-Западном крае, его история и значение. – Вильно, 1908. – 3 с.

Список использованных источников

196. Минская старина: Труды Минского церковного историко-археологического комитета. – Вып. 1–4. – Мн., 1909–1912. – 143 с. + 102 с. + 107 с. + 98 с.
197. Могилевская епархия: Историко-статистическое описание. – Т.1. – Вып. 1-3. – Могилев: Ист.-статист. ком-т при МДС. – 1905–1910 (137 с. + 362 с. + 194 с.).
198. Могилевская старина. Сб. статей «Могилевских губернских ведомостей» под ред. Е.Р. Романовва. – Вып. 1–3. – Могилев на Днепре, 1900–1901–1903. – 8 с. + 158 с. + 127 с.
199. Морошкин Д.Л. Иезуиты в России. – СПб., 1861. – 491 с. – Т. II.
200. Московские ведомости. – 1864.
201. Мосолов А.Н. Виленские очерки. 1863-1865 гг. (Муравьевское время). – СПб., 1898. – 253 с.
202. Муравьев М.Н. Из бумаг М.Н. Муравьева-Виленского. (Всеподданнейшая записка о нравственном положении Могилевской губернии и способах сближения оной с Российской империей, 1830) // Русский архив. – 1898. – Вып. 8. – С. 499–512.
203. Муравьев М.Н. Четыре политические записки 1830, 1831, 1864, 1865 гг. // РА. – 1885. – № 6. – С. 161–199.
204. Муханов П.А. Сборник Муханова. – М., 1836. – 311 с.
205. Нарбут Ф. О русской летописи в Литве, названной «хроника Быховца». (Перевел с польского И.Г.Боричевский) // ЖМНП. – 1838. – Ч. 19. – № 8. – С. 109–114.
206. Н.Г. Записка о евреях в Западном крае России. Третье доп. изд. – М., 1862. – 208 с.
207. Николай (архим). Историко-статистическое описание Минской епархии. – СПб., 1864. – 315 с.
208. Никотин И.А. Из Записок И.А. Никотина. – СПб., 1905. – 260 с.
209. Никотин И.А. Столетний период (1772–1872) русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях (1649–1876). – Вильно, 1886. – 381 с. – Т. 1–2.
210. Новина Антон. Белорусы. (Очерк национального движения). – СПб., 1909. – 15 с.
211. Обзорение исторических сведений о составлении свода местных законов западных губерний. Взято из актов, хранящихся во II Отделении с.е.и.в. канцелярии. – СПб., 1837. – 96 с.
212. Описание Архива западнорусских униатских митрополитов. – Вильно, 1897–1907. – 502 с.+ 1631 с. – Т. 1–2.
213. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. – Кн. 1–21. – М., 1869–1921.
214. Озеров Н.А. «Могилевские губернские ведомости» за 1838–1844 гг. – Могилев, 1906. – 28 с.
215. Орловский Е.Ф. Гродненская старина. – Ч. 1. Город Гродно. – Гродно, 1910. – 344 с.

216. Орловский Е.Ф. Памяти М.О. Каяловича // Литовские епархиальные ведомости. – 1891. – № 35. – С. 12–17.
217. Орловский Е.Ф. Свислочь-Волковысская (Ист. очерк). – Гродно, 1895. – 40 с.
218. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: В 3 кн. Кн. 1–3. – Могилев на Днепре, 1882–1884. – 784 с. + 1002 с. + 329 с.
219. Отчет Смоленской ученой архивной комиссии за первый год ее существования. (3 апреля 1908 – 3 апреля 1909). – Смоленск, 1910. – 34 с.
220. Очерки мятежного движения в Могилевской губернии в 1863 г. : В 2 ч. Ч. 1–2. – Вильно, 1865. – 166 с. + 29 с.
221. Паевский Л. Наши провинциальные архивы и их значение для Западно-русского края. – Гродно, 1894. – 46 с.
222. Пальмов И. Записка об ученых трудах профессора П.Н. Жуковича // Известия РАН. – 1919. – Т. 13. – № 1. – С. 6-7.
223. Пальмов Я.С. (Подпись И.П.). Памяти М.О.Кояловича // Славянские известия. – 1891. – №N 50. – 15 дек.
224. Памяти И.Ф. Головацкого. – Вильно, 1888. – 16 с.
225. Папков А.А. Братства. Очерк истории западнорусских православных братств. – СПб., 64, 291 с.
226. Пенкина З.А. Полесье. Библиографические материалы по истории, географии, статистике, этнографии и экономическому состоянию Полесья. (Северо-Западный и Юго-Западный край вообще и губернии: Минская, Гродненская, Волынская, Киевская и Могилевская в частности). – СПб., 1883. – 275 с.
227. Перевозчиков В.М. Роспись книгам и рукописям имп. Российской Академии. – СПб., 1840. – 443 с.
228. Пичета В.И. Аграрные реформы Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. – М., 1915–1917. – 463 с. + 302 с. – Т. 1–2.
229. Пичета В.И. О книге Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI в. Литовско-русский повет и его сеймик. – Юрьев, 1911 // Русская мысль. – 1911. – № 11. – Отд. 2. – С. 235–236.
230. Плавский К.А. Минск, его прошлое и настоящее. Очерк. – Минск, 1892. – 127 с.
231. Погодин А.Л. Главные течения польской политической мысли. (1803–1907). – СПб., 1907. – 383 с.
232. Погодин А.Л. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа. (1803–1832). – Вильно, 1908. – 142 с.
233. Погодин М.Н. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний 1831–1867. – М., 1867. – 240 с.
234. Подберезкий Р. Очерки Белоруссии // ЖМВД. – 1845. – Ч. 9. – Кн. 1. – С. 63–93.

Список использованных источников

235. Подвысоцкий П.Н. Западнорусские политические сочинения по вопросу о восстановлении православной иерархии в Западной Руси в 1620 г. – Могилев, 1915. – 111 с.
236. Полевой Н. Записки о жизни Зориана Даленга-Ходоковского // Сын Отечества. – 1839. – Т. 8. – Отд. 6. – С. 89–90.
237. Полоцко-Витебская старина: Издание Витебской ученой архивной комиссии. – Вып. 2–3. – Витебск, 1910. – 231 с. + 302 с.
238. Попов Р.С. Белоруссия и белорусы. – М., 1879. – 187 с.
239. Порай-Кошиц И.А. Исторический рассказ о литовском дворянстве. – СПб., 1858. – 177 с.
240. Пташицкий С.Л. Описание книг и актов Литовской Метрики. – СПб., 1887. – 280 с.
241. Пташицкий С.Л. Щорсовская библиотека. – М., 1889. – 21 с.
242. Пятидесятилетие Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. 1864–17.IV.1914. Юбилейная записка. – Вильно, 1914. – 47 с.
243. Пятидесятилетие службы Ивана Яковлевича Спрогиса. – Вильно, 1914. – 42 с.
244. Пыпин А.Н. З. Доленга-Ходаковский. Биографический очерк // Вестник Европы. – 1866. – № 11. – С. 305–357.
245. Пыпин Л.Н. История русской этнографии. – СПб., 1892. – Т. 4. Белоруссия и Сибирь. – 488 с.
246. Радзишевский Е.И. Историческое описание города Гродно. – Гродно, 1860. – 30 с.
247. Ратч В.Ф. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России. Собрал В. Ратч. – Вильно, 1867–1868. – 678 с. + 622 с. – Т. 1–2.
248. Рязанов В.А. Из истории русской драмы. Школьные действия в 17-18 вв. Театр иезуитов. – М., 1910. – 263 с.
249. Родосский А.С. Описание 43 рукописей, принадлежавших С.-Петербургской Духовной Академии. – СП., 1893. – 207 с.
250. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения (1802–1902). – СПб., 1902. – 493 с.
251. Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII – XIX вв. – СПб., 1912. – 683 с. – Т. 1.
252. Романов Е.Р. Материалы по исторической топографии Витебской губернии. – Могилев, 1898. – 252 с.
253. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей; под ред. В.П. Семенова и под общим руководством П.П. Семенова и ак. В.И. Ламанского. – Т. 8. Верхнее Поднепренье и Белоруссия; сост. В.П. Семенов, М.В. Довнар-Запольский, Д.З. Шендрик и др. – СПб.: изд. А.Д. Девриена, 1905. – 620 с., с илл.
254. Рубинштейн С.Ф. Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии

- за 240 лет с 1652 по 1892 гг. Составил и издал С.Ф. Рубинштейн. – Вильно, 1894. – 918 с.
255. Рункевич С. История Минской архиепископии (1792–1832). – Спб., 1893. – 71 с.
256. Русский архив, издаваемый П. Бартевым. Содержание его книжек. Предметная роспись. – М., 1908. – 166 с.
257. Русский биографический словарь. О. – Спб., 1905. – 843 с.
258. Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России. – Спб., 1882–1903. – 376 с. + 259 с. + 260 с. – Т. 1–3.
259. Ручной словарь или краткое содержание польских и литовских законов, служащих руководством в судебных тяжбах всякого рода, собранных для употребления в присутственных местах и для пользы частных обывателей, коронных и литовских провинций. Пер с польского. – Спб., 1810. – 382 с.
260. Самоквасов Д. Архивное дело в России. – Т. 1. – М., 1902. – 131, 38 с.
261. Сапунов А.П. Архив Полоцкой духовной консистории. – М., 1898. – 103 с.
262. Сапунов А.П. Архивы в городах Могилевской губернии и Минске. – М., 1902. – 14 с.
263. Сапунов А.П. Белоруссия и белорусы. (Читано в заседании ученой архивной комиссии 26 сентября). – Витебск, 1910. – 21 с.
264. Сапунов А.П. Витебская старина. – Т. 1, 4, 5. – Витебск, 1880–1888. – 24, 669 с. + 768 с. + 6 50 с.
265. Сапунов А.П. Заметки о коллегии и академии иезуитов в Полоцке. – Витебск, 1890. – 34 с.
266. Сапунов А.П. Инфлянты, исторические судьбы края, известного под именем польских инфлянт. – Витебск, 1886. – 143 с.
267. Сапунов А.П. Исторические отношения Руси и Белой и Великой // П.К. Витебской губ. на 1898 г. (прилож). – Витебск, 1898. – С. 1–20.
268. Сапунов А.П. Исторический очерк 50-летия Витебского губернского статистического комитета (22 сент. 1863 – 22 сент. 1913 гг.). – Витебск, 1913. – 37 с.
269. Сапунов А.П. Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии. – Витебск, 1903. – 96 с.
270. Сапунов А.П. Польско-литовское и русское законодательство о евреях. – Витебск, 1884. – 103 с.
271. Сапунов А.П. Река Западная Двина. Историко-географический обзор. – Витебск, 1893. – 512, 72 с.
272. Сапунов А.П. Университет в Полоцке. – Витебск, 1908. – 21 с.
273. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности. (Из исторических материалов, помещенных в «Веснике Западной России» и по другим печатным источникам). – Вып. 1–2. – Вильно, 1865–1866. – 132 с. + 282 с.

Список использованных источников

274. Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. Изд. Д. У. Валуева. – М., 1845. – 24. 7, 310, 195 с. – Т. 1.
275. Сборник материалов по истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения. – СПб., 1893–1902. – 60, 896, 143 с.+ 96+ 1066а + 127. 1086, 200 с. + 133 + 432 с. – Т. 1–4.
276. Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. – Т. 2. – Пг., 1917. – 342 с.
277. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной. России. Составил и издал С. Шелкович. – Вильно, 1867. – 413 с.
278. Свяцицкий І. Відродження білоруського письменства. – Львів, 1908. – 58 с.
279. Северо-Западный край империи в прежнем и настоящем виде // ЖМВД. – 1843. – Ч. 1. – № 2. – С. 207–241; № 3. – С. 382–449.
280. Сементовский А.М. Белорусские древности. Вып. 1. – СПб., 1890. – 137 с.
281. Сементовский А.М. Витебск и уездные города Витебской губернии. – СПб., 1864. – 139 с.
282. Сементовский А.М. Памятники старины Витебской губернии. – СПб., 1867. – 74 с.
283. Середонин С.М. Разбор исследования И.И. Лаппо. Великое княжество Литовское от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория. (1569-1686). Опыт исследования политического и общественного строя. Т. 1. – СПб., 1901 // Чтения в ОИДР. – 1905. – Кн. 1. – Отд.5. – С. 1–29.
284. Сестренцевич Ст. Дневник Сестренцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России. – Ч. 1–5. – СПб., 1913. – Пг., 1917. – 185 с. + 281 с.+ 308, 371 с.+ 472 с.
285. Сестренцевич Б.С. Исторические разыскания о происхождении славян или эскавинов и сарматов. – СПб, 1824. – 109 с.
286. Скрынченко Д.В. Трагедия белорусского народа. – Мн., 1908. – 18 с.
287. Слезкин Н.Ф. Из архивных дел Витебского губернского правления. – Витебск., 1910. – 13 с.
288. Слизов И. Иезуиты в Литве // Русский вестник. – 1875. – № 3. – С. 550–599.
289. Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений (с 1387 по 1710 гг.), изданное Виленскою археологическою комиссией под ред. М.Круповича. – Ч. 1. – Вильно, 1858. – 164 с.
290. Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Ковны, Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам. – Ч. 1–2. – Вильно, 1843. – 94, 194 с. + 208 с.
291. Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей по разным предметам. – Минск, 1848. – 48, 402 с.

292. Соловьев С.М. Уния, казачество, раскол. (О кн. М.О. Кояловича. Литовская церковная уния. – Т. 1–2. – СПб., 1859–1861) // Атеней. – 1859. – № 8. – С. 393–403.
293. Смородский А.П. Столетие Минской губернии 1793–1893. (Историко-статистическая справка). – Минск, 1893. – 90 с.
294. Смоленская старина. Издание Смоленской ученой архивной комиссии. – Смоленск, 1909. – 401 с.
295. Сничаков Л.А. Православие и римское католичество на западной окраине России. – М.: ОИДР, 1872. – 28 с.
296. Спрогис И.Я. Виленские архивы – правительственные, общественные и другие. – Вильно, 1902. – 14 с.
297. Спрогис И.Я. Виленский центральный архив древних актовых книг. – Вильно, 1901. – 8 с.
298. Спрогис И.Я. Из воспоминаний об И.П. Корнилова // Зап. Северо-Западного отдела имп. РГО. – Кн. 2. – Вильно, 1911. – С. 263–275.
299. Срезневский И.И. Славянорусская палеография. XI–XVI вв. Лекции, читанные в С.-Петербургском университете в 1865–1880 гг. – СПб., 1885. – 163 с.
300. Столярский Н.П. Девять губерний Западно-русского края в топографическом, геогностическом, статистическом и историческом отношении. – СПб, 1866. – 200 с.
301. Стукалич В.К. Белоруссия и Литва: Очерки по истории городов в Белоруссии. – Витебск, 1894. – 23, 62 с.
302. Стукалич В.К. А.П.Сапунов. К 25-летию его ученой и литературной деятельности. – Витебск, 1905. – 19 с.
303. Сушицкий Ф. П. Західньо – руські літописи як пам'ятка літератури. Упорядкував та друку виготовив О.А. Лазаревський. – Київ, 1829. – 404 с.
304. Сушицкий Ф. П. Из лекций по литературе Южной и Западной Руси XV – XVIII вв., читанных на высших и вечерних женских курсах в г. Киеве в весеннем семестре 1914/1915 уч. г. Очерк 1. О западнорусских летописях. – Київ., 1915. – 46 с.
305. Сыракомля В.Л. Хроника города Минска. Исторический очерк города Минска. – Вильно, 1869. – 32 с.
306. Съезд преподавателей русского языка и истории средних учебных заведений Виленского учебного округа, происходивший в Вильно в марте 1907. (Журнал заседаний). – Вильно, 1907. – 39 с., 146 с.
307. Титов Ф. И. Русская православная церковь в Польско-Литовском государстве в XVII – XVIII вв. (1654–1795 гг.). Опыт церковно-исторического исследования. – Т. 1–3. – Киев, 1905–1906. – 394 с. + 275с.
308. Тихонов П.Н. Каталог российских рукописных книг, находящихся в библиотеке Софийского собора. – СПб., 1880. – 107 с.
309. Товаров А.В. Историко-статистическая справочная книга Минской епархии. Историко – статистический обзор городов, церквей и приходов Минской епархии. – Минск, 1905. – 202 с.

Список использованных источников

310. Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Ист. исследование. – Т. 1–2. – СПб.: Изд. А.Ф. Демакова, 1876–1877. – 508 с. + 438, 139 с.
311. Топографические примечания на знатнейшие места путешествия ее имп. величества в Белорусские наместничества. – СПб.: Имп. Академия Наук. – 133 с.
312. 30-летний юбилей проф. П.Н. Жуковича // Церковный вестник. – 1911. – № 36. – С. 1115–1117.
313. Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующим им установлений. 6–8 мая 1914 г. СПб., 1914. – 311 с.
314. Турук Ф. Униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский (1613-1617) и его значение в истории униатской Западной русской церкви. – Пг., 1916. – 41 с.
315. Турцевич А. Краткий исторический очерк Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. 1864–1906 гг. – Вильно, 1906. – 66 с.
316. Турцевич А.О. Краткий учебник русской истории. – Вильно, 1903. – 90 с. – (9-е изд. вышло в 1914 г.).
317. Турцевич А.О. Русская история в связи с историей Великого княжества Литовского. Курс 3 класса гимназий и реальных училищ. – Вильно, 1894. – 147 с. – (13-е изд. вышло в 1911 г.).
318. Турцевич А.О. Русские крестьяне под владычеством Литвы и Польши. Краткий исторический очерк. – Вильно, 1911. – 73 с.
319. Турцевич А.О. Хрестоматия по истории Западной России. Учебное пособие для учеников старших классов средних учебных заведений. – Вильно, 1892. – 776 с.
320. Турчинович О.В. Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен. – СПб., 1857. – 303 с.
321. Устрялов Н.Г. Русская история. Издание пятое исправленное и дополненное с историческим обзорением царствования государя императора Николая I. – Ч. 1–2. – СПб., 1855. – 4460 с. + 600 с.
322. Федор Яковлевич Миркович, 1798–1831 гг. Его жизнеописание, составленное по собственным запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. – СПб., 1889. – III, 424 с.
323. Флеров И.И. О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в Юго-Западной России в XVI, XVII, XVIII столетиях. – СПб., изд. Н.Г. Овсянникова, 1857. – 200 с.
324. Харлампович К.В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в., отношение их к инословным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты веры и церкви. – Казань, 1898. – 525, 54 с.
325. Ходаковский З. Пути сообщения в древней России // Русский исторический сборник. – Т. 1. – Кн. 1. – М., 1837. – С. 1–60.
326. Хронологическая опись исторических документов Несвижского архива, составленная в 1862 г. // ЛЗАК за четыре г. – 1871. – Вып. 5. – Отд. 3. – С. 1–80.

327. Цылов Н. Сборник распоряжений гр. М.Н.Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-западных губерниях. 1863-1864 гг. – Вильно, 1866. – 243 с.
328. Чистович М. Очерк истории Западно-русской церкви. – Ч. 1–2. – СПб., 1882–1884. – 220 с. + 419 с.
329. Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. – СПб., 1889. – 63 с.
330. Шахматов А.А. Записки о западнорусских летописях // ЛЗАК. – 1901. – Вып. 13. – С. 39–49.
331. Шверубович А.М. Братья Кукольники. Очерки их жизни. – Вильно, 1885. – 54 с.
332. Шолкович С.В. (о нем с перечнем его работ) // Ист. вестник. – 1889. – Т. 38. – С. 125–126.
333. Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. – СПб., 1858. – 242 с.
334. Щебальский П.К. Рассказы о Западной Руси. – М., 1864. – 102 с.
335. Щербицкий О.В. Судьбы православия и русской народности в бывшем Литовском государстве и в частности в Вильне. – Вильно, 1892. – 26 с.
336. Энгель А.М. Описание дел, хранящихся в архиве Виленского генерал-губернаторства. – Вильно, 1869–1870. – 384 с. + 599 с. + 404 с. – Т. 1–2.
337. Эрнст М. Библиотека гр. Хрептовича. К передаче ее университету св. Владимира // Русский библиограф. – 1914. – № 1. – С. 32–46.
338. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1897. – 867 с. – Т. XX.
339. Юницкий Н. Фундуши и стипендии Виленского учебного округа. – Ч. 1. – Вып. 1. – Вильно, 1884. – 208 с.
340. Янчук Н.А. А.К. Киркор. Краткий очерк жизни и деятельности. – М., 1888. – 29 с.
341. Янчук Н.А. А.Киркор, ученый исследователь Литвы и Белоруссии. (Некролог, читанный в заседании Московского археологического общества.) – Киев, 1887. – 17 с.
342. Ясинский А.Н. Обзор последних изданий Виленской Археографической комиссии. (Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссией.) – 18 (Вильно, 1880–1890 гг.). – Киев. 1893. – 36 с. Т. 11.
343. Ястребов М. Иезуиты и их педагогическая деятельность в Польше и Литве // Труды Киевской Духовной Академии (КДА). – Киев, 1869. – № 2. – С. 260–294.

1. Baliński M. Studia Historyczne Michała Balińskiego. – Wilno.: Nakl. Druk. J. Zawadzkiego, 1856. – 367 s.

Список использованных источников

2. Baliński M. Pisma historyczne, T. 1–3. – W-wa.: Sennewald, 1843. – 320 s. + 215 s. + 190 s.
3. Bieliński J. Uniwersitet Wileński (1579 – 1831) : T. 1 – 3. – Kraków. Druk. Anzczyca i Spółki, 1899 – 1900. – 485 s. + 645 s. + 734 s.
4. Brensztein M. Informator o towarzystwach naukowych, oświatowych, artystyczno-popularnych, filantropijnych, wzajemnej pomocy, sportowych o klubach na Litwie a Rusi Białej. – Wilno.: Zawadski, 1914 – VIII. – 315 s.
5. Brukner A. Dzieje kultury polskiej. – Tom trzeci. – Kraków, 1881. – 707 s.
6. Waga Teodor. Historia ksiąząt i Królów Polskich, kratko zebrana, dla lepszego użytku znacznie przerobiona i pomnożona. – Wilno.: J. Zawadski, 1824. – 382 s.
7. Dogiel Maciej. Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplis authenticis descripti: – Vilnae (Wilno), in Typographia Reiplica Collegii Vilmensis Scholarium Piarum, Cum fakultate et Privilegia in Lucem Editi: Anno. – 1758. – 4 (7), 225 p.
8. Danilowicz Jgnacy. Letopisiec Litwy i kronika Ruska z rękopisu słowiańskiego przepisanej: wypisami z wremenika Sofijskiego pomnożone przypisami i obiasnieniami, dla czytelników polskich potrzebnymi opatrzone: staraniem i pracą Jgnacego Danilowicza profesora zвычайnego w Uniwersytecie Charkowskim. – Wilno.: Druk A. Marcinowskiego 1827. – 328 s.
9. Załęski Br. Żywot księcia Adama Jerzego Czartoryskiego.. – T. 1. – Poznan, 1881. – 492 s.
10. Czacki T. Dzieła Tadeusza Czackiego. – T. 1. – Poznan: Lukaszewicz, 1844 – V. – 341 s.
11. Czacki T. O litewskich i polskich prawach o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy 1529 roku wydanym. – Tt. 1 – 2. – Kraków, 1861. – 349 s. + 352 s.
12. Chmielowski P. Tadeusz Czacki. – Petersdurg : Grendyszynski, 1898. – 119 s.
13. Jaroszewicz Jozef. Obraz Litwy pod względem Jej cywilizacyi od czasów naidawniejszych do końca wieku XVIII. – T. 1–3. – Wilno. : Rafalowicz, 1844–1846. – 240 s.
14. Kotlubaj Edw. Życie Janusza Radziwilla s panstwa Rzymskiego na Birzach i Dubinkach.. – Wilno i Witebsk, 1859. – 458 s.
15. Kajałowicz, Wijuk, Wojciech. Historiae Lituanae Pars prior : de rebus Lituano- rum Ante susceptam Christianam Religionem, conjunctionemque Magni Lituaniae Dukatus cum Regno Poloniae, libri novem Auctore P. Alberto Wijuk Kojalowicz. Soc. Jesu – Dantisci (Gdansk), sumptibus Georgii Forsteri. – 1650. – 399 p.
16. Kraśzewski Jozef Jgn. Polska w czasie trzech rozbiorow 1772–1795. Studia do historyi ducha i obyczju. – T. 1, 3. – W-wa, 1902 – 1903. – 424 s. + 563 s.
17. Lelewel J. Badania starożytnosci wo względzie geografii. Część naukowa. – W-wa.: Druk J. Zawadskiego, 1818. – 519 s.

18. Lelewel J. Rozbiory dziel obejmujących albo dzieje, albo rzeczy Polskie roznymi czasy przez.. ogłoszono w jedną księga zebrane. – Poznan, 1844 – 6. – 431 s.
19. Lucaszewicz J. Historia szkół w Wielkiem Księstwie Litewskiem od naidawniejszych czasów aż do roku 1794: Tt. 1–4. – Poznan.: Żupanski, 1849–1851. – 478 s. + 494 s. + 516 s. + 333 s.
20. Narbutt Teodor. Dzieje starożytnie narodu litewskiego. Tt. 1–9. – Wilno.: Martiniowski, 1835–1841.
 - T. 1. Mitologia litewska. – 1835. – 482 s.
 - T. 2. Sledzenia początkow narodu litewskiego i początki jego dziejów. – 1832. – 578 s.
 - T. 3. Pamiątki i wypadki historyczne od wieku szóstego po wiek trzynasty, tudziej odnoszące sie do Prussyi, Litwy zakonów rycerskich. – 1838. – 608 s.
 - T. 4. 1838. – 628 s. + 84 s.
 - T. 5. Od smierci Gedymina do bitwy nad Worskłą. – 1839. – 625 s. + 51 s.
 - T. 6. Panowanie Witolda w wieku pietnastym. – 1839. – 566 s. + 50 s.
 - T. 7. Panowanie Swidrygelly i Zygmunta. – 1840. – 236 s. + 169 s.
 - T. 8. Panowanie Kazimierza i Alexandra. – 1840. – 492 s. + 48 s.
 - T. 9. Panowanie Zygmunta. – 1841. – 492 s. + 32 s.
21. Narbutt T. Dzieje narodu Litewskiego w krótcosci zebrane. Z dołączeniem potoku pochodzeń narodu litewskiego. – Wilno, 1847. – 405 s.
22. Narbutt T. Pomniejsze pisma historyczne szególne do historyi Litwy odnoszące sie. – Wilno.: T. Gluksberg, 1856. – 302 s.
23. Naruszewicz Ad. St. Historia J. K. Chodkiewicza wojewody Wileńskiego Hetmana Wielkiego W. Ks. L. przez A. Naruszewicza. Tt. 1–2. – W-wa: Lipsk.: Braitkopt i Haertel, 1837. – 1293 s. + 296 s.
24. Naruszewicz A. St. Historia narodu Polskiego od początku chrzescianstwa, Panowanie Piastów. – T. 2–7. – W-wa: w Drukarni J. K. Mci u Rzeczy Pospolitej uprzywileiowanej Krolówskiej 1780 – 1786. – 454 s. + 377 s. +384 s. +492 s. + 362 s.
25. Naruszewicz A. St. Korespondencija Adama Naruszewicza 1768 – 1796. – Wrocław, 1959. – 303 s.
26. Ogiński M. Pamętniki Michala Ogińskiego o Polsce, o polakach od roku 1788 aż do końca roku 1815. T. 1. – Poznan, 1870. – 354 s.
27. Onacewicz Żegota. Panowania Henryka Walezjusza i Stefana Batorego królów Polskich. Wyjęte z rękopisow Albertrandego Biskupa Zenopolitanskiego przez Z. Onacewicza Profesora historyi przy Uniwersytecie Wileńskim. – T. 1–2. – W-wa. : Druk. Zawadskiejoi, 1823. – 321 s. + 272 s. – XLVII s.
28. Pomniki do dziejów Litewskich pod względem historycznym, obyczajowym, archeologicznym etc. – Wilno, 1846. – 406 s.

29. Radziszewski F. Wiadomość historyczna o znakomitych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych w Królestwie Polskim Galicyi w. ks. Poznańskim i zachodnich guberniach państwa Rossyjskiego. – Kraków, 1875. – 201 s.

III. Опубликованные источники новейшего времени (1918–2005 гг.)

1. Абдиралович Игнат. Извечный путь: Опыты белорусского мировоззрения // Неман. – 1989. – С. 162–179.
2. Автобиография Н.И.Костомарова / Под ред В. Котельникова. – М., 1992. – 47 с.
3. Автономова М.И., Светенко А.С. К вопросу об истории формирования и архивного освоения фонда ЛМ // Исследования по истории Литовской Метрики. – Кн. 1. – М.: ИИ СССР АН СССР, 1989. – С. 105–117.
4. Айзенштадт И. Перша дисертацыя Кастомарова. (Бм., бг.). (Отд. оттиск). – С. 21–27.
5. Академик В.И. Пичета. Страницы жизни. – Мн.: БГУ. 1981. – 128 с.
6. Александров В.Б. Исторический источник, историческая реальность и личность историка // Преподавание и изучение историографии, источниковедения отечественной истории. – Тверь, 1992. – С. 51–62.
7. Алексеев Л.В. Белорусская археология и историческое краеведение во второй половине XIX – начала XX в. // СА. – 1968. – № 3. – С. 85–100.
8. Алексеев Л.В. Очерки истории белорусской дореволюционной археологии и краеведения до 60-х гг. XIX в. // СА. – 1967. – № 4. – С. 149–163.
9. Анучин Д.Н. К вопросу о белорусской территории // Курс белорусоведения. – М. 1918–1920. – С. 81–89.
10. Архивы СССР. История и современность. – М.: МГИАИ, 1989. – 163 с.
11. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г. – Мн.: Народная асвета, 1985. – 462 с.
12. Афиани В.Ю. Журнальная археография // Археографический ежегодник. (АЕ) за 1988 год. – М.: Наука, 1989. – С. 15–34.
13. Афиани В.Ю. Журнальная археография и историческая наука первой трети XIX в. // Вопросы источниковедения и историографии досоветского общества. – М., 1979. – С. 127–139.
14. Афиани В.Ю. Комплексные методы изучения журнальных публикаций и источников и некоторые аспекты общественно-исторического сознания русского общества, первой трети XIX в. – М., 1988. – С. 156–157.
15. Афиани В.Ю. Начало журнальной археографии в России в XVIII в. // АЕ за 1987 год. – М.: Наука, 1988. – С. 25–34.

16. Афиана В.Ю. Публикация исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX в. (Опыт историографического изучения): Автореф. ...дис. канд. ист. наук / МГИАИ. – М., 1982. – 20 С.
17. Банк Б.В. Изучение читателей в России (XIX в.). – Книга. 1969. – 262 с.
18. Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. – 1982. – № 12. – С. 49–66.
19. Басевич. Иоахим Лелевель – польский революционер, демократ. ученый. – М.:Соцэкгиз, 1961. – 136 с.
20. Баткин Л.М. Два способа изучения истории культуры // Вопросы истории. – 1986. – № 12. – С. 104–105.
21. Батракова К.П. Віленская археаграфічная камісія // Помнікі гісторыі і культуры. – 1978. – № 1. – С. 27–29.
22. Беларусіка=Albaruthenica: Матэрыялы I міжнароднага кангрэсу беларусістаў (Мінск, май). – Мінск, 1993. – Кн. 1. – 350 с.
23. Беларусіка=Albaruthenica «Фарміраванне і развіццё нацыянальнай свядомасці беларусаў»: (Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, якая адбылася ў Маладзечне 19–20 жніўня 1992 г.). – Мінск, 1993. – Кн. 2. – 404 с.
24. Беларусіка=Albaruthenica: Нацыянальная і рэлігійная культуры. Іх узаемадзеянне. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. Кн. 3. – 431 с.
25. Беларусь у Вялікім княстве Літоўскім: стэнаграфы паседжанняў Міжнароднага круглага стала, якія адбыліся ў Мінску 6–7 красавіка 1992 г. – Мінск, 1992. – 124 с.
26. Белевский И.Г., Шкуратов В.А. Проблемы исторической психологии. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1982. – 224 с.
27. Белоруссия в печати XVI столетия. – Минск, 1985. – 45 с.
28. Белоруссия в печати XVII столетия. – Минск, 1985. – 83 с.
29. Белоруссия в печати XVIII столетия. – Минск, 1985. – 286 с.
30. Белоруссия в печати XIX – начала XX столетия. – Минск, 1983. – 477 с.
31. Бережков Н.Г. Литовская Метрика как исторический источник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 779 с. – Т. 1.
32. Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. – М.: Изд-во АН СССР. 1962. – 317 с.
33. Бібліяграфія па гісторыі Беларусі: Феадалізм і капіталізм. – Мінск, 1969. – 436 с.
34. Біч М. Беларускае Адраджэнне у XIX – пач. XX ст.: Гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. – Мінск: Навука і тэхніка. 1992. – 29 с.
35. Богданович А. Мои воспоминания // Неман. – 1994. – № 5. – С. 7–90.
36. Богданович А. Мои воспоминания // Неман. – 1994. – № 6. – С. 38–90.
37. Болебрук А.Г., Шевцов В.И. Проблемы отечественной истории в русской журналистике первой половины XIX в. – Днепрпетровск, 1982. – 187 с.
38. Бондарчык В.К. Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст. – Мінск, 1964. – 187 с.

Список использованных источников

39. Бржостовская Н.В. Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела (1884-1917 гг.): Автореф. ...дис. канд. ист. наук (МГИАИ). – М., 1951. – 18 с.
40. Булгакова Л.А. Мемуары как источник по истории университетов дореформенной России // Вспомогательные исторические дисциплины. – Т. XVI. – Л.: Наука. 1985. – С. 189–202.
41. Булгакова Л.А. Отчеты попечителей учебных округов и университетов как исторический источник // ВИД. – Т. X. – Л.: Наука, 1978. – С. 244–251.
42. Бушканец Е.Г. Мемуарные источники: учеб. пособие. – Казань. – КПИ, 1975. – 978 с.
43. Виленский университет – центр археографических исследований Литвы и Белоруссии первой трети XIX в. // Исследования по источниковедению истории СССР доокт. периода. – М.: ИИ СССР АН СССР, 1988. – С. 151–161.
44. Винокур Г.О. Биография и культура. – М., ГАХН, 1927. – 86 с.
45. Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР: Материалы научной конференции архивистов и историков, посвященной 50-летию архивного строительства в СССР. – М.: Вышэйшая школа, 1971. – 479 с.
46. Воробьев Г.Г. Документ: информационный анализ. – М.: Наука, 1972. – 254 с.
47. Вяртанне. Дакументы і архіўныя матэрыялы па праблемах пошуку і вяртання нацыянальных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь. – Минск, 1992. – 256 с.
48. Гаврилова Л.М. Источники «Записок касательно российской истории» Екатерины II // Вспомогательные исторические дисциплины. XX. – Л.: Наука, 1989. – С. 164–176.
49. Геровский А.Ю. Польша среди европейских государств (XVI – XVIII вв.) // Вопросы истории. – 1977. – № 12. – С. 135–147.
50. Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск: Інбелкульт, 1927. – 391 с.
51. Голенченко Г.Я. Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XVI – середине XVII вв. – Минск: Наука и техника, 1989. – 283 с.
52. Гранин Д., Адамович А. Блокадная книга. – М.: Сов. писатель, 1988. – 501 с.
53. Грицкевич В.П. От Немана к берегам Тихого океана. – Мн.: Полымя, 1986. – 303 с.
54. Грыцкевіч В.П. Якой быць беларускай гістарычнай навуцы // Полымя. – 1993. – № 5. – С. 201–214.
55. Грыцкевіч В., Мальдзіс А. Шляхі вялі праз Беларусь. – Мінск: Мастацкая літаратура. 1980. – 271 с.
56. Гулыга А.В. Искусство истории. – М.: Современник, 1980. – 288 с.

57. Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // «Одиссей». Человек и история. Личность общество. 1990. – М., 1990. – С. 75–89.
58. Гурский И.К. Польский исторический роман и проблемы историзма. – М.: Худож. лит., 1963. – 146 с.
59. Даўгяла Зьмітро. Літоўская Мэтрыка і яе каштоўнасць для вывучэння мінуўшчыны Беларусі. – Рыга: Выд. Беларускага выдавецтва ў Латвіі, 1933. – 14 с.
60. Даўнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. – Мінск: БелСЭ, 1994. – 509с.
61. Демина Л.И. Проблемы отечественной историографии в мемуаристике русских историков XIX XX вв.: Автореф. дис.... канд ист. наук (МГИАИ). – М., 1983. – 21 с.
62. Дмитриев С. С. Источниковедение русской журналистики (Постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории. 1975. – М.: Наука, 1976. – С. 272–303.
63. Даўнар-Запольскі М.В. Старыя беларускія архівы за межамі БССР (у РСФСР і ў Польшчы) // Працы 1-га з'езда даследчыкаў беларускай археалогіі і археаграфіі. – Мінск, 1926. – С. 31–52.
64. Документы ГАФ СССР в библиотеках музеев и научно-отраслевых архивах: Справочник. – М.: Мысль, 1991. – 589 с.
65. Дорошкевич Э.К. Философия эпохи Просвещения в Белоруссии. – Минск: Наука и техника, 1971. – 294 с.
66. Дорошкевич Э.К. Социально-политическая мысль Белоруссии эпохи Просвещения // Наш Радавод. – Гродно, 1991. – Кн. 3, ч. II. – С. 325–333.
67. Дружыц В. Беларускія месцы ў гістарычнай літаратуры // Гісторыка-археалагічны зборнік. – 1927. – Т. 1. – С. 251–276.
68. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. – М.: Мысль, 1983. – 271 с.
69. Думин С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. – М.: Политиздат, 1991. – С. 76-1-26.
70. Дьяков В.А. Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.) // Методологические проблемы истории славистики. – М.: Наука, 1978. – С. 232–260.
71. Ермаловіч М.І. Па слядах аднаго міфа. – Минск: Навука і тэхніка, 1969. – 93 с.
72. Ерошкин М.И. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1983. – 332 с.
73. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. – М.: Мысль, 1981. – 291 с.
74. Ерошкин Н.П. Министерства России первой половины XIX в. – фондообразователи центральных государственных архивов СССР. – М.: Изд-во МГИАИ, 1980. – 95 с.

75. ЖМНП. – 1837. – Т. X. – № 3.
76. Забавский Н.М. Общественно-политическая борьба в Белоруссии в связи с выборами и деятельностью III Государственной думы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. (ИИ АН БССР). – Минск, 1988. – 21 с.
77. Зайцев А.Д. «Русский архив» – исторический журнал (1863-1917): Автореф. дис. ... канд. ист. наук (ИИ СССР АН СССР). – М., 1981. – 24с.
78. Запруднік Янка. Гістарычныя і культурныя асновы беларускай нацыянальнай свядомасці // Спадчына. – 1992. – № 2. – С. 7-9.
79. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 507 с.
80. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. – М.: Мысль, 1986. – 331 с.
81. Зимин А.А. Витязь на распутье. – М.: Мысль, 1991. – 287 с.
82. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. – М.: Мысль, 1972. – 451 с.
83. Зимин А.А. Холопы на Руси. – М.: Наука, 1972. – 389 с.
84. Игнатенко А.П. Введение в историю БССР (Периодизация. Историография и источники). – Минск: Высшая школа, 1965. – 46 с.
85. Ігнатоўскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. – Мінск: Беларусь, 1981. – 188 с.
86. Илизаров Б.С. Архивный документ в свете представлений о социальной памяти // Археографический ежегодник за 1985 г. – М.: Наука, 1986. – С. 42–51.
87. Иоффе Э.Г. В.И. Пичета как историк социально-экономического развития Белоруссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук (БГУ). – Минск, 1974. – 19 с.
88. Иоффе Э.Г. Советская историография социально-экономического развития белорусской деревни – середины XVII – первой половины XIX в.: Автореф. дис. ... док. ист. наук (ИИ АН Беларуси). – Минск, 1993. – 49 с.
89. Историческое краеведение Беларуси. – Минск: Изд-во БГУ, 1980. – 262 с.
90. История исторической науки в СССР. Советский период. Октябрь 1917–1967. – М.: Наука. 1980. – 732 с.
91. История исторической науки в СССР: Доок. период. Библиография. – М.: Наука, 1965. – 703 с.
92. История книжной литературы Подляшья. – Минск, 1981. – 102 с.
93. Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. – М. 6 Соцэкгиз, 1961. – 507 с.
94. Источниковедение истории СССР / Под ред И.Д. Ковальченко. – М.: Высшая школа, 1973. – 558 с.
95. Источниковедение истории СССР XIX – начала XX вв. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 467 с.
96. Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. – М.: Наука, 1969. – 508 с.

97. Каменев С. В. Источники формирования и гносеологические особенности обыденных знаний о прошлом: Автореф. дис. ... канд филос. наук (ТГУ). – Томск, 1987. – 21 с.
98. Канчер Е.С. Белорусский вопрос: Сборник статей. – Пг., 1919. – 132 с.
99. Канчер Е.С. Классовая, национальная и религиозная борьба Белоруссии. – М.: Изд-во Белнацкома, 1918. – 20 с.
100. К.Калиновский: Из печатного и рукописного наследия. – Минск: Беларусь, 1988. – 186 с.
101. Караў Д.У. Акадэмік М.К. Любаўскі: лес і спадчына // Наш Радавод. – Гродна, 1994. – Кн. 6, ч.ІІІ. – С. 450-602.
102. Караў Д.У. Беларуская гістарыяграфія ў канцы ХVІІІ – пач. ХХ ст.ст // Наш Радавод. – Гродна, 1993. – Кн. 5, ч. I. – С. 234–394.
103. Караў Д.У. Беларуская гістарыяграфія канца ХVІІІ – ХХ ст.ст. і гістарычная самасвядомасць беларусаў // Беларусіка=Albaruthenica. – Мн., 1992. – Кн. 2. – С. 123–130.
104. Караў Д.У. Беларуская і польская гістарыяграфія ў ХVІ – ХХ ст.ст. (Этапы ўзаемадзеяння) // Беларусіка=Albaruthenica. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – Кн. 3. – С. 242–251.
105. Караў Д.У. Гісторыя ў сістэме школьнай адукацыі на Беларусі і Літве (ХVІІ – пач. ХХ ст.ст.) // Наш Радавод. – Гродна, 1992. – Кн. 4, ч. ІІІ. – С. 717–726.
106. Караў Д.У. Езуіты і культура народаў Вялікага княства Літоўскага (І пал. ХVІ – ХVІІІ ст.ст.) // Наш радавод. – Гродна, 1992. – Кн. 4, ч.ІІ. – С. 504–512.
107. Караў Д.У. М.В. Даўнар-Запольскі і дэмакратычны накірунак беларускай гістарыяграфіі канца ХІХ – пач.ХХ ст.ст. // Наш Радавод. – Гродна, 1994. – С. 419–449.
108. Караў Д.У. Пачаткі беларускага крыніцазнаўства (I пал. ХІХ ст.) // Спадчына. – 1994. – № 1. – 4–14.
109. Караў Д.У. Пачаткі беларускага крыніцазнаўства (ІІ пал ХІХ ст.) // Спадчына. – 994. – № 5. – С. 9–18.
110. Караў Д.У. Праблемы ўзаемадзеяння грамадства і прыроды ў гісторыка-геаграфічных даследаваннях вучоных Расіі // Наш Радавод. – Гродна, 1994. – Кн. 6, ч. I. – С. 190–217.
111. Караў Д.У. Прадмова // М.В.Даўнар-Запольскі. Гісторыя Беларусі. – Мінск: БелСЭ, 1994. – С. 5-15.
112. Караў Д.У. Праект «Гістарычная памяць беларусаў ХІІІ–ХХ ст.ст.» (Праблемы, перспектывы і крыніцы даследавання) // Наш Радавод. – Гродна, 1992. – Кн. 4, ч.1 – С. 209–230.
113. Карев Д.В. Академик М.К. Любавский как историк феодальной России: Автореф. дис. ...канд. ист.наук / ИИ СССР АН СССР/. – М., 1983. – 10 с.

Список использованных источников

114. Карев Д.В. Белорусская историография в конце XVIII – начала XX вв.: Итоги и перспективы изучения // Из истории науки и техники Белоруссии. – Минск, 1988. – С. 89-91.
115. Карев Д.В. Белорусская историография в эпоху капитализма (1861-1917) // Наш Радавод. – Гродно, 1991. – Кн. 3, ч.1. – С. 49-115.
116. Карев Д.В. Великое княжество Литовское (XIV – XVI вв.) в российской либеральной историографии конца XIX – начала XX вв. // Наш Радавод. – Гродно, 1990. – Кн. 2. – С. 146–160.
117. Карев Д.В. Великое княжество Литовское (круглый стол) // Родина. – 1993. – № 3. – С. 8–92.
118. Карев Д.В. Е.Ф. Карский и история белорусской культуры // Наш Радавод. – Гродно, 1990. – Кн. 2. – С. 191–198.
119. Карев Д.В. Исторические реалии и историографическое мифотворчество // Современный социализм, методология изучения, противоречия, перспективы развития. – Гродно, 1990. – Ч.1. – С. 94–96.
120. Карев Д.В. Историческое самосознание белорусской нации в период гражданской войны на территории СССР // На пути борьбы и созидания. – Гродно, 1988. – С. 25–29.
121. Историческое сознание белорусского крестьянства в XIX – начала XX вв. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. – М.: Изд-во РГГУ, 1991. – С. 109–111.
122. Карев Д. Культура опаленная войной // Неман. – 1986. – № 6. – С. 170–171.
123. Карев Д.В. Политика царизма и архивно-археографическая деятельность на территории Литвы и Белоруссии в 30-х – начала 60-х гг. XIX в. // Актуальные вопросы теории, методики и истории публикации исторических документов. – М.: Изд-во РГГУ, 1991. – С. 75–86.
124. Карев Д.В. Схизматики и латиняне // Родина. – 1994. – С. 18–25.
125. Карев Д.В. У истоков белорусской национальной историографии. Конец XVIII – 50-е гг. XIX в. // Наш Радавод. – Гродно, 1990. – С. 199–252.
126. Каспяровіч М. Краязнаўства: Нарысы. – Минск, 1929. – 121 с.
127. Каханюўскі Г.А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI – XIX ст.ст. – Мінск, Навука і тэхніка, 1984. – 116 с.
128. Кеневич С. Лелевель. – М.: Изд-во АН СССР, 1970. – 246 с.
129. Кісялеў Г.У. Героі і музы. Гісторыка-літаратурныя нарысы. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1982. – 246 с.
130. Клейн Б. Время выбора. – Мінск: Нар. асвета, 1987. – 173 с.
131. Кніга Беларусі. 1517–1917. Зводны каталог. – Минск: БелСЭ. 1986. – 612с.
132. Казляков В.Б. Национальный вопрос в программных установках и тактике неонароднических партий начала XX в. – конец 20-х гг. (На материалах России, Белоруси, Украины). Автореф. дисс. ...д.и.н. – Минск: БГУ, 2002. – 41с.
133. Козлов В.П. Колумбы российских древностей. – М.: Наука. – 183 с.

134. Колекція та архів архієпископа Павла Доброхотова. – Київ, 1992. – 218 с.
135. Комисарова Г.В. Методологические проблемы исследования исторического сознания // Методологические проблемы научных исследований. – Новосибирск, 1984. – С. 131–138.
136. Конон У.М. Беларуская культура XIII–XVIII стагоддзяў і праблема нацыянальнага Адраджэння // Наш Радавод. – Гродна, 1991. – Кн. 3. – С. 293–298.
137. Конон В.В. В свободе и творчестве – спасение мира // Неман. – 1989. – № 11. – С. 160–162.
138. Конон В. Вера и нация. Христианство в судьбе белорусов // Неман. – 1994. – № 5. – С. 156–164.
139. Конон В.М. От Ренессанса к классицизму: становление эстетической мысли в Белоруссии XVI – XVIII вв. – Минск: Мастацкая літаратура, 1978. – 267 с.
140. Кононов Ю.Ф. История личных фондов государственных деятелей России XVIII – первой половины XIX в.: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГИАИ, 1961. – 92 с.
141. Кононов Ю.Ф. Комплектование рукописных отделов библиотек и музеев в дореволюционной России: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГИАИ, 1961. – 92 с.
142. Копыцкий З.Ю., Чепко В.В. Историография БССР: эпоха феодализма. – Минск: Университетское. 1986. – 172 с.
143. Корнилов Е.А. Типология периодической печати. Основные понятия и категории // Типология периодических изданий. – Ростов н/Д, 1984. – С. 7–50.
144. Короткевич В. Христос приземлился в Городне. – Минск: Мастацкая літаратура, 1982. – 283 с.
145. Кохановский Г.А. Историография изучения культуры Белоруссии в конце XVIII – начала XX вв.: Становление научных знаний по археологии, историческому краеведению и фольклористике. – Минск, 1992. – 85 с.
146. Критский Ю.М. Эпистолярное наследие историков как историографический источник: Середина XIX в. – 1917 г. // История и историки. 1973. – М.: Наука, 1975. – С. 85–112.
147. Кручковский Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук, ИСБ РАН. – М., 1992. – 24 с.
148. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.
149. Курносоев А.А. К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории. 1976. – М.: Наука, 1977. – С. 5–26.
150. Лабынцаў Ю. Архіў Беларускага Адраджэння. – Мінск., 1993. – 48 с.
151. Лаппо И.И. Западная Россия. – Прага, 1924. – 276 с.
152. Ластоўскі В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. – Мінск, 1992. – 124 с.

Список использованных источников

153. Латышонак А. Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі // Спадчына. – 1992. – № 1. – С. 9–14.
154. Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Методологические проблемы исторической науки. – М., 1969. – С. 186–224.
155. Леоновец В.Т. Организация и развитие исторической науки в БССР (1961–1970): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ИИ АН БССР/. – Мн., 1987. – 25 с.
156. Леонтьева Т.Е. Документальные материалы фонда Радзивиллов как исторический источник // Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР. – Минск, 1971. – С. 306–319.
157. Лесьнодорский В. Некоторые идейные мотивы в культуре польского Просвещения // Вопросы истории. – 1977. – № 12. – С. 119 – 134.
158. Лосинский Н.Б. Революционно-народническое движение в Белоруссии. 1870–1884 гг. – Минск: Навука і тэхніка, 1983. – 223 с.
159. Лыкошина Л.С. Католическое и униатское духовенство Королевства Польского и западных губерний и польское восстание 1830-1831 гг.: Автореф. дис. ... канд ист. наук /МГУ/. – 1981. – 22 с.
160. Макарихин В.П. Губернские ученые, архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX – начала XX вв. // История СССР. – 1989. – № 1. – С. 160–170.
161. Мальдзіс А. Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1982. – 255 с.
162. Мальдзіс А. Таямніцы старажытных сховішч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1974. – 176 с.
163. Мальцева Л.Г. Преподавание и изучение отечественной истории в университетах России в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук (ИИ АН УССР). – Киев, 1998. – 16 с.
164. Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой Французской революции. – М.: Мысль. 1989. – 393 с.
165. Мартюкова М.А. Общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с выборами и деятельностью I Государственной Думы : Автореф. дис. ...канд. ист. наук (ИИ АН БССР). – Минск, 1982. – 17 с.
166. Махнач Н.Н. Общественно-политическая и этическая мысль Белоруссии начала XIX в. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – 178 с.
167. Маяковский И.Л. Исторический очерк архивного дела в России: Лекции, читанные слушателям архивных курсов при Петроградском Археологическом институте, – Пг., 1920. – 176 с.
168. Медушевская О.М. Теоретические проблемы источниковедения: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГИАИ, 1977. – 84 с.
169. Мелишкевич В.У. Русско-белорусские культурные связи во второй половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд ист. наук / ИИ АН БССР/. – Минск, 1979. – 22 с.

170. Мешкова М.В., Сокурова М.В. Общие библиографии русских периодических изданий. 1703–1954 и материалы по статистике русской периодической печати. – М., 1956. – 474 с.
171. Минц С. С. Социальная психология российского дворянства последней трети 18 – первой трети 19 вв. в освещении источников мемуарного характера: Автореф. дис. ... канд. ист. наук (МГУ). – М., 1981. – 22 с.
172. Михайлов А.В. Надо учиться обратному переводу // «Одиссей»: человек и история. Личность и общество. 1900. – М., 1990. – С. 53–61.
173. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX в. – М.: Мысль, 1996. – 235 с.
174. Мирский Э.М. Массивы публикаций в системе научной дисциплины // Системные исследования: Ежегодник. – М.: Наука, 1977. – С. 136–148.
175. Михайловская Л.П. Белоруссия и Литва конца XIV – первой трети XVI в. (по материалам хроники Бернарда Ваповского): Автореф. дис. ... канд. ист. наук /БГУ/. – Минск, 1981. – 21 с.
176. Михнюк В.Н. Становление и развитие исторической науки советской Белоруссии (1919-1941 гг.). – Минск: Наука и техника, 1985. – 284 с.
177. Михнюк В.Н., Петриков П.Т. Историческая наука Белорусской ССР. 80-е гг. – Минск: Наука и техника, 1987. – 118 с.
178. Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. – 236 с.
179. Мокряк Е.И. Дневники и мемуары как источник для изучения социальной психологии дворянства второй половины XIX–нач. XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук (МГУ). – М., 1977. – 28 с.
180. Мохначева М.П. Проблемы истории России в демократических журналах второй половины XIX в. (1859–1884): Автореф. дис. ... канд. ист. наук (МГИАИ). – М., 1979. – 22 с.
181. «Наш Радавод»: Сборник статей: Материалы I и II Межреспубликанских научных конференций по историческому краеведению Белоруссии (Радунь. 18 ноября 1988; Гродно. 28 ноября 1990 г. / Под ред. Д.В. Карева. – Гродно, 1990. – Кн. 2. – 296 с.
182. «Наш Радавод»: Материалы международной научной конференции по региональной истории Восточной Европы. «Культура народов Великого княжества Литовского» Гродно. 22-24.10.1991 / Под ред. Д.В. Карева. – Гродно, 1991. – Кн. 1 Ч. 1–3. – 603 с.
183. «Наш Радавод»: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культуры народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі. XIII – пач. XX ст.» (Гродна, 28 верасня – 1 кастр. 1992) / Пад рэд. Д.У.Карава. – Гродна, 1992. – Ч. I–III. – 745 с.
184. «Наш Радавод»: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культуры народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі. XIII – пач. XX ст.» (Гродна, 28 верасня – 1 кастр. 1992) / Пад рэд. Д.У.Карава. – Гродна, 1993. – Ч. I – II. – 444 с.

Список использованных источников

185. «Наш Радавод»: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культуры народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі. XIII – пач. XX ст.» (Гродна, 28 верасня – 1 кастр. 1992) / Пад рэд. Д.У.Кавава. – Гродна, 1994. – Ч. I – III. – 672 с.
186. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч. 1. – Мінск: Беларусь, 1994. – 527 с.
187. Нечухрин А.Н. Смена парадигм в российской историографии всеобщей истории (80-гг. XIX в. – 1917 г.): Авреф. дис. ... канд. ист. наук / БГУ. – Минск, 1993. – 49 с.
188. Никулина М.В. Славяноведение в России в первой трети XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук (ИСБ АН СССР). – М., 1984. – 22 с.
189. Описание дел Архива Министерства Народного Просвещения. Т. 1–2. – Пг., 1917–1921. – 607 с.
190. Оржеховский И.А. Самодержавие против революционной России. – М.: Мысль, 1982. – 246 с.
191. Орлова Н.К. Тайные революционные организации Литвы и Белоруссии в первой четверти XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук (МГУ). – М., 1983. – 26 с.
192. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 692 с.
193. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. – М.: Наука, 1965. – 609 с.
194. Падліпскі А. Летапісец Віцебшчыны. – Мінск: Польша, 1993. – 104 с.
195. Подокшин С.А. Воззрение на историю в общественно-политической и философской мысли эпохи Возрождения в Белоруссии (XVI – XVII вв.) // Человек и история в средневековой мысли русского, украинского и белорусского народов. – Киев, 1987. – С. 142–147.
196. Подокшин С. А. Философская история М. Стрыйковского // Наш Радавод. – Гродно, 1991. – Кн. 3, ч. 1. – С. 287–292.
197. Падокшын С. А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: Ад Францыска Скарыны да Сімона Буднага. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 283 с.
198. Пашуто В.П. Образование Литовского государства. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 531 с.
199. Перцаў В.Н. Гістарычная думка ў Беларусі ў XVI – XVIII стагоддзях // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1956. – № 4. – С. 5–16.
200. Перцаў В.Н. Гістарычная думка ў Беларусі ў XIX – пач. XX ст.ст. // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1957. – № 2. – С. 15–27.
201. Пилипенко М.Ф. Возникновение Белоруссии (Новая концепция): Автореф. дис. ... д-ра.ист. наук / ИИФ и Э АН Украины/. – Киев, 1991. – 35 с.
202. Пичета В.И. Введение в русскую историю (Источники и историография). – М., 1922. – 212 с.
203. Пичета В.И. История белорусского народа // Курс белорусоведения. – М., 1918–1920. – С. 49–57.

204. Пічэта У.І. Пытаньня аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым. – Мінск, 1928. – 19 с.
205. Пічэта У. Формы нацыянальнага і апазіцыйнага руху на Беларусі // Польша. – 1924. – № 2 (10). – С. 142–162.
206. Поссе В.С. Провещение в Белоруссии в конце XVIII – I пол. XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук (БГУ). – Минск, 1963. – 18 с.
207. Прайс Д. Дж. де. С. Тенденции в развитии научной коммуникации: прошлое, настоящее, будущее // Коммуникации в современной науке. – М.: Наука, 1975. – 391 с.
208. Простоволосова Л.Н., Черемисина Н.М. Историческая библиография. История и современное состояние. – М.: Изд-во МГИАИ, 1991. – 79 с.
209. Публицистика белорусских народников. – Минск: Наука и техника, 1983. – 208 с.
210. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М.: Наука, 1975. – 279 с.
211. Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Сб. док. / Под ред. С.С. Волка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. – 493 с.
212. Резник А.В. В поисках идеала: Вацлав Ластовский и Александр Цвикевич. Два взгляда на национальный вопрос // Европейское время. – 1993. – № 5. – С. 10.
213. Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его «Хроника»). – М.: Наука, 1964. – 310 с.
214. Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина: Указатель. – М., 1983. – 233 с.
215. Рыкава О.В. Генеалогия и фонды личного происхождения (Развитие отечественной практической генеалогии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ИИ СССР АН СССР/. – М., 1985. – 19 с.
216. Самошенко В.Н. Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVIII – начала XX вв.). – М.: Изд-во ВЗПИ, 1990. – 212 с.
217. Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. – М.: Изд-во МГИАИ, 1981. – 80 с.
218. Самбук С. М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX в. – Минск: Наука и техника, 1976. – 183 с.
219. Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. – Мн.: Наука и техника, 1980. – 223 с.
220. Самбук С. М. Революционные народники Белоруссии. – Минск: Наука и техника, 1972. – 248 с.
221. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досовет период. – М.: Высшая школа, 1978. – 255 с.
222. Сборник РИО. Т. XXIII. – СПб., 1878. – 642 с.
223. Севостьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук (ИРИ РАН СПб.Ф). – СПб, 1993. – 40 с.

Список использованных источников

224. Селицкий С. В. Школа и педагогическая мысль в Белоруссии в период нахождения ее в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (XVI–XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук (МОПИ). – М., 1973. – 19 с.
225. Симакова В.А. Русско-белорусские культурные связи конца XIX – начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук (БГУ). – Минск, 1986. – 25 с.
226. Скалабин В.В. Издательская деятельность белорусского национального комиссариата // История книги, книжного дела и библиографии в Белоруссии. – Минск, 1986. – С. 26–48.
227. Скарына і яго эпоха. – Минск: Навука і тэхніка, 1990. – 479 с.
228. Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. – М.: Наука, 1979. – 426 с.
229. Славяноведение в дореволюционной России: изучение южных и западных славян. – М.: Наука, 1988. – 682 с.
230. Смалёк В. Пагібель старасветчыны // Часопіс Міністэрства Беларускіх спраў (Коўна). – 1919. – № 1.
231. Сокол С. Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI–первой половины XVII в.-Мн.: Наука и техника, 1984. – 187 с.
232. Смалянчук А. Краевец Антон Луцкевіч // Гістарычны альманах. – 1998. – № 1. – С. 27–51.
233. Спиридонов М.Ф. Закрепощение крестьянства Белоруси (XV–XVI вв.). – Минск: Наука и техника, 1993. – 220 с.
234. Справочник по истории дореволюционной России. – М.: Книга, 1971. – 514 с.
235. Сташкевич Н.С. На пути к истине. Из истории национально-освободительного движения в Белоруссии. 1917. – Минск, 1983. – 107 с.
236. Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв.: Пособие по спецкурсу. – М.: Изд-во МГИАИ, 1982. – 83 с.
237. Сыракомля У. Добрыя весці. – Минск: Мастацкая літаратура, 1993. – 525 с.
238. Тальвирская Е.Я. Некоторые вопросы общественного движения в Литве и Белоруссии в конце 50-х – начале 60-х гг. и подпольная литература // Революционная Россия и революционная Польша. Вторая половина XIX в. – М.: Соцэкгиз, 1967. – С. 12–28.
239. Таранович В.П. Экспедиция академика И.И. Лепехина в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г. // Архив истории науки и техники, -. М.;Л., 1935. – Вып. 11. – С. 545–566.
240. Тарасаў К.А. Памяць пра легенды: Постаці беларускай мінуўшчыны. – Минск: Полымя. 1991. – 261 с.
241. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. – М.: Наука, 1991. – 286 с.
242. Тартаковский А.Г. Социальные функции источников как методологическая проблема // История СССР. – 1983. – № 3. – С. 111–123.

243. Терешкович П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы. – Минск: БГУ, 2004.
244. Туронок Юры. Загляне Сонца і Вацлаў Іваноўскі // Спадчына. – 1992. – № 2. – С. 65–74.
245. Турук Ф. Белорусское движение. Очерки истории национального и революционного движения белорусов. – М., 1921. – 96 с.
246. Улащик Н.Н. Введение и изучение белорусско-литовского летописания. – М.: Наука, 1985. – 260 с.
247. Улащик Н.Н. «Минские губернские ведомости» как исторический источник // Проблемы источниковедения. – М., 1964. – Т. 7. – С. 112–148.
248. Улащик Н.Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804–1861) // Проблемы источниковедения. – М., 1961. – Т. 9. – С. 15–65.
249. Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. – М.: Наука, 1973. – 362 с.
250. Умецкая Е.С. История книгопечатания в Белоруссии в первой трети XIX в. (1801-1832 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук (ИИ АН БССР). – Минск, 1977. – 27 с.
251. Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке. – М.: Наука, 1975. – 301 с.
252. Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў: «Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы) Мінск 3–5 лютага 1993 г. Тэзісы дакладаў і паведамленняў / Адказ. рэд. М.П. Касцюк, В.С. Кошалеў. – Мінск, 1993. – 259 с.
253. Устинцев В.Б. Социальные аспекты становления исторического знания // Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. – Саратов: Изд-во СГУ, 1971. – С. 127–136.
254. Утина Л.И. В.И.Пичета в Московском университете // Вестник МГУ. Сер история. – 1978. – № 5. – С. 71–79.
255. Ученый-историк в системе научных коммуникаций (Автор обзора И.Л. Беленький). – М.: ИНИОН, 1993. – 43 с.
256. Федорова Т.Н. Общественно-политическая мысль в Белоруссии «Минский листок» (1886–1902 гг.). – Минск: Наука, 1966. – 132 с.
257. Формозов А.А. Тиражи исторических изданий первой половины XIX в. в России // Вопросы истории. – 1970. – № 2. – С. 192. – 196.
258. Фуке А.Н. Историографическое значение учебников и учебных пособий по русской истории для средних учебных заведений (90-е гг. XIX в. – 1917 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук (МГПИ). – М., 1983. – 21 с.
259. Хартанович М.Ф. Петербургская Археографическая комиссия как научное учреждение. 30 – 90-е гг. XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук (ЛО ИИ АН СССР). – Л., 1984. – 16 с.

Список использованных источников

260. Храпко Л. П. Развитие исторической науки в БССР (1945 – конец 50-х гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук (ИИ АН БССР). – Минск, 1989. – 22 с.
261. Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. – Л.: Наука, 1986. – 336 с.
262. Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. – Л.: Наука, 1977. – 256 с.
263. Цвікевіч Г.А. «Западно-руссизм»: Нарысы гісторыі і грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX пачатку XX ст. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 347 с.
264. Цвірка К. Паданне пра філаматаў // Польша. – 1994. – 3 5. – С. 173–185.
265. Церашковіч П.У. Гісторыя Беларусі ў кантэксце тэорыі этнасу // ЛіМ. – 1990. – 20 снежня. – С. 5, 12.
266. Цікоцкі М.Я. 3 гісторыі беларускай журналістыкі XIX стагоддзя. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1960. – 127 с.
267. Цымбаев Н.И. Славянофильство. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 267 с.
268. Чаквин И.В. Проблемы происхождения белорусской народности (Историография и опыт изучения процесса этнического формирования): Автореф. дис. ... кад. ист. наук / ИИЭ и Ф АН БССР. – Минск, 1981. – 19 с.
269. Чернуха В.Г. Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX в. // ВИД. – Л.: Наука, 1989. – Т. XIV. – С. 210–219.
270. Чемырыцкі В.А. Беларускія летапісы як помнік літаратуры. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 135 с.
271. Чтения ИОДР. Кн. 1. – М., 1966.
272. Чымбург Г.С. Ідэйная барацьба ў Беларусі напярэдадні Кастрычніка. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1977. – 144 с.
273. Шевчук И.П. Развитие исторической науки в БССР (70-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ИИ АН БССР/. – Минск, 1989. – 24 с.
274. Шепелев Л.Е. Проблемы источниковедения и историко-вспомогательного изучения делопроизводственных документов XIX – начала XX вв. // ВИД. – Л.: Наука, 1983. – Т. XV. – С. 31–51.
275. Шидлаускас А.И. История в иезуитских школах Литвы в XVIII в. // На перекрестке культур. – Вильнюс, 1970. – С. 173–209. (на лит. яз.).
276. Шидлаускас А.И. Концепция истории Литвы в старом Вильнюсском университете // Проблемос. – 1972. – № 2. – С. 73–79.
277. Шидлаускас А.И. Средние школы Литвы в конце XVIII в. // Из истории литовского народа. – Вильнюс, 1964. – Т.2. – С. 123–132.
278. Шидлаускас А.И. Учебники по истории Литвы в последней четверти XVIII в. // Научные труды высших учебных заведений Лит. ССР. Сер. история. – Т.12 (2). – 1972. – С. 103–118.
279. Шлюбскі А. Доля кнігасховішчаў і архіваў зямель крыўскіх і былога Вялікага княства Літоўскага (Адб. з Крывіча. 1925. № 9). – 37 с.

280. Шлюбскі А. Матэрыялы да крыўскай гістарыі // Спадчына. – 1992. – № 4. – С. 18–27.
281. Шмидт С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды МГИАИ. – 1965. – Т. 22. – С. 3–49.
282. Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. – М.: Наука, 1976. – С. 264–274.
283. Шохін Л.Ш. Маловідомыя дакументы пра дзейнасьць М.В. Довнар-Запольскага в галузі архівнай справы // Архівы Украіны. – 1987. – № 1. – С. 68–70.
284. Шчарбакоў В.К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі. – Мінск, 1934. – 106 с.
285. Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия: секретная политическая история России XVIII – XIX вв. и Вольная печать. – М.: Мысль, 1984. – 316 с.
286. Эйдельман Н.Я. Грань вв. – М.: Мысль, 1982. – 268 с.
287. Эпштейн Д.М. История археологии дореволюционной России. Период капитализма. – М.: Изд-во МГИАИ, 1974. – 187 с.
288. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. XX. – СПб, 1897. – 863 с.
289. Этнаграфія беларусаў. Гістарыяграфія. Этнагенез. Этнічная гісторыя. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – 201 с.
290. Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. – Мінск.: Універсітэцкае, 1992. – 265 с.
291. Юхо І. Крыніцы беларуска-літоўскага права. – Мінск: Беларусь, 1991. – 236 с.
292. Яковлев В.П. Историческая наука и историческое сознание // Изв. СК НЦ ВШ. Сер. общ. наук. – 1978. – 3 4. – С. 38–44.
293. Якубовский В.А. Сарматизм, функция генетического мифа в дворянском обществе Речи Посполитой // Проблемы социальной истории и культуры средних вв. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – С. 169–181.
294. Янушкевіч Язэп. Неадменны сакратар Адраджэння, альбо эсе пра Вацлава Ластоўскага // Польшча. – 1994. – № 5. – С. 148–172.

295. Bartkiewicz K. Obraz dziejów ojczystych świadomości historycznej w Polsce losy oświecenia. – Poznań : PWN, 1981. – 280 s.
296. Barycz J.T. Szlabami dziejopisarstwa polskiego. Studia nad historiografią w. XVI – XVIII. – Wrocław : Ossolin. 1981. – 308 s.
297. Baryczowa M. Augustyn Rotundus Mileski, wojt wileński, pierwszy historyk i apologeta Litwy (B. m. i g.). – S. 117–172.

Список использованных источников

298. Brensztein M. Adam Honory Kirkor. Wydawca, redaktor i właściciel drukarni w Wilnie. – 1930. – 92 s.
299. Batura R. Teodoras Narbutas. – Wilnius, 1964. – 103 s.
300. Ciecchowski W. Czasopisma polskie na Litwie. Od r. 1795 – 1864. (B. m. i g.). – 110 s.
301. Edukacja historyczna społeczeństwa polskiego w XIX w.: Zbiór studiów. – W-wa.: PWN. 1981. – 411 s.
302. Górski St. Dziennikarstwo Polskie. Zarys historyczny. – W-wa: Druk M. Arota. 1905. – 134 s.
303. Grabski A. E. Myśl historyczna polskiego Oświecenia. – W-wa: PWN. 1976. – 403 s.
304. Mass L. Wolnomularstwo w Europie Środkowo-Wschodniej w XVIII i XIX wieku. – Wrocław: Oscolineum, 1982. – 572 s.
305. Historia nauki polskiej. T. III. 1795 – 1862. – Wrocław – W-wa. – Kraków. – 1977. – 746 s.
306. Życie kulturalne i religijne w czasach Stanisława Augusta Poniatowskiego. – W-wa.: Wyd. Sejmowe. – 1991. – 165 s.
307. Zajączkowski St. Litewski ruch naukowy w zakresie historii. Proba charakterystyki. – Lwów. Ossolineum. 1935. – 41 s.
308. Janowski L. Historografia Uniwersytetu Wileńskiego. – Wilno, 1921. – 133 s.
309. Janowski L. Słownik bio-bibliograficzny dawniego Uniwersytetu Wileńskiego. – Wilno. 1939. – 528 s.
310. Jhnatowicz T. W sprawie zasad publikacji źródeł historycznych z XIX i XX wieku // Przegląd hist. 1961.: T. LII – Zesz I – S. 164 – 172.
311. Lech M. Hugo Kollątaj. – W-wa. 1973. – 262.
312. Lipski J. Archiwat Kuratorii Wileńskiej. X. Ad. Czartoryskiego. – Kraków, Arot., 1926 – XIV. – 309 s.
313. Materiały do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi z archiwum drukarni i księgarni Jozefa Zawadzkiego w Wilnie z lat 1805 – 1865. Zebrali T. Turkowski. T. 1–3. – Wilno.: Nakł. T-wa Przyjaciół Nauk w Wilnie. 1935 – 1937. – 424 s. + 316 s. + 324 s.
314. Maternicki J. Kultura historyczna dawna i współczesna : Studia i szkice. – W-wa. : PWN. 1979. – 445 s.
315. Mienicki R. Archiwum Wielkiego Księstwa Litewskiego. – Lwów : Nakł. Polskiego T-wa Historycznego : 1935. – 11 s.
316. Mienicki K. Archiwum act dawnych w Wilnie w okresie od 1795 do 1922 roku. Rys historyczny. – W-wa.: Nakł. Archiwów Państwowych. 1923 – VIII. – 140 s.
317. Mienicki R. Archiwum act dawnych w Witebsku 1852 – 1903. – W-wa.: Drukarnia ekonomiczna. 1939. – 107 s. I s.
318. Mienicki R. Archiwum Murawiewskie w Wilnie (g. 1898 – 1901 – 1936). – W-wa. – 84 s.

319. Mienicki R. Wieleńska komisja archeograficzna (1864 – 1915). – Wilno. 1925. – 222 s.
320. Odrową – Pieniązek Polonika, zbierana po swiecie. – W-wa.: Jaskij. – 1922. – 196 s.
321. Pigoń St. Z dawniego Wilna. Szkice obyczajowe i literackie. – Wilna.: Wyd. magistratu w Wilne. 1929. – 169 s.
322. Polska w epokie oświecenia. Państwo, społeczeństwo, kultura. – W-wa. 1971. – 471 s.
323. Polski słownik biograficzny. – T. 1 – 28/2. – Kraków.: Nakł. Polskiej Akad. Umiejętności. 1935–1984.
324. Prasa polska w latach 1661–1864. – W-wa. PWN.: 1976. – 414 s.
325. Raporty generalnych wizytatorów szkół Komisji Edukacji Narodowej w Wielkim Księstwie Litewskim (1782–1792). – Wrocław. Wyd. PAN. : 1974. – 599 s.
326. Roszkowska-Sykalowa W. «Atchenaem» J.J.Kraszewskiego 1841 – 1851. Zarys dziejów i bibliografia zawartości. – Wrocław. : Wyd. PAN. : 1974. – 95 s.
327. Slowikowski T. Poglądy na nauczanie w Polsce w wieku XVIII oraz dydaktyczna koncepcja J. Lelewela. – Kraków. 1960. – 203 s.
328. Stoizman M. Czasopisma Wileńskie Adama Honorego Kirkora. – W-wa, Krakow: PWN. : 1973. – 162 s.
329. Studia z dziejów Uniwersytetu Wileńskiego 1579–1979. – W-wa: Krakow. 1979. – 170 s.
330. Stolzman M. W kręgu uniwersyteckiej tradycji : Życie w Wilnie po roku 1831. //Studia z dziejów Uniwersytetu Wileńskiego. 1579 – 1979. – W-wa.: Kraków. – 1979. – 130 s. + 146 s.
331. Szybiak J. Szkolnictwo Komisji Edukacji Narodowej w Wielkim Księstwie Litewskim. – Wrocław. Wyd. PAN.: 1973. – 261 s.
332. Wojtkowiak Zbysław. Maciej Strykowski dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego. – Poznan. : Wydawnictwo naukowe UAM. – 1980. – 246 s.
333. Wykaz skasowanych w XIX w. katolickich klasztorów na Rusi. – Kraków. – 1918. – 194 s.

IV. Опубликованные источники по истории украинской историографии нового и новейшего времени

1. Антонович В.Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. – Київ: Либідь, 1995. – 816 с.
2. Багалій Д. Нарис української історіографії. – К.: Друк. ВУАН, 1923. – Т. 1. – 138 с.
3. Бачинський Ю. Україна irredenta. – 3 вид. – Берлін, 1924. – 238 с.

Список использованных источников

4. Бочковський І. Поневолені народи царської імперії. Іх національне відродження та автономічні прямуювання. (До національної справи в Росії). – Б.с.: 1916. – 223с.
5. Бочковський О. Вступ до націоології. – К., 1998. – 144 с.
6. Біднов В. Що читати по історії України. (Коротенька історіографія України). З викладів на учительських курсах українознавства. – Катеринослав: Б.В. 1920. – 47 с.
7. Ващенко В.В. Лекції з історії української історичної науки другої половини ХІХ – початку ХХ ст. (М. Костомаров, В. Антонович, М.Грушевський). – Дніпропетровськ: ДДУ, 1998. – 140 с.
8. Вернадский В.И. Дневники 1917–1921. – К., 1994. – 269 с.
9. Винар Л. Грушевськознавство: Генеза й історичний розвиток.Серія: Грушевськіяна. Т. 5. – К.: Укр. істор.тов-ва; В-во ім. О.Теліги, 1998. – 216 с.
10. Винар Л. Силуети епох. – Дрогобич: Відродження, 1992.
11. Винниченко В. Відродження нації. – Київ; Відень, 1920. – Ч. 1. – 348 с.
12. Водотика С. Г. Нариси історії історичної науки УСРР 1920-х років. – К.; Херсон: Ін-т історії України. НАН. України, 1998. – 172 с.
13. Возняк М. Українська державність. – Відень, 1918.
14. Возняк М. Як пробудилося українське народне життя в Галичині за Австрії. – Львів. 1924. – 178 с.
15. Гербачевський Й. Відродження Литвы //Літературно-науковий вістник. – 1906. – Т. 34. – С. 361–273.
16. Гермайзе О.В. Антонович в українській історіографії //Україна. – 1928. – Кн. 5. (30). – С. 17–32.
17. Гирич І. Чи суперечить національний міф історичній правді? // Українська історична дидактика: Міжнародний діалог (фахівці різних країн про сучасні підручники з історії): Зб. навук. ст. – К., 2000. – С. 47–54.
18. Григор'єв Наш. Історія українського народу. Підручник для вищих початкових шкіл та перших класів гімназій. – К., 1919. – 340 с.
19. Грінченко Б. Листи з України Наддніпрянської //Грінченко БюЮ Драгоманов М. Діалоги про українську національну справу. – К. 1994. – С. 35–145.
20. Грушевський М. Автобіографія: друкється як рукопис. – К. 1926. – 31с.
21. Грушевский М. Вопрос об украинских кафедрах и нужды украинской науки // Освобождение России и украинский вопрос. Статьи и заметки. – СПб, 1907. – С. 149–194.
22. Грушевский М. Движение политической и общественной украинской мысли в XIX столетии // Освобождение России и украинский вопрос. Статьи и заметки. – СПб, 1907. – С. 42–54.
23. Грушевский М. Единство или распадение ? // Украинский вестник. – 1906. – № 3. – С. 139–151.
24. Грушевський М. З біжучої хвилі: Статті і замітки на теми дня. 1905–1906 рр. – К., 1906. – 127 с.

25. Грушевський М. Звичайна схема «руської історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства. //Статті по славяноведенью. – Вып. 1. – СПб. 1904. – С. 298–304.
26. Грушевський М. Звідки пішло Українство і до чого воно йде. 2 вид. – К. 1917. – 16 с.
27. Грушевський М. З політичного життя Старої України. Розвідки, статті, промови. – К. 1917. – 127 с.
28. Грушевський М. Історія й її соціально-виховуюче значіння // На порозі Нової України: Гадки і мрії. – К., 1991. – С. 55–70.
29. Грушевський М. Історія України – Русі. У 9 т. – К.: Наукова думка, 1991–1996.
30. Грушевський М. С. Львовское ученое общество имени Шевченко и его вклад в изучение Южной Руси // Журнал Министерства народного просвещения. – 1904. – март. – С. 117–148.
31. Грушевський М. С. Национальный вопрос и автономия // Украинский вестник. – 1906. – № 1. – С. 8–17.
32. Грушевський М. С. Об украинской историографии XVIII в. Несколько соображений. // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. – М., 1934. – С. 215–223.
33. Грушевський М. С. Очерк истории украинского народа. – 2-е изд. – К., 1991. – 400 с.
34. Грушевський М. С. Развитие украинских изучений в XIX в. и раскрытие в них основных вопросов украиноведения // Украинский народ в его прошлом и настоящем. – СПб., 1914. – № 1. – С. 1–37.
35. Грушевський М. Україна, Білорусь, Литва // Український історик. – 1999. – № 2 – 4. – С. 162–166.
36. Грушевський М. Сповини // Київ. – 1989. – № 8. – С. 102-154. № 9. – С. 106–149.
37. Грушевський М. Щоденник (1888–1894 рр) / Упоряд. Л. Зашкільняк. – К., 1997. – 262 с.
38. Грицак Я. И. Нарис історії України: Формування модерної української нації XIX – XX ст. – К., 1996. – 360 с.
39. Дмитрієнко М.Ф. Проблема традиції і суспільних стереотипів в історичній свідомості та історіографії // Історична наука на порозі XXI ст.: підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. – Харків, 1995. – С. 21.
40. Дорошенко Д.І. Мої спомини про недавнє минуле (1914–1918) // Укр. Іст. журнал. – 1993. – № 7–8. – С. 102–115.
41. Дорошенко Д. Огляд української історіографії. Державна школа: Історія. Політологія. Право. – К.: Українознавство, 1996. – 256 с.
42. Дорошенко В. Наукове Товариство ім. Шевченка у Львові (1873–1892–1912 рр.). – К., Львів, 1914. – 88 с.

Список использованных источников

43. Дорошенко Д.И. «К украинской проблеме». По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого. // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995. – С. 380–392.
44. Дорошенко Д. Славянський світ в його минулому й сучасному. У 3 т. – Берлін, 1922. – Т. 1. – 239 с; Т. 2. – 258 с., Т. III. – 263 с.
45. Драгоманов М.П. Чудацькі думки пра українську національну справу // Вибране, «... мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні». – К.: Либідь, 1991. – С. 461–558.
46. Ефименко О.Я. Історія українського народу / Під ред. Д.І.Багалія. – Вип. 1. – Харків, 1922. – 168 с.
47. Жмір В.Ф. На шляху до себе. (Етностіологічна розвідка). – К., 1995. – 112с.
48. Журба О.І. Київська археографічна комісія 1843–1921. Нарис історії і діяльності. – К., 1993. – 187 с.
49. Забужко О. Шевченків міф України. Спроба філософського аналізу. – К., 1997. – 144 с.
50. Зашкільняк Л. Методологія історії: від давнини до сучасності. – Львів, 1999. – 224 с.
51. Историография истории Украинской ССР. – К.: Наукова думка, 1986. – 55–56 с.
52. Іванко А.Б. Історики України XIX–XX ст. (нариси української історіографії). – Кіровоград, 2001. – 382 с.
53. Ісаєвич Я. Наші три відродження – не лише здобутки, але й втрати // Сучасність. – 1998. – № 12. – С. 136–143.
54. Історична наука на порозі XXI ст.: підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. (м. Харків, 13–17 листопада 1995 р.). Харків: Б.В., 1995. – 356 с.
55. Калакура Я.С. Українська історіографія: Курс лекцій. – К.: Генеза, 2004. – 496 с.
56. Касьянов Г.В. Теорії нації та націоналізму. Монографія. – К., 1999. – 351 с.
57. Когут Зенон. Коріння ідентичности: Студії з ранньомодерної та модерної історії України. – К., Критика. 2004. – 351 с.
58. Колесник І.І. Историческое сознание: феномен духовности и науки // Історія суспільної думки Росії та України XVIII – поч. XX ст. Міжвуз. Зб. наук. праць. – Дніпропетровськ, 1992. – С. 5–23.
59. Колесник І.І. Українська історіографія (XVIII – початку XX століття). – К., 2000. – 256 с.
60. Колесник І.І. Українська культура та історіографія: історія ментальностей // Укр. іст. журнал. – 2002. – № 1. – С. 26–37.
61. Колесник М.П. Історичне товариство Нестора – літописця: основні етапи й напрями діяльності (1872–1931 рр.) // Укр. іст. журнал. – 1989. – № 9. – С. 50–56.

62. Кондратюк К. Українська історіографія XIX – початку XX століття: основні напрями і концепції. – Львів, 2002. – 242 с.
63. Коцур А.П. Ідея державності в історичній думці та суспільно-політичному житті України кінця XVIII – початку XX ст. – Чернівці: Золоті литаври, 2000, – 423 с.
64. Коцур В.П., Коцур А.П. Історіографія історії України. – Чернівці, 1999, – 520 с.
65. Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХст. / Пер. з англ. – К. 1997. – 423 с.
66. Кравченко В.В. Д.И. Багалея. Научная и общественно-политическая деятельность. – Харьков, 1990. – 176 с.
67. Кравченко В.В. Нариси української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). – Харків: Основа, 1996. – 376 с.
68. Кривецький І. Українська історіографія на переломі // Записки НТШ. – Львів, 1924. – Т. СXXXIV – СXXXV. – С. 161–184.
69. Кресіна І. Українська національна свідомість і сучасні політичні процеси: (Етнополітологічний аналіз). Монографія. – К., 1998. – 392 с.
70. Крупницький Б.Д. Українська історична наука під Советами (1920–1950). – Мюнхен, 1957. – XLVI+120с.
71. Крупницький Б.Д. Історіознавчі проблеми історії України. – Мюнхен: УВУ, 1959. – 230 с.
72. Курас І.Ф., Водотыка С. Г. Академік М.Е. Слабченко // Укр. іст. журнал. – 1993. – № 11–12. – С. 92–109.
73. Левенець Ю.А. Теоретико-методологічні засади української суспільно-політичної думки: проблеми становлення та розвитку (друга половина XIX – початок XX століття). К.: Стилос, 2001. – 585 с.
74. Линниченко И.А. Малорусский вопрос и автономия Малороссии: Открытое письмо проф. М.С. Грушевскому // Украинский сепаратизм в России: Идеология национального раскола. – М. 1998.
75. Липинський В. Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму // Твори. Політологічна секція. – К. Філадельфія, 1995. – Т. 6. – Кн. 1. – 470 с.
76. Лисяк-Рудницький І. Історичні ессе. – К., 1994. – Т. 1. – 483 с.
77. Михальчук К.П. Открытое письмо к А.П. Пыпину по поводу его статей в «Вестнике Европы» о споре между южанами и северянами. (К истории отношений к украинству представителей прогрессивной части русского образованного общества). – К., 1909. – 76 с.
78. Марченко М.І. Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.). – К., 1959. – 222 с.
79. Масненко В.В. Історична думка та націотворення в Україні (кінець XIX – перша третина XX ст.). – К., Черкаси: Відлуння-Плюс, 2001. – 440 с.

Список использованных источников

80. Новіна А. Білоруський національний Рух // Літературно-науковий вісник. – 1911. – Т. 53. – С. 533–545.
81. Національне питання на Сході Європи. Матеріали й документи / Під ред. Н. Грігорііва. – Прага, 1925. – 106 с.
82. Оглоблин О. Українська історіографія. 1917–1956: Перекл. з англ. – К., 2003. – 250 с.
83. Окіншевич Л. Моя академічна праця в Україні. – Львів, 1995. – 88 с.
84. Ольжич О. Українська історична свідомість // Ольжич О. Незнакомому воякові. Заповідане живим. – К.: Фундація ім. О. Ольжича, 1994. – С. 242–356.
85. Пеленьський Я. Вячеслав Липинський – засновник державницької школи в українській історіографії // Укр. іст. журнал. – 1992. – № 2. – С. 139–141.
86. Пиріг Р.Я. Життя Михайла Грушевського: Останнє десятиліття (1924–1934). – К., 1993. – 200 с.
87. Полонська-Василенко Н. Історична наука в Україні за советської доби та доля істориків // Записки НТШ. Історично-філософської секції / Збірник на пошану українських учених знищених більшовицькою Москвою. – Париж; Чикаго, 1962. – Т. CLXXIII. – С. 7–111.
88. Полонська-Василенко Н. Українська Академія наук (нарис історії). Мюнхен, 1955. – Ч. 1. – 152 с.
89. Полянский В.С. Историческая память в этническом самосознании народов // СоцИС. – 1999. – № 3. – С. 11–20.
90. Попик В.И. Консолидация нации и проблемы трансформации исторического сознания // Диалог украинской и русской культур в Украине. Материалы IV Международной научно-практ. конф. – К., 2000. С. 214–220.
91. Потульницький В.А. Україна і всесвітня історія. Історіософія світової та української історії XVII – XX століть. – К.: Либідь, 2002, – 480 с.
92. Радько П.Г. Національні традиції державотворення в українській історіографії та політичній літературі XIX – XX ст.: концепції, ідеї, реалії. – К.: Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 1999. – 388 с.
93. Рябчук М. Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націотворення. – К., 2000. – 304 с.
94. Сарбей В. Етапи формування української національної самосвідомості (кінець XVIII – початок XXст). // Укр. іст.журнал. – 1993. – № 7–8. – С. 3–16.
95. Сохань П.С., Ульяновский В.І, Кіржаев С.М. М.С. Грушевській і Akademia: Ідея, змагання, діяльнісьць. – К., 1993. – 320 с.
96. Стельмах С. Історична наука в Україні епохи класичного історизму. (XIX – пач. XX століття). – К.: ВПЦ «Київський університет», 2005. – 378с.
97. Стороженко А.В. Малая Россия или Украина? // Малая Русь. – К., 1918. – Вып. 1. – С. 18–19.

98. Сохновський Е. Сучасна українська історіографія: реальна криза чи термінологічна плутанина // Український історик. – 2001. – Ч. 1–4. – С. 118–134.
99. Томашівський С. Історія і політика. Кілька думок із приводу книжки В. Липинського «Україна на переломі» // Хліборобська Україна. – Відень, 1921. – Кн. 3. – С. 165–170.
100. Томашівський С. Куліш і українська національна ідея // Під колесами історії: Нариси і статті. – Берлін, 1922. – С. 95–102.
101. Томашівський С. Про ідеї героїв і політику. Відкритий лист до В. Липинського з додатками. – Львів, 1929. – 133 с.
102. Удод О.А. Історія і духовність. – К.: Генеза, 1999. – 148 с.
103. Удод О.А. Історія : осягнення духовності. – К.: Генеза, 2001 – 191 с.
104. Удод О.А. Україна: філософія історії. – К.: Генеза, 2003. – 120 с.
105. Украинский народ в его прошлом и настоящем / Под ред. Ф.К. Волкова, М.С. Грушевского, М.М. Ковалевского, Ф.Е. Корша, М.И. Туган-Барановского, А.А. Шахматова – СПб., 1914. – Т. 1 – 360 с.
106. Українська суспільно-політична думка в 20 столітті: Документи і матеріали. – Б.м.1983. – Т. 1. – 510 с.
107. Українській вільній університет в Празі в роках 1921–1926. – Прага, 1927. – 236 с.
108. Филевич И.П. По поводу двух русских народностей. – Львов, 1902. – 59 с.
109. Царивный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям. С введением кн. А.М. Волконского. – Берлин, 1925.
110. Шпорлюк Р. Імперія та нації. З історичного досвіду України, Росії, Польщі та Білорусі / Пер. з англ. – К., 2000. – 354 с.
111. Ювілей акад. Дмитра Івановича Багалія 1857–1927 / Упоряд. М. Левченко. – К., 1929. – 216 с.
112. Ювілей академіка М.С. Грушевського 1866–1926. – К., 1927. – 143 с.
113. Ювілейний збірник на пошану Д.І. Багалія. З нагоди 70-річчя життя та 50-роковин наукової діяльності. – К., 1927. – 1189 с.
114. Ювілейний збірник на пошану М.С. Грушевського З нагоди 60-річчя життя та 40-роковин наукової діяльності. – К., 1928. – 492 с.
115. Яворський М.І. Сучасні течії серед української історіографії // Криза сучасної буржуазної науки та марксизм. Збірник / Укр. Ін-т марксизму-ленінізму. – Харків, 1929. – С. 18–38.
116. Яковенко Н. Кілька спостережень над модифікаціями українського національного міфу в історіографії // Дух і літера. – 1998. № 3–4. – С. 113–124.

Научное издание

Карев Дмитрий Владимирович

Белорусская и украинская историография
конца XVIII – начала 20-х гг. XX в.
в процессе генезиса и развития
национального исторического сознания
белорусов и украинцев

Редактор *В. Акудович*
Корректор *Т.Т. Смирнова*
Компьютерная верстка *О.Э. Малевича*

Издательство
«Европейский гуманитарный университет»
г. Вильнюс, Литва
www.ehu.lt
e-mail: a1605@mail.ru

Подписано в печать 01.03.2007 г.
Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура «GaramondNarrow».
Усл. печ. л. 19,5. Тираж 200 экз. Заказ № 114.

Отпечатано «Petro Offsetas»
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius